

Брина Лакина

АНАТОМИЯ ЛИНДЫ

18+

Анатомия Линды. Диалогия

Ирина Лакина

Часть I. Глава 1

Глава 1

Я вышла из операционной и стянула с головы слишком тугую шапочку. В висках пульсировало, а на лбу протянулась розоватая полоска, повторяющая края медицинского головного убора. Восемь долгих часов в операционной напоминали о себе болезненными призывами организма — хотелось в туалет, пить и есть. Люблю свою работу. Не дает шансов прожигать впустую время. Каждая секунда идет на спасение чьей-то жизни. Сегодня также — чей-то муж и отец, Гарри Уоллис проживет еще долгую и счастливую жизнь с новым митральным клапаном. Линда молодец! Так держать!

Я прошла мимо доски объявлений, и мое внимание привлекла заметка об общем собрании в конференц-зале всех заведующих хирургическими отделениями. Черт, совсем забыла. Придется идти. В эту минуту захотелось вновь стать обычным кардиохирургом, а не заведующей сердечно-сосудистым и таракальным хирургическим отделением Университетской клиники Ращ, г. Чикаго, штата Иллинойс, Соединенный штаты Америки. Общее собрание глав отделений означало для меня только одно — вести его будет шеф, Самуэль О`Фаррис. Мой Сэм. Точнее уже не мой, и это бесит.

Немного предыстории — я и Сэм вместе провели долгих два года, спасая раненных миротворцев ООН в зоне конфликта в Чаде, Африка. Я влюбилась в этого мужчину если не с первого взгляда, то со второго точно. Высокий, голубоглазый, с правильными чертами светлого лица и ежиком пшеничных волос — настоящий ирландец. Стоит только закрыть глаза, и я снова переносусь в наш полевой госпиталь, где мы творим чудеса медицины — без стерильных инструментов и в условиях нехватки обезболивающих и наркотических лекарств латаем дыры на теле наших солдат. А в редкие минуты затишья играем в бейсбол. Я, между прочим, классный питчер, а Сэм — китчер. Мы были отличной командой.

На момент нашего знакомства, у Сэма были обязательства любовного характера — перед отправкой в зону конфликта он связал себя помолвкой со своей девушкой, Сарой. Так что мне пришлось закусить губу и 24 месяца изображать из себя его лучшего друга, ну, или подругу. Теперь уже не разберешь. Я помню, как мы напивались контрабандного виски и изливали друг другу душу, сидя в походной операционной возле хирургического стола, будто это была обычная барная стойка в каком-нибудь придорожном баре «Койот».

Я видела, что Сэм равнодушен ко мне, только дура может этого не заметить — он бросал на меня полные призыва томные взгляды, порой мне казалось, что он прожигает на мне дырки в том самом месте, где анатомически расположилась моя грудь и попа. Да, спиной я тоже ощущала его горячие взгляды. Он подавал мне руку, когда мы выпрыгивали из вертолета, приоткрывал для меня штору палатки, слишком крепко и дольше чем требуется сжимал меня в объятиях после удачной подачи мяча, несколько раз пытался поцеловать, будучи нетрезвым. В остальном он, как порядочный человек, сохранял дистанцию. Если бы тогда я могла — я бы не раздумывая вернулась в штаты, но контракт был подписан с армией, а они не привыкли менять решения и отступаться. Поэтому пришлось мне стоически переносить все муки неразделенной любви при 40 градусах в тени.

Сэм уехал первый. Его контракт закончился раньше моего на два месяца. Была прощальная вечеринка возле уже известного операционного стола, слезы расставания и его горячие ладони, сжимающие мою задницу. В тот вечер Сэм в первый и последний раз

поцеловал меня. Я не двинула ему только потому, что сама была пьяна, и мне это понравилось... Да, черт бы его побрал! Сэм мастерски умеет сжимать в руках задницу. А еще он чемпион по французскому поцелую.

За неделю до окончания срока моей службы я получила от него письмо. Он сообщал, что устроился на работу шефом хирургии в Университетскую клинику в Чикаго и ему нужен заведующий кардио. А еще, что он разорвал помолвку с Сарой.

Сказать, что в тот момент я готова была взлететь — это будет слишком скупо, чтобы описать те эмоции, которые меня переполнили. Мало того, что он теперь свободен, так еще и зовет поработать с ним в одной команде. Это ли не прямое доказательство его ответных чувств? Верно. Так и есть. Точнее, я так и подумала. Вы бы тоже так подумали, правда?

Я не раздумывая ответила ему согласием, тем более, что сама уже начала задумываться о своем будущем после армии. Семьи у меня не было, как и обязательств перед работодателями. Так что я начала паковать чемоданы, заказав билет до Чикаго.

И вот, в начале сентября 2010 года я оказалась здесь. Я сняла себе небольшую квартиру на Полк-стрит, напротив парка Ливингстон Филд, чтобы не думать о времени на дорогу до работы. Больница была в паре кварталов от меня. Квартира была маленькая, но уютная — студия с просторным эркером, на втором этаже пятиэтажного здания. Окна выходили на парк, так что я была вполне довольна.

К сожалению, мой первый же рабочий день принес мне жуткое и болезненное разочарование. Я летела в кабинет к Сэму, сделав умопомрачительный макияж и прическу, не забыв при этом нанести на кожу несколько капель любимого аромата «Givenchy». Я надела неудобные, но очень сексуальные туфли-лодочки с открытым носом и на двенадцатисантиметровой шпильке. Туфли были очень узкие и через полчаса ходьбы я уже молилась, чтобы скорее состоялась моя встреча с Сэмом, а затем я бы могла с облегчением снять их в какой-нибудь из подсобок для персонала. Открыв дверь в его кабинет, я замерла с открытым от удивления ртом. Сейчас мне жутко стыдно за ту сцену. Я все смотрела на то, как он лапает и облизывает лежащую под ним на письменном столе жгучую брюнетку, и никак не могла закрыть рот. Чертов рот просто отказывался закрываться. Мои щеки налились, словно спелые красные яблоки, и я пулей выскочила за дверь.

Сердце колотилось так, словно я пробежала марафон. Так я узнала, что у Сэма появилась Марго — подающий надежды врач-ординатор из нейрохирургии, доктор Маргарита Сансет. Марго была миниатюрной и невероятно привлекательной девушкой с филиппинскими корнями — об этом свидетельствовал ее загорелый цвет кожи и продольный разрез кошачьих глаз. Через минуту Марго вышла из кабинета, поправляя на себе халат, и низким сексуальным голосом сообщила мне, что шеф О`Фаррис готов меня принять.

Я с трудом выдавила из себя «спасибо» и вновь вошла. Попытка номер два.

Сэм выглядел немного растерянным, но, все же, завидев меня, расплылся в широкой улыбке, оголив свои ровные и белоснежные зубы.

— Линда! Наконец-то! Рад видеть тебя! — он встал из-за стола, подошел ко мне и крепко обнял, словно и не заметил ужаса в моих глазах, когда я застучала его с подчиненной.

— Я тоже рада тебя видеть Сэм. Вот я здесь! — Я аккуратно отстранилась от него и натянуто улыбнулась.

— Что ж. Сперва тебе нужно зайти в отдел кадров, он находится на минус первом этаже. Я пришлю к тебе туда доктора Миранду Лэйк, она введет тебя в курс дела. Миранда

была исполняющей обязанности заведующего отделением. Так что она, как никто другой, сможет помочь тебе войти в рабочий ритм на первых порах.

— Это все? — спросила я.

— Ну...да. Принимай отделение.

— Окей.

Я уже схватилась за ручку на двери, чтобы выйти, как Сэм вновь подал голос.

— Линда, я рад, что ты в моей команде. Спасибо, что приняла мое предложение!

— Я тоже рада, Сэм. — Ответила я и поспешила покинуть его кабинет, опасаясь разрыдаться у него на глазах.

Прошел месяц с того дня. Я старательно пытаюсь избегать всяческих встреч с Сэмом. Правда в столь узком пространстве это удастся не всегда. К тому же он мой босс. Больше, чем встречи с ним, меня бесят только встречи с ней — с Марго.

Они оба выглядят довольно счастливыми. Даже до нелепого счастливыми. Держатся за руки и прячутся на лестничных пролетах, как школьники.

Мне, если честно, очень хочется уволиться. Но для этого нужна веская причина, а ее пока нет. Будет глупо выглядеть, если я вот так, ни с того, ни с сего, напишу заявление об уходе. Как обиженная девчонка. Я не девчонка. Я хирург. Заведующая сердечно-сосудистым и торакальным хирургическим отделением. Язык сломаешь, пока выговоришь.

И вот сегодня после сложной и долгой операции, вместо того, чтобы пойти домой, разогреть пиццу и смотреть шоу Бенни Хилла по телеку, мне придется идти на общее собрание и целый час, а то и больше, наблюдать его физиономию. Рассматривать его мужественный профиль, скользить взглядом по его широким плечам и крепким ладоням, тем самым ладоням, которые так страстно сжимали мою задницу. А еще слушать его глубокий голос с характерным для ирландцев акцентом. Целый час самобичевания. Держись Линда.

Стиснув зубы, я разворачиваюсь в противоположную от выхода из здания сторону и решительно направляюсь к конференц-залу. Хирурги не могут быть нерешительными. Даже если болит душа, даже если внутри все очень паршиво. Что ж, придется мне это пережить.

В конференц-зале собрался почти весь руководящий состав. Увидев Майка Доуна и Келли Роттерман, я немного удивилась. Представители правления на рядовом заседании глав отделений? Вывод — это не рядовое собрание. Случилось что-то важное. Я пожала руку всем сидящим, а затем заняла последнее свободное место за широким овальным столом для переговоров. Не было только Сэма.

— Линда, как дела?

Я повернула голову на источник голоса и увидела Джорджа — главу общей хирургии. Джордж представлял из себя образчик мексиканской мужской красоты — коренастый, немного приземистый, широкоплечий с иссиня-черными волосами, на которых блестел неизменный гель для укладки. Я поморщилась. Этот пижон слишком много внимания уделял своей внешности. Джордж знал, что он красавчик, и решил, что теперь все женщины мира по умолчанию просто обязаны упасть и отжаться, завидев его. Его глубоко посаженные синие глаза в обрамлении длинных черных ресниц ехидно улыбались мне, посылая совершенно неоднозначные сигналы. Джордж почему-то утвердился во мнении, что я к нему воспылала любовью, а моя холодность — следствие природной застенчивости. И вот которую неделю он не дает мне прохода, при каждом удобном случае заводя со мной светскую беседу и смазливо улыбаясь.

— Привет, Джордж. У меня все окей. Спасибо за заботу. — Я скривила рот в ироничной улыбке и отвернулась от него.

— Не спросишь, как у меня дела? — он явно не собирался отступать.

— Полагаю, лучше всех! — ответила я, не поворачивая головы.

— Точно! Ты просто маг-профессионал, читаешь мысли!

Боже! Меня сейчас стошнит. Маг-профессионал — это что, комплимент? Заткнись уже, напوماженная задница.

Это все я, конечно, подумала про себя, а вслух сказала:

— А еще я летаю на метле и ворую души невинных детишек.

Джордж и еще пара коллег, сидящих рядом и слышавших наш диалог, рассмеялись.

— Линда, да ты ведьма! — продолжил было Джордж, но в этот момент в зал вошел Сэм. На этот раз я совершенно искренне была рада его видеть. Он спас меня от необходимости продолжать общение с этим напыщенным индюком.

Вообще-то, Джордж вполне верно подметил, назвав меня ведьмой. Иногда я сама себе такой казалась. Еще бы — природа наградила меня насыщенным зеленым цветом глаз и медными, почти бордовыми волосами. У меня была густая шевелюра. Для того, чтобы высушить ее после душа, требовалось не менее получаса работы феном и полотенцем. Я давно не стригла волосы и они отрасли почти до поясницы. Еще одной проблемой был тот факт, что моя копна жгучих рыжих волос совершенно не переносила влагу — стоило мне выйти на улицу после дождя или во время тумана, как мои идеально вытянутые горячим утюжком прямые волосы завивались в тугие завитки. Как и любая девушка с вьющимися волосами, я завидовала тем красавицам, у которых от природы были длинные прямые пряди. А они завидовали мне. Вечное противостояние.

Итак, я мысленно поблагодарила Сэма за то, что появился в самый подходящий для меня момент и вся превратилась в слух. Сэм встал возле своего кресла во главе стола,

положив на его спинку правую руку. Затем кивком головы поприветствовал всех присутствующих.

— Добрый вечер, коллеги! Спасибо, что пришли. Сегодня на нашем собрании я рад приветствовать Майка и Келли, членов правления нашей больницы. И они здесь не случайно. У правления для вас есть новости.

Сэм сел в кресло и жестом дал слово Майку. Я немного напряглась. Редко бывало так, чтобы правление приходило в хорошими новостями. Обычными темами их сообщений были сокращение бюджета, сокращение издержек, сокращение штата....В общем, первым словом всегда шло «сокращение». Кого или что на этот раз, подумала я, наблюдая, как Майк встает со своего места и идет в центр к Сэму.

— Добрый вечер! — начал Майк. — Всем вам должно быть известно о тех финансовых трудностях, которые переживает наша больница в последнее время.

Ну, точно, С-О-К-Р-А-Щ-Е-Н-И-Е! Кто бы сомневался? Я ухмыльнулась.

— К сожалению, мы не можем себе позволить держать в штате хирургов, имеющих ученую степень. Нам просто нечем платить им зарплату. Мы долго искали выход из этой ситуации, и, похоже, нашли. Доктор О`Фаррис предложил нам заменить по одному хирургу со степенью в каждом отделении на хирурга, вернувшегося со службы в вооруженных силах. У шефа есть на примете несколько человек. Заменяв всего по одному человеку в каждом отделении, мы сможем существенно сократить расходы на оплату труда. К тому же, нам удастся сохранить штат в общем, а следовательно и репутацию, и поток пациентов. Келли продолжи, пожалуйста.

Майк откашлялся и вернулся на место. Келли Роттерман, не вставая с места, продолжила нести в массы новую идеологию правления.

— Завтра утром я жду от каждого из вас список кандидатур на замену. Вы должны определиться с двумя-тремя самыми неэффективными на ваш взгляд врачами. Окончательное решение примет совет правления.

Да уж, подумала я. Неэффективные врачи с ученой степенью. Она хоть слышит себя? Я с таким трудом удерживаю в штате своих именитых подчиненных, которым в сутки приходит по несколько предложений о смене места работы, а теперь я своими руками должна обескровить собственное отделение? Радует только тот факт, что на их место придут профессионалы. Уж я — то знаю, из какого теста слеплены люди, идущие в армию. Возможно, они не проводят медицинских исследований и не сыплют инновациями, но все они преданы своему делу, они с закрытыми глазами вырежут аппендицит и разберутся с аневризмой. Молодец, Сэм.

— Если у вас нет вопросов, то у нас все. — Келли бросила взгляд на Сэма.

— Есть еще кое-что. Поскольку наши новые сотрудники только-только вернулись из зоны боевых действий, им придется пройти месячный курс психологической помощи. С завтрашнего дня в нашей больнице с ними будет работать военный психолог. Его цель — помочь нашим людям адаптироваться к мирной жизни и мирной работе. Ваша цель — всячески ему помогать.

Вот оно что — подумала я, еще психолога мне тут не хватало. Того и гляди, правление вспомнит, что я не проходила этот курс и решит исправить эту оплошность. Терпеть не могу, когда кто-то посторонний промывает мне мозги.

— Завтра все вы сможете познакомиться с ним лично. Сегодня же я только скажу, что доктор Дерек Мидлтон профессионал, имеющий опыт работы с военными врачами в Ираке.

На этом все. Можете быть свободны.

Сэм закончил и первым вышел из конференц-зала.

Я громко постучала в дверь кабинета Сэма. Не хочу повторения той сцены. Если он там обжимается с этой мулаткой — пусть сворачивает свою сексуальную деятельность. Я пришла.

Так, можно заходить. Театральную паузу выдержала. Я открыла дверь и заглянула внутрь.

— Можно?

Сэм поднял голову от кипы бумаг на своем столе и расплылся в улыбке.

— Линда! Конечно, входи!

Я послушно вошла и встала в центре кабинета.

— Я пришла сообщить тебе, что правление остановило свой выбор на Эллис Пак. Она уже подписывает бумаги в отделе кадров. Так что в моем отделении место свободно. Когда я увижу нового хирурга?

— Присядь. У меня такое чувство, что ты от меня прячешься.

Сэм указал рукой на узкий офисный диван, обтянутый черной кожей.

На кожаные диваны, значит, у них деньги есть, а на ученые кадры нет. Я недовольно поморщилась, но все же села, и по привычке положила ногу на ногу, забыв, что я не в камуфляжных штанах, а в короткой юбке, скрытой подолом белоснежного халата. Сэм скользнул взглядом по моим длинным ногам с подкаченными икрами, затем нервно сглотнул. Отлично. Так тебе и надо, кобель. Пускай теперь слюни!

— Сэм, у меня мало времени на пустые разговоры. Давай к делу. — Я поправила на переносице очки и посмотрела на него исподлобья.

— Я тебя не узнаю. Где мой лучший друг? Куда он спрятался? Ку-ку, Линда? Я знаю, ты где-то здесь, выходи из своего укрытия, подлый трус!

Я улыбнулась. У Сэма было прекрасное чувство юмора. А еще пухлые губы и пронзительные глаза. Я поймала себя на мысли, что смотрю прямо ему в рот. Не сложно догадаться, что в этот момент мое тело отказывалось меня слушать. Я заерзала на диване, пытаюсь унять теплое жжение внизу живота.

— Сэм, прекрати дурачиться. Я никогда не была тебе другом, и если ты это никак не поймешь — тебе же хуже!

Ну, все. Мой проклятый язык, чтоб его....Сдалась без боя. Полная капитуляция. Идиотка!

Шеф округлил от удивления глаза, а его широкие брови поползли вверх. Он несколько раз открывал рот в попытке что-то сказать, но сразу же отказывался от этой затеи. Мне стало неловко.

— Ладно, не бери в голову — буркнула я, — просто тяжелый день.

Я сняла очки и начала вертеть их в руках, пытаюсь скрыть неловкость.

— Я...Я... — Подал голос Сэм, — Но, Линда! Почему ты никогда раньше мне этого не говорила? Боже!

Он вышел из — за стола, и начал ходить туда-сюда по кабинету. Я поняла, что объяснений не избежать. Ну и ладно. Есть шанс, что мы серьезно повздорим, и тогда у меня появится веская причина для увольнения. Так даже лучше.

— Не прикидывайся прыщавым юнцом, Сэм. Только слепой и глухой не догадался бы!

Ты хватал мою задницу и демонстрировал мне мастерство французского поцелуя. И, заметь, я не врезала тебе тогда по роже. Как думаешь, почему?

— Но почему ты никогда не говорила мне о своих чувствах?

— Да потому что ты был помолвлен!

Я встала и скрестила руки на груди. Сэм остановился и посмотрел на меня.

— Ты всегда мне жутко нравилась, но я не решался заходить далеко....Я думал, что ты относишься ко мне по-сестрински, к тому же, я не мог так поступить с Сарой.

— Ты поступил так со мной. Я очень рада за тебя и Марго!

Мои зеленые глаза блеснули совсем не добрыми искрами.

— Мне кажется, ты сравниваешь то, что нельзя сравнивать. — Ответил мне Сэм.

— Окей. Как скажешь. Куда мне до нее? Действительно, чего это я размечталась?!

Я иронизировала и язвила, и с каждой секундой заводилась все больше. Остановить меня теперь мог только срочный вызов или, на худой конец, цунами. Правда, в Чикаго, это маловероятно. Так что я с надеждой посмотрела на свой рабочий пейджер. Молчит, предатель.

— Линда! Мне очень жаль, что из-за недосказок и недомолвок мы потеряли наш шанс. Если бы я знал наверняка, я бы...

— Ты бы что? Немедленно послал Саре прощальную открытку? Да ни за что на свете ты бы так не поступил! Ты же у нас джентльмен! Гадости говоришь только лично и только в глаза!

— Я не заслужил такого отношения к тебе. Я по-прежнему твой друг.

Внутри у меня все кипело. С этим нужно заканчивать.

— Спасибо. Я не нуждаюсь в твоей дружбе. И вычеркни меня, пожалуйста, из списка приглашенных на вашу свадьбу.

Сэм удрученно покачал головой, словно я была непослушным ребенком, которому нужно пригрозить пальчиком, поставить в угол, а затем прижать к себе и поцеловать в макушку в знак примирения.

— Линда!

— Сэм! Не дави на меня. Я не могу дружить с мужчиной, которого люблю! Не заставляй меня страдать еще больше. Просто постарайся избавить меня от своего общества. По возможности.

Мои глаза заблестели, еще минута и из меня хлынет соленая вода. Не смей, Линда! Соберись, тряпка.

Сэм нахмурился и опустил голову. Через несколько секунд он вернулся за стол, вальяжно расположившись в своем кресле.

— Ваш новый хирург, доктор Аманда Хофф, приступит к работе завтра утром. Аманда служила со мной в Ираке, она отличный хирург-травматолог, но еще более талантливый кардиохирург. Я думаю, вы отлично работаетесь. Аманда закончила медицинский в Гарварде, и до поступления на службу в армию, работала в Пресвитерианской больнице Сиэттла.

Я сжала кулаки и молча кивнула. Затем резко развернулась и вышла в коридор административного этажа больницы. Злость душила меня. Он что, решил перетащить к себе под крыло всех своих армейских баб?! Катись к черту, Самуэль О` Фаррис!

Перед глазами все плыло. Я зажмурилась и сделала несколько шагов. Через секунду я почувствовала толчок и чью-то тяжелую ногу на моей ступне. Открыв глаза, я увидела перед

собой молодого мужчину в сером деловом костюме, который виновато развел руки.

— Простите! Я не ушиб вас? — Он посмотрел на меня участливым взглядом, и я немного оттаяла. — Я не заметил вас, мне жутко неудобно.

— Ничего страшного. Мне нужно смотреть перед собой, а не витать в облаках. — Я поправила халат и выдавила из себя доброжелательную улыбку. По крайней мере, постаралась, чтобы она выглядела как доброжелательная.

Мужчина улыбнулся мне в ответ и протянул руку.

— Дерек!

Я пожала ее и ответила.

— Линда.

— Очень приятно, Линда! Я ищу кабинет шефа, не подскажете где он? Я армейский психолог, буду работать с демобилизованными врачами.

А, вот оно что. Тот самый Дерек. Врачеватель душ. Я с трудом сдержалась, чтобы не сжать губы в презрительной гримасе. Лишь бы ты, Дерек, до меня не добрался — тогда тебе точно не поздоровится. Я кусаюсь. Осторожно, злая собака! То есть Линда.

— Вы в двух шагах от нужной двери. К тому же, вам повезло — шеф на месте. Удачи!

Я постаралась мило улыбнуться и, не дожидаясь, его благодарностей отправилась восвояси.

Часть I. Глава 4

Глава 4.

Я залпом опустошила стопку с виски и жестом дала понять бармену, чтобы он повторил напиток.

— Послушай ты меня — тебе нужна сексуальная игрушка! Ты напряжена, озлоблена... Я уверена, если какой-нибудь привлекательный мужчина хорошенько тебя накажет — ты мигом подблещешь и выкинешь из головы этого придурка Сэма. — Миранда, или просто Мэнди, опустошила свою стопку и хихикнула, прикрыв рот рукой.

Миранда — таракальный хирург, спец по легким, мы сразу с ней подружились. Увидев ее короткую светлую стрижку-каре и добрые серые глаза в свой первый рабочий день, я подумала, что с этой девчонкой здорово будет посидеть в каком-нибудь злачном месте и выпить. С того дня мы регулярно помогаем бару «Мемфис» на углу Огден-Авеню и Харрисон — Стрит делать выручку. Я не прогадала, выбрав Мэнди в собутыльницы.

Ну и кто же это, по-твоему?

Я повернулась к ней и хитро прищурилась.

— Да хоть Луис из приемного. Он смотрит на тебя, как кот на сметану.

— По нему беговая дорожка плачет. Ты видела, какое он себе пузо отрастил? — Я сморщилась и руками изобразила шар напротив своего живота.

— Э-м-м, тогда Джексон из радиологии. У него такие ресницы... Просто отпад!

— Мэнди, Джексон гей! — Я засмеялась. А подруга округлила от удивления глаза и открыла рот.

— Иди ты!

— Точно тебе говорю.

— Не могу в это поверить! — Она покачала головой и скривила лицо, изображая грусть-тоску. — Все более или менее красивые мужики геи. Господи, где твоя справедливость? — Она закатила глаза и подняла руки, вопрошая у потолка бара.

— Я застала его с медбратом с третьего этажа в подсобке.

— О.Мой. Бог! Это потеря для всего женского сообщества. Мы скорбим. — Мэнди взяла с барной стойки очередную стопку и подняла ее, намереваясь сказать тост. — За нормальных мужиков!

— За мужиков! — Я чокнулась с ней своим стаканом и выпила. Ледяная жидкость обожгла мое горло, и я прокашлялась.

— Что ж, остались красавчик Джордж и Кевин из педиатрии. Я голосую за Кевина. Он, возможно, никогда не прошел бы кастинг на съемки каталога нижнего белья, но зато у него крепкие руки и сочные губы. Думается мне, целуется он просто супер!

— Кевин женат. Он носит кольцо на цепочке и прячет его под робой.

— Вот козел! — Мэнди вновь с удивлением посмотрела на меня. — Да он полбольницы перетрахал! И как только земля таких носит! Но как ты заметила кольцо?

— Случайно, я оперировала вместе с ним новорожденного ребенка с ГЛОС. Когда мы мыли руки, он слишком низко наклонился к крану — цепочка с кольцом выпала из-под одежды.

— Тогда без вариантов. Бери Джорджа. Он, конечно, смазливая метросексуальная задница, но для снятия напряжения, думаю, сработает.

Я поморщилась.

— Даже если он останется единственным мужиком на белом свете — ни за что! Я лучше переметнусь под радужные знамена.

— Чур, тогда я первая претендентка на твою руку и сердце!

Мы засмеялись. Я была благодарна этой девушке. Оказавшись в чужом городе с разбитым сердцем, я, наверное, сошла бы с ума. Если бы не Мэнди. Спасибо тебе, Господи за Мэнди! За Миранду Лейк — потрясную подругу и достойную собутыльницу.

Колокольчик на двери бара возвестил о новом посетителе, и мы с Мэнди, не сговариваясь, одновременно обернулись. В зал вошел Дерек Мидлтон. Тот самый Дерек. Он сменил строгий деловой костюм на вязаный свитер с горлышком, плотные синие джинсы и кожаную куртку. Увидев меня, он приветливо помахал рукой. Я нехотя улыбнулась и помахала в ответ. Мужчина просиял и направился прямо к нам.

— Кто этот божественно сексуальный жеребец, Ли? — Мэнди наклонилась ко мне и зашептала своим дыханием моему уху.

В этот момент Дерек подошел к стойке и протянул моей подруге руку.

— Дерек!

— Миранда.

Она расплылась в широкой белоснежной улыбке и призывно провела рукой по волосам. Мне даже показалось, что она приоткрыла на мгновение рот и облизнулась. Этого стоило ожидать. Мэнди, как и я, была одна, а Дерек при ближайшем рассмотрении оказался весьма недурен собой. Он словно сошел с обложки мужского журнала — линии и формы тела пропорциональны, под рукавами свитера и штанинами брюк просматриваются накаченные мышцы, у него мужественные черты лица — прямой нос, волевой подбородок, широко посаженные карие глаза, высокий лоб, голову венчает копна темно-русых волос, подернутых на висках первой сединой. Седина придавала ему особый шарм. Складывалось впечатление, что он умный, порядочный и уверенный в себе — настоящий мужик, одним словом.

Я скользнула взглядом на его руки в поисках кольца и, не обнаружив его там, незаметно для себя самой, удовлетворенно выдохнула. Мое внимание привлекли его широкие запястья и ладони с пульсирующими венами, которые вздымались, словно трубы. Такие руки должно

быть очень крепко сжимают задницы. Уголки моего рта поползли вверх.

— Очень приятно!

Он пододвинул себе стул и уселся за стойку с моей стороны. Мэнди загадочно подмигнула мне.

— Как прошла встреча с шефом? — Я повернула к нему голову и начала беседу.

— О, все отлично. Спасибо. Утрясли все вопросы по моему контракту. Сегодня провел первые пару сеансов для новичков из травмы. Крепкие ребята.

— Ясно.

— Дерек, а вы к нам надолго? — Мэнди выглянула из-за моего плеча и одарила его своей очаровательной улыбкой.

— На месяц. Третьего ноября заканчивается контракт, и я отправлюсь дальше.

Мэнди обиженно надула губки.

— А дальше — это куда?

— О, это зависит от командования. Я себе не принадлежу до первого января. У меня обязательства перед армией Соединенных Штатов.

— Какая жалость.... — пролепетала моя подруга, закусив губу, — только на горизонте появится стоящий мужчина, как тут же возникает какое-нибудь препятствие непреодолимого характера, в виде нашей доблестной армии, например.

Дерек отвел взгляд и смущенно улыбнулся. Я мысленно отшлепала болтушку-Мэнди за ее прямолинейность.

— Текилу, пожалуйста! — сказал Дерек бармену, обратившему свое внимание на нового гостя, а затем повернулся ко мне. — Вы позволите вас угостить?

Я кивнула.

— И девушкам повторите.

Мэнди ширнула меня локтем в бок и захихикала. Я посмотрела на нее своим фирменным убийственным взглядом, после которого подруга развела руками и перевела взгляд на ряд бутылок на стеклянной стене за барной стойкой.

— Вы, как я понял из беседы с шефом, тоже недавно вернулись из горячей точки?

Дерек выпил текилу и посмотрел на меня так, что у меня слегка задрожали колени. В его взгляде читалось уважение и восхищение, а еще что-то хищное, животное... Это что-то и заставило меня занервничать. К тому же я откровенно была раздосадована тем фактом, что Сэм все-таки поставил его в известность о том, что я не проходила еще курс психологической реабилитации. Мне стало не по себе. Если этот жеребчик будет копать в моих мозгах, дело может кончиться плохо. Очень плохо. Меня трудно расколоть на откровенные беседы, но уж если кому и удастся — то этот человек сможет вертеть мной налево и направо. А еще я влюбчивая, аж бесит. Мой мозг простроил вариант развития событий, и я сглотнула — выложить ему свою душу, затем втрескаться в него, а потом помахать ручкой с вокзала. Мол, бай-бай, любимый! Долг зовет! Тебя ждут новые Линды в новых больницах!

— А это имеет какое-то значение? — ответила я, стараясь говорить как можно более равнодушно, но внутри напряглась, готовясь к обороне.

— Да нет, просто интересуюсь. Не часто встретишь женщину-хирурга, которая решила пойти на службу в горячую точку.

— Это самая лучшая школа. А я хочу быть самым лучшим хирургом.

— Похвально.

— Спасибо.

Дерек поставил пустой стакан на стойку и туда же бросил двадцатку.

— Что ж, Линда. Спасибо за компанию. Увидимся на работе.

— Спасибо за выпивку, Дерек!

Он кивнул сначала мне, затем Мэнди и ушел. Я поймала себя на мысли, что пялюсь на то, как двигаются мышцы на его заднице. Черт. Мне определенно пора расслабиться.

— У меня шансов ноль — немного заплетающимся языком пробурчала моя подруга, провожая Дерек томным взглядом. — А вот ты будешь полной дурой, если прохлопаешь его своими длинными ресницами.

Она больно ткнула меня пальцем между ребер, и я ойкнула.

— Мэнди, перестань! Это самоубийство. Он уедет через месяц.

— Он просто пожирает тебя глазами. Он сражен, поражен и убит твоей умопомрачительной мордашкой. Да и тебя здесь никто не держит.

Я задумалась над ее словами. Меня в Чикаго действительно никто и ничто не держало. Сэм благополучно связался с Марго, а желающих на мое место хватало. Пожалуй, доля правды в словах Мэнди действительно была. Вопрос в том — захочет ли Дерек, чтобы я с ним уехала?

Часть I. Глава 5

Глава 5.

Я протянула только что вымытые руки перед собой и Сара, операционная сестра, ловко натянула на них длинные хирургические перчатки. Я благодарно кивнула и подошла к столу. С другой стороны стола уже стоял Сэм и сверлил меня взглядом. Я отвернулась и позволила Саре надеть мне на лицо стерильную маску. Этот мужчина не увидит на моем лице ни одной эмоции.

— Том Джекобсон, сорок два года. Сочетанная травма в области таза и огнестрел в левый желудочек. Показатели низкие. — Сэм озвучил мне диагноз пациента, лежащего на столе, и приступил к работе. — Скальпель на десять, пожалуйста.

Я опустила глаза на операционное поле и взяла в руки отсос.

— И как его так угораздило? — спросила я, не поднимая головы.

— Грузчик, нарвался на неприятности — увидел, как шайка амигос выносит квартиру. Его столкнули с лестницы и выстрелили несколько раз в спину. Две пули прошли на вылет, ничего не задев, а третья угодила прямо в сердце. Чудо, что он жив и лежит на нашем столе.

Да уж, точно чудо, подумала я. Держись Том. Ты в хороших руках.

— Пролет 2:0, пожалуйста — Сэм проворно работал руками, освобождая мне путь к сердцу.

— Как у тебя дела? Привыкла уже? — он на мгновение поднял на меня взгляд, и я увидела, что его глаза улыбаются.

— О, да! Спасибо за заботу.

— Друзей себе нашла?

— Ну, мы с Мирандой ходим в бар и все такое...

— Отлично. А как с друзьями мужского пола? — Сэм приподнял брови, но взгляд от операционного поля не оторвал. Уверена — под маской он скорчил гримасу ревнивца. Что ж, не буду его разочаровывать.

— Ты должен был уже понять, что я не умею дружить с мужчинами. Я не согласна на части, мне нужно целое.

— Больше тампонов, Сара!!! — Сэм повысил голос, и это не осталось незамеченным. Сара бросила сначала на меня удивленный взгляд, а затем на Сэма. Лендон Брибидж, наш анестезиолог, даже привстал со своего стула. Я слегка покачала головой, и бросила на него умоляющий взгляд, призывая не акцентировать внимания на приступе ярости Сэма. Он понимающе кивнул и уселся на место.

Признаться, в душе я обрадовалась. Он психует. Мое эго немного успокоилось.

— Я думал, что для настоящей дружбы не важен пол твоего друга. Отдает сексизмом.

— Брось Сэм. Это наша природа — видеть в человеке прежде всего сексуального партнера, а потом уже друга. Ты же врач. Ты не можешь отрицать, что наша жизнь подчинена инстинктам. И продолжение рода — один из основных. У меня все в порядке с ориентацией. У тебя, я полагаю так же. Так что я могу тебя заверить — если двое, мужчина и женщина, играют в друзей — кто-то один из них хочет другого.

— Тогда это чистой воды лицемерие!

— Лицемерие — это хотеть одного человека, а связать себя помолвкой с другим. И два года морочить мозги тому, кого ты хочешь на самом деле. А потом, заполучив свободу, кинуться за первой попавшейся юбкой... хм, или брюками!

Он завел меня. И это факт. Я запустила свои руки внутрь пациента, нащупала разрыв ткани и принялась накладывать шов. Лендон и Сара делали вид, что ничего не происходит.

— Тогда возникает вопрос в трактовке понятия дружбы? — Сэм не собирался отступить. Упрямый ирландец.

— В моем понимании дружба — это держать волосы над унитазом, когда другу плохо, это искупать его, находящегося в отключке, это подставить плечо, когда он убит безответной любовью, это спать в одной кровати после вечеринки, потому что дом набит народом и все спальни забиты до отказа, это быть его контактным лицом в медицинской карте, это знать, что ты можешь довериться, даже если ограбил банк. Дружба настолько интимное понятие, что если дружишь с мужчиной — неизбежно либо сама почувствуешь близость, либо он ее почувствует. И тогда ни о какой дружбе речи уже нет.

Я замолчала. Посмотрев на его лицо, наполовину скрытое под маской, я заметила, как не его лбу пролегла глубокая складка. Сэм хмурился, обдумывая свой ответ.

— Зажим, пожалуйста!

Я поставила зажим и взглядом дала ему понять, что он может заняться суставами пациента.

— Мне казалось, мы дружили.

— Ага. А теперь ответь мне абсолютно честно — если бы ты оказался со мной в одной постели, ты бы по-прежнему считал себя моим другом? У тебя бы не участилось дыхание, не ускорился бы пульс, не появилась бы сухость во рту? Смог бы ты удержать на расстоянии свои руки?

Сара хихикнула и поспешила отвернуться, делая вид, что раскладывает инструменты. Лендон посмотрел на нас исподлобья, а затем вернулся к своему кроссворду.

— Линда, я... Я не знаю, как бы я поступил, оказавшись с тобой в одной постели, но я ни за что бы тебя не сдал, обчисти ты банк.

— Вот! Вот и я о том — черта с два ты бы держал себя в узде. А твои слова о преданности — ни что иное, как побочный эффект влюбленности. Любящие друг друга люди тем отличаются от «просто друзей», что помимо всего того, что я тебе перечислила про волосы, отключку и банк, они еще занимаются сексом.

— Ладно. По-твоему, я два года был тайно в тебя влюблен?

— Почему же тайно? Очень даже явно.

— И это решила только потому, что в твой последний день я выпил лишнего и поцеловал тебя?

У меня задергался глаз. Ей-Богу! Чертов глаз начал дергаться так, будто у меня случился нервный тик. Поаккуратнее, Сэм! Что значит, я решила? Что ты хочешь сказать? Ты просто был пьян и поцеловал бы даже жабу, окажись она на моем месте? Я на несколько секунд потеряла возможность дышать. К горлу подкатили слезы.

— Ты ведешь себя низко. Пару дней назад ты сам сказал мне, что я тебе всегда нравилась, но ты не решался заходить далеко. — Я процитировала его слова и бросила на него взгляд, полный непонимания и гнева.

— Не решался потому, что не так уж сильно нравилась!

Я чуть не уронила отсос, услышав эти слова. Прости Том. Ты, конечно, ни в чем не виноват.

— А, вот оно что. Ну ок, из нас двоих, видимо, я одна могу вести себя честно и открыто — это я тебя хотела.

— Хотела? — Сэм поднял взгляд, и я заметила, как он прищурил глаза в усмешке.

— Именно. В прошедшем времени. Потому что теперь я хочу другого мужчину.

— И кого же? Джорджа? Не смей меня, Ли!

— Дерек Мидлтон пригласил меня на ужин.

Я сглотнула. И как только я могла выдать столь откровенную ложь, даже не моргнув? Слава Богу, маска все еще скрывала мое лицо, которое залилось пунцовым цветом.

— Дерек? — Сэм явно был обескуражен.

— А что в этом удивительного? — я пожалала плечами. — Так, давайте проверим, как держится анастомоз.

Я сняла зажим и замерла над внутренностями Тома Джекобсона — не хватало сейчас только кровотечения. Мне жутко хотелось поскорее покинуть эту операционную, чтобы не допустить разрастания моей лжи до масштабов новостей на BBC.

— В том то и дело, что это не удивительно. На твоём месте, я бы не стал возлагать на него больших надежд. Этот мужчина не приспособлен к длительным отношениям. Он же перекати-поле!

— Но ты не на моем месте. И я не вовсе не обязана остаток своей жизни провести в Чикаго. Тебе не приходило в голову, что меня здесь ничего не держит? — Я вскинула бровь и посмотрела на него. — Тем более у Дерека контракт с армией только до нового года, а потом он сможет выбрать себе постоянное место работы.

— Как знаешь, Ли.

Сэм отвернулся от меня и принялся закрывать грудную клетку. В моих услугах здесь больше не нуждались. Всего тебе хорошего, Том. Не попадай больше в переделки.

Я сняла маску, а затем перчатки, и вышла в коридор. Мое лицо все еще пылало. Не успела я сделать и пары шагов, как услышала за спиной знакомый приятный голос с хрипотцой.

— Линда!

Я остановилась, глубоко вздохнула и обернулась.

— Дерек! Рада тебя видеть! — Я расплылась в улыбке.

— Ты не хочешь завтра со мной поужинать?

Я заморгала ресницами, а мое лицо еще сильнее залилось краской. Точно, ведьма. Линда — ты самая настоящая ведьма.

Часть I. Глава 6

Глава 6.

Сегодня день начался из рук вон плохо. Я потеряла пациента с аневризмой аорты. Потом был тяжелый разговор с его женой и сыном. Ненавижу такие моменты. Теперь у меня жутко болит голова. Каждый звук, каждый шорох мой воспаленный болью разум усиливает в сто крат. Я обхватила ладонями основание черепа и начала массировать большими пальцами две выпирающие косточки, ощущая, как все мое существо наполняет приятная и теплая волна. На стене, напротив меня, висит объект моей сиюминутной ненависти — старые круглые часы с длинными черными стрелками. Тик-так, тик-так... Они сводят меня с ума. Я вообще-то мирная, но сейчас подумываю о том, чтобы запустить в них каким-нибудь тяжелым предметом. За этими мыслями меня и застал Дерек. Дверь скрипнула, и в проеме появилась его голова с шикарной шевелюрой. От неожиданности я резко дернулась, чем вызвала новый спазм.

— Линда, ты здесь? Я везде тебя ищу.

Его голос показался мне звуком колокола в каком-нибудь старинном аббатстве — такой же громкий и звонкий. Я потянулась к сумочке, чтобы достать таблетку аспирина. Иначе мне не выжить до ужина.

— Что-то поменялось в планах? — Я взяла со стола забытый кем-то стакан с кофе и залпом выпила таблетку.

— Да нет, просто хотел сказать, что заеду за тобой в семь.

Я кивнула.

— Хорошо.

Дерек с тревогой посмотрел на меня.

— Если ты устала или плохо себя чувствуешь, мы можем перенести ужин на другой день.

Я обернулась к нему и посмотрела в глаза. Честно говоря, соблазн согласиться на его предложение был велик. Проклятые часы продолжали тикать, вызывая в моих висках болезненную пульсацию. Я уже хотела открыть рот, чтобы сказать «да» и извиниться, но в этот момент за его спиной возникла до боли знакомая фигура.

— Тяжелый день! — вместо приветствия пробурчал Сэм, протискиваясь между дверным косяком и плечом Дерек в комнату.

Он плюхнулся в кресло напротив меня и скривил рот в ехидной улыбке. Я почувствовала, что мое сердце начинает биться быстрее. В этот момент мне совсем не хотелось вступать с ним в словесную перепалку. Я сжалась, готовясь к обороне.

— Линда, тебе известно, что больница зарабатывает на пациентах? — продолжил Сэм.

Дерек закрыл дверь и подошел ко мне сзади, положив свои ладони мне на плечи.

— Так точно, шеф. — Я съязвила, напомнив ему об армейских временах.

Очевидно, моя шутка не произвела должного впечатления, потому что он изменился в лице и угрожающе наклонился в мою сторону.

— Тогда ты должна знать, что для каждой больницы важнее всего ее репутация.

Я ощутила прилив адреналина в кровь. Он что, собрался меня здесь отчитывать? В присутствии постороннего человека? Или это ревность?

— К чему ты клонишь? — я повысила голос.

Часы продолжали разрывать пространство своим назойливым тиканьем.

— К тому, что очень плохо для репутации, когда на столе у заведующего кардио умирает вполне себе перспективный пациент всего лишь с аневризмой аорты.

— Сэм, ты в своем уме? — Я вскочила, забыв на мгновение про боль в висках. — Тебе ли не знать, что это бомба, готовая разорваться в любую минуту. Когда я вскрыла пациента, она уже взорвалась, понимаешь? Я семь гребанных часов пыталась остановить кровотечение, тогда как любой другой хирург на моем месте сразу бы зашил пациента и объявил время смерти!

Этот мужчина сведет меня с ума.

— Шеф, Линда права! — Дерек подошел ко мне и взял за руку.

Его голос звучал твердо и уверенно. Что ж, приятно осознавать, что в мире еще остались мужики, способные пойти против Сэма.

— Дерек, если я не ошибаюсь, твоя задача в нашей больнице промывать мозги армейским врачам! Так иди и промывай!

Я чувствовала, что закипаю. Что он себе позволяет? Меня в этот момент словно осенило — как я могла влюбиться в этого самовлюбленного индюка?

— Моя задача адаптировать армейских врачей к реалиям работы на гражданском объекте. Моя задача сделать так, чтобы эти люди смогли спокойно думать о своем боевом опыте. Моя задача, шеф, помочь этим людям избавиться от той агрессии, которая копилась в них во время службы в горячих точках. И моя задача сообщить правлению больницы о том, что вы — глава хирургии, по каким-то неизвестным причинам, не прошли курс реабилитации по возвращению из армии. Последствия налицо. Вы нарушаете границы дозволенного делового общения с подчиненными, повышаете голос, манипулируете. Вы не в состоянии контролировать приступы ярости. Полагаю, нам с вами есть над чем поработать. Я помогу вам.

Дерек говорил спокойно и рассудительно, а Сэм менялся в лице. Я невольно улыбнулась, радуясь тому, что враг повержен. К тому же, похоже, аспирин подействовал. Боль стала стихать.

— Вы уволены! — просипел сквозь зубы Сэм. Я ощутила, как мое сердце упало куда-то в желудок. Его кулаки сжались, а голубые глаза метали молнии. Инстинктивно, я схватила Дерек за руку и с силой сжала ее.

К моему удивлению, слова Сэма не произвели на Дерек никакого впечатления. Он лишь слегка пожал плечами.

— Меня нанял совет правления клиники. Это прописано в контракте. Я подчиняюсь непосредственно ему.

Сэм стиснул зубы. Казалось, он обдумывает удар. Его лицо напряглось, колени несколько согнулись, на лбу выступили капельки пота. Он был в ярости.

— Хотелось бы вам напомнить, доктор Мидлтон, что доктор Соул также не проходила курс реабилитации после возвращения из армии. Может быть, вы и о ней правлению сообщите?

Теперь в ярости была уже я. Этот человек открывался для меня с новой стороны, причем не с самой лучшей. Он говорил, а у меня складывалось впечатление, что из него льется наружу все его дерьмо.

— Да как ты... — я уже хотела обрушиться на него с потоком брани, но Дерек жестом остановил меня.

— Вы совершенно правы, шеф. Перед тем, как вы вошли в комнату, я как раз договаривался с доктором Соул о первом сеансе, не так ли, Линда?

Дерек посмотрел на меня, и мне показалось, что он едва заметно подмигнул мне.

— Именно. Мы решили, что начнем сегодня в семь! — я поддержала его игру, наблюдая за реакцией Сэма.

Тот, не разжимая кулаков, опустил руки в карманы халата, и начал мерить пространство широкими нервными шагами.

— Доктор Мидлтон, не могли бы вы нас оставить?

Я недоуменно повела бровью. Что задумал этот ненормальный?

— До вечера, Линда! — Дерек наклонился и, едва касаясь губами, поцеловал меня в щеку, демонстративно прижав меня покрепче к себе.

Я чувствовала, как растет напряжение в этой комнате. Между нами тремя словно проскакивали искры, готовые превратиться в самый настоящий пожар.

Мужчины обменялись недружелюбными взглядами, после чего Дерек вышел в коридор, захлопнув дверь чуть более громко, чем требовалось. Я вздрогнула.

— Сэм, что с тобой? Откуда эти приступы ярости?

Я сложила руки на груди и с вопросом посмотрела в его печальные голубые глаза.

— Ли, прости меня! Я сам не знаю, что на меня находит, когда ты рядом. Ты приехала, и я потерялся. Я люблю Марго, но ты... ты сводишь меня с ума!

Я не верила своим ушам.

— Сэм, так не бывает! Когда кого-то любишь, других не замечаешь!

— Я не знаю, что со мной!

Он подошел ко мне вплотную, и я почувствовала мятный аромат его дыхания. Сэм положил свои руки мне на бедра, затем наклонил голову и прислонил ее к моему лбу. Я не знала, как реагировать на его действия. Ощущение близости с ним было настоящей пыткой. Я почувствовала, как встают соски на моей груди под одеждой, а низ живота наполняется сладкой пульсацией. Между ног стало жарко и влажно. Я подняла лицо и наши губы соприкоснулись. Сэм еще сильнее притянул меня к себе, так, что я с трудом могла дышать, и поцеловал. Его губы нахально, грубо и настойчиво завладели моим ртом. Он скользнул языком внутрь и начал щекотать мне десна, сплетаясь с моим языком в единое целое. Я чувствовала, как его крепкие ладони сжимают мою задницу. Затем его рука проскочила мне в штаны. Сэм ласкал меня через тонкую ткань трусиков, заставляя истекать влагой. Его ладонь пробралась дальше, и я почувствовала тепло от его руки на своей коже. Он с силой надавил большим пальцем на мой клитор, и я чуть не потеряла сознание от подступившего желания. Из моего горла вырвался стон. Его губы на мгновение отпустили мой рот. Я с силой толкнула его обеими руками в живот, заставив резко выдернуть руку из моих брюк.

— Линда! — его голос охрип, а дыхание сбилось.

— Сэм, не трогай меня! Ты сделал свой выбор.

— Еще нет. — Он с мольбой посмотрел в мои глаза.

— Зато я свой выбор сделала. Ты не приз, а я не игрок.

Я резко развернулась и вышла из комнаты. Иди к черту, Сэм О'Фаррис!

Часть I. Глава 7

Глава 7.

Звонок в дверь застал меня врасплох. Я совсем забыла о времени, прокручивая в голове произошедшее накануне вечером в комнате отдыха. Первое свидание с Дерекком я провалила.

Я нервничала и была отвлечена. Мне казалось, что моя кожа и волосы насквозь пропитались ароматом туалетной воды Сэма и запахом его мятой жвачки. Я ощущала себя разведчиком, который вот-вот провалит задание из-за своих пылающих щек и нервного ерзания на стуле.

Дерек, казалось, не замечал странностей в моем поведении, или делал вид, что не замечает. Во всяком случае, я благодарна ему за тактичность и отсутствие лишних вопросов. Мы быстро проглотили заказанную лазанью, выпили пару бокалов вина, и я попросила его проводить меня.

Сегодня я кажусь себе откровенно невежливой, но вчера я думала только о том, чтобы поскорее попасть в кровать под теплое одеяло и уснуть.

Я бросила на раковину открытый тюбик с тушью и побежала к двери, забыв о том, что успела накрасить только один глаз.

— Дерек, заходи! — Я открыла дверь и расплылась в улыбке.

Мужчина пристально посмотрел на меня, и я заметила, как подергиваются уголки его рта. Он явно сдерживал смех. Прикрыв рот рукой, Дерек прокашлялся, но глаза его выдавали — смеющиеся карие глаза в обрамлении мелких морщинок.

— Что такое? — Я недоуменно улыбнулась, впуская его в холл.

— Глаз. — Ответил Дерек и развернул меня к огромному зеркалу рядом с вешалкой.

— О Боже! — воскликнула я, наблюдая в зеркале свое отражение.

Он обнял меня сзади и положил голову на мое плечо. От него приятно пахло свежестью с нотками лимона и мяты. *ARMANI CODE ICE* — любимая туалетная вода моего брата. Еще один плюс в пользу Дерека.

— Извини, я замечталась и забыла, что у меня, как и у всех нормальных людей, два глаза.

— Ну, вариантов у тебя не много, — с улыбкой ответил Дерек, развернув меня к себе лицом, — или накрасить второй глаз, или смыть макияж с первого.

— Лучше накрасить второй.

— Согласен. Хотя, не сомневаюсь, без косметики ты выглядишь не менее привлекательно.

— Пожалуй, выберу первый вариант и оставлю тебя на пару минут наедине с моим диваном.

— Договорились.

Я освободилась из его объятий и вернулась в ванную. Завершая макияж, я почему-то подумала о том, что не очень бы расстроилась, если бы Дерек после вчерашнего свидания, больше не пригласил меня. Несмотря на все свои плюсы, этот мужчина пока был для меня загадкой. Но не той, на отгадку которой ты бросаешь все свои силы, а той, которую тебе, по непонятным причинам, вовсе и не хочется разгадывать. Я посмотрела в зеркало на свое отражение — стоит признать, я могла бы свести с ума и саму себя, будь я лесбиянкой.

На стиральной машинке зажужжал мой мобильник. Я взяла его в руки и посмотрела на экран, с которого мне улыбалась светлая мордашка Мэнди.

— Алло!

— Ты просто сволочь!

Я удивленно приподняла брови.

— В смысле?

— Вчера у тебя было свидание с потрясным мужиком, а я до сих пор не в курсе всех интимных подробностей!

— Мэнди, твое любопытство однажды тебя погубит!

— Не раньше, чем виски погубит мою печень.

— Пьянь тропическая! Ты что, в баре?

— Да! Угадай с кем?

— Только не говори мне, что это Джордж. Если это он — я тебя больше знать не знаю!

— Фи, как ты могла так обо мне подумать!?

Я улыбнулась. Действительно, как я могла подумать, что Мэнди согласится выпить с человеком, которого называет «метросексуальной задницей»? А в ее трактовке это практически равносильно «педику» или «трансвеститу».

— Тогда не знаю.

— Только не выдавай меня Сэму. Не очень хочется быть уволенной из-за сексуальных домогательств.

— Мэнди, ты что, с интерном?

Я округлила от удивления глаза. Меня саму неоднократно посещали мысли трахнуть кого-нибудь из команды смазливых молодых студентов, шатающихся по больнице, но в нашей клинике это карается смертью. Ну, почти смертью — в личное дело заносят выговор за сексуальные домогательства на рабочем месте и увольняют. После этого, можно попрощаться с карьерой. Такое пятно на репутации стоит слишком дорого. Даже если этот интерн — Бог оргазма.

— Тсс...! — прошипела подруга в трубку. И я поняла, что дело плохо.

— Ты чем думала? Головой или тем, что ниже?

— Ли, не шуми! У меня три месяца секса не было. Я уже почти решилась на покупку вибратора.

— Миранда, ты подставляешь под удар не только себя, но и меня! Это в моем отделении ординатор спутался с интерном.

— Не будь занудой!

— Я сейчас приеду!

Я отключилась и пулей вылетела в гостиную.

— Мы идем в бар! — заявила я безапелляционным тоном, чем вызвала легкое недоумение на лице Дерека.

— Мне казалось, я пригласил тебя в кино.

— Дерек, скорее. Мой хирург собирается угробить свою карьеру, а заодно и мою.

Я нацепила пуховик, натянула на ноги теплые угги из овечьей шерсти и замоталась шарфом.

— У кого-то из твоих подчиненных свидание с интерном?

— Именно!

— Ли, остынь! У половины больницы романы с интернами.

Я округлила от удивления глаза. Я что, одна не в курсе? Или только я впечатлилась лекцией специалиста в отделе кадров на тему взаимоотношений начальства с подчиненными?

— Но как? Правление разве не видит всего этого?

— Конечно, видит, но противостоять этому невозможно. Иначе бы пришлось уволить добрую половину штата. В отделе кадров придумали какую-то бумагу о том, что все добровольно и все на всё согласны.

— А у тебя откуда такие познания? — Я начала потихоньку разматывать на шее шарф и

с подозрением посмотрела ему в глаза.

— Я пользуюсь популярностью у женщин. — Дерек улыбнулся, а мое лицо начало перекашиваться от злости.

— Ах, вот оно что.... — я сняла пуховик и повесила его на вешалку. — Тогда, может, у тебя найдется запасной вариант для похода в кино сегодня вечером? Учитывая твою популярность...

Он подошел ко мне поближе и протянул руку. Я с недоверием уставилась на нее.

— Линда, ты тоже пользуешься популярностью у мужчин.

Его протянутая рука продолжала висеть в воздухе.

— Я в курсе.

— Ладно. Одна из студенток положила на меня глаз, а когда я попытался отделаться от нее, сказав, что опасаясь за свою карьеру — она сообщила мне о чудесном договоре, регламентирующем сексуальные отношения врачей и интернов.

Я все еще с недоверием смотрела на его раскрытую ладонь.

— Линда, уверяю тебя — я подобный договор ни с кем не подписывал.

Я поморщилась, но, все же, вложила свою руку в его ладонь. Он с силой притянул меня к себе.

— Я хочу тебя! — прошептал он мне на ухо, а затем легонько укусил меня за мочку. Внизу живота стало жарко.

Его губы скользнули ниже, на мою шею, и он начал касаться моей кожи легкими, словно крылья бабочки, поцелуями.

— Дерек! — промурчала я, пытаюсь аккуратно высвободиться из его объятий.

— Да, детка. — Он продолжал меня целовать. Его рука приспустила с моего плеча джемпер, оголив мою кожу, и я почувствовала его горячее дыхание рядом с моей ключицей.

— Дерек, сапоги!

Он на мгновение отстранился и посмотрел вниз. На мне все еще были угги, которые я не успела снять.

Он усадил меня на пуфик и плавно стянул сперва один, а затем второй сапог. Затем опустился передо мной на колени и принялся массировать мои ступни. В эти минуты я чувствовала себя невесомой. Его ловкие пальцы сжимали и поглаживали секретные точки на моих пятках, а у меня перехватывало дыхание от удовольствия.

Спустя несколько минут, он поднялся и протянул мне обе руки. Я вложила в них свои ладони, и через пару секунд он подхватил меня, как пушинку. Положив свою голову ему на плечо, я прикрыла глаза. Дерек отнес меня на диван. Я ощутила прикосновение грубой ткани обшивки к своей голове, но не решилась открыть глаза. Мне хотелось довериться этому мужчине. Хотелось оказаться в его объятиях и почувствовать вкус его губ. Слава Богу, его не пришлось об этом просить. Я слышала, как шуршит его одежда, а когда его рубашка полетела на пол, по моей коже прошелся легкий, едва заметный ветерок. Он лег рядом со мной и положил свою горячую ладонь мне на живот. Я повернула к нему лицо и приоткрыла губы в ожидании поцелуя. Дерек не заставил себя ждать. Он с жадностью впился в мой рот, покусывая мои губы и играя с моим языком. Его действия стали смелее, а прикосновения грубее. Его ладонь забралась под мой джемпер, и через долю секунды он уже крепко сжимал мою грудь. Я подалась ему навстречу, и Дерек со стоном навалился на меня всем телом. Вторая его рука оказалась у меня под спиной, и он с остервенением разорвал застежку моего бюстгалтера. Еще через мгновение он задрал на мне свитер. Я полностью оказалась во

власти его губ. Он облизывал, покусывал и целовал мои соски, вызывая внутри меня пожар. Его рука добралась до ремня на моих джинсах, и я почувствовала движение молнии на ширинке. Дерек запустил свою ладонь в мои штаны, заставив меня дрожать от желания.

— Детка, у тебя там настоящие тропики, так же жарко и влажно! — прошептал он мне на ухо.

В ответ я лишь сильнее раздвинула ноги. Я больше не могла сдерживать себя. Да и не хотела.

— Трахни меня! — сказала я, глядя ему в глаза.

Дерек улыбнулся, затем рывком стащил с меня джинсы вместе с трусиками. Потом ловко снял свои брюки. Он надавил коленом на мои ноги, заставляя их раздвинуться навстречу его члену, затем резко вошел в меня, вынудив вскрикнуть от боли. Он начал быстро и ритмично двигаться во мне, вызывая волну наслаждения. Дерек завел мои руки мне за голову и не давал возможности шевельнуться. Я почувствовала себя его рабыней, готовой кричать от наслаждения. И я закричала. Первобытные вопли вырывались из моего рта. Мне хотелось впиться ногтями в его спину и расцарапать ее в кровь, но он блокировал все мои попытки освободить из плена руки. Борьба и наслаждение — вот что такое секс с Дерексом Мидлтоном. В конце концов, я смирилась и обхватила его бедра ногами, впуская его еще глубже внутрь себя. Одна за другой, теплые волны оргазма, накрывали мое тело. У меня занемели кончики пальцев на ногах, а волосы на коже встали дыбом, словно получили разряд электричества. Дерек закатил глаза и несколько раз дернулся, затем издал сдавленный стон и рухнул на меня. Я слышала его сбившееся дыхание и чувствовала своей грудью, как колотится его сердце.

— Линда, ты супер! — он ласково провел ладонью по моей щеке и быстро чмокнул в нос.

— Ты тоже!

После произошло то, чего я ожидала меньше всего. Дерек резко вскочил, натянул на себя одежду и похлопал меня по ноге.

— Мне пора! Увидимся в клинике.

— Но, я думала ты останешься? — Я приподнялась на локтях и, спустила обратно задранный свитер.

— Я не ночую там, где трахаюсь.

Я чуть не упала с дивана, ошарашенная его грубостью.

— Что?!

— Без обид. Я надеюсь, мы еще не раз это повторим.

Я смотрела на него и не могла найти слов. А он просто развернулся, нацепил на себя свою куртку и вышел. Сукин сын!

Часть I. Глава 8

Глава 8.

Я глубоко вздохнула и открыла дверь машины. Поток холодного воздуха ударил мне в лицо. Мне жутко не хотелось выходить из теплого салона автомобиля и подставлять свое лицо неведомо откуда взявшимся в середине октября снежинкам.

Погода была все рекорды. На всех каналах одно и то же — небывалые заморозки и иже с ними. Синоптики обещали в утренних новостях, что нужно потерпеть еще недельку, а потом стрелки уличных термометров вернутся к границам климатической нормы. Звучит странно, потому что через недельку уже почти ноябрь, а значит климатическая норма будет не сильно

отличаться от того холодного безумия, которое сейчас творится на улицах Чикаго.

От парковки до входа в больницу было не больше двухсот метров. С десятков быстрых шагов — ровно столько было между салоном моего Форда и теплым холлом университетской клиники Раш. Но я никак не могла себя заставить выставить наружу ногу — так и сидела с открытой дверью, не решаясь выйти.

— Линда! — я услышала знакомый голос и увидела фигуру Сэма.

— Привет, Сэм.

Покряхтывая и недовольно морщась, я все же вышла из машины, громко хлопнув дверью.

— Не жарко! — Он пританцовывал, поджимая то одну, то другую ногу, словно практиковал движения национальной джиги[1].

— Это точно!

Мы практически бегом преодолели расстояние от моей машины до входа в больницу, и, скрывшись за вертушкой, не сговариваясь, улыбнулись.

— Как твое самочувствие? Сегодня лучше?

Мы подошли к лифту, и Сэм нажал кнопку вызова кабины.

— Да, спасибо! Сегодня уже лучше.

Я пропустила вчерашний рабочий день, сославшись на простуду. После выходки Дерек у меня не было ни малейшего желания смотреть на его довольную физиономию. Это глупо, и по-детски, но я обиделась. И злилась на себя весь вчерашний день за то, что обиделась. Как будто, он мне что-то обещал... Сама хотела получить сексуальную игрушку на вечер, вот и получила. Но от осознания этих простых истин мне, почему то, легче не становилось.

— Ну, отлично. Сегодня трудный день.

Сэм похлопал меня по плечу и одарил своей фирменной улыбкой с ямочками на щеках. Я прислушалась к своим ощущениям — раньше от его улыбки у меня подкашивались ноги, а теперь ничего... Отлично. Отпустило, наверное.

Мы вошли в лифт.

— Почему трудный? Много пациентов? — я сняла перчатки и спрятала их в карман.

— И это тоже. Ты разве забыла?

— Забыла что?

— У тебя же сегодня первый сеанс с Дерекком. Насколько мне известно, прошлый первый сеанс у вас сорвался, как раз из-за твоей простуды. По крайней мере, Дерек так мне объяснил.

Я застыла на месте. Мой взгляд метнулся в сторону панели с кнопками, и я чуть не занесла руку, чтобы нажать «стоп». Вот это начало дня! В животе стало неприятно — как будто мне внутрь поместили холодный студень, который растекается по стенкам желудка, вызывая болезненные спазмы.

— Вообще-то, я вроде как не в курсе.

— А, ну тогда я тебя ставлю в известность — сегодня в семь у тебя прием психотерапевта. Кстати, у меня он через час. Уже второй сеанс.

Сэм злорадствовал, хотя и старался скрыть это за фальшивыми дружелюбными интонациями. Чертов мститель. Сам попал и меня потащил за собой.

— Спасибо большое! А то я как раз не знала, чем занять себя после операций — съязвила я.

— О, не стоит благодарности!

Двери лифта распахнулись и Сэм вышел. Я осталась одна с холодным студнем в животе и проклятьями в адрес своего шефа. Через пару секунд лифт доставил меня этажом выше.

— Доктор Соул! Мне нужна ваша консультация.

Не успела я выйти из лифта и сделать несколько шагов, как услышала позади голос Мэнди. Я обернулась и укоризненно посмотрела на нее. Что-то в ее лице изменилось. Ее глаза светились каким-то порочным блеском, а на щеках горел румянец. Миранда направлялась ко мне со стороны комнаты персонала, одергивая на себе халат. Я бросила взгляд ей за спину и увидела, как из служебного помещения, озираясь, вышел один из интернов. Вот похотливая сучка! Но в данный момент мне было не до нее, поэтому я решила, что припомню это ей позже.

— Да доктор Лейк. — Я нарочито по-деловому ответила подруге, демонстрируя высшую степень неодобрения всего происходящего.

— Пациент — Рэй Скайфилд, 36 лет, множественные прогрессирующие аденомы органов грудной клетки и брюшной полости, перенес уже 42 операции по удалению новообразований, угрожающих жизнедеятельности органов.

Я удивленно повела бровью — пациент с таким диагнозом редкая птица, так что вызвать у меня интерес Миранде удалось. Значит, у бедняги на месте удаленных постоянно появляются новые опухоли. Повезло хотя бы в том, что они доброкачественные.

— Так, планируете провести 43 операцию? — Я на ходу сняла с себя пуховик и шапку и зашла в ту самую комнату персонала, откуда пару секунд назад вынырнул молодой любовник моей подруги.

Я повесила верхнюю одежду в свой шкафчик, затем разделась до нижнего белья и достала свежий рабочий костюм — синие брюки и рубашку, а поверх белый халат до колен. Волосы я собрала в тугий пучок.

Через пару минут я уже была готова к обходу.

— Да, планируем, но у пациента есть ...э-м-м...некоторые сложности, так что нужна твоя консультация — одна из опухолей расположилась очень близко к аорте.

— Окей, веди меня.

Мэнди кивнула и вышла в коридор, я последовала за ней. Пройдя мимо поста медсестер, мы свернули в левое крыло здания, где располагались палаты больных. Мое внимание привлек странный факт — на посту было пусто, хотя обычно там толпятся с десятков сестер, передавая друг другу назначения врачей и раскладывая медицинские карты пациентов. Спустя пару шагов я поняла, куда пропал весь этот улей — в одной из палат слышался звонкий девичий смех и громкие разговоры.

— Палата 4003. Нам сюда. — Сказала Мэнди и первая шагнула внутрь.

Я остановилась в дверном проеме, ошарашенная увиденным — вокруг кровати больного и на маленьком диванчике для посетителей собрались практически все медсестры с этажа. Они облепили пациента со всех сторон так, что я не могла разглядеть его сквозь их спины.

— И вот тут я сказал ему: «Да любая рыба из Аквариума Шедда[2] споеет лучше тебя!»

Девушки дружно засмеялись. А я впервые услышала его голос. Очень мягкий тембр, четкая и звенящая «эр» в словах, звучание не слишком низкое, но и не высокое... В опере, кажется, это называется баритон. Звук словно струился по воздуху, вызывая приятные мурашки на коже.

— Сэр, я думаю, будет лучше, если вы продолжите свое общение после обхода, тем более у медсестер с утра полно забот — в отделении помимо вас находятся еще двадцать

пациентов.

Мэнди окинула девушек строгим взглядом, и они поспешили выйти в коридор, аккуратно протискиваясь мимо меня.

— Но мое предложение все еще в силе, прекрасные леди! Сегодня в два я готов жениться на одной из вас, так что решайте, кому повезет, только не подеритесь! — бросил мужчина вслед уходящей стайке сестер, чем вызвал очередной взрыв хохота уже в коридоре.

Я, наконец, смогла разглядеть его. На нем, как и на всех пациентах, была казенная рубаша в мелкий горошек с завязками на спине. Мало кому этот наряд добавлял сексуальности. Но, признаться откровенно, это был другой случай. Рэй Скайфилд был из тех мужчин, на которых надень хоть мешок, он будет выглядеть словно плейбой, сошедший с обложки какого-нибудь журнала для взрослых. Ткань крепко обтянула его широкие плечи и подкаченные, но не слишком массивные бицепсы. Спереди рубашка вплотную прилегала к телу так, что под ней вырисовывались накаченные груди. Можно было не сомневаться, что весь его торс был слеплен умелым скульптором, или инструктором в тренажерном зале. Мне жутко захотелось потрогать его крепкие руки с широкими ладонями, пронзаемые длинными полосками вен, упругие бицепсы, твердый живот. Я сглотнула и перевела взгляд на лицо: слегка вытянутое к подбородку, острые и высокие скулы, прямой нос, аккуратные плотно сжатые губы, красивые глаза насыщенного графитного оттенка, идеально ровные линии густых черных бровей, словно нарисованные кистью художника. На голове у него была модная стрижка — коротко, почти под ноль сбритые виски, густая челка, подкрученная а-ля «Элвис», правда без фанатизма, пышная копна черных волос на затылке.

— Кстати, вы тоже подойдете! — улыбаясь, произнес мужчина, раздевая меня глазами. Мне стало не по себе, и я поежилась.

— Подойду для чего? — Я подошла к кровати и встала рядом с Мэнди.

— Для роли моей жены. Вы не в курсе? Мне срочно нужна жена.

Он приподнял вверх бровь и скрестил руки на груди. Выглядел он при этом настолько обаятельно, что я, решившая было разозлиться на такую фамильярность, не смогла сдержать улыбки. Он улыбнулся мне в ответ — уголки его рта поползли вверх, оголяя ряд ровных белых зубов. Между верхними центральными резцами пролегла маленькая расщелинка, несколько не вписывающаяся в каноны «голливудской улыбки», но придававшая ему особый шарм. Я засмотрелась на эту расщелинку, мысленно представляя как, наверное, приятно пощекотать его десна в этом месте языком.

— Вы молчите, доктор...э-м-м...Соул? — мужчина прочитал фамилию на моем бейдже и снова уставился прямо мне в глаза. — Молчание — знак согласия. Решено, сегодня в два встречаемся в мэрии.

Его слова вывели меня из оцепенения.

— Сэр, я полагаю, мы собрались здесь, чтобы заняться вашим здоровьем. Свою личную жизнь вы сможете вполне устроить за пределами больницы.

— Окей, док. — Рэй подмигнул мне, заставив мое сердце подпрыгнуть так высоко, что я почти наяву ощутила привкус сырого мяса и железа у себя в горле. На что только способен наш мозг, подогреваемый воображением! Не прошло и пяти минут, как этот мужчина пялится на меня, а мне уже чудится вкус бифштекса с кровью на языке.

— Итак, пациент Рэй Скайфилд, 36 лет, — Мэнди начала зачитывать выписку из карты, — множественные прогрессирующие аденомы органов брюшной полости и грудной клетки. Состояние после 42-х резекций. В данный момент обнаружено 4 новых образования

— два в легких, одно в желудке, и одно на верхней стенке трахеи в опасной близости к аорте. Первые три опухоли не вызывают у нас опасений, поскольку имеют малый размер и не проявляют признаков роста. Опухоль на трахее требует немедленного оперативного вмешательства, поскольку по данным последнего МРТ, показывает активный рост.

— Прекрасно. Готовьте операционную, если все анализы в порядке, я сделаю операцию сегодня же.

Я положила руки в карманы халата и уже собралась уходить, как почувствовала руку Мэнди, удерживающую меня за локоть.

— Это еще не все.

— Что еще? — я с вопросом посмотрела на нее.

— Я полагаю, доктор Лейк пригласила вас сюда не для того, чтобы назначить операцию, а для того, чтобы вы помогли ей найти решение весьма непростой задачи — как сделать так, чтобы эта штука меня не убила, не прибегая к скальпелю — подал голос пациент.

Я повернула голову в его сторону, и мои брови поползли вверх от удивления.

— Сэр, боюсь, это невозможно.

— Жаль. А я так хотел в воскресенье поиграть в гольф.

Я вновь посмотрела на Мэнди ничего не понимающим взглядом.

— Что все это значит, доктор Лейк?

— Рэй безработный, государственная страховка не покрывает расходов на операцию. Нам нужно придумать, как вылечить его более... э-м-м... бюджетно.

Все ясно. Наша система здравоохранения весьма коварна — для того чтобы лечиться в нашей стране нужно быть очень здоровым и зарабатывать не меньше 5–6 штук в месяц. Государство платит только за услуги скорой помощи, некоторые исследования и консультации врачей. Все остальное — проблема пациента. Есть деньги — будешь жить, нет денег — пей аспирин и молись.

— А как же ваши предыдущие операции? Кто оплачивал их? — спросила я.

— Ну, первые пару лет я еще работал, и у меня была нормальная страховка. Она покрыла семь, а может быть восемь операций. Потом моему начальнику надоело лицезреть мои больничные листы на своем столе, и он послал меня к чертям.

— Сорок два минус восемь будет тридцать четыре.

— У вас талант к математике, доктор Соул.

Я натянуто улыбнулась, а Рэй продолжил.

— У меня весьма богатый папаша. Правда алкоголик и бабник. У нас с ним с рождения как-то не заладилось — пару раз я поспособствовал ему в получении путевки в ближайшие травмпункты после того, как он избил мать, несколько раз писал на него заявления в полицию. В общем, тяжелое детство. Однако, после потери работы мне пришлось изобразить раскаявшегося сына. Какое-то время удавалось сдерживать себя — он платил за операции, я делал вид, что люблю его до смерти. Месяц назад я сломал ему руку, после того, как он назвал мою мать шлюхой, а меня с братом — ублюдками.

— А ваш брат? У него есть страховка? — спросила я, начиная понимать масштабы той задницы, в которую попал мой пациент.

— Может и есть, только он археолог и вот уже три года копает песок где-то в пустыне Марокко. С ним нет связи.

Впервые в жизни я поняла, каково это быть бессильной — неприятные, тошнотворные

ощущения, холодок в животе, колючие мурашки, осознание уродства бюрократической машины и государства капиталистов, которые делают деньги из всего, в том числе из человеческих жизней.

— Как видите, доктор Соул, сегодня до двух мне непременно нужно обзавестись женой с хорошей страховкой.

Я понимающе кивнула головой, ощущая привкус желчи во рту.

— Мы что-нибудь придумаем, мистер Скайфилд.

Я больше не могла оставаться в этой палате. Мое сознание разрывалось от безысходности. Такой великолепный мужчина и такая коварная болезнь. Так не должно быть. Думай, Линда, думай!

Я взяла его карту и вышла в коридор. Я чувствовала, как наполняются влагой мои глаза, и ощущала в груди учащенный пульс. Я мысленно перенеслась в Африку — там часто случались критические ситуации, и решение нужно было принимать немедленно. Я подумала, как бы я поступила, если бы этот случай застал меня в полевом госпитале? Ответ не заставил себя ждать — Сэм. Мне нужно к шефу. Наверняка у больницы найдется десять тысяч баксов на одну благотворительную операцию. Я расправила плечи, глубоко подышала и направилась к лифту.

[1] Джига — национальный ирландский танец.

[2] Чикагский океанариум, расположен вблизи озера Шор Драйв.

Часть I. Глава 9

Глава 9.

— Можно?

Я приоткрыла дверь в кабинет шефа и просунула в образовавшийся проем свою голову.

— Линда? Заходи.

Сэм сидел в своем кресле, отвернувшись от стола к окну и подперев лицо рукой. На нем был строгий черный костюм и галстук, который он слегка ослабил и расстегнул ворот рубашки.

— Деловая встреча?

Он повернулся ко мне лицом.

— Что?

— Ну, ты в костюме, без халата... Какая-то деловая встреча? — повторила я свой вопрос.

— Был на заседании правления.

— Ясно.

— У тебя что-то важное?

— Да.

— Слушаю.

Он встал и прошел к небольшому шкафу темного дерева с прозрачными дверцами. Через минуту он достал наружу две банки «Dr.Pepper». Как оказалось, внутри шкафа находился мини-холодильник. Сэм открыл напиток, и темно-вишневая жидкость с шипением поползла наружу.

— Держи. — Он протянул мне открытую банку. Я не хотела пить, но взяла ее. Сделав глоток ради приличия, я поставила банку на низкий журнальный столик.

— У меня очень интересный пациент с редким заболеванием.

— Хм... — Сэм сделал несколько жадных глотков.

— Мужчина, 36 лет, прогрессирующие аденомы. В груди и брюшной полости. Перенес 42 операции.

— Да, любопытный случай. А что с ним не так?

— На данный момент одна из опухолей угрожает его жизни.

— Так удалите ее.

— Сэм, у него нет страховки.

Шеф скривил лицо в ухмылке.

— Тогда выписывайте его и дайте направление в «резидентскую» поликлинику.

— В поликлинику? Чтобы ему там поставили прививку от гриппа и выдали пачку бесплатных презервативов? Да у него опухоль в трех сантиметрах от аорты, и она постоянно растет!

— Линда, что ты от меня хочешь?

— Я готова отказаться от гонорара за операцию, и думаю смогу уговорить медсестер и анестезиолога.

— Ты хочешь сделать ему бесплатную операцию?

— Да.

— Одна бесплатная операция не решит его проблему. На месте этой опухоли вырастет новая, тебе это известно не хуже, чем мне. Ты каждый раз будешь делать ему бесплатную операцию?

— Но...я же врач, и ты врач! Разве мы можем просто отправить этого человека умирать?

— Ли, я только что вернулся с заседания совета и у меня плохое настроение!

— Сэм, ты ли это?!

Я не верила своим ушам — кто этот мужчина передо мной? Тот ли это Самуэль О'Фаррис, который 5 часов зажимал раненому солдату пулевое отверстие в животе, пока ждал эвакуации? Тот ли это Сэм, который принимал роды у беженки прямо в поле? Тот ли это Сэм, который отдавал свой паек изможденным африканским детям? Я говорю ему, что человеческая жизнь в опасности, а он, видите ли, в плохом настроении!

Я опустила на диван и взяла банку с газировкой. Во рту пересохло от шока.

— Ли, я понимаю тебя, и в других обстоятельствах первый бы пришел к тебе на помощь, но сейчас это невозможно.

— Да почему?

Я вскочила с места и вскинула руки, не понимая, как такое возможно.

— Потому что десять минут назад меня чуть не уволили!

Сэм вскочил со своего кресла, и я невольно отшатнулась назад — столько ярости было в его глазах, что мне стало по-настоящему страшно. Его брови сдвинулись, скулы дергались, как будто он полоскал рот, а губы сжались. Мне даже показалось, что я слышу скрежет его зубов.

— При чем тут это? — почти шепотом проговорила я, опускаясь обратно на диван.

— Линда, у больницы серьезные финансовые проблемы, нет лишнего доллара, не то чтобы лишней бесплатной операции. Если я дам тебе добро, даже при условии отказа от гонораров всего привлеченного к ней персонала, мне придется уволить двух постовых медсестер — потому что есть еще расходные материалы, амортизация оборудования, лекарственные средства, электроэнергия и прочие траты. — Он взял себя в руки и гнев в его взгляде сменился виной.

— Я на испытательном сроке. У меня два месяца, чтобы исправить ситуацию.

Я разочарованно покачала головой.

— Но, что же нам делать?

— Ли, я не знаю... Пусть, что ли, женится на ком-нибудь....

Я ухмыльнулась. Очевидно, Рэй изначально не возлагал особых надежд на благотворительность, и его шутка про мэрию была куда серьезнее, чем казалась на первый взгляд.

— Я поняла тебя.

— Ли, мне жаль...

— Мне тоже.

Я вышла из кабинета и остановилась на небольшом мостике, который соединял два крыла больницы. Что делать? Я не могу выписать его и спать спокойно. У него не ВИЧ и не онкология на последней стадии, у нет болезни Альцгеймера и вообще любого другого заболевания, перед которым бы я была бессильна. Чертова часовая лапароскопическая процедура — вот что находится между жизнью и смертью этого мужчины. Или порядка тридцати штук баксов. Или одна жена со страховкой. С хорошей страховкой, включающей и амбулаторное, и стационарное лечение с применением высокотехнологичных хирургических методов. Как моя, например....

Что-то щелкнуло у меня в голове, и я почти бегом направилась в его палату. Через пять минут я стояла в ее дверях и улыбалась. У меня был совершенно идиотский вид, можно не сомневаться. Я знаю эту свою улыбку а-ля «эврика!» — зрачки расширены, глаза блестят как у пьяной, рот до ушей. И именно она украшала мое лицо. Я посмотрела на аккуратные ромбовидные часы над кроватью пациента — 11:40. Рэй спал. Я зашла внутрь и прокашлялась. Он открыл глаза, протер их тыльной стороной ладони, затем впился в меня взглядом. Он изучал мимику на моем лице, отвечая на мою улыбку легким недоумением.

— Доктор Соул? Я так понимаю, меня выписывают? — Он поднял с помощью специальной кнопки спинку кровати и уселся.

— Нет, мистер Скайфилд.

— О, вы нашли микстуру от моей хвори?

— Нет, мистер Скайфилд.

Его брови поползли вверх, а на лице появилась недоумевающая улыбка.

— Вы сделаете мне операцию бесплатно?

— Нет, мистер Скайфилд.

Продолжая улыбаться, я подошла к его кровати. Затем слегка нагнулась и облокотилась на боковину руками.

— Скажите же мне, доктор Соул, какова тогда цель вашего визита?

— У вас нет страховки, сэр.

Рэй сдвинул брови. Улыбки на лице, как не бывало.

— У вас хорошая память.

— Спасибо.

Я обошла кровать справа и присела на ее край.

— Не пришли же вы сюда для того, чтобы посидеть на краю моей кровати. Я, конечно, был бы весьма польщен, будь оно так, но это не так. Итак, доктор Соул?

— Как я уже говорила, мистер Скайфилд, у вас не страховки. — Он ухмыльнулся, — Но у меня-то она есть! — Я выдала эту фразу с лицом победителя, ничуть не сомневаясь, что он

поймет меня правильно.

— Вы что, серьезно? — Рэй выглядел ошарашенным. У него от удивления открылся рот, оголив верхнюю часть челюсти с той самой манящей расщелинкой, а на лбу пролегла глубокая морщинка. — Вы действительно считаете, что мои жизненные трудности классный повод для шуток?

Я сглотнула. Очевидно, что я сильно перебрала с радостью на лице.

— Что ж, доктор Соул, позвольте мне вас искренне поздравить! Поздравить с хорошей высокооплачиваемой работой, которая позволяет вам иметь отличную страховку. Я очень рад, что ваша жизнь защищена круглой суммой в страховом полисе, и, случись у вас опухоль на трахее, ее вам непременно удалят.

Он приложил к груди руку и слегка наклонил голову, словно только что отыграл для меня концерт для фортепиано с оркестром, а теперь жаждет моих аплодисментов.

— Сэр, вы не правильно меня поняли. — Я накрыла своей ладонью его руку, лежащую на кровати.

— Я уже ничего не понимаю — Он посмотрел мне в глаза, и у меня замерло в груди. Его серые, словно тяжелые грозовые тучи, глаза были наполнены грустью.

— Ваше предложение руки и сердца еще в силе? — Запинаясь, выдавила я, пытаюсь оторвать взгляд от его глаз.

— Что? — Он округлил от удивления глаза.

— Сегодня утром вы утверждали, что готовы жениться на мне в два часа по полудню.

— Доктор Соул, позвольте-ка, я потрогаю ваш лоб! — Он протянул руку к моему лбу и слегка коснулся его. Меня тут же обдало жаром. Его прикосновение было легким, невесомым, но от его руки веяло огнем. — Нет, с температурой, вроде бы все в порядке. Может, вы выпили? А ну-ка, дыхните! — Мужчина наклонился ко мне поближе и стал принюхиваться. Я уловила еле заметный аромат его дыхания с нотами ментола и легким привкусом сигарет. Низ живота предательски заныл.

Я вскочила с кровати.

— Прекратите паясничать, мистер Скайфилд. Я не вижу другого способа спасти вам жизнь, кроме как выйти за вас замуж.

Мое лицо заливала краска. Я не на шутку разволновалась и почувствовала, как намочла рубашка на моей спине. Вместо ответа он рассмеялся. Расхохотался так, что согнулся пополам, утирая рукой слезы. Я начала подумывать о бегстве. Все шло не по плану.

— Что смешного, сэр? Я предлагаю вам единственный возможный способ получить страховку сегодня же.

— Да нет, доктор Соул, ничего. Ради Бога, простите меня! — Он все еще трясся от беззвучного смеха, но уже выпрямился и смотрел на меня гораздо более добродушно, нежели пять минут назад. — Нет, я, конечно, всегда знал, что женщины от меня без ума, но никогда не встречал таких хитрых!

Я насупила брови и сложила руки на груди. О чем мне толкует это безнадежный?

— Мистер Скайфилд, мне не до шуток. Ваша жизнь в опасности!

— Нет бы сразу сказать — Рэй, я втрескалась в тебя по уши с первого взгляда, женись на мне! Вместо этого придумываете такую легенду — ай-ай-ай, доктор Соул.

Он пригрозил мне пальчиком и укорительно покачал головой. Я видела в его глазах смешинки и не могла понять, почему я до сих пор стою здесь, вместо того, чтобы развернуться и гордо покинуть этого чудака, лишив его последнего шанса на операцию.

— Я считаю до трех и уйду, мистер Скайфилд. И возвращаюсь с документами для выписки.

— Вам идет быть строгой — столько сексуальности в позе, в мимике.... — Он посмотрел на меня из-под опущенных ресниц и прикусил губу. Земля поплыла у меня под ногами. Какого черта со мной происходит?!

— Так вы не шутите? Вы действительно готовы связать себя узами брака с голодранцем, у которого из личного имущества только старенький Харлей? И который, к тому же, может отправиться в мир иной в самый неподходящий момент — например, во время занятия сексом?

— Никакого секса, мистер Скайфилд. Мы идем в мэрию, оформляем все документы, возвращаемся в клинику. Вам делают операцию, вы проходите курс послеоперационного лечения, и мы снова идем в мэрию — чтобы расторгнуть этот фиктивный брак. У вас есть пять секунд, чтобы принять решение. Ой, уже четыре.

Я уперлась руками в бока и вызывающе посмотрела на него.

— Окей, так и быть. Уговорила, чертовка! — Он улыбнулся мне и протянул руку. — По рукам, доктор Соул?

Я подошла к нему и вложила свою ладонь в протянутую руку.

— По рукам, мистер Скайфилд.

— Заведующая...Линда...Э-м-м, какое прекрасное имя у моей будущей жены. — Он слегка притянул меня к себе и прочитал на бейдже мое полное имя и должность.

Он произнес мое имя так, словно ласкал его языком, словно поцеловал каждую букву. Я почувствовала на коже движение сотен мурашек.

— Мистер Скайфилд, вам нужно переодеться, чтобы поехать в мэрию... — Я лопотала что-то бессвязное, пока он крепко держал мою руку и буравил меня взглядом графитных глаз.

— Конечно, доктор Соул. Я попрошу медсестру принести мне мою костюм.

Он мурлыкал, словно мартовский кот, вызывая у меня дрожь в коленях. Затем с силой потянул на себя мою руку так, что я упала в его объятия. Одна его рука легла мне на спину, крепко удерживая меня в волнительной близости от него, а вторая распустила мой пучок на голове. Волосы рассыпались на плечах, словно пламя. Он провел по ним ладонью, затем намотал на палец одну прядь и потянул за нее мое лицо. Теперь кончик моего носа касался его щеки — короткая щетинка приятно щекотала мою кожу, пахло мужским одеколоном и уже знакомым сигаретным дымком.

— Я уже жду нашу первую брачную ночь, доктор Соул...Что-то подсказывает мне, что она будет незабываема! — прошептал он мне на ухо.

— Никакой брачной ночи не будет, мистер Скайфилд. И отпустите, пожалуйста, мои волосы.

— Конечно, доктор Соул.

Его ладонь обхватила меня за подбородок, и он слегка повернул мое лицо — теперь наши губы практически соприкасались.

— Но сначала я должен узнать — не беру ли якота в мешке? Моя жена должна целоваться, как лучшие шлюхи в квартале «красных фонарей».

Не успела я осознать всего смысла произнесенной фразы, как его рот накрыл мои губы. Я с силой уперлась ладонями в его грудь, пытаюсь оттолкнуть от себя этого нахала, и по инерции, слегка приоткрыла от удивления и шока губы. Этого было достаточно для того,

чтобы его язык проник внутрь моего рта. Мои вкусовые рецепторы различили вкус ментоловых конфет, кофе и никотина на его языке. Он присосался ко мне, периодически покусывая и облизывая мои губы. Я задыхалась от гнева и удовольствия. Неожиданно мой язык нащупал ту самую расщелинку между его зубов и я, сама того не осознавая, начала играть с ней — щекоча и облизывая в этом месте его десну. Рэй отстранился и расплылся в улыбке.

— Что и требовалось доказать, доктор Соул. Вы без ума от меня.

Я вскочила с кровати, как ужаленная. Отошла от нее на безопасное расстояние и начала поправлять на себе халат и возвращать в пучок непослушные волосы.

— Встречаемся в два часа в мэрии, мистер Скайфилд. И... — я сделала многозначительную паузу и бросила на него полный осуждения взгляд, — я больше не намерена с вами целоваться. Не вздумайте устраивать цирк во время регистрации.

Я резко развернулась и вышла в коридор. Сердце колотилось как бешеное, выдавая перебои, дыхание сбилось, одежда намочила от пота. Меня трясло, словно я убежала из-под бомбежки. Отличие было только одно — после бомбежек моя промежность никогда не требовала удовлетворения. Сейчас же я чувствовала, как пульсирует мой клитор, требуя продолжения, и как намочили мои трусики. Не хватало еще превратиться в ту самую шлюху, о которой говорил мой будущий фиктивный муж. Я уже на пол — пути к этому.

Часть I. Глава 10

Глава 10.

Я поправила волосы перед большим прямоугольным зеркалом, украшавшим серую и мрачную приемную мирового судьи Филлипса на Диборн Стрит. Вид, прямо скажем, не свадебный — покрасневшие от волнения щеки, впалые, уставшие после двухчасовой коронарографии глаза, никакого макияжа и намек на прическу. Волосы спутались, а из-за снега на улице еще и завились. Я напоминала себе пуделя. Жуть. Да и наряд под стать — заношенные темно-синие джинсы, потертые на коленях, и ярко-сиреневый кашемировый свитер. Завершали мой брачный образ любимые уютные угги.

— А вот и я, дорогая! Прости, что задержался.

Я вздрогнула, услышав голос Рэя. Обернувшись к нему, я не смогла удержать рот в закрытом положении — моя челюсть просто отвисла. На нем были рваные голубые джинсы, обтягивающие бедра и слишком туго прилегающие к его интимным местам. Мой взгляд невольно задержался на приличного размера бугорке, выпирающем сквозь плотную джинсовую ткань. Сквозь порезы на ткани я видела его кожу, показавшуюся мне загорелой. Сверху на нем был черный джемпер с V-образным вырезом, из-под которого выбивалась пышная растительность. Поверх свитера на нем была надета кожаная косуха. Такие носят байкеры или рок-звезды — черная поверхность куртки была изнизана серебряными шипами и кнопками, а по бокам было нашито штук десять ремешков, которые свисали и болтались без дела, выполняя исключительно декоративную функцию. Он не надел головного убора и на его челке оставались еще несколько снежинок, не успевших растаять с улицы. Я узнала запах его одеколona, который заполнил маленькую комнатку. На этот раз аромат был слишком терпким и резким. Очевидно, Рэй от души сдобрил этой жидкостью свои волосы и одежду. Я подумала, что мы на удивление гармонично смотримся — пудель и рок-звезда, отличная парочка!

Рэй подошел ко мне, и, как ни в чем не бывало, звонко шлепнул меня по заднице, а затем быстро чмокнул в щеку. От неожиданности я слегка подпрыгнула на месте. Секретарь

в приемной, женщина лет пятидесяти, посмотрела на нас исподлобья, приспустив на переносицу свои огромные круглые очки, и недовольно сморщилась. Наверняка осуждает нас, а заодно и всю современную молодежь.

— Ничего, дорогой. Мы успеваем.

Я сделала акцент на слове «дорогой» и выдавила из себя улыбку. Актриса из меня была никудышная, но сегодня нужно было играть — малейшее подозрения в фиктивности, и нас отправят на все четыре стороны.

— Судья Филлипс готов вас принять. — Строгая секретарша повесила трубку телефона и кивком указала на тяжелую дубовую дверь, ведущую в святая святых — кабинет мирового судьи.

Мы переглянулись. В глазах Рэя я прочла немой вопрос — уверена ли я в том, что делаю? Я еле заметно кивнула ему. Он взял меня за руку и крепко пожал ее, словно подбадривая. Моей ладони было удивительно приятно тонуть в его руке. Я ощущала кожей его тепло и уверенность. Рэй открыл дверь в кабинет и, хитро прищурился глазами, произнес:

— После тебя, милая.

Как ни странно, эти слова меня ничуть не покорибили. Где-то в глубине души, мне даже стало приятно. Никто и никогда так не говорил со мной. Вместо благодарности я сжала его ладонь.

— Мисс Соул и Мистер Скайфилд? — подал голос судья, седой круглолицый афроамериканец лет шестидесяти.

— Да.

— Присаживайтесь.

Мы уселись в два неглубоких кресла болотно-зеленого оттенка, у которых, почему то, не было подлокотников. Мне, как на зло, захотелось немедленно куда-то пристроить свои трясущиеся от волнения руки. Не найдя другой точки опоры, мне пришлось сложить их в молитвенной позе между ног, словно школьнице в кабинете директора.

Судья внимательно изучил наши водительские права, потом спросил монотонным гнусавым голосом — согласны ли мы на все прелести брака, и, получив, наше согласие, подсунил на подпись какие-то бумаги. Я мысленно перенеслась в день вручения дипломов в Принстоне — день моей славы и гордости. Я ощутила, как спокойствие разливается по венам, прекращая судороги в пальцах. Этот прием всегда помогал мне справиться с волнением и тревогой. Я взяла ручку и, не задумываясь, поставила свою подпись в нескольких местах. Рэй вальяжно развалился в кресле. Казалось, происходящее его нисколько не касается.

— Что ж, можете поцеловаться.

Судья отложил в сторону подписанные документы и широко улыбнулся, очевидно, предвкушая сладострастный засос. Я выдавила из себя улыбку и посмотрела на Рэя. Этот засранец одобритительно кивал головой и улыбался во все тридцать два зуба.

Он наклонился ко мне и вытянул губы. Мне ничего не оставалось, как позволить ему сделать это, чтобы не вызывать подозрений.

Слава Богу, Рэю хватило ума едва коснуться моих губ легким поцелуем, а не превращать это помещение в съемочную площадку порнографического фильма. Хотя, признаться, я была бы не прочь повторить утренний поцелуй.

Через минуту мы уже спускались в лифте.

Рэй держался поодаль от меня, ничем не выдавая своей заинтересованности в моей

персоне.

— Спасибо, Линда.

Я еще раз внимательно посмотрела на него. Как он только не окочурился на улице в таком наряде? Едва ли кожаная косуха спасет от пронзительного ветра его торс, шея оголена, джинсы все изрешечены порезами, и только высокие замшевые ботинки на массивной платформе не вызвали сомнений — они явно предназначены для зимних прогулок. Что-то внутри меня сжалось, захотелось немедленно отчитать его за подобную беспечность — простуда уже на его пороге, можно не сомневаться. Постукивает легонько в дверь и улыбается. А ведь ему предстоит операция! Странные чувства начали меня одолевать — что это, забота о новоиспеченном муже или трезвый расчет хирурга?

— Я назначу операцию на утро. Потрудитесь не простудиться, мистер Скайфилд. — Недовольно пробурчала я в то время, как двери лифта раскрылись и выпустили нас в холл первого этажа. За тонированной пластиковой дверью кружили крупные хлопья снега, а прохожие жались друг к другу, уткнувшись носами в огромные шарфы. Я поежилась и сильнее затянула пояс на своем пуховике.

— Не переживайте, доктор Соул. Я слишком горячий, чтобы замерзнуть.

Рэй улыбнулся, бросив на меня загадочный взгляд. Он слегка прищурился и приподнял одну бровь. Этот взгляд был совершенно невыносим — он вызывал внутри меня томительную пульсацию, заставляющую переминаясь с ноги на ногу, словно мне срочно требуется в туалет. Я глубоко вздохнула, мысленно убеждая свой организм, что мне комфортно в тесных джинсах, и я ничего не хочу. Совсем ничего. Почти ничего.

Мы вышли на улицу. Я достала из кармана ключи от своего Форда и нажала на кнопку отключения сигнализации. В паре шагов от меня мой железный конь радостно замигал фарами.

— Вас подвезти? — я постаралась, чтобы в моем голосе слышалась вежливость. Только вежливость.

— Автомобили для неженков — ответил мужчина, застегивая куртку.

Он сделал несколько шагов и подошел к припаркованному рядом с моим Фордом черному байку. Рэй ловко перекинул ногу через сиденье, надел на голову висящий на рукоятке мотоцикла ярко-красный шлем и резко сорвался с места, оставив меня стоять в недоумении. Да, я помнила его рассказы о голодранце с Харлеем, но полагала, что ему хватит ума оставить это средство передвижения до следующего лета. Мчаться на мотоцикле по обледенелым улицам Чикаго было настоящим самоубийством. Хорошенькая перспектива — в один и тот же день выйти замуж и овдоветь. От этой мысли я поежилась. Неприятный холодок сковал мои внутренности. К черту! Его жизнь, пусть что хочет, то и делает.

Я забралась внутрь своей машины, завела мотор и включила печку. Теплый воздух обдал мое лицо. Нужно возвращаться в больницу, заполнить карты пациентов и посетить психиатра. Дерек, чтоб тебя... Сегодня первый сеанс. В предвкушении этой пытки, я включила радио и отпустила педаль сцепления. Авто послушно двинулось с места. Полчаса спокойствия. У меня есть целых тридцать минут дороги до клиники. Из динамиков захрипел голос Джо Кокера. Что ж, его компания мне вполне подойдет. Я посмотрела в боковое зеркало, и, пропустив пару машин, выехала на Вест-Адамс Стрит.

Через двадцать девять минут я парковалась на своем месте у больницы. Наспех переодевшись, первым делом я отправилась в палату 4003, проверить — добрался ли мой пациент до места, или его по дороге ветром сдуло.

Зайдя внутрь, я увидела там Мэнди, которая делала моему фиктивному мужу УЗИ.

— Доктор Лейк, назначьте, пожалуйста, операцию мистера Скайфилда на 9 утра.

Подруга повернула голову и недоуменно повела бровью.

— Но, доктор Соул...

— У нашего пациента обнаружилась жена, а вместе с ней чудесная страховка. Подайте мне, пожалуйста, его карту, я распишусь, где нужно.

Мэнди выпучила глаза и уставилась на меня, словно я была Гадзиллой или Питером Пенном.

— Доктор Лейк, подайте мне карту пациента!

Миранда протянула мне карту, я быстро нашла нужные бумаги, вписала свое имя и номер страховки, поставила подпись и вернула документы в руки подруги.

Рэй закрыл глаза и притворялся спящим. Мог бы и поддержать меня в трудную минуту.

— Линда, ты что, вышла за него замуж?

Моя подруга просмотрела подписанные мной документы и подняла на меня полные ужаса глаза.

— Доктор Лейк, я полагаю, палата пациента — не место для подобных дискуссий. Если у вас есть ко мне вопросы, я с удовольствием на них отвечу в комнате персонала. На лице Рэя, по-прежнему притворяющегося спящим, появилась едва заметная улыбка. Я ухмыльнулась. Что ж, придется выпутываться самой.

Убедившись, что больной на месте и все еще жив, я вышла в коридор. Миранда вылетела за мной.

— Линда, ты сошла с ума? — Подруга схватила меня за локоть и потащила в подсобку, служившую кладовой для медицинских материалов. После того, как дверь захлопнулась, она отпустила меня и встала, подбоченившись, словно злобная мамаша, готовая высечь провинившуюся дочь.

— Мэнди, успокойся. Я спасаю человеку жизнь.

— А ты в курсе, что шеф отделения может аннулировать твой страховой полис, если заподозрит, что брак заключен с корыстной целью? Сэм не даст тебе это проверить!

— А с чего ты решила, что брак фиктивный? Мы без ума друг от друга! Ты не представляешь себе, как он целуется!

Воспоминание об утреннем поцелуе заставило мой организм мобилизоваться — соски затвердели, внизу началось легкое покалывание, пульс ускорился. Спокойно, Линда.

— Ли, перестань! Уж мне ты лапшу не навешаешь. Еще вчера ты проливали слезы по мудаку Дереку, а сегодня, вдруг, влюбилась в пациента. Да так, что вышла за него замуж. Кого ты хочешь обмануть?

— Мэнди, просто не мешай мне. Я, прежде всего, врач, и мой долг спасти жизни людей.

— Да я — то мешать не буду, но хочу, чтобы ты четко понимала, во что вляпалась. Если администрация больницы заподозрит, а они заподозрят, уж поверь мне, тебя в подлоге — страховка будет аннулирована, а ты будешь уволена!

— В школе я посещала театральный кружок. А целоваться с этим красавцем мне и вправду нравится.

Я занервничала, осознавая, насколько права оказалась права моя подруга. Я ни на минуту не задумывалась о том, какие для меня могут быть последствия этой сделки. Все очень серьезно.

— Ты ни за что не проведешь Сэма. Он раскусит тебя на раз-два.

Мэнди дважды шелкнула пальцами, усиливая эффект от своих слов.

— Остается надеяться, что он по-прежнему мой друг, а не только шеф.

Я вспомнила, как вела себя с ним в последние пару месяцев, как гнала его от себя и оскорбляла. А мой монолог про дружбу в операционной?! Боже, это было убийственно! Мое лицо залила краска.

— Да уж — ответила Мэнди, — хотелось бы мне верить, что Сэм не держит на тебя зла. Вела ты себя с ним как настоящая стерва.

Я обхватила себя за голову руками и жалобно посмотрела на подругу.

— А вдруг повезет, и Сэм поддержит мое решение?

— Детка, даже если тебя поддержит Сэм, есть еще Дерек! Ты думаешь, ему понравится, что ты вышла замуж спустя сутки после вашего свидания?

— Боже... О нем я даже и не думала.

— Он должен быть на твоей стороне, если ты хочешь победы.

Миранда была права. Если начнется разбирательство, то Сэм непременно вызовет его, чтобы тот дал «показания» против меня.

— Значит, он будет на моей стороне.

Я присела на корточки и глубоко вздохнула. Голова трещала по швам. Ну и кашу я заварила.

Часть I. Глава 11

Глава 11.

Я старательно вывела черные, острые как иглы, стрелки на веках. Взгляд сразу стал хищным, ярким и опасным. Один из вьющихся локонов выбился из прически. Он небрежно спадал на щеку, добавляя моему образу сексуальности. Я решила не трогать его. Немного яркой помады тоже не повредит. Я достала из кармана халата тюбик МАС сочного кораллового оттенка и нарисовала губы. Оторвав взгляд от зеркала, я посмотрела на те самые часы, которые недавно хотела уничтожить из-за головной боли. Стрелки показывали 18:53. Нужно поторопиться. Не хочу заставлять Дерекать ждать.

В коридорах было на удивление шумно. В одном из многоквартирных домов города произошел взрыв газового оборудования, и теперь наше ожоговое отделение — эпицентр событий. Младший медицинский персонал носился по коридорам со скоростью пули — в руках бинты, капельницы, пачки лекарств. Кто-то закричал, что срочно нужна R-масса и тромбоконтрат. У меня вновь начало пульсировать в висках. Я ускорила шаг и чудом проскочила между закрывающихся дверей лифта. К моему неудовольствию, моим попутчиком оказался тот самый интерн, с которым моя подруга решила поиграть в отношения. Я внимательно рассмотрела его бейдж и, наконец, узнала имя смутителя моего спокойствия — Итон Смурфит.

— Добрый вечер, доктор Соул.

Итон нерешительно прокашлялся и увел взгляд в сторону. Соблазнитель Мэнди оказался на удивление привлекательным — смуглый, с идеальной кожей, маслянистыми серо-голубыми глазами и пухлыми губами. Теперь ясно, почему моя подруга решила рискнуть. Хотя, большой вопрос, кто кого соблазнил.

— Добрый вечер, доктор Смурфит.

Я бросила на него уничижительный взгляд, все еще не смирившись с подлянкой Мэнди. Оставалось надеяться, что пресловутый сексуальный договор действительно существует, и

они его подписали. Наконец, я оказалась на нужном мне административном этаже. Здесь было тихо. Больничные клерки закончили свою работу уже час назад. Я прошла мимо кабинета Сэма. Полоска света из-под двери свидетельствовала о том, что он все еще здесь. И все еще на испытательном сроке. А я, член его команды и вроде как лучшая подруга, подготовила для него новую засаду — организовала фиктивный брак с пациентом для получения страховки. Что ж, похвально Линда. Кабинет Дерекка располагался чуть дальше по коридору. Я поспешила преодолеть расстояние до него как можно быстрее, опасаясь встретить уходящего с работы Сэма.

Дверь в кабинет психотерапевта была открыта. Я остановилась в проеме и постучала по косяку костяшками пальцев. Дерек поднял голову от кипы бумаг на столе и расплылся в улыбке.

— Линда! Ты поразительно пунктуальна. 19:00. Заходи.

— Пунктуальность — вежливость королей, Дерек.

Я изобразила на лице искреннюю радость от встречи и вошла. Не уверена, что искренняя радость получилась правдоподобной, но я сделала все, что было в моих силах — мысленно представила себе гавайский пляж и танцующих девушек в ожерельях из тропических цветов и фруктов, которые регулярно подносят мне бокалы с Мохито.

— Отлично выглядишь — бросил он мне, как бы между прочим, и встал со стула. — Располагайся.

Дерек рукой указал на узкую кушетку, которая является непременным атрибутом всех кабинетов всех психотерапевтов во всем мире. Мне совершенно не хотелось укладываться на нее и предаваться самокопанию, но выхода не было — мне нужен союзник. Или тот, кто будет играть под мою дудку. Суть одна.

Я включила на полную мощность всю свою сексуальность и прилегла, закинув одну ногу на другую. Мой халат естественным образом задрался выше колена, оголив кружевной край черных чулок. Я специально сняла юбку перед походом в этот кабинет. Пока что я не изобрела другого оружия воздействия на мужчин, кроме своей умопомрачительной внешности. Ноги были ее частью — длинные, стройные, с упругими бедрами и гладкой кожей. То, что надо. Дерек не смог проигнорировать моих призывных действий и без зазрения совести тарачился на мои колени и все что выше, нервно сглатывая через равные промежутки времени.

Он прошел в центр комнаты и уселся в глубокое мягкое кресло напротив меня.

— О чем хочешь сегодня поговорить? — Он надел для важности очки и принялся поправлять их на переносице.

— О, хочешь, я расскажу тебе о своих застарелых страхах, и ты поможешь мне с ними справиться, чтобы я смогла вприпрыжку отправиться навстречу радуге и единорогам?

Я уставилась в потолок, надеясь, что инстинкты самца переселят профессионализм в мозг Дерека.

— Какое банальное начало, доктор Соул. Я надеялся, что ты приготовишь для меня что-то более захватывающее. Твои чулки, конечно, весьма сексуальны, но я видел и получше. А твоя ирония меня ничуть не трогает, ибо я привык к такому началу. Я ждал чего-то вызывающего, нестандартного... Отжига в стиле Гаги или Мэнсона...

Я почувствовала, как начали гореть мои щеки. Этот самоуверенный кретин провоцировал меня, а я велась. Я знала, что сейчас гормон кортизол мчит по моим венам и заставляет щеки краснеть, сердце биться быстрее, а мысли путаться. Таблетка стресса. Но знание в данном случае было бессильно против нейрохимических процессов. Я ничего не могла поделать.

— Я ничего не готовила, доктор Мидлтон — сказала я обиженно и поспешила одернуть халат.

— Хотя, мы могли бы договориться... Линда, ты злишься на меня за ту ночь, но мы оба взрослые люди. Ты сама этого хотела, а я тебе ничего не обещал.

— Дерек, я получила что хотела. О чем ты? — Я удивленно приподняла брови.

— Может, повторим?

Вот он, мой шанс. Несмотря на свою пламенную обличительную речь, он, прежде всего, самец, и только после этого психиатр. Я встала и подошла к нему, стараясь двигаться плавно и соблазнительно, осторожно ступая на мягкий ворс ковра в его кабинете своими острыми

шпильками.

Дерек снял очки и смотрел на меня, расплываясь в своей хищной улыбке. Я села на его колени. Перед глазами замелькали сцены из фильмов с Мэрилин Монро. Как она это делает? Улыбка, томный взгляд, несколько взмахов ресницами, рука на плечо, вторая смущенно поправляет подол халата.

— Дерек, ты действуешь на меня, как наркотик... — я наклонилась и обдала своим горячим дыханием его ухо и часть шеи, выглядывающую из-под ворота свитера.

Его рука скользнула по моей ноге.

— Тогда я сейчас просто поставлю в твоей карте все визиты, и мы сможем поехать к тебе...

— Угу.

Я встала с его колен и вернулась к кушетке, присев на самый ее край и плотно сдвинув ноги. Подобная поза действует на мужчин, как запретное яблоко на Адама — очень хочется раздвинуть колени и увидеть желанный треугольник трусиков. По взгляду Дерек я поняла, что права. Он уселся за стол, просверливая на моих коленях дырки своими карими глазами, словно лазером.

— Готово.

Я с облегчением выдохнула. Данные теперь занесены в компьютер, и он не сможет мне навредить. Мы вышли из его кабинета и направились к лифту.

— Мне нужно переодеться, я не могу ехать домой в халате и чулках.

— Почему бы и нет?

Его ладонь легла мне на задницу, и я еле удержалась от того, чтобы дать ему пощечину. Вместо этого я лишь ускорила шаг, и его рука соскочила с моей филейной части. Естественно, я не собиралась больше иметь ничего общего с этим мужчиной. Но все должно выглядеть так, как будто я очень и очень его хочу. А если ничего не выйдет — то уж точно не по моей вине.

— Подожди меня в машине — промурлыкала я и зашла в лифт, нажав кнопку закрытия дверей. Не хватало мне еще оказаться с ним в замкнутом пространстве.

Его лицо, конечно, искривила гримаса досады, но мне было плевать.

Наспех натянув на себя свитер и джинсы, я вернулась к лифту. На душе скребли кошки. Мне было неприятно от того, что я обманываю человека, пусть и самого настоящего мудака. Я нуждалась в подкреплении. В виде Рэя. Я повернула голову и увидела свет в коридоре с палатами. Интересно, что он делает?

Ноги сами понесли меня к нему. Я пока не могла дать определение той власти, которую этот мужчина приобрел надо мной. Мне хотелось верить, что это только сексуальное влечение. А с этим легко справиться.

Рэй смотрел какое-то старое черно-белое кино с Кери Грантом. По-моему, это был фильм «Она обошлась с ним нечестно».

— Добрый вечер, мистер Скайфилд.

Я вошла и застыла между дверью и его кроватью, чтобы не загораживать ему экран телевизора, висевшего на стене.

Рэй резко повернул на меня голову и широко улыбнулся. Расщелинка между его зубов заставила мой язык начать выписывать пируэты во рту.

— Какая приятная неожиданность, доктор Соул. Зашли, чтобы поцеловать на ночь и пожелать сладких снов? — Он игриво приподнял бровь, чем вызвал тянущий спазм в моем

животе. — Как мило с вашей стороны!

— Я зашла, чтобы убедиться, что вы не простудились сегодня днем и готовы к операции.

— Какая заботливая у меня женушка. — Он взял в руки пульт и выключил звук.

— Мистер Скайфилд, ваш юмор весьма элегантен, но не уместен.

— Линда....

Я не услышала, а прочитала свое имя у него на губах. Мой взгляд вцепился в его рот, и я заикнулась на том, как шевелятся его губы, формируя звуки.

— Да?

— Подойди, пожалуйста.

Его бархатный голос пробудил полчища мурашек. Они начали будоражить мою кожу, словно я попала под проливной дождь. Я повиновалась и подошла к краю его кровати.

Рэй похлопал ладонью по одеялу, приглашая меня присесть. Я снова послушалась. Его взгляд лишил меня силы воли. Он протянул мне руку, в которую я вложила свою ладонь. В памяти сразу всплыли ощущения в приемной мирового судьи — тепло, уверенность, поддержка.

— Ты же понимаешь, что я тебя не отпущу?

О Боже! Я снова читаю по губам, не в силах оторвать взгляда от его манящего рта. Звук его голоса проник мне под кожу, обволакивая мой слух, словно сгущенное молоко. Мне нужно было что-то отвечать, но голосовые связки отказывались меня слушать. Я не могла выдать ни звука. Я смотрела на него, как жертва смотрит на хищника, когда уже понимает, что пропала — не мигая, не отводя взгляда, и не шевелясь.

Его тело подалось вперед, и я почувствовала уже знакомый запах сигарет и ментола. Во рту стало сухо. Рэй взял в руку мой подбородок и рывком притянул лицо к себе, тут же впившись поцелуем в мои губы. На этот раз я и не думала сопротивляться. Я приоткрыла рот, впуская его язык, и позволила своему языку с остервенением наброситься на его десна и нёбо. Он просунул руку мне под свитер, смял ладонью чашечку бюстгалтера и освободил грудь. Затем его пальцы зажали мой сосок, слегка оттягивая его то вверх, то вниз. Это была невыносимо — сладкая пытка. Буйство гормонов, вбрасываемых в кровь, вызывало жжение между ног, головокружение, сердцебиение, состояние сродни наркотической эйфории. Дофамин, эстроген и окситоцин — опасный коктейль для одинокой женщины. Не уверена, что смогла бы удержаться и не утащить этого мужчину в ванную комнату, если бы не звук тяжелых шагов по коридору. Затем я услышала голос Дерека, который за что-то благодарил Тайру, постовую медсестру. Я резко отпрянула от Рэя и, поправив на себе белье и свитер, встала по стойке смирно возле выхода из палаты. В ту же секунду Дерек зашел внутрь.

— Вот ты где! Я уже с ног сбился. Спасибо, Тайра подсказала, где тебя искать, дорогая. — Он подошел ко мне и положил руку на талию. — Рабочий день уже давно закончен, поехали домой.

Рэй смотрел на меня невидящим взглядом. За долю секунды я превратилась для него в прозрачную стену. Больше никакого тепла и блеска в глазах. Холодный серый графит.

— Я о том же ей толкую уже минут десять. Она слишком волнуется за меня. — Бросил Рэй равнодушным тоном. — Правда, все жены такие — переживают за своих мужей, как за малых детей. Особенно сразу после свадьбы.

Меня словно пронзила молния. Внутри стало горячо, кровь прилила к лицу. Я повернула

голову и увидела, как побагровело лицо Дерек. В его глазах читалось недоумение и растерянность. Рэй, заткнись, пожалуйста! Пока все не испортил.

— Ох, доктор... как вас там? Не тревожьтесь так, послезавтра мы подадим на развод. Не так ли, доктор Соул?

Я почувствовала, как земля уходит у меня из-под ног. Нужно немедленно уводить отсюда Дерек, пока он не бросился к телефону и не позвонил кому-нибудь из правления.

— Совершенно верно, мистер Скайфилд. Доброй ночи. Увидимся завтра на операции.

Я схватила Дерек за руку и потащила к выходу.

— Я тебе все объясню. Идем.

Оказавшись в коридоре, я услышала, как Рэй включил звук на телевизоре. Внутри меня гулял неприятный холодок, вызывающий болезненные спазмы.

Дерек быстро шагнул к лифту, а я едва поспевала за ним. Он был в ярости.

— Дерек, подожди. У этого пациента жуткий юмор.

Я проскочила за ним в кабину лифта и отдышалась. Теперь ему придется меня слушать.

— Линда, что это значит!? Его скулы подергивались, а в глазах сверкали молнии.

— Дерек, я как раз хотела тебе все рассказать, но он опередил меня. Мне нужна твоя помощь.

— Что?! Я тебе еще и помогать должен?

— Это фиктивный брак. У пациента нет страховки, и он бы умер не сегодня, так завтра, от разрыва стенки аорты. У него огромная опухоль на внешней стенке трахеи, которая вот — вот прорастет в аорту.

— О Боже! Линда, это мошенничество!

— Это спасение жизни, Дерек! Ты же тоже врач! Неужели, ты бы отпустил гулять на свободе психически-больного только потому, что у него нет страховки? А если он опасен для общества или для самого себя? Ты бы спал спокойно, зная, что человек совершил самоубийство или убийство, потому что не получил психологической помощи из-за отсутствия страховки?

— Конечно, я бы помог, Линда! Но ты хоть понимаешь, что наделала?

Двери лифта распахнулись, и мы вышли в холл первого этажа, заполненный родственниками пациентов.

— Я сделала все, что было в моих силах, чтобы спасти пациента. Видишь всех этих людей? Они с надеждой ждут новостей о спасенных родных. Рэй Скайфилд тоже чей-то близкий. И я не могу отпустить его умирать.

— Но как я могу тебе помочь?

Мы вышли на улицу и двинулись в сторону моего Форда.

— Сэм начнет расследование. Он не поверит во внезапно вспыхнувшую любовь, и дело может закончиться моим увольнением. Мне нужно, чтобы ты подтвердил, что между нами ничего не вышло по причине моего стремительного умопомешательства и страстной любви к мистеру Скайфилду, которая свалилась на меня, как снег на голову.

— Но, это ведь только для протокола, верно?

Я ухмыльнулась. Этот козел все еще рассчитывает меня трахнуть.

— Конечно, только для протокола. И сейчас мы отправимся его нарушать.

Я посмотрела ему в глаза и улыбнулась. План почти сработал. Осталось придумать, как потянуть время. Завтра после операции мне уже будет все равно.

Дерек, судя по всему, остался доволен моим ответом. Мышцы на его лице расслабились,

и он стал похож на кота у миски со сметаной — легкая улыбка подернула уголки его рта, веки приспущены, губы расслаблены. Мне даже стало его немного жаль. Прости, Дерек, но фильма не будет. Электричество закончилось.

Часть I. Глава 12

Глава 12.

Я поднималась на свой второй этаж со скоростью черепахи. Все внутри меня ныло, скулило и сопротивлялось тому, чтобы впустить Дерека в квартиру. Но отступить было поздно.

Закрыв за ним дверь, я почувствовала сдтрах. Перед глазами встала клартина секса с этим мужчиной — гёрубый, диктаторский стиль, без сантиментов и лчасковых прелюдий. Я не знала, как донести до него тот факт, что сегодня не собираюсь с ним спать. Мои отговорки вряд ли его удовлетворят, учитывая то, как он смотрит на меня, как дышит и как сглатывает, раздевая меня взглядом. Чтоб ты провалился, Рэй Скайфилд! Если бы не ты, я бы не попала в подобную передрагу.

— Выпьешь? — Я разделась и обула мягкие тапочки, которые противно шаркали подошвами по паркету.

— Да. Позволишь принять у тебя душ?

Я повела бровью. Он что, собрался намыливать свои яйца перед тем, как подкатить ко мне? В горле образовался тошнотворный комок. Я не знала, как реагировать на его вопрос и на автомате ответила согласием. Я же воспитанная девушка, когда меня вежливо просят об одолжении — я иду людям на встречу. Проклятое воспитание когда-нибудь сыграет со мной злую шутку.

Дерек бросил на спинку дивана свой свитер, оголив торс, и в джинсах и носках отправился в душ, ничуть не смущаясь тому, что он был в гостях. Через пару минут я услышала шум воды. Я прошла на кухню и достала из холодильника две бутылки «Budweiser». Затем сняла с полки два пивных бокала и сполоснула их водой. Вернувшись в гостиную, я услышала, как Дерек поет в душе «Billie Jean» Майкла Джексона, противно завывая и попадая мимо нот. Я поморщилась и поставила стаканы и пиво на журнальный столик. Затем включила ноутбук, чтобы проверить почту. Как только открылся рабочий стол, на экране появилось окно входящего вызова «Skype». Это была Мэнди. Я ответила.

— Привет, старушка! — Миранда поднесла к камере открытую бутылку пива и широко улыбнулась, сверкая голубыми глазами.

— Ты, наконец, отремонтировала свой Macbook?

— Да, почти шгуку баксов отвалила, мне переустановили все программы и вмонтировали новую камеру.

— Отмечаешь?

— Ага, с Итоном.

Из-за спины подруги появилась смазливая физиономия интерна.

— Здравствуйте, доктор Соул. — Итон смущенно улыбнулся и положил руки на плечи Мэнди. Эта парочка явно была счастлива.

— Итон, прекрати, мы не на работе, а я не на пенсии. Просто Линда.

— Окей, Линда.

— Миранда, вы же подписали договор? — С языка сорвался не совсем уместный вопрос, но я больше не могла оставаться в неведении насчет своей подчиненной.

— То есть, тебя все-таки больше волнует твоя собственная прикрытая задница, нежели

счастье любимой подружки? Фи, Линда!

Миранда скривилась в наигранной ухмылке.

— Мэнди, прости, но да. Меня беспокоит надежность моего тыла.

— Да подписали мы, Итон сам предложил, так как не хочет вылететь из программы обучения.

— Все в порядке, доктор Соул, — робко вставил молчавший до этого Итон.

— Я же просила, просто Линда.

— Прошу прощения, привычка.

— Ты не одна? — спросила Миранда.

— Как ты узнала?

— У тебя две бутылки пива на столе, и два бокала.

— Да, у меня Дерек.

— Какого черта он у тебя делает? Что ты собралась делать? И где он?

Миранда затараторила, а у меня зазвенело в ушах.

— Он в душе, я ничего не собираюсь с ним делать. Выпьем по пиву, и я его выпровожу.

— Ха-ха, как же! Я сомневаюсь, что он добровольно смоемся. Тебе нужно заполучить его в сообщники, а не взбесить.

— Я и не собираюсь его бесить, Мэнди, и говори потише, он в любой момент может выйти и все услышать.

— Ну, как знаешь. Я тебя предупредила.

— Угу.

— Мне, собственно, нужно проверить работу новой камеры. Ты не против, если я включу запись?

— Да, валяй, пока Дерек не вышел из душа.

Мэнди наклонилась над клавиатурой, и я услышала, как она щелкает по кнопкам ногтями.

— Так, вроде процесс пошел!

Моя подруга довольно потеряла ладони.

— Надеюсь, ты не собираешься добывать компромат на меня?

Я открыла одну бутылку пива и сделала глоток. С каждой минутой я нервничала все больше. Мне жутко не хотелось оставаться наедине с Дерекком, и я молилась, чтобы он там утонул. Злая, жестокая Линда! Нельзя желать никому зла. Но иногда очень хочется.

— Конечно, собираюсь!

Миранда прыснула от смеха. Итон, развалившийся в кресле позади моей подружки, внезапно вскочил с места и начал принюхиваться.

— Мэнди, милая, ты что-то печешь?

Лицо моей подружки исказила гримаса отчаяния. Мне показалось, что я тоже чувствую сквозь монитор аромат выпечки, приправленный горьковатым запахом гари. Я не смогла сдержать улыбку, на какое-то время моя подруга помогла мне забыть и о Дерекке в моем душе, и о предстоящей операции, и о возможных последствиях.

— О.Мой. Бог! Это тыквенные кексы! — Миранда вскочила с кресла и вскинула руки. — Линда, никуда не уходи, я сейчас вернусь!

— Окей.

Я кивнула головой и откинулась на спинку дивана. По другую сторону экрана Итон чувствовал себя неуютно под моим пристальным взглядом, и, через пару секунд, поспешил

на помощь Мэнди.

— Не скучай — бросил он мне, прежде чем скрыться за дверью.

Да уж. Скучать мне точно не придется. В комнате стало тихо. Очень тихо. Я больше не слышала шума воды, а это значит, что мой гость закончил свои водные процедуры и вот-вот осчастливит меня своим эффектным появлением.

Дверь в ванной скрипнула, и я сжалась в комок, готовясь держать оборону. Но то, что я увидела, заставило меня впечататься в спинку дивана, как будто там дальше, за ней, был тайный ход, по которому я могла бы сбежать. Дерек предстал передо мной, загородив собой экран ноутбука, и прикрыв интимные места только узким полотенцем для рук, которое вот-вот норовило соскользнуть с его широких бедер. Его волосы и тело блестело от воды. Он взял со стола бутылку с пивом, зубами откупорил крышку и выплюнул ее на пол. Я вздрогнула. Он начинал меня пугать.

— У тебя не очень хорошо работает слив в душе, я могу посмотреть, в чем там дело.

Он сделал несколько жадных глотков, затем обошел столик и плюхнулся рядом со мной. Экран ноутбука погас, перейдя в режим экономии энергии, и теперь, вместо комнаты Миранды, на нем мелькала заставка Windows.

— Не стоит, я вызову сантехника.

— А ты не хочешь в душ, прежде чем мы...? — Он взял в ладонь мой локон и стал накручивать его на палец, заставляя придвинуться.

— Дерек, боюсь, сегодня ничего не выйдет.

Он на мгновение перестал тянуть меня за волосы и удивленно приподнял брови.

— Детка, у меня всегда и все выходит.

— У меня менструация.

Я придумала эту отговорку, потому что ничего более оригинального мне в голову не пришло. Теперь я понимала, как глупо было надеяться, что подобная ложь подействует на этого мужчину. Вместо ответа Дерек улыбнулся своей хищной и опасной улыбкой, не сулившей мне ничего хорошего.

— Но ведь у тебя много других отверстий, Линда, — прошипел он мне уже практически на ухо. По моей коже пробежал холодок ужаса.

— Дерек, прекрати, это не смешно! — Я постаралась освободить свои волосы из его руки, но он только сильнее вцепился в них, норовя снять с меня скальп.

— Ну же, киска, поработай своим волшебным язычком! — Свободной рукой он откинул полотенце, и моему взору пристали его причиндалы во всей красе. Член уже стоял, окруженный несметным количеством коротких и вьющихся черных волосков, растущих на мошонке. Меня начало воротить.

— Я сказала НЕТ! — крикнула я во весь голос, в надежде, что меня услышит Мэнди, или соседи, на худой конец.

— Ты думала, так просто меня облапошишь, да? Но по счетам нужно платить. Я помогаю тебе в твоей афере и закрываю глаза на прогулы моих сеансов, а тебе нужно всего лишь отсосать.

Одна его рука продолжала тянуть меня за волосы, а вторую он положил мне на затылок и стал давить, чтобы я склонила голову.

— Отвали от меня, больной ублюдок! Я сказала, что ничего не будет! Я подам заявление об изнасиловании!

Я начала кричать и толкать его руками, по щекам потекли слезы. Мэнди, черт бы тебя

побрал! Где ты ходишь?!

— Да кто тебе поверит, сука! Вся больница знает, что ты сама мне дала!

Кончик моего носа коснулся головки его члена, и я завывала, стиснув зубы.

— Доктор Мидлтон! Что вы делаете?! — ожил мой ноутбук, и на экране сперва появилось шокированное лицо моей подруги, а затем еще более ошарашенная физиономия ее парня.

— Какого черта? — Дерек вскочил, прикрывшись полотенцем.

— Мразь! — я поправила волосы и утерлась рукой. Запах его кожи все еще стоял у меня в носу. — Все, что здесь произошло, записано на камеру моей подруги. Не так ли, Миранда? Ты ведь записывала?

— Именно! Вызывай копов!

Дерек схватил со спинки дивана свои джинсы и поспешил их натянуть.

— Лживая тварь! Ты за это ответишь! — его глаза метали громы и молнии.

— Это ты ответишь, козел! — я смерила его презрительным взглядом. — Или ты помогаешь мне проверить операцию для мистера Скайфилда и молчишь про сеансы психотерапии, или запись твоих нестандартных ухаживаний за мной завтра же ляжет на стол правления, а также окажется в ближайшем отделении полиции. Плюс показания двоих свидетелей.

Миранда и Итон закивали с экрана в знак согласия.

— Линда, позволь я набью ему морду? — подал голос Итон. Вместо тихого и слегка гнусавого, его тембр стал звенящим и натянутым как стрела. Этот мальчик уже превращается в мужчину. Я стала чуть ближе к тому, чтобы одобрить выбор моей подруги.

— Заткнись, сосунок! — рявкнул Дерек.

Желваки на его скулах ходили ходуном. Он весь покрылся испариной и бросал нервные взгляды то на меня, то на ноутбук, то на входную дверь.

— Скажешь это моему кулаку! — Лицо Итона, перекошенное от злости, заполнило собой экран ноутбука.

Я подумала, что родилась под счастливой звездой. Если бы не звонок Миранды, все могло бы закончиться очень плохо.

— Итак, Дерек? Что же мне делать с записью? — Я пришла в себя и доверилась бдительному оку подруги по другую сторону экрана.

— Не вздумай испортить мне карьеру! — буркнул он, натягивая ботинки у выхода.

— А ты не вздумай испортить мне операцию.

Он резко выскочил, хлопнув дверью. На лестнице послышались тяжелые гулкие шаги, эхо от которых, наверняка, доносилось до самого чердака.

— Линда, чем ты думала? — укоризненно выдала Миранда, покачивая головой.

В этот момент я расплакалась. Мое тело начало содрогаться от рыданий. Пережитый стресс выходил наружу. Какого черта я все это затеяла? А главное, ради кого? Зачем я подвергла себя такой опасности? Неужели, это все только из-за пресловутого врачебного долга и смазливового пациента? Нет... Рэй не просто пациент, и пора это признать. Меня не просто к нему влечет, я готова ради него рискнуть жизнью. Я готова совершить преступление и потерять работу. Похоже, я влюбилась.

Часть I. Глава 13

Глава 13.

Я устала на доску с расписанием, как баран на новые ворота. Я вновь и вновь

перечитывала название своей операции, фамилию пациента, номер операционной и время. Во-первых, вместо 9 утра, кто-то написал 12 дня, во — вторых, вместо меня, согласно записям на доске, оперировать Рэя будет Аманда Хофф. Голова наполнилась догадками. Никто кроме шефа хирургии не мог так поступить. Я заведующая кардио, и только я назначаю даты, время и хирургов. Выше меня только Бог, ну или Сэм. Значит, до него уже дошла информация о моем замужестве, что было не самым страшным в этой ситуации. Гораздо больше проблем мне сулил возможный запрос из страховой компании. Если там заподозрили неладное, они инициируют расследование, следовательно, меня отстранят от операции. За этими мыслями меня и застал мой босс. Я узнала его руку, опустившуюся мне на плечо. Тяжелая, широкая ладонь с длинными и тонкими пальцами. Рука виртуоза-пианиста, или хирурга. Одного из лучших в Штатах.

— Доброе утро, доктор Соул!

— Доброе утро, шеф.

— Это я изменил расписание.

— Я так и подумала.

— Не хочешь спросить, почему?

— Я догадываюсь.

— Вот и умница. Пошли ко мне в кабинет, поговорим.

Я стыдливо опустила голову и последовала за ним. Всю дорогу он хранил молчание, однако выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

— Заходи. — Он открыл дверь ключом, и из комнаты пахнуло ароматом освежителя — что-то свежее, с нотками цитруса и мяты. Так пахнет роса в саду с апельсиновыми деревьями.

Я вошла и расположилась на уже знакомом мне кожаном диване, покорно сложив руки на коленях и выпрямив спину, как провинившаяся воспитанница пансионата благородных девиц. Не хватало только чепчика на голову и белоснежного накрахмаленного фартука поверх моего халата. Я боялась поднимать на Сэма глаза и внимательно изучала соринки на полу, стараясь не нервничать.

— А теперь расскажи мне, почему я не был приглашен на твою свадьбу?

Я украдкой бросила на него взгляд и почувствовала, как краснеют мои щеки. Он уселся в свое кресло и смотрел на меня, хитро прищутив глаза. Так смотрит друг, когда уличает тебя в проделках. На душе немного отлегло.

— Сэм, прости. Все произошло так быстро, что я толком никому не успела сказать. Даже родителям.

— Интересная штука получается, Линда... Ты приходишь ко мне с просьбой разрешить тебе провести бесплатную операцию, получаешь мой отказ, а заодно и совет женить на ком-нибудь несчастного пациента, и уже на следующей день этот больной чудесным образом оказывается женат... Нет, я не спорю, все в принципе верно — я же сам тебе это насоветовал. Но представь себе мое удивление, когда я вижу твою подпись в его карте? Твою, Линда! Миссис Скайфилд, не так ли?

— Сэм..

— Я просто в шоке!

Я подняла голову от пола и изобразила на лице чувство вины. Учитывая, что актриса из меня плохая, чувство вины тоже вышло неубедительным. Я ничего не могла поделать, поскольку после вечернего происшествия с Дерекком, поняла, наконец, что втрескалась по

уши в этого больного, и никакого чувства вины не испытываю. Более того, я уже за ним замужем! Сказка просто! Всю ночь я обдумывала свое внезапно свалившееся на голову счастье — другие девушки подолгу ищут свою половинку, потом проверяют свои отношения в гражданском браке, потом ждут, когда мужчина соизволит сделать предложение, а это может длиться годами. А он в итоге попросту уходит к другой, так как не готов строить семью, или просто потому, что струсил. Я же умудрилась перемотать этот этап в своей жизни, как кинолентку — всего за пару дней. Так что да, мне совсем не стыдно. Тем более, что чувства мои, судя по всему, взаимны. Тут я вспомнила вчерашний поцелуй, и то, как его пальцы сжимали мой сосок, и покраснела еще больше. Нужно было что-то отвечать пронзающему меня насмешливым взглядом Сэму.

— Сэм, я сама в шоке.

— У тебя есть объяснение? Хоть какое-то, более или менее правдоподобное, ибо у меня на столе лежит официальный запрос из страховой компании, который я получил сегодня по факсу.

Он взял в руки листок факсимильной бумаги и помахал им в воздухе. Что ж, это было угрожающе. Страховая компания шутить не любит. Тридцать штук баксов за операцию и что-то около десяти тысяч за послеоперационный уход — мне бы тоже было не смешно.

— Все дело в том, что Рэй моя первая любовь... с колледжа.

Боже! Какую чушь я несу?! Я никогда не умела врать, а тем более врать Сэму, с которым мы столько вместе пережили. Но он попросил правдоподобное объяснение, а у меня его не было. Пришлось сочинять.

— Ого! — Сэм присвистнул, а затем его брови поползли вверх, в то время как рот расплывался в улыбке. Неужели поверил? Наверное, меня спасал тот факт, что я продолжала пялиться на пол.

— Он учился с тобой в Принстоне? На каком же факультете?

— На юридическом. Рэй был старше меня, и уже заканчивал учебу, когда я поступила.

— Тогда понятно, почему ты решила бороться не на жизнь, а на смерть за операцию для него.

Ха-ха, поверил! Внутри меня ликовал маленький чертенок, и мне, отчего-то, было приятно думать, что я действительно знаю Рэя уже тысячу лет.

— Мы случайно встретились здесь, и все вспыхнуло с новой силой... Ну, ты понимаешь о чем я...

Я то уж точно понимала, о чем я — о его пронзительных серых глазах, о широких мягких губах, о зовущей расщелинке между зубов, о волнительном запахе ментола и сигарет, и о его пальцах, сжимающих мой сосок.

— А как же Дерек?

— У нас ничего не вышло. Мы сходили на одно свидание, а потом появился Рэй и сделал мне предложение. Ничего не было.

— Ясно. — Сэм взял в руку карандаш и начал постукивать им по столу. — Что ж, мне нужно получить подтверждение твоих слов от Дерека, и тогда все в порядке. Но оперировать я тебе все равно не дам. Согласно правилам больницы, мы сами не можем лечить своих родственников. И уж тем более оперировать. Личные привязанности могут сыграть роковую шутку, а хирургу в момент операции нужен расчетливый и холодным ум, без эмоций.

— Без эмоций... — повторила я за ним, мысленно уже смирившись с тем, что у меня отобрали операцию. Пусть будет так. Главное, чтобы опасность миновала, так как я

решительно настроена провести с моим фиктивным мужем настоящую брачную ночь.

— Хорошо, что ты понимаешь.

— Можно мне хотя бы следить за ходом операции из смотровой?

— Хорошо. Но не вмешиваться. Внутренний телефон будет выключен.

Я кивнула. Очень сомневаюсь, что смогла бы просто сидеть на стульчике и смотреть сквозь стекло на то, как Аманда орудует у Рэя в гортани лапароскопом. Я даже благодарна Сэму за то, что лишил меня искушения.

Шеф поднял трубку телефона и нажал на кнопку громкой связи. На другом конце провода ответила Бетти, его секретарь.

— Да, шеф.

— Бетт, пригласи, пожалуйста, ко мне доктора Мидлтона.

— Хорошо.

Сэм положил трубку.

— Останешься послушать версию Дерекка?

— Если ты позволишь.

Мне вдруг захотелось посмотреть в лицо этому волку в овечьей шкуре. Как сильно мы можем ошибаться, полагаясь только на свое первое впечатление о людях. Ни для кого не секрет, что мы стараемся обаять и пленить своим умом и внешностью новых знакомых, поддаваясь инстинктам и, что происходит чаще, общественному мнению. Особенно в случае знакомства с противоположным полом. Особенно если представитель этого самого противоположного пола показался нам привлекательным. Если бы все мы были теми, кем хотим казаться при первой встрече — то свадеб на нашей планете стало бы гораздо больше, а количество разводов стремилось к нулю. Но жизнь сложнее, мы все завернуты в обертки из модных брендов одежды и обуви, косметики для лица и тела, ароматов духов. И под этим фантиком каждый скрывает что-то свое — у одного шоколадный трюфель, у второго липкая ириска, а третий прячет кислую шипучку. У некоторых под оберткой откровенное дерьмо. И Дерек из их числа. Под внешней оболочкой интеллигентного и галантного мужчины, весьма привлекательного внешне, скрыт садист и деспот. Чертов маньяк. Хотя, чему я удивляюсь? Маньяки, как известно, самые лучшие притворюги в мире. Порядочный семьянин? Угадали. Набожный проповедник? Снова в десяточку. Школьный учитель? Да. Спортивный тренер? Опять да. Известный психиатр с безупречной репутацией? Это он. Дерек Мидлтон — озабоченный мудака. И он у меня на крючке. Пусть только попробует мне помешать. А что касается записи — она непременно окажется на столе офицера в отделении полиции. Я не допущу, чтобы какая-нибудь другая глупая одинокая Линда в другой больнице пострадала от рук этого Казановы. Но сначала пусть поможет мне с Рэем и уволится из этой больницы. Мне не нужны сплетни.

Пока я размышляла, дверь в кабинет Сэма открылась, и на пороге появилась фигура неудавшегося насильника.

— Вызывали?

Он выглядел, словно загнанный в угол зверь — костюм не первой свежести, помятый, на лице легкая щетина, под глазами синие круги. Очевидно, ночка выдалась для него не самая добрая.

— Да, Дерек, заходи. Тут вопрос пары минут, мне нужно дать ответ страховой компании насчет новоиспеченного мужа доктора Соул.

Дерек кивнул и прокашлялся, бросив на меня испепеляющий взгляд, от которого я

сжалась в комок. Несмотря на имеющиеся у меня козыри, этот человек вызывал во мне дикий, животный страх.

— Не понимаю своей роли в этом деле, доктор О`Фаррис. — Он встал посреди кабинета, справедливо не рискнув опуститься на диван рядом со мной.

— У вас были отношения с доктором Соул?

— Мы сходили на свидание.

— Интимные отношения? — Сэм строчил протокол этого «допроса» на клавиатуре своего компьютера.

— До этого не дошло. — Дерек вновь бросил на меня свой зверский взгляд и противно ухмыльнулся, оскалив зубы. Мне вновь стало не себе, и я стала мысленно молиться, чтобы эта пытка скорее закончилась. Уже почти десять, а еще не видела Рэя. Мне не терпелось покинуть кабинет и отправиться к нему.

— И почему же? — не унимался Сэм.

— Потому что доктор Соул внезапно вспылала любовью к мистеру Скайфилду и вышла за него замуж.

Я сглотнула. Теперь главное, чтобы наши версии не разошлись в разные стороны.

— Доктор Соул как-то объяснила вам такое внезапное решение?

— Нет, она не должна была мне ничего объяснять. Между нами ничего не было. Меня удовлетворили ее извинения.

Я выдохнула. Слава Богу.

— Что ж, спасибо, доктор Мидлтон. Подпишите здесь. — Сэм протянул ему еще горячий лист бумаги, который пару секунд назад выдал его принтер.

Дерек рывком оставил свою роспись в конце документа. Я слышала противный скрип шариковой ручки.

— Вы свободны.

Дерек кивнул и, не оборачиваясь на меня, вышел из кабинета.

— Ты тоже свободна, Ли.

Я вздрогнула. Голос Сэма вернул меня из мира размышлений в действительность.

— Что-то не так? Ты застыла, словно кадр из фильма, поставленного на паузу.

— Нет, просто этот человек вызывает у меня неприятные ассоциации.

— Зачем тогда пошла с ним на свидание? — Сэм непонимающе посмотрел на меня.

— Назло тебе.

Я встала с дивана, поправила халат и вышла из кабинета, оставив Сэма сидеть с открытым от удивления ртом. Вокруг меня стало слишком много лжи. Это нужно исправлять. И начать я собиралась с Рэя.

Часть I. Глава 14

Глава 14.

Я поправила макияж и, бросив последний взгляд на свое отражение в зеркале, вышла из комнаты отдыха в коридор своего отделения. Внутри все трепетало, порхало и щекотало меня. словно кто-то орудовал гусиным перышком в животе. Я радовалась тому, что приняла свои новые чувства, что отпустила Сэма и что чудесным образом избежала участи быть девушкой Дерекса. До сих пор судьба была ко мне благосклонна, и я позволила себе расслабиться. Я немного нервничала, потому что собиралась сказать Рэю, что он получит развод только через мой труп. Но это была бравада. Честно говоря, я шла туда, не зная еще, что сказать, чтобы не выглядеть глупой. И что-то мне подсказывало — глупой я выглядеть

все-таки буду. Внутри меня влюбленность и страсть боролись с гордыней. Эндорфины и энкефалины в моем организме объявили войну генам, отвечающим за амбиции и надменность. Я знала, что гордыня губит жизни, но пресловутые принципы демократии, свободы и равенства, привитые мне с молоком матери, не давали расслабиться. Однако, если вы хотите иметь то, что никогда не имели, вам придется делать то, что никогда не делали. Люблю Коко Шанель и ее высказывания. Не в бровь, а в глаз. Все мое предыдущее поведение никак не вязалось с тем, что я собиралась сделать. Я ничего не могла поделать с идиотской улыбкой на своем лице — точь-в-точь, как у мамы на свадебной фотографии. Я называла эту улыбку «шире круг» и раньше даже и не подозревала, что мышцы на моем лице также способны оттянуть мои губы почти до самых ушей. Пара коллег-хирургов и несколько медсестер, что я встретила по пути в его палату, не удержались от того, чтобы после приветствия обернуться мне вслед и шептаться за моей спиной. Мне было не то чтобы все равно, но я не придавала этому значения. Какое мне дело до этих пересудов, если я впервые за долгое время чувствую себя счастливой?

Наконец, перед глазами предстала белая дверь с заветными цифрами — 4003. Я глубоко вдохнула и вошла внутрь. Улыбка медленно сползла с моего лица. Кровать Рэя была заправлена, а его самого не было на месте. У меня защемило в груди. Куда он мог подеваться? Если бы он вышел в туалет или душ, кровать была бы разобрана. Но дело было не только в кровати. Мониторы и датчики, которые неустанно следили за его состоянием, также были отключены. Мое лицо обдало жаром. Я почувствовала первые признаки волнения — мурашки, колкий холодок по коже, глаза метались из стороны в сторону, к щекам прилила кровь. Я постучала в дверь ванной комнаты, чтобы убедиться, что палата действительно пуста, и, получив в ответ тишину, вернулась в коридор.

— Тайра! — я громко позвала постовую медсестру.

Послышалось побряхтывание и скрежет ножек стула о пол. Через минуту грузный силуэт уже немолодой женщины в безразмерной робе появился из-за угла.

— Что-то случилось, доктор Соул? — она, несмотря на свои объемы и вес, довольно быстро приближалась ко мне. Сказывалась работа в хирургическом отделении. Здесь взрвалочку не походишь, ведь на кону человеческая жизнь.

— А где пациент из этой палаты? — Я старалась говорить ровно и спокойно.

— Красавчик?

Я бросила на Тайру гневный взгляд, после которого она стушевалась и прокашлялась.

— Простите. Мистер Скайфилд?

— Да, где мистер Скайфилд?

— Его срочно увезли на операцию. Я была внизу, забирала результаты анализов из лаборатории, вам лучше спросить у...

Я уже не слушала. Внутри меня словно завелся двигатель внутреннего сгорания мощностью не меньше ста сорока лошадиных сил. Я бегом бросилась к лифту. Операционные были на 7 этаже. Это примерно пятнадцать секунд. Потом еще секунд десять до операционной номер пять, в которой его должны оперировать. Голова шла кругом. Что могло случиться? Еще вчера вечером все было хорошо. Я знала ответ, но гнала его прочь от себя, словно уговаривала свой разум поверить сердцу, поверить в то, что все будет хорошо, вопреки реальности. Операция началась на два часа раньше положенного срока потому, что у него произошел разрыв стенки аорты. Без вариантов. Но Господи, это же мой Рэй! В эту минуту мне захотелось стать обычной женщиной, которая ни черта не смыслит в анатомии и

сердечно-сосудистых заболеваниях, которая не знает последствий разрыва стенки аорты и печальной статистики — **более 90 % таких пациентов погибают в результате массивного кровотечения и терминального шока.** Если бы я всего этого не знала, мне было бы гораздо проще верить команде врачей во главе с Амандой, точнее верить в нее. Аманда должна совершить чудо, иначе я сегодня стану вдовой.

В голове уже вертелся план операции — иссечь пораженный участок аорты, заменить сосудистым протезом, постоянно вливая кровь и контролируя давление, а затем удалить опухоль. Каков был план Аманды — я не знала. И это пугало.

Меня всю трясло от напряжения, пока я ждала кабину лифта, нервно покусывая ногти и переминаясь с ноги на ногу. Сердце колотилось, как у зайца. Наконец, двери распахнулись, впуслав меня внутрь. Я мысленно начала считать, чтобы чем-то занять голову. Когда лифт доставил меня на нужный этаж, я чуть не сбила с ног дежурного анестезиолога Патрика Брауна, который отшатнулся от меня, как от огня. Наверное, я действительно в этот момент напоминала огонь — лицо горит, глаза отбрасывают блики из-за подступившей влаги, волосы распущены и подпрыгивают при каждом движении, словно языки пламени. Я буркнула короткое «извини».

Наконец, передо мной возникли тяжелые пластиковые двери операционной номер пять. Я зашла в предоперационную, с ожесточением вымыла руки по локоть в теплой воде с мыльным раствором, затем достала из шкафчика стерильную маску и сама натянула перчатки, обильно полив их спиртом из дозатора на раковине. Мне нельзя было туда входить, как отстраненному лечащему врачу и жене пациента, но как заведующая отделением я имела на это право. Я локтем толкнула дверь в операционную и вошла. То, что я увидела, лишило меня последних остатков самообладания. Рэй лежал на столе со вскрытой грудью, над которой в сумасшедшем ритме работали четыре руки — Сэма и Аманды. Монитор, показывающий работу его сердца, пищал изо всех сил, оповещая об асистолии. На полу была огромная лужа крови. Я замерла не в силах осмыслить происходящее. Сэм и Аманда, казалось, меня не замечают. Аманда схватила в руки электроды дефибриллятора.

— Разряд на двести!

Затем я увидела, как подпрыгнуло на столе тело моего мужа. Я вздрогнула, ощущая под маской на губах соленый привкус своих слез.

— Разряд на триста! — крикнула Аманда.

— Есть ритм, — облегченно выдохнул Сэм.

На мониторе появилась слабая линия синусного ритма, слишком медленного для живого человека. Я уставилась на эту линию, как загнипнотизированная. В этот момент Сэм поднял голову от операционного поля и заметил меня.

— Линда, немедленно выйди! — Рявкнул он мне тоном, не терпящим возражений.

Я продолжала стоять, как вкопанная, облизывая соленые губы.

— Мы делаем все возможное, доктор Соул! — сказала мне Аманда, не отрываясь от работы.

Я кивнула. Ощущение собственного бессилия вновь заполонило мое сознание. Этот мужчина уже второй раз заставляет чувствовать себя песчинкой в огромной пустыне. Мизерной беспомощной песчинкой.

— Лендон, выведи доктора Соул, пожалуйста.

Я посмотрела направо, в сторону изголовья Рэя, и увидела Лендона Брибиджа. Он, как обычно, читал журнал с кроссвордами. Мне стало даже смешно. Для него Рэй просто

очередной пациент, для которого он выполняет свою работу — рассчитывает дозировку и дает наркоз. Один из тысячи. Лендона совершенно не трогает, что этот человек в данную минуту болтается на волосок от смерти. Он хладнокровен и равнодушен. Как и я во время работы. Как мы все. И это правильно. Я на секунду представила себя на месте Аманды и ужаснулась этой картинке — рыдающий кардиохирург визжит от отчаяния на всю операционную, раскинув руки в стороны. Ни дать, ни взять — начинающий водитель, который зажмурился и бросил руль, заметив огромный грузовик на перекрестке. Мне ничего не оставалось делать, кроме как покинуть операционную. Панике не место рядом с хирургическими инструментами. Мои эмоции только мешают работе. В эту минуту я впервые в своей жизни помолилась. Я не знала наизусть ни одной молитвы, и просто шептала как заведенная свою просьбу:

— Господи, если ты есть — пусть он живет!

Оказавшись в коридоре, я медленно сползла по стенке и стянула маску, мешающую дышать, и тугие перчатки. По щекам текли слезы. Пальцы дрожали. Я подняла ладони вверх и смотрела на то, как они вибрируют в воздухе. Разве так бывает? Как такое возможно? Я не снимаюсь в дешевой бразильской мыльной опере, и не живу на страницах пошлого и приторного бульварного романа. Это происходит с моей жизнью. С жизнью, в которой я все привыкла контролировать. Два поцелуя и несколько касаний руки — вот что перевернуло все с ног на голову. Мне не хватало воздуха. В памяти всплывали формулы гормонов из учебника органической химии. Я знала, что любовь и прочие сантименты не более чем красивая выдумка, ибо все происходит на уровне клеток. Все, что мы чувствуем — реакции нашего организма на внутренние, или внешние раздражители. Все имеет химическую формулу. И любовь тоже. Но какого черта понимание таких простых вещей никак не помогает мне справиться с той болью, которая пульсирует у меня в груди?! Почему мне так страшно за человека, которого я знаю всего пару дней? Может потому, что душа все-таки существует, несмотря на анатомию и науку? Может быть потому, что мы любим именно душой, а не сердцем или каким-то другим органом? У меня, кстати, весьма подходящая для подобного объяснения фамилия.

Я не заметила, как надо мной склонилось сосредоточенное лицо Патрика Брауна. Перед глазами стояла пелена.

— Доктор Соул, вам плохо?

Я отрицательно помотала головой.

— Давайте я помогу вам встать.

Патрик взял меня за локти и потянул на себя. Я была не в силах противостоять ему. Оперевшись на его предплечье, я послушно последовала за ним в комнату для персонала. Он бережно опустил меня на диван и налил из кулера стакан холодной воды. Затем достал из аптечки тубик с нашатырем.

— Нашатырь не нужен, доктор Браун. Спасибо.

— Я не буду спрашивать, что случилось, это не мое дело. Просто оставлю вас здесь. Поспите полчаса, это поможет.

Я с благодарностью посмотрела ему в глаза. Патрик повернулся ко мне спиной и достал из своего шкафчика тоненький плед из кашемира, сложенный вчетверо. Моя голова сама собой начала клониться к мягкой спинке дивана. Я сомкнула веки и почувствовала, как мой коллега накрыл меня пледом. Спасибо, доктор Браун.

Часть I. Глава 15

Глава 15.

Меня разбудил громкий стук. Я открыла глаза и обнаружила, что во время сна сползла на бок, подложив под голову руку. Щека в этом месте теперь пощипывала и покалывала от резкого притока крови. Виновником моего пробуждения оказался Лендон Брибидж.

— Ой, Линда! Прости, я не знал, что здесь кто-то есть. Я, наверное, слишком громко хлопнул дверью.

Он подошел к кулеру и набрал стакан воды. Затем залпом выпил его.

— Который час? — хрипло выдавила я.

— Шесть часов вечера.

Внутри меня все сжалось в комок. Я повернула голову к окну и увидела блики от уличных фонарей. На улице смеркалось. Ничего себе — поспала полчаса! Я села. Тело ломило от неудобной позы, ноги затекли. Глаза распухли от долгого сна и слез. Слава Богу, подумала я, на сегодня у меня была назначена только операция Рэя. Иначе не сносить мне головы за такой отдых. Острая, как стрела, мысль пронзила мое сознание — Рэй!?

— Вы закончили оперировать?

— Да, двадцать минут назад.

Ого! Почти восьмичасовая операция! Вопрос в том, каков ее результат? Я почувствовала, как начало бухать в груди мое сердце.

— Ну, говори же, Лендон! — взмолилась я.

— Он жив, но в критическом состоянии. У нас не было времени на установку родного протеза, поэтому был установлен синтетический. Эта ночь будет решающей.

Жив! Слава тебе, Господи!

— А опухоль?

— Аманда все удалила.

От сердца немного отлегло. Я отбросила в сторону плед и рывком поднялась с дивана. В ушах звенело. Я знала, что теперь не смогу уснуть ночью. Да это и к лучшему — проведу ее в палате с Рэем. Он должен поправиться, должен. Он мой должник.

— Аманда совершила настоящее чудо — сказала я, собирая спутавшиеся волосы в конский хвост на макушке.

— Ты тоже — ответил мне Лендон.

— Я?

— Да, Линда, ты. Если бы у пациента не было страховки — утром его бы выписали. Он тихо умер бы у себя в квартире, или даже не добравшись до нее.

— Наверное, это судьба.

Странно, но я начинала верить в судьбу, душу, и Бога.

Я вышла в коридор и достала из кармана халата мобильник. 18 пропущенных вызовов от Миранды. Что ж, придется тебе подождать пару минут, подруга. Мне нужно сказать спасибо Аманде. Я открыла контакты и быстро нашла нужный номер.

— Алло! — голос доктора Хофф в моей трубке был тихим и усталым.

— Аманда, спасибо! — сказала ей я, а из глаз вновь хлынули слезы. С каких пор я стала такой чувствительной?!

Я утерла рукавом хлюпающий нос.

— Линда, брось. Это моя работа.

— Это мой муж.

Я произнесла это, полностью осознавая смысл каждого слова, каждого звука. Мой муж.

Мужчина, которого я так стремительно впустила в свое сердце, в свою душу.

— Окей, благодарности принимаются.

— Что я могу для тебя сделать?

— Пригласи меня на вашу настоящую свадьбу.

Я улыбнулась. Эта идея еще не приходила мне в голову, но оказалась по вкусу. К черту амбиции и игры в самостоятельную независимую женщину. Я хочу белое платье, фату, часовню, и море шампанского.

— Если уговорю Рэя жениться на мне еще раз, ты будешь сидеть на первом ряду.

Сквозь трубку я почувствовала ее улыбку, и на автомате улыбнулась ей в ответ.

— Линда?

Голос Аманды стал серьезным, и я напряглась.

— Да?

— Сегодня ночью все решится — если он доживет до рассвета, значит, протез прижился. Если нет... — она на секунду замолчала, — но дальше у него тоже будут проблемы, я надеюсь, ты понимаешь, о чем я?

О да. Я понимала. Множественные прогрессирующие аденомы. Наша жизнь вряд ли когда-нибудь станет легкой и беззаботной. Мне предстоит жить в страхе за его жизнь, просыпаться по ночам, чтобы слушать его дыхание, таскать его по кабинетам врачей, делать бесконечные МРТ и держать руку на пульсе. Оставалось надеяться, что судьба неспроста послала ему меня — одного из лучших хирургов в Америке. Все неслучайно. Так надо.

— Да, я тебя прекрасно понимаю. Что тут скажешь — если провидение послало мне эту ношу, значит, она мне по силам....

— Если что — я на связи.

— Не переживай, я останусь с ним на ночь, и если что-то пойдет не так, сразу тебя вызову.

— Договорились. И смотри, ты по-прежнему отстранена, сама ничего не делаешь, это может грозить больнице судебным иском от страховой компании.

Я понимающе закивала головой. В Штатах очень любят подавать судебные иски. Медом просто не корми — сосед на соседа, жена на мужа, пациент на врача, страховая компания на больницу, и так далее, и до бесконечности. Обязательная страховка на случай судебного иска от пациента сильно била по моему карману. Но, таков закон.

— Окей.

Аманда положила трубку, а я тем временем подошла к лифту. Теперь можно позвонить Мэнди. Наверняка, она уже подала в розыск. Я набрала ее номер и зашла в кабину.

— Линда, где тебя черти носят?! Я уже на уши все отделение поставила!

Миранда была в своем репертуаре — ни тебе «здравствуйте», ни «как дела?», сразу набросилась на меня с упреками. Никакого воспитания. Уверена, встретить она меня сейчас живую — пустила бы в ход свои аккуратные кулачки с идеальным маникюром. Я посмотрела на свои обгрызенные ногти и тяжело вздохнула.

— Не кричи, у меня в ушах звенит.

— Где. Ты.? — Она отдельно произнесла слова в вопросе, усиливая эффект гневной интонацией.

— В лифте, спускаюсь в отделение.

— А где ты была до того, как зашла в лифт?

— Спала.

— Что?! Обалдеть! У меня тут разыгрывается драма, а она дрыхнет! Еще и в рабочее время. Ты что, заболела?

О Боже! Не хватало меня сейчас выслушивать пересказ драматических событий последних суток из жизни Миранды Лейк.

— Нет, я здорова.

— Немедленно спускайся, ты мне нужна! У Итона есть ребенок, ты представляешь?! — Миранда громко всхлипнула в трубку, заставив меня отодвинуть телефон от уха. — Сын, двух с половиной лет.

Это и есть твоя драма? Я сама выросла в семье с отчимом, и никогда не понимала воплей и истерик насчет того, что у кого-то где-то уже есть дети. Я ничуть не обделена отцовским вниманием. Пусть это внимание мне досталось от отчима. Но ведь отец тот, кто вырастил, а не тот, кто пожертвовал сперматозоид. Да и мама жила с Дэвидом, своим вторым мужем, в счастливом браке, в отличие от моего биологического отца-картежника. Что ж теперь, если не сложилось — дать обед безбрачия? Захотелось хорошенько треснуть Миранде по макушке.

Знала бы Мэнди, что в стенах больницы сейчас разыгрывается самая настоящая театральная постановка, умерила бы свои страдания. У меня то уж точно спектакль в двух действиях: часть первая «спасти умирающего Рэя», и часть вторая «влюбиться в умирающего Рэя».

— Мэнди, и что? — ответила я ей с раздражением.

Двери лифта открылись, выпуская меня в знакомый коридор родного отделения.

— Как что? Я не собираюсь ни с кем делиться. — Фыркнула моя подруга.

Как глупо, подумала я. Зачем его с кем-то делить? Он и так твой! Твой мужчина. И ЕГО отец. Это разные вещи.

— Мэнди, мне не до этих глупостей — устало ответила я, замерев в дверном проеме палаты номер 4003.

— Интересно, почему же? — недовольно пробурчала моя подруга.

— Потому что Рэя срочно прооперировали...и я в него влюбилась.

Я стояла на пороге его палаты и чувствовала, как слезы вновь подступают к горлу. Никогда раньше подобное зрелище не вызывало во мне жалости или сострадания. Обычная картина для хирурга — больной, находящийся в отключке под воздействием наркоза, с торчащей изо рта трубкой аппарата искусственного дыхания, обклеенный датчиками и проводами, с синюшной кожей и впалыми щеками. Кадр из моего будничного фильма, за одним исключением — это Рэй.

Мэнди что-то верещала мне в трубку, но я ее не слышала. Я опустила руку с телефоном и машинально нажала отбой. Затем вошла внутрь и присела на край его кровати. Слезы уже было не остановить. В носу защипало. Я взяла в свою руку его теплую ладонь и крепко сжала. Пара слезинок уже скатились по моим щекам до подбородка и упали на шею, проделывая себе путь в ложбинку у ключицы.

— Рэй, ты только живи..., — шептала я ему, глотая слезы, — я обещаю тебе целоваться как голландская шляха, носиться с тобой по холодным улицам на Харлее. Я обещаю тебе самую страстную брачную ночь. Я обещаю любить тебя до конца.

Я бросила взгляд на монитор и уставилась на линию сердечного ритма. 70 ударов в минуту. Хорошо, Рэй. Это хорошо.

Меха аппарата ИВЛ ритмично фыркали, нарушая тишину. Я встала и подошла к

маленькому диванчику для посетителей. Он слишком далеко от его кровати, подумала я и слегка отодвинула его от стены, потянув за боковинку. Затем протиснулась между спинкой и стеной, и начала толкать его коленями вперед до тех пор, пока между ним и кроватью не остался маленький просвет — как раз такой, чтобы я могла прошмыгнуть и сесть. Идеальное лежбище для длинной ночи. Я устроилась на диване, сложив на кровати руки и положив на них голову. Мой взгляд был устремлен на его подбородок, который подрагивал при выдохе, на его прикрытие веки с длинными ресницами, на мочки его ушей.

Через несколько секунд я спиной почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Я нехотя подняла голову и обернулась. В дверном проеме стояла Мэнди. Ее лицо было серьезным и сосредоточенным, а в глазах я прочитала неподдельное сочувствие.

— Ли, я не думала, что у тебя все так серьезно с этим пациентом! — сказала она, стараясь не произносить громких звуков. Ее голос стал похож на теплую волну.

— Присоединяйся. — Я кивком указала на диван.

Она аккуратно, стараясь не зацепить кровать, опустилась рядом со мной и взяла меня за руку.

— Я посижу здесь с тобой, если ты не против.

Я была не против. Честно говоря, одной ночевать возле кровати больного в критическом состоянии было жутковато, даже не смотря на то, что я за свою жизнь перевидала сотни трупов. Какой-то по-детски истеричный страх смерти поселился у меня в груди.

— Спасибо.

Мы дружно вздохнули. За спиной послышался еще один тяжелый вздох. Я и Миранда, вновь не сговариваясь, одновременно обернулись. На пороге стоял Сэм. Я улыбнулась.

— Ты пришел?

— Я же твой друг, Ли.

Он обошел кровать с другой стороны и плюхнулся в кресло-качалку, стоявшее возле окна.

Я не знала, кого мне благодарить за все то, что со мной происходит. Практически за одни сутки я встретила любовь, вышла замуж, чудом избежала изнасилования и смерти мужа, а теперь еще и вернула друга.

— Сэм, мне так жаль... Мое поведение...

Он не дал мне договорить.

— Брось. Я и сам веду себя также, когда кого-то ревную. Главное, что все позади.

— Еще не все. Эта ночь...

— Все, Линда. Я получил результаты анализов. Признаков отторжения нет, тромбоциты в порядке, гемоглобин в порядке. Давление также в норме, как и пульс. Выдохни, детка. Он переживет эту ночь.

Я с жадностью впитывала в себя его слова, которые эхом отдавались у меня в голове. Он переживет эту ночь.

Часть I. Глава 16

Глава 16.

Мне снились альпийские луга и упитанные коровы, жующие траву. «Му-у-у» — загорланила одна из буренок, фыркнув своими широкими ноздрями. «Му-у-у» — не унималось животное у меня во сне. «Му-у-у»... Да что тебе от меня надо?! Я не пастух и не доярка, я просто мимо иду! И снова низкое «му-у-у»....

Я открыла глаза и зажмурилась. За окном все еще было темно. Я вспомнила, что

нахожусь в палате Рэя. Шея затекла, все тело ломило от неудобной позы. Я уснула сидя на диване и положив голову на край его кровати. Кажется, меня сморило около четырех утра. Я аккуратно распрямилась, слушая, как хрустят и щелкают при движении мои суставы и хрящики. И вновь это противное горловое мычание. Я повернула голову на источник звука и поняла, что это Рэй. Его пальцы сжимали и разжимали простынь, а глаза были широко распахнуты. Трубка в горле мешала ему говорить. Я тут же вскочила, как ошпаренная и нажала кнопку вызова медсестры. Затем склонилась над ним и начала гладить рукой по его лбу и затылку, наслаждаясь шелком его черных волос и гладкой кожей. На моем лице, несмотря на боль в мышцах и суставах, появилась улыбка, а глаза заблестели от слез радости. На этот раз я не собиралась рыдать и поспешила утереть нос рукавом.

— Доброе утро! — Мой голос дрожал от волнения и возбуждения.

Рэй пару раз моргнул мне в ответ. Я положила свою ладонь поверх его руки и крепко пожалала. Затем просунула ему под руку свой указательный палец.

— Сможешь сжать мой палец?

Он вновь два раза моргнул, затем крепко сжал его. Все отлично, можно отключать от ИВЛ.

— Что случилось, доктор Соул? — В палате появилась Ким, дежурная медсестра.

— Мистера Скайфилда можно отключить от аппарата, Ким.

Девушка замаялась.

— Но, это решение должна принимать доктор Хофф.

Черт! Я же отстранена. Я достала из кармана телефон и набрала Аманду. Часы на экране моего мобильного показывали 6:35. Самое время, чтобы позвонить кардиохирургу. Врачи, как известно, из-за своего графика, научились уже спать стоя, в лучшем случае оперевшись на дверной косяк. Так что я не сомневалась, что она не спит. Не удивлюсь, если Аманда уже в отделении. Моя интуиция меня не подвела. Через пару гудков я услышала ее бодрый голос.

— Слушаю.

— Аманда, Рэй очнулся. Сознание ясное, на меня реагирует, на вопросы отвечает, моргая глазами, пульс 90 ударов, давление в норме... — я тараторила ей в трубку показатели Рэя, чтобы она могла оценить его состояние. — Ким, дай мне, пожалуйста, его карту, я посмотрю анализы, — девушка протянула мне планшет с открытой картой Рэя. Я открыла результаты ночных проб и продолжила, — газы крови в норме, гемоглобин, калий и выделение мочи в пределах нормы.

Я выдохнула. Решение за Амандой, но никаких противопоказаний для извлечения эндотрахеальной трубки и отключения искусственной вентиляции легких не было.

— И тебе доброе утро, Линда! — шутливым тоном ответила мне Аманда.

Мне стало неловко за свою невежливость.

— Прости. Конечно, доброе утро! Еще какое доброе, и все благодаря тебе!

— Окей, я разрешаю. Извлекайте.

Я кивнула Ким, и та подошла к Рэю и освободила его рот от пластыря, а затем аккуратно вытащила трубку. Рэй резко вдохнул, словно вынырнул из-под воды после минутной задержки дыхания, а затем начал кашлять. Нормальная реакция на инородное тело. Я взяла с прикроватной тумбочки стакан и наполнила его водой из початой бутылки, которая стояла там же.

— Ким, поищи, пожалуйста, трубочку.

Девушка послушно кивнула и вышла в коридор. Я вновь повернула голову к Рэю.

— Детка, ты здесь? — просипел он, сопровождая свою речь хрипами.

Боже! Он назвал меня «детка»! Даже в таком состоянии он умудрялся согреть меня словами. В его голосе чувствовалось и удивление, и радость. И боль. Мое сердце сжалось в комок.

— Здесь, где же мне еще быть? — я улыбнулась ему. — Сейчас медсестра принесет трубочку, и я дам тебе попить, станет легче.

— Спасибо.

Он прикрыл глаза, продолжая сипеть. Ничего, через час-другой, дыхание полностью придет в норму. А кашель — из-за ободранного трубкой горла. К сожалению, никто еще не придумал, как запикивать внутрь этот шланг без вреда для пациентов. Я сняла с шеи фонендоскоп и послушала его сердцебиение. Тоны сердца слегка приглушены, небольшой шум справа, но в целом неплохо, учитывая то, какую операцию он перенес.

Тем временем в палату вернулась Ким с пластиковой трубкой.

— Взяла в кофетерии. Держите, доктор Соул.

Она протянула мне упакованную в целлофан розовую трубочку и вышла из палаты. Я вставила ее в стакан с водой и поднесла к его губам. Он сделал два жадных глотка и вновь закашлялся.

Я убрала стакан.

— Больше нельзя, ты еще под действием наркоза, тебя может начать тошнить.

Вместо ответа он едва заметно кивнул головой.

— Линда, он очнулся? — В двери появилась фигура Сэма с взъерошенными волосами.

— Привет, да!

— А кто разрешил отключать его от ИВЛ? — в его голосе послышалась строгость.

— Аманда. Я позвонила ей пару минут назад и продиктовала все его показатели.

— Окей.

Он подошел к кровати и взял Рэя за запястье, чтобы проверить пульс.

— А где ты был, и где Мэнди?

— Я принимал душ. Вторые сутки дома не ночую. А Миранду вызвали в приемное в районе 5 утра, там ножевое ранение в легкое. Она сейчас оперирует.

— Крепко, наверное, я вырубилась, раз не слышала, как вы уходили.

— У тебя был тяжелый день.

— Это точно.

Я с облегчением выдохнула. Рэй, судя по всему, вновь заснул.

— Ли, я закрыл глаза на твое вчерашнее отсутствие в отделении, но сегодня ты должна включиться в работу. Или возьми отпуск. — Сэм говорил твердо, но немного неуверенно.

Вероятно, в душе он мне сочувствовал, но как шеф хирургии должен был дать мне пинка под зад. Честно говоря, я этому даже обрадовалась. Время идет гораздо быстрее, когда ты занят делом.

— Ты прав. — Я согласно кивнула.

— Аманда сейчас в лаборатории, занимается своим исследованием работы бычьего клапана. Но к 8 она будет уже на обходе. Рэй в надежных руках.

— Конечно.

Я еще раз с нежностью посмотрела на спящего мужчину и провела рукой по его волосам. От моего прикосновения мышцы на его лице вздрогнули, но он не проснулся. Я

наклонилась и слегка коснулась его губ своими губами. Мне это было необходимо, чтобы еще раз убедиться в том, что он живой. Обычно люди просят их ущипнуть, когда сомневаются в реальности происходящего, но спящий Рэй сделать этого не мог. К тому же меня переполняло желание почувствовать тепло его губ и уловить запах его кожи.

Я отошла от кровати на некоторое расстояние, чтобы побороть в себе материнские инстинкты и перестать уже гладить его по рукам и голове.

— Мне тоже нужен душ. Боюсь, в таком виде мне нельзя в палаты к пациентам.

Сэм улыбнулся уголками рта и кивнул головой. Мы вышли в коридор.

— Как у тебя с Марго?

Раз уж мы снова друзья, я могу проявить интерес к его жизни.

— Вроде бы все хорошо, у нас потрясающий секс, но мне чего-то в ней не достает. — Как на духу ответил мне Сэм.

— И чего же?

— Она зациклена на работе и карьере, все планирует. С ней никогда не случается ничего не запланированного. Все по расписанию. Даже я.

— Разве это плохо? Вы оба врачи, оба почти все свое время проводите в больнице, оба успешны и талантливы — не нужно соревноваться, или самоутверждаться за счет друг друга.

— Да, все так. Но меня пугает ее нежелание заходить дальше. Ее все устраивает.

— А тебя нет?

— Ли, мне 37 в декабре, я в серьез думаю о семье и детях.

Вот оно что. Марго, которой наверняка едва исполнилось тридцать, не торопится заводить семью.

— Сэм, что я могу тебе сказать. Тут два варианта: или победит ее любовь к тебе, или ее амбиции.

— Ох уж эти современные женщины, — полушутя, полусерьезно ответил он, — подавай вам карьеру, признание, уважение.

— Так-так, — я толкнула его локтем в бок, — это что еще за разговоры в свободной демократической стране? Может, тебе поискать невесту где-нибудь в Сирии, или на худой конец, среди амишей? Тогда ты немного промахнулся со штатом, тебе нужно в Пенсильванию.

Мы засмеялись и остановились перед дверью в комнату персонала.

— Ты бы тоже не согласилась выйти замуж и сидеть дома, воспитывая детей и обустривая семейное гнездышко?

— Сэм, я думаю можно совмещать. Но так, чтобы совсем стать домохозяйкой — это не про меня.

— Я так и думал.

Он улыбнулся мне немного грустной улыбкой, похлопал по плечу и пошел к лифтам.

Я вошла в комнату отдыха и увидела Патрисию Мун, еще одного штатного хирурга из моего отделения.

— Доброе утро, доктор Соул.

— Доброе утро, доктор Мун.

— Я вас вчера весь день искала, но шеф сказал, что вы были заняты с какой-то документацией.

Спасибо, Сэм!

— Что-то случилось?

— Да, нужна ваша консультация. У меня подросток с аритмией. Трепетания предсердий. Пульс 190. В сознании. Амиодарон не снимает приступ.

— Эпинифрин пробовали?

— Да.

— Радиочастотную абляцию?

— Делали три месяца назад. Но ритм снова сорвался.

— Дифибрилляцию?

— Его родители не дают на нее согласие. Они против общего наркоза. Та же история с кардиостимулятором. Никаких железок внутри тела.

Идиоты! Вот что за люди?! И почему в Штатах врач должен уважать желание пациента, и не навязывать ту или иную процедуру? Пациенты, в 90 % случаев, ни черта не смыслят в медицине, и брыкаются только из-за каких-то своих страхов или дурацких убеждений. Интересно, какая муха укусила родителей этого парня, что они так возненавидели общий наркоз?

— А сам парень что думает? Он согласен с родителями?

— Он уже на все согласен, лишь бы прекратить это.

Я вновь мысленно чертыхнулось. Как можно так относиться к собственному ребенку?!

— Окей, я приму душ и через пятнадцать минут подойду в палату.

— Номер 4024. Пациент — Шон Макферсон, 17 лет.

Я кивнула и зашла в душевые. Что ж, сегодня я буду разбираться с аритмией. Берегись меня, подлая болячка! Я вооружена знаниями, опытом и лучшим оборудованием. И да, я очень опасна.

Я включила воду, и помещение сразу же наполнилось горячим паром, который, достигая потолка, оседал на стенах мелкими каплями. Мои волосы тут же встали в позу — подпрыгнули, словно пружинки, и завились в кудряшки. Я с удовольствием сняла с себя вчерашнюю робу и белье. Несколько капелек пара упали с потолка мне на кожу, вызвав мурашки. Соски на груди встали, предвкушая тугой напор воды из душа. Я встала под душ и закрыла глаза. Вода хлестала меня по лицу своими острыми струями, больно била по груди и животу. Я чуть убавила мощность потока. Увы, я не могла повернуть тот же номер со своим возбуждением. Мой мозг вновь и вновь возвращал меня в день знакомства с Рэем. Я видела его влажные графитные глаза, наполненные теплом, его мягкие пухлые губы, короткую щетинку на щеках и подбородке, широкие размашистые черные брови, и его сильные ладони. Умом я понимала, что сейчас не место, и не время предаваться подобным мечтам, но ничего не могла с собой поделать. Я хотела этого мужчину всеми клетками своего тела и всеми фибрами своей души. Вот такая странная анатомия, где материальное соседствует с духовным. Ты должен поправиться, Рэй. И чем быстрее это произойдет, тем лучше. И для тебя, и для меня.

Часть I. Глава 17

Глава 17.

Я зашла в палату 4024 и обомлела. Такого количества воздушных шариков черного и серебряного цветов я еще никогда не видела. Они заполнили собой все свободное пространство. Они были возле кровати, загораживая собой мониторы, панель с кислородом и стойку для капельницы. Несколько шаров были привязаны за белые ниточки к боковинам кровати, к дверным ручкам и к жалюзи на окне. В центре этого безумства на кровати находился пациент — длинный и худой парень с короткой стрижкой и нездоровым цветом

лица, покрытого угревой сыпью. На диване для посетителей его мать, подтянутая женщина со светлой стрижкой в терракотовом костюме, читала какой-то журнал с брутальной обложкой — каскадер, летящий над песчаными дюнами на красном мопеде, или мотоцикле. Я не очень разбираюсь в видах этой техники. У меня отвисла челюсть.

— Шонмилый, а может все-таки скутер Honda? — она протянула ему журнал с открытой страницей.

— Ма-а-а-м, ну как ты не поймешь, мне сейчас не до скутеров, и даже не до байков, — ответил ей юноша, тяжело дыша. В его голосе чувствовалась усталость и раздражение, свойственное подросткам. — И на фига вы сюда притащили эту хренову тучу шаров? Мне 17, а не 10!

Дама фыркнула и взяла журнал обратно в руки.

— Ну, у тебя же сегодня день рождения, а мы с папой обещали тебе байк. — Она поправила рукой прическу и немного надула губки, словно школьница.

Я поморщилась.

— Доброе утро, Шон. Доброе утро, миссис Макферсон.

Они отвлеклись друг от друга и подняли на меня глаза. Женщина тут же вскочила с дивана, отложив журнал в сторону.

— О, просто Изабелла. — Мать пациента протянула мне руку для приветствия. Я слегка пожала ее.

— Доктор Соул, заведующая отделением кардиохирургии.

Я взяла карту пациента из специальной ячейки, прикрепленной к спинке кровати, и внимательно пробежала глазами анамнез и результаты последних тестов. Дела были не очень — показатели свертываемости крови были слишком высокие, это грозило образованием тромбов, а пульс, хоть и незначительно снизился, оставался высоким — 170 ударов в минуту. Калий также был повышен.

— Миссис Макферсон, я правильно понимаю, что вы не даете согласия на проведение дифибрилляции и установку кардиостимулятора?

— Совершенно верно.

— Позвольте узнать причины вашего недоверия к этим методам?

Я старалась быть вежливой, но мне очень хотелось треснуть этой даме по голове, а затем умыть под холодной водой. Ее макияж напоминал боевую раскраску скаута во время похода.

— О, мой отец, упокой его душу Господь, умер на операционном столе во время обычной операции по удалению аппендицита. Вскрытие показало, что причиной была смерть мозга от анестезии.

— Да, я понимаю ваши опасения. Действительно, проведение операции и анестезия несут в себе определенные риски. Но случай, о котором вы мне говорите, относится к разряду крайне редких. Один из ста тысяч.

— Вы можете дать гарантию, что мой Шон не тот самый один из ста тысяч? — Дама агрессивно приподняла брови.

Я сглотнула.

— Нет.

— Тогда никакого наркоза.

— Хорошо. Мне нужно посоветоваться с доктором Мун, вашим лечащим врачом. Тянуть дальше нельзя. Если не купировать аритмию в ближайшие сутки, вашему сыну грозит

тромбоз сосудов. Я не говорю уже об опасности внезапной остановки сердца.

Я, кажется, слегка переборщила с картиной последствий, поскольку мамаша выпучила глаза и прикрыла ладонью рот. Хотя, возможно так до нее дойдет, что парня надо спасать, а не листать журналы для подростков.

Вместо ответа, она едва кивнула головой и медленно опустилась на диван, бросая то на меня, то на сына испуганные взгляды. Я вышла в коридор и достала пейджер, чтобы вызвать Патрисию. Затем подошла к посту медсестер и заказала КТ для пациента. Как только я закончила давать распоряжения, ко мне подбежала Патрисия.

— Доктор Соул, простите, что заставила вас ждать.

— Я была у пациента. Мать действительно упряма. У вас есть соображения?

— Честно говоря, нет. Я пробую еще новокаинамид. Частота пульса снизилась, но трепетания продолжают. Не может же он постоянно находиться под капельницей.

Я облокотилась на стойку и задумалась. Думай, Линда. Антиаритмики не купируют приступ, абляция не дала результата, общий наркоз под запретом...И тут меня осенило.

— Доктор Мун, вы пробовали чреспищеводную электростимуляцию? Та же дифибриляция, но не требующая анестезии.

— Нет, но я не уверена, что у нас есть оборудование.

— Так идите и узнайте!

Я сверкнула глазами. Что значит — нет оборудования? Нет — значит нужно купить, или взять в аренду в соседней клинике. Что мы за кардиохирургическое отделение, если у нас нет простейших аппаратов?! Патрисия продолжала стоять на месте.

— В чем дело, доктор Мун?

— Но ведь это исследование, а не лечение!

— Где вы учились? — Я подняла на нее строгий взгляд.

— Колледж закончила в Джорджтауне, а после медицинская школа в Университете Эмори, в Атланте. Ординатуру проходила там же, в больнице при Университете.

Ну как можно быть такой идиоткой, если закончила ординатуру в одном из лучших центров кардиологии? Больница в Атланте известна на все штаты своим «Центром сердца и сосудов Эмори». Хотя, вполне возможно, они там со своими инновациями уже далеко упрыгали от традиционных и проверенных методов. Я тяжело вздохнула.

— Хорошо. С помощью такой электростимуляции мы можем купировать приступ, если немного увеличим силу подаваемого на электроды тока. Вот и все.

Я чувствовала себя лектором за кафедрой.

— Я никогда не делала эту процедуру. Знаю только в теории, по учебникам. Ее сейчас делают крайне редко, этот метод...э-м-м...устарел.

О Боже! Вот кого нужно было увольнять, а не Элис Пак. Лучше уж уволить парочку Патрисию Мун, нежели хирурга с ученой степенью. Надо эту мысль донести до правления.

— Каждый метод имеет право на существование, если он дает результат. А что если вы в дальнейшей своей практике ежедневно будете встречать таких Макферсонов? Кому будут нужны ваши инновационные методы, если пациент против?

Лицо Патрисии, которая была немногим младше меня, залилось краской. На идеально гладком лбу пролегла глубокая складка. Она избегала смотреть мне в глаза и постоянно покусывала губу. Очевидно, до меня редко кто устраивал ей встряску.

— Вы, конечно, правы. Я узнаю насчет оборудования и дам вам знать.

— Окей.

Она развернулась и быстрым шагом отправилась на поиски необходимой аппаратуры. Я решила сходить в кафетерий и взять чашку кофе. Голова немного гудела, и меня клонило в сон. Я подошла к лифтам. Двери распахнулись, и я увидела Миранду, взмокшую от напряжения, с покрасневшими глазами.

— Привет! — она немного оживилась, увидев меня.

— Я в кофетерий, ты со мной? — я вошла в кабину и нажала на кнопку первого этажа.

— Хорошая идея, кофе мне сейчас не помешает.

— Тяжелая операция?

— Сэм тебе сказал?

— Угу.

— Да. Латала парню легкое. Тензионный пневмоторакс. Эти разборки в нашем городе никогда не закончатся. — Она тяжело вздохнула.

— Ну, значит, у тебя всегда будет работа.

Мы усмехнулись. Внутри кабины прозвенел звоночек, прервав наш разговор, и двери открылись в холе первого этажа. Мы вышли и быстрым шагом засеменили в сторону кафетерия. Из постоянно открывающихся дверей главного входа то и дело дул леденящий ветер с улицы.

— Да уж, зимы не избежать — пробурчала себе под нос Мэнди, чем вызвала мою улыбку.

— Уж лучше заморозки, чем лужи и холодный дождь с пронизывающим ветром.

— Ну, это да. Лучше мерзлая земля, чем жижа под ногами.

В кафетерии было многолюдно. После обхода врачи собрались на утренний кофе. Я начала искать глазами свободный столик и, заметив, что пара докторов из гематологии поднимаются и собирают мусор со стола на поднос, ринулась в их сторону.

— Сюда, Мэнди! — я головой указала ей направление движения. Столик тем временем окончательно освободился.

Это как в известной детской игре — успеть занять свободный стульчик, как только перестанет играть музыка. Кто не успел — вылетает из игры. Я не хотела вылетать из игры. Точнее из кафетерия, не выпив свой стакан кофе.

Заняв столик буквально за мгновение до тройки врачей из гинекологии в смешных розовых робах, я удовлетворенно выдохнула, наблюдая их кислые лица. Им не хватило пары секунд. Мэнди плюхнулась рядом.

— Что тебе принести? — спросила я, вставая из-за стола. Теперь можно не спешить, она покараулит место.

— Американо.

— С сахаром?

— Да.

— Окей.

Я пробралась сквозь кучу столиков к линии раздачи и встала в очередь. Через несколько секунд мой нос уловил знакомые нотки туалетной воды ARMANI. Дерек. Я слегка повернула голову и боковым зрением увидела край его пиджака. Того самого, в котором он был в день нашего знакомства. Сердце в груди сжалось в комок. Я уставилась в затылок стоящего передо мной мужчины и начала считать до ста, стараясь успокоиться и взять себя в руки.

— Линда.... — Я вздрогнула, уловив кожей тепло его дыхания возле мочки моего уха.

— Если бы не та запись, ты бы поплатилась за свой нрав, шлюшка. — Прошептал он

мне, тяжело дыша и почти что касаясь своими губами моей шеи.

Кровь внутри меня закипела, обдавая жаром все органы. Я, борясь с отвращением, вновь слегка повернула голову в его сторону.

— Тебе конец, Дерек. Рекомендую сейчас же отправляться домой и паковать чемоданы. Беги туда, где нет интерпола. Туда, куда не достанет длинная рука нашего правосудия. Хотя, я очень сомневаюсь, что такое место существует.

Сердце в груди колотилось быстро-быстро, словно выбивая барабанную дробь. Кровь прилила к лицу. Я ощутила легкое головокружение от недостатка кислорода. За спиной стало тихо. Я повернулась всем телом и встретилась взглядом с добродушной девушкой, судя по форме, из радиологии.

— Добрый день! — я натянуто улыбнулась ей.

— Добрый день. — Девушка улыбнулась мне в ответ. Мне показалось, что я ее смутила. Я поспешила отвернуться, чтобы не выглядеть странной.

Взяв кофе с молоком для себя и американо для Мэнди, я вернулась к столику.

— Наконец-то! — Недовольно сказала моя подруга.

Я села рядом с ней и уставилась в точку на стене, все еще приводя в порядок свои мысли. Меня по-прежнему немного трясло.

— На тебе лица нет. В очереди за кофе ты встретила собаку Баскервилей?

— Хуже. Дерек.

— Что этому козлу было нужно от тебя? — Глаза Миранды наполнились злостью.

— Наверное, хотел припугнуть.

— И что ты будешь делать?

— В обед отвезу запись в отделение полиции.

— Но ведь он все еще работает здесь, все всплывет.

— У меня уже есть версия, которая все объяснит.

— И какая же?

Мэнди сделала глоток и с любопытством уставилась на меня.

— Он проезжал мимо, и у него сломалась машина. Он начал ее ремонтировать и весь вымазался в пыли и мазуте. Попросил меня разрешить принять ему душ. Ну, а дальше все на пленке. Примерно так.

— А как ты объяснишь тот факт, что он знал, где ты живешь?

— Ну, на одно свидание мы же с ним сходили. Он меня провожал.

— Дерек наверняка расскажет свою версию.

— Но поверят мне, Мэнди. У меня запись.

— В принципе, ты права. Да и мы с Итоном подтвердим.

— Вы помирились?

— Я не могу на него долго злиться. — Щеки Миранды вспыхнули.

— Плутовка.

Мы переглянулись и улыбнулись. Мне было совершенно ясно, почему она не может на него злиться. Наверное, этот интерн и есть тот самый Бог оргазма, о котором мечтают все женщины.

Я достала из кармана пейджер и отправила сообщение Патрисии Мун, напоминая ей о том, что я все еще жду информацию об оборудовании для Шона Макферсона. Не успела я спрятать его обратно в карман, как почувствовала вибрацию мобильного телефона. Звонила Аманда.

— Алло. — Я вся превратилась в слух, предвкушая новости о состоянии Рэя.

— Линда, Рэй проснулся.

— Отлично. Какие показатели?

— Пульс 85, давление 110 на 70, гемоглобин и тромбоциты в норме.

— Слава Богу! — я облегченно выдохнула.

— Линда, он зовет тебя.

Голову обдало жаром. Он зовет меня! Успокоившееся сердце вновь стало выдавать барабанную дробь. Я поставила на стол недопитый кофе и встала.

— Я уже иду, Аманда. Скажи ему, что я уже иду.

Мэнди понимающе закачала головой, игриво цокая при этом языком.

— Ай-ай-ай, Линда. Так и до помешательства не далеко. Если ты будешь каждый раз так вскакивать, когда он тебя зовет — боюсь, мы тебя потеряем.

— Зато он обретет.

Я бросила на подругу извиняющийся взгляд и направилась к лифту. Мне хотелось бежать. Ноги сами несли меня к нему. Я иду, Рэй.

Часть I. Глава 18

Глава 18.

Мне было легко и радостно, а подъем на лифте только добавлял к этим чувствам ощущение невесомости и полета. Единственное, что омрачало мои мысли — неприятный осадок от нечаянной встречи с Дерекком. На языке немного горчило от яда, который выпустил мой организм, реагируя на угрозу с его стороны. Наверное, это просто проделки моего воображения и вкусовых рецепторов, а может быть, привкус дешевого кофе.

По коридору я старалась идти спокойно и размеренно, держа осанку и высоко задрав подбородок, как и подобает руководителю. Хотя очень хотелось прыгать и шуметь, словно ребенок. С ума сойти, какие мысли меня посещают?! Прыгать! В отделении кардиохирургии. Да уж... Меня одолевали сомнения насчет всех моих предыдущих привязанностей. Никогда раньше я не испытывала подобных чувств. Неужели я никогда не любила по-настоящему?

Я замерла перед заветной дверью, закрыла глаза и улыбнулась сама себе, смакуя ощущение близкой встречи с ним. Сделав несколько глубоких вдохов, я вошла.

Рэй выглядел немного посвежевшим. Цвет лица потеплел, на щеках появился едва заметный опытному глазу врача румянец. Дышал он уже ровно и ритмично, практически без хрипов. Кто-то заботливой рукой приподнял ему кровать до положения «полусидя» и включил телевизор, с экрана которого Опра Уинфри что-то рассказывала о нелегкой судьбе Кэмерон Диас.

— Ты любишь это шоу? — спросила я, заставив его оторвать взгляд от говорящего ящика.

Рэй слегка поднял в усмешке уголки рта и сдавленным голосом парировал:

— Мне включили телек, но не дали пульт.

— Это жестоко, лишать обездвиженного человека выбора.

Я улыбнулась ему и подошла поближе, благоразумно решив остаться в паре шагов от его постели. Я боролась с искушением поцеловать его, но чувствовала, что с каждой минутой бороться становится все труднее. Его взгляд гипнотизировал и притягивал, словно магнит. Он смотрел на меня, не моргая, словно пытался ввести меня в транс.

— Я даю тебе свое согласие, если ты хочешь накинуться на меня с поцелуями.

Он хитро прищурился и улыбнулся, заставив меня вспыхнуть от стыда. Неужели на моем

лице все написано?

— Ты звал меня?

Я замялась и начала поправлять выбившийся из прически локон.

— Да.

— Что-то важное?

— Именно.

— И что же?

— Спасибо.

Что?! Спасибо и все?! К горлу подкатил комок. Не хватало еще, чтобы задрожали губы, и захлюпал нос. В голове пронеслась здравая мысль — а на что, собственно, я рассчитывала? Пара поцелуев для такого мужчины равным счетом ничего не значат. Для него это игра, так, приятная мелочь.

— О, не стоит. Это мой долг. Поправляйся. Я скажу медсестре, чтобы тебе принесли какую-нибудь надувную резиновую игрушку. Тебе нужно разрабатывать легкие, чтобы избежать застоя жидкости и осложнений.

Я начала тараторить, пряча от него свой взгляд и сжимая в карманах ладони. Мне совсем не хотелось выдать своего волнения, а тем более расстройства. Но было похоже на то, что с этой задачей я справляюсь из рук вон плохо.

— Линда, тсс....

Он сделал над собой усилие и поднес к губам свой указательный палец. Я заметила, что ему больно. Нет, он не корчил гримас и не сжимал челюсти, не охал и не стонал. Просто чуть дернулись мышцы на лбу, рука немного повисла в воздухе, прежде чем двинуться дальше, а в глазах проскочило что-то страдальческое. Я научилась распознавать такие вещи еще в ординатуре. Иногда нам попадаются весьма странные пациенты, не желающие выдавать своей болезни или боли. У каждого за этим стоит своя причина. Но я должна делать свою работу. Я должна видеть боль.

— Тебе больно? Увеличить инфузию обезболивающего?

Я на автомате подошла к его кровати и начала подкручивать колесико на капельнице, регулирующее скорость подачи лекарства в вену.

— Доктор Соул!

Я резко прекратила свое занятие и посмотрела ему в глаза. Голос Рэя стал властным и требовательным, а взгляд пронизывающим. Мурашки пробежали по моей спине.

— Да, мистер Скайфилд?

— Какого черта ты тут изображаешь святую простоту?

Я вновь почувствовала прилив крови к лицу и машинально обхватила его ладонями, стараясь скрыть пылающие щеки.

— Прости?

— Утром, когда я очнулся, ты была рядом! Я помню твое лицо с влажными глазами и твою руку, ласкающую мою голову. Это было лучше любых слов. А теперь ты выставляешь меня идиотом? Что это за игры? И кто тот мужик, который так нагло хватал тебя за талию накануне дня операции?

Господи, он меня отчитывает? Это что, ревность? Я злилась и ликовала одновременно, не понимая еще, как реагировать на его слова.

— Тот мужик просто друг. — Я начала нерешительно что-то бляеть, не зная, как объяснить Рэю наличие Дерека в моей жизни.

Что мне ему сказать — мне жутко хотелось секса, я его трахнула, а потом он мне опротивел, так как я втрескалась в тебя, но ему о том было невдомек, поэтому он продолжал меня лапать?

— Ничего себе у тебя друзья! — Рэй засмеялся, схватившись обеими руками за грудь, сдерживая боль. — Когда он положил свою лапу тебе на талию, у тебя было такое лицо, как

будто ты съела лимон.

— Это долгая история.

— Хорошо. Дома расскажешь.

Я кивнула, не сразу уловив смысл его слов. Через пару секунд до меня начало доходить — дома расскажу?! У кого дома? У себя, у него, или у нас?

— Что?!

— Когда меня выпишут? Через неделю, я полагаю? Как раз успеешь собрать вещи.

— Рэй... — я открыла рот и не могла вымолвить больше не слова.

— Линда, я главный, ясно? Тут можешь командовать, задираешь нос и играть в босса. Но дома — ты женщина. А я мужчина.

У меня пропал дар речи. Я стояла, как вкопанная, и смотрела на него, быстро-быстро моргая, как будто это могло помочь мне осознать смысл сказанного.

— Но... — попыталась я начать свою речь, однако он не дал мне продолжить.

— Ты хочешь объяснений?

Ну, вообще-то да! Не помешало бы внести ясность в происходящее.

— Я не буду возражать, если ты объяснишь мне, что все это значит?

— Это значит только одно — ты моя жена, значит, будешь жить со мной.

О, ну спасибо. Пролил свет на этот темный вопрос. Но такого объяснения мне было мало.

— То есть, ты хочешь сказать, что я буду жить с тобой до того, как ты окончательно поправишься, устроишься на работу, и мы сможем развестись?

Боже! Как же мне хотелось услышать опровержение своих слов!

— Почему вы, женщины, так любите эти игры? Почему нужно все усложнять, запутывать, притворяться? Ты женщина, а я мужчина. Я хочу быть с тобой, а ты со мной. И не отрицай, я не вчера на свет родился. Зачем эти вопросы?

— Я всегда думала, что браки заключаются по любви, и живут люди вместе тоже по любви.

Я выбивала из него признание. Вытягивала его клещами. Но вместо этого сама угодила в ловушку.

— То есть ты меня не любишь? — он повел бровью и скорчил обиженную гримасу.

Ну вот! Попала дальше некуда. И что мне теперь делать? Я бросила взгляд на карман, в котором лежала моя ладонь. Мне захотелось ее достать и начать обгрызать свои ногти. Я усилием воли сдерживала себя от этого детского поступка.

— Рэй, ты заставляешь меня нервничать! — я попыталась уйти от ответа.

— А еще я заставляю тебя истекать влагой и дрожать от моих поцелуев, не так ли? А теперь скажи, что ты меня не любишь!

Я посмотрела на пол и подумала, что мне срочно нужен люк — прямо здесь, под моими ногами. Более того, он должен быть открытым, чтобы я могла провалиться в него немедленно. Это он должен признаваться мне в любви, а не я ему! Он просто манипулировал мной, считывая мои мысли, как сканер.

Поскольку люк никак не появлялся, я поняла, что самый лучший выход из этой ситуации — просто сбежать, сославшись на какое-нибудь срочное дело. Как только я открыла рот, чтобы сказать ему это, в моем кармане завибрировал пейджер. Код синий. Палата 4024. Шон Макферсон. Черт, мне и правда нужно бежать!

— Прости, срочный пациент. Я найду позже.

Я вылетела из его палаты, словно пуля, и только в коридоре почувствовала, что ткань моих трусиков действительно намочила. Этот мужчина заставляет меня умирать от желания силой одного своего взгляда! Невероятно... Просто невероятно. Меня переполняли чувства — растерянность, стыд, радость и пугающее ощущение неизвестности. Что же с нами будет, Рэй?

Я не успела добежать до нужной палаты и столкнулась с каталкой, везущей пациента в операционную, прямо возле лифта.

— Что случилось? — спросила я у Патрисии, помогая завести каталку в лифт.

— Потерял сознание. Пульс снова подскочил. 200 ударов.

— Вы нашли оборудование для ЧПЭС?

— Да. Его привезли из госпиталя Холи Гросс полчаса назад. Оно уже в седьмой операционной. Я как раз собиралась вас вызывать, когда на пейджер пришло сообщение.

Мне казалось, что время остановилось. Лифт вез нас наверх слишком медленно. Так всегда бывает, когда дорога каждая секунда. Медбрат, кативший каталку, одной рукой держал на лице пациента кислородную маску, а второй рукой качал баллон. Он единственный в этой кабине выглядел умиротворенным. Казалось, он мечтает о чем-то своем, а монотонная работа только погружает его в транс.

Наконец двери лифта выпустили нас в коридор операционного седьмого этажа. Я уже пришла в себя и думала только о том, чтобы спасти этому парню жизнь. Еще немного, и у него начнется асистолия. Дальше остановка дыхания и смерть.

Мы закатали его в операционную и бросились мыть руки и одеваться в стерильную робу. За годы работы я научилась тратить на это не более тридцати секунд. Пока горит спичка. Армейская выправка иногда очень помогает жить и работать.

Я вышла в зал и уселась на стул возле монитора комплекса для проведения этой процедуры. Компьютер уже был включен. Я проверила работу электродов и протянула их Патрисии. Парень был в отключке. Анестезия так и не потребовалась. Можно теперь не опасаться судебного иска от его чересчур пугливой матери.

— Доктор Мун, сейчас вы научитесь делать чреспищеводную электростимуляцию — объявила я таким тоном, каким обычно увещевают своих учеников старые профессора. — Берите в руки зонд и вводите его через носовую пазуху пациенту в пищевод. Электрод должен располагаться примерно на уровне левого предсердия. Это примерно тридцать пять сантиметров от крыльев носа. Понятно?

— Да, доктор Соул.

Патрисия начала аккуратно вводить зонд с электродом, а я следила за показаниями ЭКГ на мониторе.

— Стоп! Достаточно!

Я подняла вверх ладонь.

— Кубик атропина.

Операционная сестра ввела пациенту препарат. А я начала подавать на электрод стимулирующие импульсы, постепенно увеличивая их амплитуду и навязывая сердцу пациента правильный синусовый ритм. После пятого импульса ЭКГ, наконец, показало нужный мне ритм.

Я вздохнула и улыбнулась. Аллилуйя! Получилось! Патрисия достала из носа пациента зонд, сложила его в лоток и вышла в коридор. Я украли ее пациента, и все лавры теперь достанутся мне. Ничего. Переживет. Зато теперь в ее голове стало на один эффективный

метод больше. А в моей голове вновь всплыл вопрос Рэя — «ты любишь меня»? Люблю.

Часть I. Глава 19

Глава 19.

Я потягивала через соломинку приятную сладковатую жидкость из третьего по счету бокала, и все никак не могла расслабиться. «Пина Колада» явно не шла мне на пользу. Тело и голова были напряжены, словно поднятые по тревоге солдаты. Казалось, мой организм мобилизовался для какого-то серьезного испытания. Мэнди что-то радостно верещала мне на ухо, но я не улавливала смысла, поскольку была погружена в воспоминания минувшего дня.

Тяжелая ночь, Дерек в кофетерии, разговор с Рэем, спасение парня давно забытым способом, и как апогей всего этого — поездка в участок полиции. Интересно, в моей жизни когда-нибудь начнется белая полоса? Что-то в последние несколько дней на моем горизонте сгущаются тучи, а так хочется солнышка. Немного несбыточно думать об этом в Чикаго в начале ноября, но мне жутко захотелось домой, в Джексонвилл, штат Флорида. Там сейчас наверняка около 18 градусов и светит солнце. Я мечтательно прикрыла глаза, почти наяву ощущая аромат мамино чизкейка.

Услышав хорошо знакомый звонок колокольчика на входной двери, я по привычке обернулась. Прижавшись друг к другу, в бар вошли Сэм и Марго. На Сэме были его любимые джинсы и потрепанный свитер с геометрическим рисунком, а шею он замотал в широкий черный шарф. Он не любил официальности и деловых костюмов, предпочитая стиль «бродяги» в повседневной жизни. Мне это импонировало — человек без пафоса, с открытой душой и добродушной улыбкой. Наконец, я вновь вижу моего старого Сэма.

Марго резко контрастировала с ним своим внешним видом. На ней было приталенное шерстяное платье ярко-синего оттенка с элегантной баской. Талию украшал тоненький кожаный ремешок. Поверх платья на Марго было уютное черное пальто, отороченное мехом. Дополняли этот наряд высокие коричневые сапоги, выгодно подчеркивающие красоту ее ног. Ее локоны были уложены в идеальную прическу, наподобие тех, что были популярны в двадцатые годы. Называлось это, кажется, ретро-волна. Я не сильна в парикмахерских терминах.

У меня сложилось впечатление, что она только-только сбежала с какого-то светского приема, а Сэм вернулся с рыбалки. И встретились они у входа в бар, не подозревая о таком несоответствии друг другу.

Увидев меня, Сэм посерьезнел, помахал мне рукой и, быстро поцеловав Марго в щеку, направился к барной стойке, очевидно, намереваясь испортить мне настроение разговорами о работе.

Его пассия тем временем избавилась от пальто, пристроив его на вешалку, и расположилась за одним из угловых столиков.

— Привет. — Он подошел и плюхнулся рядом с Мэнди на высокий стул.

Возле меня место было занято. Что ж, поговорим через голову моей подруги.

— Шеф, ваша девушка заскучала, — пробурчала Мэнди, сопровождая свою речь икотой.

Я поморщилась. Моя болтушка так старалась отметить свое примирение с Итоном, что, похоже, сильно перебрала.

— Линда, ты уже знаешь последние новости? — Сэм с подозрением посмотрел на меня, ожидая реакции.

Я сглотнула, догадавшись, что он имеет в виду.

— Смотри о чем ты. — Я попыталась натянуть маску равнодушия.

— Я о Дерекке.

Мэнди как-то не вовремя дернулась и подавилась своим коктейлем. Она схватилась за грудь и начала сильно кашлять. Я постучала ей по спине.

— А, о нем. — я пожала плечами.

— Кто-то из нашей больницы подал на него заявление о попытке изнасилования. Сегодня в конце рабочего дня за ним приехали копы и увезли его в участок.

Я на мгновение закрыла глаза, обдумывая, говорить ли Сэму правду или оставить его в неведении. Приятное злорадство разлилось по моим венам от мыслей, что этот мудака проведет ближайшую ночь, а скорее всего много ночей, в вонючем клоповнике в компании таких же имбицилов, как он сам. И уж совершенно точно его лишат лицензии. Бай-бай карьера.

— Сэм, это мое заявление.

Что ж, раз уж мы изо всех сил стараемся реанимировать нашу дружбу, не стоит от него это скрывать. Я отставила бокал с напитком в сторону и серьезно посмотрела ему в глаза. Казалось, он ничуть не удивлен.

— Спасибо. — Ответил он мне, и я почувствовала, как в его взгляде вновь появилось доверие. Он все знал еще до того, как зашел в бар и задал мне этот вопрос. Проверка пройдена.

— Брось, — отмахнулась я.

— Ли, если бы ты раньше мне сказала, я бы свернул ему шею!

— И угодил бы вместо него за решетку. А он заперол бы операцию Рэя.

— У меня руки чешутся посчитать ему зубы!

— У меня тоже, — вставила Мэнди, вновь икнув.

— Ты тоже была в курсе? — Сэм бросил на нее разочарованный взгляд из серии «И ты, Брут?!».

— И Итон... — сдалась ему моя подруга, выдав имя последнего сообщника.

— В моем отделении какой-то залетный ублюдок пытается изнасиловать мою лучшую подругу, и об этом знают все, кроме меня!

Сэм усмехнулся, удрученно покачав головой. Не было похоже, чтобы он злился на Мэнди, или Итона. Скорее ему было очень больно за меня.

— Все позади. — Я положила свою руку ему на плечо и слегка похлопала по нему, выдавив из себя улыбку.

— Я тебя прошу, будь повнимательнее в выборе партнеров. Я понимаю, что ты хотела мне насолить, но видишь, чем это закончилось?

Мои щеки вспыхнули от стыда. Он отчитывал меня, словно родной отец. Меня это и цепляло, и радовало. Я давно уже нуждалась в подобной взбучке. Я настолько увлеклась мстостью Сэму, как несостоявшемуся жениху, что потеряла бдительность.

— Прости, что заставила тебя поволноваться. — Я бросила на него извиняющийся взгляд.

— И меня! — строго добавила Миранда.

— И ты меня прости!

Мы обнялись. Втроем. Не знаю, как нам это удалось, но рука Мэнди лежала на моем плече, а широкая ладонь Сэма прижималась к моей спине. То ли момент был очень трогательным, то ли количество выпитого давало о себе знать, но я почувствовала, как

увлажнились мои глаза. Не хватало еще расплакаться от умиления.

— Марго выцарапает мне глаза. — Прошептала я с видом заговорщика, бросив на нее притворно испуганный взгляд.

Сэм улыбнулся и убрал руку с моей талии.

— Ты права. Я пойду.

Он встал со стула и направился к ней. А я вновь уткнулась в бокал с напитком. Мэнди проводила Сэма взглядом и продолжила тараторить о том, какой замечательный у Итона сын. Как оказалось, все это время она рассказывала мне об их совместной поездке в парк развлечений, а я не слушала. Слава Богу, до нее дошло, что ребенок не помеха. Судя по ее восторженным глазам, малыш Джей ее очаровал. Ну и чудесно.

— Мэнди, ты молодец, что не стала заикливаться на его прошлом. Итон хороший парень.

— Это все дурацкие предрассудки и родительские наставления.

— Ты с родителями советовалась? — я удивленно приподняла бровь. В ее возрасте пора уже научиться самостоятельно принимать решения.

— Нет, просто моя голова насквозь пропитана маминой картиной мира, в которой мужчина обязательно должен быть образован, старше тебя лет на пять, не иметь прошлого, но иметь отличное будущее. Эдакий персонаж из романа.

— Родители хотят для нас лучшего, но только мы сами знаем, что для нас лучше.

— Ты права.

— Мне пора. Хочу наконец выспаться.

— Окей. Итон сегодня на дежурстве, так что я тоже скорее всего выплусь. — С легкой долей разочарования сказала Миранда.

Я допила свой коктейль и положила на стол десятку, собираясь уходить домой. Мои планы нарушил рабочий пейджер. Я посмотрела сообщение. Код синий. Палата 4003. Пациент Рэй Скайфилд.

Мое сердце провалилось в желудок. Перед глазами пронеслась вся жизнь, от момента моего первого воспоминания до последней сказанной фразы. Кто-то сильной рукой завязал плотный узел в моем животе, вызвав болезненный спазм. Что могло случиться?! Отторжение импланта? Новая опухоль? Новый разрыв сосуда? Инсульт после анестезии? Варианты диагнозов сменялись в моей голове, словно кадры из черно-белого фильма. В висках пульсировало, адреналин, вброшенный в кровь, разогнал мой пульс. Я резко вскочила со своего места, подхватила с вешалки пуховик и выскочила на улицу, застегиваясь на ходу.

Я пробыла в баре недолго, минут тридцать, а может сорок, и мотор моего Форда еще не успел остыть. Я села в салон и завела автомобиль. В голове возникла еще одна тревожная мысль — почему вызвали меня, а не Аманду? Ведь лечащий врач она, а не я. Мне стало тревожно. Я знала, в каких случаях вызывают ближайших родственников. Под ложечкой противно засосало, как будто бы я испытываю недельный голод, а в горле встал тошнотворный комок.

Я отпустила сцепление и нажала на газ. На удачу, к этому времени час пик уже прошел, и на улицах было свободно. К тому же дорога от бара до больницы занимала не более 10 минут.

Я залетела внутрь через приемное отделение, быстро сбросила с себя верхнюю одежду и вручила ее в руки какой-то медсестре, проходившей мимо меня. Надеюсь, она правильно поняла меня, когда я объясняла на каком этаже, и в какой комнате персонала находится мой

шкафчик. Я сняла с прикрепленной к стене вешалки одноразовый халат, надела его поверх свитера и бросилась к лифту.

Лифт стал особой частью моей жизни — минуты ожидания, проведенные в нем в последнее время, стоили мне слишком большого количества нервных клеток. И вновь я в лифте считаю про себя, пытаюсь успокоить разбушевавшееся воображение.

Наконец, двери кабины распахнулись и выпустили меня на четвертый этаж. Я пропустила мимо ушей приветствие постовой медсестры, сразу бросившись в его палату. Сегодня дежурила Кэти, молоденькая девушка, только-только после медицинской школы. Она что-то настоятельно кричала мне в спину, но меня было не остановить. Я слышала позади себя ее шаги и громкий голос, но бежала вперед напролом.

Сама себе я казалась тропическим вихрем, готовым снести на своем пути любое препятствие.

Открыв дверь в его палату, я замерла от удивления, смешанного с недоумением. Рэй лежал на своей кровати, вполне здоровый и довольный жизнью. Когда я ворвалась внутрь, он читал книгу. Я не рассмотрела название, но мой взгляд зацепился за имя автора на обложке — это был Джек Лондон.

— Но...что...как? — Я задыхалась от вынужденной пробежки и никак не могла выговорить свой вопрос.

— Что такое, милая? — Он отложил в сторону роман и с наигранным удивлением посмотрел на меня.

— Вызов, код синий. Что это было? Ошибка? И где доктор Хофф, почему ее не вызвали? — я переступила через порог и вошла внутрь.

— А, вызов. Это я попросил Кэти тебя вызвать.

— Что?! — мои брови поползли вверх, а глаза чуть не выскочили из орбиты. За ложный вызов главы отделения можно поплатиться работой. Я собралась уже выйти в коридор, чтобы выяснить у этой девицы причины ее бездумного поступка, но она сама влетела в палату.

— Доктор Соул! Я прошу меня извинить, но мистер Скайфилд наверняка наговорил вам сейчас про меня небылиц!

Я уже ничего не понимала и просто с вопросом посмотрела в ее глаза, давая ей тем самым сигнал продолжать объяснения.

— Я меняла пациенту лекарство в системе, и он спросил меня, что делать, если внезапно почувствуешь себя плохо. Я показала ему кнопку над его головой, которая передает вызов на пейджер дежурному врачу. Мистер Скайфилд взял и нажал ее, прямо у меня на глазах.

Девушка виновато опустила глаза, сжимая перед собой ладони.

Вот шутник! Все внутри меня негодовало. Мне захотелось подойти и как следует двинуть ему в улыбающуюся челюсть.

— Но почему вызов пришел на мой пейджер, если сегодня дежурит доктор Хофф?

— Доктор Хофф улетела в Сан-Франциско. За донорским сердцем для пациента из палаты 4017. Система перенаправила вызов вам.

— Хорошо, можете идти.

Я повернулась к Рэю и бросила на него сердитый взгляд. Девушка тем временем поспешила покинуть палату, радуясь тому, что смогла оправдаться.

— Что ты скажешь? — я скрестила на груди руки и сердито посмотрела ему в глаза.

Хотя, если быть до конца честной, сердиться у меня не получалось. Его глаза светились каким-то особенным, теплым светом, заставляя меня трепетать от ощущения близости с ним. Мне была в радость эта незапланированная встреча. Я нуждалась в нем, в его присутствии рядом, в его взгляде, в его улыбке. Я подседа на Рэя Скайфилда, словно он был каким-то редким сортом наркотика.

— Она все выдумала. Я пообещал ей 15 штук, если она поможет мне вызвать тебя. — Ответил он мне, не моргая.

Или он говорит правду, или мастерски врет.

— Что?! У тебя даже страховки нет, откуда у тебя такие деньги?

— Теперь есть.

— Рэй? Что все это значит?

— Сегодня я получил извещение. Мой папаша отправился в мир иной. Передозировка героина. Остановилось сердце. Я унаследовал 51 % акций в его логистической корпорации «Скайфилд Логистик», пост генерального директора, виллу на Санторини, дом в Эдж-Уотере, и крупный счет в «Бэнк оф Нью Йорк».

— Твой отец умер? — Я не верила своим ушам.

— Ну, я пустил скупую слезу, но быстро взял себя в руки. Я уж как-нибудь переживу эту потерю. Да и на земле одним мерзавцем стало меньше. Да упокоит Господь его душу.

— А твоя мать и брат?

— Мать получила дом в Арлингтон Хаитс и ежемесячную ренту в 10 тысяч долларов. Кевин получил 49 % акций и квартиру в районе Линкольн Парка. Правда ему она вряд ли скоро понадобится. Я не могу ему даже об этом сообщить. Когда выпишусь из больницы, свяжусь с его институтом, чтобы дали координаты для связи с экспедицией.

Я стояла в полном замешательстве. С одной стороны, мне стало легче, потому что теперь, имея такие деньги, ему можно не опасаться за получение медицинской помощи, не утруждать себя поисками работы, и сменить, наконец, свой старенький байк на приличный автомобиль. С другой стороны, для меня это означало только одно — я больше не нужна ему, как источник страховки. Нужна ли как женщина? Как жена?

— Это значит, что во мне ты больше не нуждаешься? В моей страховке.

Я сглотнула, ожидая его ответа.

— Это значит, что после того, как я поправлюсь, и доктор Хофф разрешит мне исполнить мой супружеский долг, мы отправимся на Санторини, чтобы провести там самый лучший медовый месяц, дорогая женушка.

Уголки его рта растянулись в невероятно обаятельной и сексуальной улыбке, и я почувствовала, как горит моя кожа под его взглядом.

— Рэй...?

— Да, Линда?

— У нас все серьезно или я все себе придумала?

— Ты моя. Seriously это или нет — покажет время. Но от своего я никогда не отказываюсь.

Сердце в моей груди начало выстукивать ритм марша Мендельсона. Я твоя, Рэй. Только твоя.

Часть I. Глава 20

Глава 20.

Прошла неделя с того дня, когда Рэй сообщил мне о смерти отца и о своем внезапном

богатстве. Точнее, внезапным оно было для меня. Сам он всегда знал, что унаследует созданную отцом империю, если только тот в пьяном угаре не перепишет завещание. В наших отношениях, наконец, появилась ясность, и я была на седьмом небе от счастья. Ладно, на шестом. Для полного ощущения эйфории мне очень сильно не хватало секса. Я навещала его каждый день — утром, в обед, и вечером перед уходом домой. И каждый визит становился для меня невыносимой пыткой. Мой организм требовал ласк, прикосновений и оргазмов, и что было самым ужасным — я получала только первое и второе, распаяясь до предела и уходя домой с горящей промежностью.

Он доводил меня до иступления одним своим поцелуем. Стоило мне только зайти в палату и посмотреть ему в глаза, как я начинала дрожать от желания. Все в нем вызывало дикую, первобытную страсть — томные, слегка прикрытые веки в обрамлении длинных черных ресниц, влажные и четко очерченные губы, которые хотелось съесть, точеные мышцы на груди, которые я мечтала полить клубничным джемом и вылизать до блеска, его твердый, как камень живот.

Особым предметом моего восхищения были его пальцы — длинные, аристократичные, с идеальной формой ногтей. Стоило мне посмотреть на его руки, как мое воображение тут же начинало рисовать сцены из порнографического фильма. Мне чудилось, что одна его рука забирается мне под блузку, и большой палец начинает рисовать спираль вокруг моего соска, будто он мягкая кисть художника, а вторая рука отодвигает трусики и два его пальца проникают в меня, доставляя поистине неземное удовольствие.

Я не знала, сколько еще смогу себя сдерживать, поэтому, решила поговорить с Аmandой насчет выписки и сроков полной «реабилитации» моего мужа.

Я направлялась в конференц-зал и никак не могла сосредоточиться. Пошлые мысли не уходили у меня из головы. Сегодня важный день, моя болтушка Мэнди напечатала первую в нашем городе трахею из стволовых клеток на 3D — принтере. Медицинский мир Чикаго взбудоражен и требует деталей, поэтому Сэм решил провести видео-конференцию по Skype с ведущими хирургами не только города, но и всего штата.

Пару минут назад я держала над унитазом волосы героини дня. Миранда так переволновалась, что ее вывернуло наизнанку. Я оставила Мэнди наедине с холодной водой и зеркалом. Я не плохая подруга, и не сбежала от нее в трудную минуту. Она сама меня выгнала, заявив, что уже большая девочка и может взять себя в руки. В ее ситуации это было смелым заявлением, но я в нее верю. К тому же, пока она там медитирует и настраивается на всеобщее внимание и поток вопросов от коллег, у меня появилась возможность перебраться парой слов с Аmandой.

Я вошла в переполненный зал и начала искать ее глазами. Заметив ее черный хвостик и традиционную заколку в форме бабочки, я направилась к ней.

Аманда беседовала с Харрисоном Трейси, хирургом из педиатрии, для пациента которого она привезла донорское сердце из Сан-Франциско. Я подошла и услышала обрывок их беседы.

— Орган не идеально подходит по размерам для грудной клетки моего пациента, очевидно, что донор был много старше, чем заявлено в его карте. Ему никак не может быть 16 лет. — С нескрываемым неудовольствием заявил доктор Трейси.

— Доктор Трейси, это здоровое сердце, которое прекрасно поместилось в грудную клетку Даниэля. К тому же, парень еще растет, — с деликатной улыбкой парировала Аманда.

— Оно туда поместилось только потому, что у нас работают лучшие хирурги.

— Благодарю.

— И все же я дам знать об этом случае в комитет по трансплантации. Доктору Морган из Мемориальной больницы Сан-Франциско не помешает переаттестация.

Я решила обозначить свое присутствие и немного покашляла. Аманда повернулась ко мне и расплылась в благодарной улыбке под названием «Слава Богу, ты пришла!».

— О, доктор Соул! Простите, я забыла о нашем разговоре. У меня была важная беседа с доктором Трейси, но теперь я готова вернуться к нашему вопросу.

Она подхватила меня под локоть и сделала пару шагов, уводя меня подальше от своего собеседника. Затем внезапно обернулась к нему, словно вспомнила что-то важное.

— Вы позволите, доктор Трейси? У нас важный рабочий вопрос!

— Да-да, конечно. Но позже мы с вами вернемся к этому случаю.

— Непременно!

Аманда бросила на него уничтожающий взгляд, сопроводив это кровожадной улыбкой наподобие тех, что натягивают на свое лицо актрисы, играющие в ужастиках вампиров. Мне стало страшно. А вот коллеге-хирургу из педиатрии, похоже, нет. Он лишь пожал плечами и отправился на поиски свободного стула.

— Боже, какой зануда! — вздохнула Аманда.

— Я не завидую этому доктору Морган из Сан-Франциско, по-моему, Харрисон взъелся на него не на шутку.

— С одной стороны, это похвально, так блюсти интересы своих пациентов, но с другой стороны, он переходит все границы. Должна же быть еще и профессиональная этика и поддержка, не так ли? С пациентом все окей, он стабилен, и больше не планирует собственные похороны в 16 лет. Почему бы просто не успокоиться?

— Просто некоторые люди не могут жить спокойно. Смирись.

— Как скажешь, босс.

Мы нашли пару свободных кресел в последнем ряду и поспешили их занять.

— Аманда, когда ты планируешь выписать Рэя?

— Вообще-то, сегодня. Документы на выписку уже готовятся, думаю, к обеду все решится.

Сердце в моей груди забилось радостно, и в то же время с нотками дикого ужаса. Сегодня вечером начнется моя новая жизнь. Меня пугала перспектива остаться вдвоем с Рэем в его доме. Нашем доме. Пугали совместные завтраки и ужины, просмотр фильмов и чтение на ночь в нашей постели. Пугали возможные ссоры и скандалы. Я не знала, полюбит ли он мою стряпню, или будет заказывать тайком от меня пиццу, понравится ли ему моя страсть к минимализму в интерьере, и будет ли он слушать мое любимое радио и смотреть со мной пародийные шоу по телевизору. Я не знала, понравится ли ему секс со мной, или я его разочарую. Но больше всего я боялась потерять его. Меня ужасно раздражали все эти мысли, ведь я ждала этого дня, грезилась им, а теперь веду себя, как трусливая девчонка. Наверное, в этот момент, на моем лице отразилось мое внутреннее состояние, поскольку Аманда решила немного подразнить меня.

— Нет, если, конечно, ты пока не готова к серьезным отношениям, я могу подержать его здесь до дня благодарения. А там и с семьей заодно познакомишься.

Мои щеки вспыхнули.

— Боже, Аманда! Не издевайся!

— Иди, скажи ему радостную новость.

— А как же Мэнди?

— Ей будет не до тебя, посмотри на все эти мониторы с суровыми лицами.

Я окинула взглядом стену сразу за трибуной — на ней в ряд было подвешено с десяток мониторов. На каждом из них уже маячила физиономия какого-нибудь коллеги-хирурга.

— Спасибо!

Я поспешно встала с места и начала продвигаться к выходу, волнение в груди только нарастало. Что мне ему сказать? Что сегодня я заберу его домой? Или что сегодня он заберет меня домой? Или что сегодня мы наконец поедem домой вместе?

Еще один вопрос волновал меня ничуть не меньше, чем все внутренние страхи — где он, тот самый наш дом? Рэй получил особняк в престижной части города, но могла ли я рассчитывать, что он позовет меня туда? Возможно, он не захочет жить там, где неприятные воспоминания будут омрачать наши дни. И может ли стать нашим домом моя уютная квартирка?

Голова шла кругом. Я зашла в его палату, застав Рэя за чтением. В последнее время он много читает. Сегодня это была «Божественная Комедия» Данте Алигьери.

— Любовь, велящая любимым, тебя ко мне так властно привела?[1] — процитировал на свой лад строки из поэмы Рэй, пронзив меня насквозь взглядом, полным желанием.

— Привет.

Мое волнение улетучилось без следа. Стоило мне только посмотреть в его серые глаза, как внутри вновь разгорелось пламя желания, и теперь я хотела только одного — чтобы за нами как можно скорее закрылась дверь спальни.

— Иди ко мне.

Он отложил книгу на прикроватную тумбу и протянул мне руку. Я улыбнулась и подошла к нему. Рэй притянул меня к себе, и мне в нос ударил запах свежести и его туалетной воды.

— От тебя так приятно пахнет.... — промычала я, уткнувшись носом в его шею.

— Только пахнет? — Он начал гладить рукой мои волосы.

— Тебя выписывают. — Сказала я, как бы, между прочим.

— Да?!

Я подняла голову и посмотрела в его лучащиеся радостью глаза.

— Да.

— Слава Богу! Ненавижу больницы! И от постельного режима у меня уже атрофия пятой точки.

Я недовольно поджала губы.

— Что значит, ненавидишь больницы, а как насчет того, что Университетская клиника Раш подарила тебе меня?

Он улыбнулся, заставив трепетать мое сердце, а затем запустил в мои распущенные волосы свои пальцы.

— Тебя мне подарила судьба.

Его губы коснулись моего лба, затем кончика носа, в итоге задержавшись на моих губах. Этот целомудренный поцелуй стал для меня откровением. Так целуют близких и по-настоящему любимых людей, вкладывая в прикосновение частичку своей души. Для того, чтобы сказать «люблю» совсем не обязательно нужны слова, и уж тем более ни один французский поцелуй сам по себе не является доказательством настоящих чувств. Истинные

чувства прячутся за такими нежными и теплыми поцелуями, поцелуями заботы и благодарности. Теперь я знала, что его со мной связывает не только страсть, вспыхнувшая между нами словно разряд молнии. Между нами возникла нить, пока еще не прочная и, возможно, слишком короткая, но мне хотелось верить, что однажды она превратится в стальной канат.

— Это спорный вопрос, может быть, все как раз наоборот, и подарок предназначался мне?

Вместо ответа он еще раз поцеловал меня.

— Ты уже собрала вещи?

— Нет, Аманда только что сказала мне, что выписывает тебя, и я пока еще не решила, что мне делать с моей квартирой.

— Съезжать.

— И где мы будем жить?

Рэй вздохнул, и потянулся за своим телефоном, который лежал на тумбочке. Затем набрал номер и взглядом дал мне понять, что все устроит.

— Алло, Марша? Да, это я, старая проказница! — он рассмеялся, придерживая рукой место наложения шва на груди.

Из трубки послышался немолодой веселый голос.

— Я планирую сегодня приехать домой, приготовишь все необходимое?

Я удивленно приподняла бровь. Прислуга? Сколько же у его отца было денег?

— Нет, милая, конечно, я не против, если ты переедешь к маме. Ей ты нужна гораздо больше чем мне.

Женщина что-то ответила ему и Рэй улыбнулся.

— Не переживай, дом не зарастет грязью и пылью. Приготовь, пожалуйста, ужин на две персоны. Я буду не один.

Громкость голоса на другом конце провода резко поползла вверх. Я расслышала два вопроса из десятка заданных этой женщиной — кто я такая и из приличной ли я семьи.

Ощущения, прямо скажем, не из приятных. Я почувствовала себя проходимкой, которая пытается заарканить миллионера.

— Марша, я женился на самой лучшей женщине на свете. Остальное дома.

Я отстранилась от Рэя, чтобы не слышать удивленного верещания из его телефона. Наконец, он попрощался и положил трубку.

— Ну вот. Ужин в восемь. Я попросил Маршу приготовить утку. Она делает необыкновенную утку по-пекински.

— Кто это? — в моем голосе просквозила тревога. Меня совсем не прельщала перспектива присутствия третьего человека в нашем доме в первую брачную ночь.

— Это наша с Кевином няня. Она больше тридцати лет работает в доме моего отца. После того, как мы выросли, она стала помогать маме по хозяйству.

— Но, я думала, что сама буду готовить тебе... — я не могла скрыть обиды в голосе.

— Ли, Марша для меня один из самых родных людей и тебе придется с этим смириться. К тому же, она собирается переехать в пригород к маме, так что у тебя еще будет масса возможностей удивить меня своими кулинарными талантами, не переживай.

— Хорошо.

— Ты полюбишь ее, и, возможно, не захочешь отпускать.

— Возможно. Но сейчас я могу думать только об одном — как скорее оказаться с тобой

наедине.

— О, это желание у нас взаимно.

Он слегка прикусил мочку моего уха, запустив мне под юбку горячую ладонь. Я закрыла глаза, собираясь насладиться этим мгновением, ощутив знакомые томительные вибрации в промежности и легкое покалывание в сосках. Неожиданно за спиной послышалось деликатное покашливание. Я готова была взорваться от желания придушить нарушителя нашего покоя.

— Боюсь, с этим придется подождать.

Я повернула голову и увидела смущенно улыбающуюся Аманду.

— Судя по последнему УЗИ, протез на аорте нестабилен, поэтому любая физическая нагрузка исключена как минимум еще на неделю.

Черт! Я сжала от злости зубы и закатила глаза. Неужели, мне все-таки придется обзавестись вибратором?

[1] В оригинале строки звучат так: «Любовь, велящая любимым, меня к нему так властно привела».

Часть I. Глава 21

Глава 21.

Я открыла глаза и потянулась. Будильник противно пищал прямо возле моего уха.

— Ли, детка! Выбрось уже эту штуковину к черту! Каждое утро одно и то же! — недовольно пробурчал Рэй, прикрыв голову подушкой.

Я нащупала рукой кнопку и выключила будильник. Мои зрачки окончательно привыкли к предрассветной ноябрьской темноте, и я в очередной раз окинула взглядом мою новую спальню.

Спустя неделю, я все еще свыкалась с этой помпезной обстановкой — высокие потолки, теплые кофейные обои, несколько картин и с изображениями полуобнаженных женщин и мужчин в стиле Рембрандта, тяжелые шторы из золотой парчи. Большую часть комнаты занимала поистине королевская кровать с кованым изголовьем и двумя боковыми тумбами в стиле Людовика XVIII. Напротив кровати стоял ансамбль из винтажного антикварного трюмо с овальным зеркалом в серебряной раме и старинного кресла без спинки на фигурно выгнутых ножках красного дерева. Слева от трюмо находилась дверь в ванную и гардеробную.

Подумать только, отдельная комната для гардероба!

Эта обстановка мне решительно не нравилась. Она давила на меня суммами в чековых книжках, чопорностью и статусностью, отдавала высокомерием и тягой к излишествам.

Одним словом, мой электронный будильник категорически не вписывался в этот классический интерьер.

Я повернулась к пытающемуся вновь заснуть мужу и стащила с его головы почти невесомую подушку из гусиного пуха.

— Рэй, я хочу сделать ремонт.

— Угу, только давай еще поспим.

Он протяжно зевнул и перевернулся на другой бок.

— Сегодня даже не надейся, что я уйду на работу, а ты будешь дрыхнуть до обеда! — я встала с постели, подошла к окну и раздвинула шторы, впустив в нашу спальню немного лунного света.

Ноябрь уже вступил в свои права, укутав Чикаго в снежное одеяло. Я каждое утро любовалась картиной, открывающейся моему взору из огромного витражного окна в пол, за которым находилась шикарная летняя терраса. В свете луны снег сверкал и искрился, напоминая северное сияние в миниатюре. Высокие голубые ели, высаженные по краю ограды, напоминали снежные вершины альпийских гор — такие же высокие и гордые, не подвластные порывам ветра.

— Милая, что же ты делаешь? — я обернулась, услышав голос Рэя. — Ты хочешь моей смерти? Честное слово, я сейчас плюну на все запреты Аманды, а ты не сможешь пойти на работу, потому что у тебя будет болеть промежность!

Я взяла с боковинки кресла шелковый халат и нехотя прикрыла им свое тело. Мне стала нравиться эта игра, эта сладкая пытка ожидания — лечь обнаженной с ним в одну кровать, чувствовать его тепло, его близость, его дыхание, и не сметь касаться. Засыпать, завернувшись в одеяло, словно в кокон, а наутро освобождаться от его оков и вырываться наружу, будто бабочка. Я провоцировала его своей наготой, своим идеальным телом, и наслаждалась видом его эрекции, его возбужденными расширенными зрачками, которые манили к себе, затягивали в себя, словно две черные космические дыры.

— Я в душ. Не вздумай заснуть, ты едешь со мной. Сегодня контрольное обследование.

— Заснуть? Ты шутишь? Какой уж тут сон, когда хочется пробежать пару километров, чтобы остыть.

Он сбросил с себя одеяло и встал с кровати, сделав пару аккуратных разминочных движений руками, и несколько легких наклонов торсом в стороны. Я знала, что ему больно, вскрытая грудина еще не окончательно зажила, но Рэй проявлял чудеса стойкости. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Ради этой минуты я и затевала каждое утро этот спектакль. На нем были короткие обтягивающие боксеры, которые с огромным трудом удерживали внутри его массивный эрегированный член, а вкупе с его великолепным рельефным телом, которое в нескольких местах было отмечено скальпелем хирурга, это зрелище и вовсе заставляло умирать от желания. Он был похож на воина, вернувшегося с поля боя, и мне до дрожи хотелось зализать его раны.

— Пробежка подождет, я очень надеюсь, что сегодня Аманда сжалится над нами... — я подошла к нему вплотную, привстала на цыпочки и слегка коснулась его губ поцелуем. Рэй прижал меня к себе, и я почувствовала, как трется головка его члена о мой пупок. Между ног сразу стало влажно.

— Теперь остывать нужно мне... — я улыбнулась и отстранилась от него.

— Не торопись, моя интуиция подсказывает мне, что сегодня я сдам тест на выносливость.

Он легонько шлепнул меня по попке, подталкивая в сторону душа. Мне не хотелось прерывать эту игру, но часы на будильнике показывали уже семь утра, а я все еще не приняла душ. Что ж, придется вернуться к суровым ноябрьским будням заведующей кардио.

Когда я вышла из душа в коридор, на этаже и лестнице витал необыкновенный аромат яичницы с беконом, а с кухни доносились звуки любимой группы Рэя — “Muse”. Опять «Supermassive Black Hole» — эта песня задавала нам настроение каждое утро. И, честно говоря, даже стала мне нравиться. Абсолютно серьезно. Еще чуть-чуть, и я пополнию ряды фанатов этой группы.

Я зашла в столовую, соединенную с кухонной зоной широкой аркой, и уселась за уже сервированный стол из коричневого дуба. Все в этом доме кричало о богатстве его

владельцев, и об их старомодном вкусе. Мысль о ремонте вновь проскользнула у меня в голове. Сквозь арку я видела пританцовывающего за плитой Рэя, на котором поверх одежды был надет смешной фартук с апельсинами. Сегодня он надел мои любимые темно-синие джинсы, обтягивающие его икры и бедра, и простой серый свитер с высоким горлышком.

— А где Марша? — я взяла в руки стакан воды и сделала глоток.

— Не знаю, скорее всего, она уже в Арлингтон Хаитс. Вчера вечером она говорила, что мама одна не справляется с хозяйством.

— То есть завтраки теперь будешь готовить ты?

— Считай это моим свадебным подарком, дорогая! — Он подошел к столу с подносом, на котором стояло две тарелки с аппетитно дымящимся омлетом и две чашки эспрессо.

— М-м-м, как вкусно! — я отправила кусок омлета в рот и испытала почти что оргазм. Еда таяла у меня на языке, оставляя необычайно пикантное послевкусие бекона. — Где ты научился так готовить?

Рэй тем временем плюхнулся на стул напротив меня и с жадностью начал поглощать свою порцию.

— Поживи одна парочку лет, да еще и не работая — ты тоже станешь фанатом кулинарных шоу.

— Издержки прогрессирующих аденом? Все ясно.

Я сделала глоток кофе, и нежный, сладковатый вкус омлета сменился горечью бодрящего напитка.

— А вот кофе варить ты не умеешь! — я поморщилась и отставила чашку подальше.

— Ты просто не умеешь его пить, — ответил Рэй, улыбнувшись.

Я бросила взгляд на большие настенные часы в форме домика с крышей, и отложила в сторону столовые приборы.

— Нам пора. Уже восемь.

— Окей, — сказал Рэй, отправив в рот последний огромный кусок омлета.

Мой старенький Форд засыпало снегом, и он напоминал огромный сугроб в форме спящей черепахи с парой красных глаз в виде фар.

Я стояла и пританцовывала от холода, дожидаясь, пока Рэй выгонит из гаража наш новый автомобиль — огромный «Range Rover» черного цвета с массивными колесами на шипованной резине.

С трудом забравшись на пассажирское сиденье, слишком высокое по сравнению с моим седаном, я протянула руку к магнитоле и включила радио. И снова какая-то околороковая группа. Что ж, очевидно, этот стиль музыки прочно вошел в мою жизнь.

Рэй завел мотор, и машина с урчанием выехала на расчищенную грейдером дорогу. На улице по-прежнему было темно, хотя на горизонте небо уже слегка посветлело. Первые и еще далекие солнечные лучи отбрасывали синеватые блики на белую поверхность земли.

Я выросла на юге, где снег если и шел, то таял еще в воздухе, поэтому каждый раз наблюдая эту картину я замирала, словно маленький ребенок, все еще верящий в сказку про Рождество и доброго Санту.

Аманда уже ждала нас в кабинете диагностики, вооружившись узи-сканером.

— Доброе утро, голубки! — Она приветливо улыбнулась. — Рэй, перейдем сразу к делу?

— Слушаюсь, док!

Рэй снял свитер, оставшись в черной боксерке, и уселся на кушетку. Я встала позади него и с волнением уставилась в монитор.

Аманда начала водить сканером по шее и груди моего мужа, и я увидела на экране его аорту. Комментарии были лишними, я не хуже нее понимала всю картину, поэтому она только записывала данные в карту.

Мое лицо постепенно расслабилось. Стенки аорты не пролабировали, поток крови нормальный, дуга в порядке, регургитации нет, протез работает на сто процентов. Толщина стенок в пределах нормы. Я выдохнула.

— Эй, что ты там вздыхаешь? — Рэй повернул ко мне голову. — Я, конечно, понимаю, что вы обе в теме, но я то ни черта не понимаю, что там на экране. Мне кто-нибудь скажет результат?

— Рэй, ты здоров! — с улыбкой ответила Аманда. — Конечно, в пределах того, насколько ты вообще можешь быть здоров, нужно еще сделать МРТ и отследить поведение других опухолей, но по моей части все в порядке.

Я кивнула в знак согласия. На лице моего мужа появилась странная, немного зловещая улыбка.

— А как насчет занятий...спортом? — Он посмотрел на Аманду испытывающим взглядом, заставив ее покраснеть.

— Я разрешаю тебе умеренные физические нагрузки.

У меня в груди вспыхнуло пламя. Мы все прекрасно понимали, что кроется за этим вопросом.

— Доктор Хофф, могу я попросить вас о маленьком одолжении? — вкрадчивым голосом спросил Рэй, и я ощутила, как накалился воздух в комнате. Волоски на моих руках встали дыбом, словно получив разряд тока, а по спине пробежал холодок.

— Да?

— Вы не могли бы оставить нас с доктором Соул наедине.... Минут на пятнадцать? Я бы хотел обсудить с супругой план дальнейшего обследования.

Я закрыла от стыда глаза, ощущая, как нарастает в моем теле желание. Мне одновременно хотелось задушить Рэя за подобную бестактность, и услышать от Аманды утвердительный ответ.

— Конечно, мистер Скайфилд.

Аманда загадочно улыбнулась, выключила аппарат УЗИ и вышла в коридор.

Я дрожала, как тростинка на ветру. Мое сердце колотилось, как у загнанной лани, а внизу, между ног пульсировал возбужденный клитор.

Рэй встал с кушетки, прошел мимо, нарочито коснувшись меня своим оголенным плечом, и закрыл дверь на замок. Спустя пару секунд он резко схватил меня за плечи и рывком повернул к себе. Его ладони так крепко сжимали меня за предплечья, что мне даже стало больно.

— Прости, детка, я знаю, что не о такой первой брачной ночи ты мечтала, но я больше не могу!

Я не успела ничего ответить, так как его губы яростно впились в мой рот поцелуем. Он раздвинул языком мои зубы, проник внутрь моего рта, и наполнил его своей влагой. Рэй с наслаждением покусывал мои губы, а я с остервенением облизывала расщелинку между его зубов.

Я почувствовала его руку на своем бедре, которая задрала практически до пупка мою юбку. Рэй, не прекращая целовать, схватил меня за задницу и несколько раз сжал ее до боли, а затем просунул ладонь мне между ног и ее ребром начал тереть мою промежность. Мне

хотелось плакать от дикого, безумного желания. Я истекала влагой, умирала от жжения меж половых губ, сходила с ума от резкого покалывания в сосках. Внезапно, Рэй просунул мне в промежность вторую руку, заставив еще больше раздвинуть ноги, и с силой дернул, сперва невидимую ткань капроновых колготок, а затем и гипюр моих трусиков. Я услышала треск рвущихся ниток и застонала, в то время как два его пальца уже проникли в меня и вращались в моем влагалище, словно обезумевшая дрель, вызывая горячие и острые волны экстаза.

Я расстегнула ширинку на его джинсах и запустила в его трусы свою ладонь. О Боже! Как давно я об этом мечтала! Его член, гладкий и твердый, горячий от наполнившей его крови, наконец, оказался в моей руке. Я обхватила его пальцами и начала скользить по нему рукой, то сдавливая, то ослабляя хватку. Я чувствовала, как пульсируют на нем мелкие венки, как двигается вместе с моей рукой его крайняя плоть, как увлажняется его головка.

Мне не хватало дыхания, от непрерывного поцелуя начали щипать губы. Рэй резко развернул меня спиной к себе и нагнул над кушеткой, сорвав с меня то, что осталось от колготок и трусиков. Древко его члена оказалось между половинок своей задницы. Он играл со мной, скользя им вверх-вниз, потом головкой начал тереться о мой клитор.

— Рэй, пожалуйста! — я взмолилась, не в силах больше терпеть.

Он задрал на моей спине блузку, расстегнул бюстгалтер и схватил в ладонь освободившуюся грудь, сжимая ее так, словно он месит тесто.

— Попроси меня, детка! — Его голос хрипел, как будто он выкурил пачку сигарет.

— Господи, да сделай же ты это! Возьми меня!

Я испугалась громкости своего голоса и прикрыла рот ладонью. В этот момент Рэй рывком вошел в меня и начал ритмично двигаться, продолжая сжимать мою грудь. Его грубые толчки сменялись плавными вращательными движениями, он то ускорял ритм, то замедлял его, то загонял в меня свой член практически до его основания, то оставлял внутри лишь головку. Меня еще никто и никогда так не трахал. Мне хотелось орать, кричать, царапаться, как дикая загулявшая кошка, и я с силой зажимала свой рот рукой, чтобы не дать этим желаниям вырваться наружу. Только не здесь, не в моей больнице, не за хлипкой дверью кабинета диагностики.

Фантастический оргазм захлестнул мое тело и разум. Я растворилась в этом ощущении удовольствия, неги и тепла. Все чувства обострились до предела. Я слышала звуки моего тела — биение сердца, шум тока крови по сосудам, пульсацию вен, видела микроскопические пылинки, кружащие в воздухе, чувствовала, как шевелятся волоски на моих руках, ощущала во рту привкус соли и мяты, улавливала запах своего пота, духов и больничных дезинфицирующих средств.

Рэй сделал еще пару резких фрикций и протяжно застонал, передав мне вибрации своего тела. Мы кончили практически одновременно.

Еще пару минут он оставался во мне, приходя в себя и приводя в порядок сбившееся дыхание. Затем аккуратно вытащил член и похлопал меня рукой по попке.

Мои руки дрожали, я с трудом встала и опустила юбку. В его глазах играли языки пламени.

— Рэй, это было восхитительно! — Я подошла и обняла его за талию, уложив свою голову ему на плечо.

— Я знаю, малыш. Это только начало, лишь одна грань удовольствия. Я покажу тебе все.

Его рука нежно гладила мои спутавшиеся волосы, а губы несколько раз запечатлели на

моем затылке поцелуй.

— О чем ты? — Я подняла на него глаза.

— О том, что ты даже не подозреваешь, на что способно твое тело.

— И ты приоткроешь для меня завесу тайны?

— Да.

— И когда же?

— Попроси отпуск. Я хочу отвезти тебя в Грецию, на нашу виллу на Санторини.

— Когда?

— Завтра. Уже начало ноября, и совсем скоро погода там испортится. Я хочу, чтобы ты успела насладиться не только мной, но и этим дивным островом.

Я скептически приподняла бровь и ухмыльнулась.

— Милый, я не работаю генеральным директором логистической корпорации, и не могу брать отпуск тогда, когда мне заблагорассудится.

— Скажи Сэму, что я дам больнице деньги на новый аппарат для МРТ, и увидишь, он с радостью тебя отпустит.

Он не переставал меня удивлять. От такого заявления впору было ошалеть. Хотя, перспектива увидеть шокированное лицо Сэма внушала мне здоровый оптимизм и некую долю азарта. От такого я не откажусь, тем более больнице действительно не помешает новое оборудование.

— Я могла бы сейчас встать в позу и сказать, что это подкуп, и он не в моих правилах, но после первого занятия с тобой мне не терпится поскорее вновь сесть за парту!

Мы рассмеялись. Может быть, случившееся и не было брачной ночью из моих фантазий и грез, но действительность превзошла все мои ожидания. Даже здесь, в кабинете функциональной диагностики на четвертом этаже университетской клиники Раш. Наверное, все дело не в месте, а в человеке. Дело в тебе, Рэй.

Часть I. Глава 22

Глава 22.

Это утро началось очень рано. Если быть точнее — еще ночью. В три часа по полуночи мы с Рэем погрузили наспех собранные сумки в багажник, запрыгнули в машину и отправились сквозь ночной заснеженный Чикаго в пригород, по Планта-роуд на небольшой частный аэродром Палуоки, расположенный в пятидесяти милях к северу от столицы штата.

Накануне вечером я, наконец, в полной мере осознала, насколько богат мой муж. Частный самолет, принадлежащий его компании, стоимостью 57 миллионов долларов, говорил о своем владельце больше, чем кто-либо. В тот момент, когда Рэй сообщил мне, что мы летим на собственном «Gulfstream G550», я не удержалась и вытаращила на него свои зеленые глаза. Не уверена, что к настоящему моменту я до конца избавилась от шока.

— А экипаж? Кто будет управлять самолетом? — Я протянула руку и взяла из подстаканника еще горячий стакан кофе, затем сделала глоток, подавляя рвущийся из глубин моей гортани зевок.

Кофе горчил, и, на мой вкус, был чересчур крепкий, но я вцепилась в этот стакан, как в спасательный круг. Я волновалась и никак не могла придти в себя. Мысли о частном самолете, вилле на Санторини, миллиардном состоянии моего мужа не давали мне покоя. Все это никак не вязалось с тем человеком, которого я узнала — открытый, с потрясающим чувством юмора, непритязательный, с легкостью завязывающий общение, как с членами правления своей компании, так и с нашим дворником, лишенный пафоса и спеси, бунтарь в

среде селебрити. На моей памяти это был первый генеральный директор логистической корпорации, который поехал на работу в кожаной куртке нараспашку, да еще и на метро. Это случилось накануне, сразу после нашей «первой брачной ночи» на четвертом этаже клиники. И это был он, мой Рэй.

— Не переживай, в штате компании есть два пилота и стюардесса. Весьма хорошенькая! — Поддел меня муж, хитро прищутив глаза.

— О, дорогой! Совсем забыла тебе рассказать. К нам перевели интерна из клиники Мейо, такой красавчик! Он подкладывает мне в шкафчик любовные записочки, представляешь?

Разве могла я оставить без ответа его издевку? Нет. Вру и не краснею. Зато щеки Рэя залила краска. Так тебе и надо!

— Да, ладно! Шучу я. Сам напросился со своей «хорошенькой стюардессой». — Решила я внести ясность.

Он повернулся ко мне и укоризненно покачал головой. Что ж, обмен уколами ревности в самом начале свадебного путешествия — отличное развлечение.

В кармане завибрировал мобильник, и я со вздохом неудовольствия поставила на место кофе и достала телефон. Это был Сэм.

— Привет!

— Ты не спишь? Пять утра! — я улыбнулась, услышав в трубке его бодрый голос.

— Пришлось вернуться на работу. По скорой поступило много пациентов. Автомобильная авария.

— Ясно.

— Ли, детка. Хорошо тебе отдохнуть! Береги себя.

— Спасибо, Сэм!

— Скоро увидимся, не успеешь соскучиться!

— Ага!

— Пока.

— Пока.

Я положила трубку. «Скоро увидимся» — почему-то эти слова смутили меня. В принципе, неделя — небольшой срок, но моя интуиция подсказывала, что Сэм имеет в виду что-то другое.

— Это был Сэм? — спросил Рэй.

— Да. Пожелал мне хорошего отдыха.

— Здорово.

— Меня, почему — то, насторожили его слова о том, что мы скоро увидимся. Мне кажется, я чего-то не знаю.

Рэй как-то странно дернулся и сморщился. К сожалению, я не могла прочесть его мысли, но судя по выражению лица, там было что-то недоброе.

— Не думаю, что он имел в виду что-то, о чем ты не знаешь. В противном случае, я тоже не в курсе.

Его ответ меня не удовлетворил. Навязчивое ощущение, что от меня что-то скрывают, прочно поселилось у меня в мозгу. Но я решила пока оставить этот разговор, поскольку мы прибыли на место.

Мы подъехали к ограждению аэродрома и остановились перед массивными воротами из металлической сетки. Рэй несколько раз посигналил. Створки ворот медленно поползли

назад, открывая нам путь. Мы въехали на небольшую парковку.

— Приехали. — Рэй заглушил мотор и первым вышел из машины.

Не успела я подумать, чтобы взяться за ручку, как он открыл для меня дверь. Я улыбнулась. Мой муж — это коктейль из сексуальности, бунтарства, рока и галантности. Почти что «Head & Shoulders» — три в одном.

Я вышла из машины и захлопнула дверь. Рэй тем временем передавал ключи от автомобиля подоспевшему охраннику.

— Нам туда! — он рукой указал на освещенную взлетно-посадочную полосу, на которой стоял аккуратный белый лайнер, метров тридцать в длину, с острым носом и горделиво задранной хвостовой частью.

Быстрым шагом мы добрались до трапа. У открытой входной двери нас уже ждала та самая стюардесса. Несмотря на ночь, минусовую температуру и снег, она была одета в фирменную одежду с логотипом «Скайфилд Логистик», а на голове вместо шапки была мизерная пилотка. Девушка дрожала от холода и улыбалась. Я бросила на Рэя гневный взгляд.

— Что за издевательство над экипажем? Она сейчас примерзнет к этой двери!

— Видимо, это отголоски причуд моего папочки. У него была природная склонность заставлять людей страдать.

Мы поднялись на верхнюю ступеньку.

— Добро пожаловать на борт! — выдавила девушка, стуча зубами.

— Оденьтесь, Джил. И забудьте все правила, которые придумал извращенный мозг мистера Скайфилда-старшего, да упокоит Господь его душу.

Стюардесса с благодарностью и облегчением посмотрела на Рэя и поспешила закрыть за нами дверь.

Внутри было тепло и на удивление просторно. Пара диванов, обтянутых молочной кожей, кухня красного дерева, несколько кресел, широкий деревянный стол, два санузла. Я плюхнулась на кресло возле открытого окошка иллюминатора. Рэй расположился напротив. Через секунду Джил уже стояла надо мной, словно только что выросла из-под земли. Я вздрогнула от неожиданности, услышав ее притворно сладкий голос.

— Могу я забрать вашу верхнюю одежду? — Ее лицо покраснело на морозе, и теперь она напоминала русскую красавицу из сказок.

— Да, конечно.

— Напитки?

— Мне чай с чабрецом и медом, пожалуйста, — попросил Рэй. — А моей супруге капучино с карамельным сиропом.

Меня окатило приятной волной благодарности. Мы живем вместе чуть больше недели, а он уже запомнил мои вкусы и предпочтения.

— Через пять минут все будет готово, сэр.

Джил удалилась, продолжая улыбаться, будто эта улыбка была еще одним элементом ее униформы. Я задумалась — она и спит так же? Сколько же компания ей платит, раз она готова торчать на морозе в одном жаккардовом костюме и при этом широко улыбаться?

Рэй развалился в кресле и с улыбкой посмотрел на меня.

— Через 13 часов мы будем в Греции.

— Это так долго, — заныла я. — Неужели нельзя было полететь на Гавайи?

— Привыкай. Я люблю путешествовать. Возможно, наш следующий отпуск мы

проведем в Китае, или Грузии.

Мои брови поползли вверх. О Китае я знала только то, что он граничит с суровой и грозной Россией и в его столице есть огромная площадь. Что касается Грузии — у нас есть штат с аналогичным названием. География не мой конек. Совсем не мой.

— Неожиданный поворот. — Пробурчала я, в то время как на столе появился сначала чайник, из носика которого струился ароматный травяной дымок, и чайная пара к нему, а затем большая белая чашка капучино с воздушной молочной шапкой, щедро сдобренной жидкой карамелью.

Джил, словно полтергейст, незаметно появлялась, делала свою работу — молча и с неизменной улыбкой, а затем исчезала, так же незаметно и бесшумно. Мне подумалось, что она вполне могла бы работать в разведке.

Я услышала, как взревели самолетные двигатели и поежилась. Высота вызывала во мне одновременно страх и восхищение. Каждый мой полет начинался одинаково — сначала внутренности завязывались в тугий узел от дикого страха, я дрожала, как осиновый лист, пока самолет взлетал и ревел, как разъяренный монстр из фильма ужасов. Как только лайнер набирал нужную высоту и затихал, я прилипала лицом к стеклу иллюминатора и тарасилась вниз, словно ребенок, которому показали чудо. Я обожала рассматривать огни городов, очертания гор; наблюдать за тем, как самолет пронзает пушистые облака, словно нож подтаявшее масло.

Правда, не уверена, что смогу так просидеть все тринадцать часов полета до Санторини. Несмотря на выпитый кофе, меня клонило в сон.

— Детка, иди вздремни. Я выпью чай и присоединюсь к тебе. Перелет будет долгим. — Словно прочел мои мысли Рэй, заставив меня в очередной раз поразиться его чуткости.

Он определял мое состояние и мои желания по каким-то едва заметным признакам, и всегда точно угадывал. Кажется, я выбрала себе в мужа идеального мужчину.

— В хвостовой части есть спальня. Не такая большая, как у нас в доме, но там стоит вполне приличная кровать с матрасом из кокосовой койры, — продолжил он, окончательно сломив мое сопротивление.

При слове «кровать» мои веки потяжелели, словно к ним подвесили грузики. Я не смогла удержаться и зевнула.

— Не засиживайся, — ответила я ему и отправилась в указанном направлении.

Спальня в самолете — это узкое помещение, что-то наподобие шкафа-купе, в котором вместо полок и вещей втиснута кровать. Справа от кровати располагался душ. Я смерила душевую кабину недоверчивым взглядом, борясь с желанием плюхнуться спать прямо в одежде. Чувство долга победило, и я с проклятиями в адрес американской привычки мыться дважды в день, бросила на пол свою одежду и зашла в кабинку. Несмотря на свои крайне малые размеры (я с трудом могла повернуться), она была оборудована по последнему слову техники — я могла выбрать обычный или тропический душ, включить радио, нажатием кнопок на специальной панели управления отрегулировать температуру и напор воды, включить вертикальную гидромассажную колонку и много — много чего еще. С первой же струей воды я почувствовала себя гораздо лучше. Принимать душ на высоте десять тысяч километров оказалось очень приятно. Не знаю, сколько времени я потратила, наслаждаясь тропическим ливнем в миниатюре, но когда я вышла из кабинки, Рэй уже был в комнате. Он лежал на кровати в боксерке и джинсах и смотрел маленький плазменный телевизор, который, как оказалось, был прикреплен к потолку.

Я потянулась за полотенцем, ощущая на себе его пронзительный взгляд, от которого по коже мгновенно побежали мурашки. Я знала этот его взгляд — дикий, беспощадный, зовущий, требующий. Его широкая рука легла поверх моего запястья, не давая мне возможности взять полотенце и прикрыть наготу.

— Ли....

Он выдохнул мое имя, затем резко дернул на себя. Через секунду я уже лежала под ним, дрожащая от холода и желания. Он накрыл мои губы поцелуем с приятным ароматом чабреца и вкусом меда. Между ног мгновенно вспыхнуло пламя. Я раздвинула бедра и выгнулась, прижавшись животом к его эрегированному члену, который рвался наружу сквозь плотную джинсовую ткань. Он расстегнул штаны, взял мою руку и засунул ее себе в трусы. Я тут же обхватила пальцами его член и, достав его наружу, начала водить его головкой у себя в промежности. Рэй застонал, отпустив на мгновение мой рот. Я резко толкнула его ладонями в грудь, заставив упасть на спину, и тут же забралась на него сверху. Его ладони легли на мои груди, а в глазах я увидела дно океана — они потемнели, зрачки расширились и блестели, словно в них поселилось с десяток светлячков. Я откинулась назад и оперлась руками на кровать, затем начала плавно двигаться, постепенно ускоряя ритм. Его член вонзался в меня, вызывая тянущие вибрации, а руки поглаживали груди. С каждым движением мне становилось все труднее дышать, сердце колотилось все быстрее, а внутри становилось все жарче. Стенки моего влагалища сокращались, сжимая его плоть, и каждый раз, когда это происходило, он широко распахивал глаза. Я напоминала себе озабоченную и сумасшедшую шлюху, но меня безумно заводили эти мгновения. Через несколько минут меня накрыло волной оргазма, и я слилась с окружающим меня пространством, мое тело стало невесомым. Все вокруг перестало существовать. Остались только мы. Рэй вскочил и прижал меня к себе, уткнувшись носом мне в шею. Его экстаз на этот раз слегка запоздал, но я была не против подержать его внутри себя еще какое-то время. Его семя изливалось в меня и стекало горячей струей по внутренней поверхности бедер, словно кто-то смазывал их теплым оливковым маслом. Я гладила его волосы и вдыхала их запах. По-моему, мне открылась следующая грань удовольствия. Сколько же их будет всего, Рэй?

Часть I. Глава 23

Глава 23.

Наша «небесная квартирка», как, шутя, назвал Рэй самолет, приземлилась в международном аэропорту Санторини точно по расписанию — в 19.00 по американскому времени. Часовой пояс Греции отличается от времени Чикаго на + 8 часов, так что на дворе было раннее утро, все еще темное, но уже в трепетном ожидании первых рассветных лучей.

Во время посадки я прилипла лицом к иллюминатору и ошалелыми глазами смотрела на бесконечные скопления белых кикладских домиков в свете фонарей, которые с высоты казались похожими на бeze, покрытое голубой мастикой крыш. Теперь мне до безумия хотелось увидеть все это великолепие при свете дня.

Сезон на острове практически закончился, поэтому в здании аэровокзала было немногочисленно. Мы довольно быстро по американским меркам прошли паспортный контроль, потратив на этого всего что-то около часа, получили свой багаж и вышли через центральный вход на улицу, где нас уже ждал арендованный Рэем автомобиль — миниатюрная двухместная «Mazda MX-5 Miata» с откидной крышей ярко — красного цвета.

На улице было удивительно тепло для ноября. Мне сразу вспомнилась родная Флорида и тамошняя чудесная погода. Еще в самолете мы переоделись в легкую летнюю одежду,

оставив зимнюю экипировку на борту. По моим ощущениям, было не меньше двадцати градусов тепла.

Рэй загрузил наши сумки в багажник, и предусмотрительно открыл для меня дверь автомобиля.

— Дорогая... — он жестом предложил мне занять свое место, что я не преминула сделать.

В машине пахло свежей краской, кожей и деревом. Очевидно, этот экземпляр только — только сошел с конвейера. Подвешенный чьей-то заботливой рукой на зеркало заднего вида ароматизатор с запахом ванили слегка компенсировал химические нотки в салоне. Благо, через пару секунд после того, как я уселась на пассажирское сиденье, сильный порыв ветра со стороны воды принес с собой ароматы соленого эгейского моря и цветущей бугенвиллии.

— Куда мы едем? — спросила я, в то время как Рэй уже завел мотор и отъехал от здания аэропорта.

— Наша вилла расположена в Периссе, в паре сотен метров от знаменитого черного пляжа с вулканическим песком и аналогичным названием. Это восточное побережье острова. Там уединенно и удивительно красиво. Ты полюбишь Санторини, как и я.

— Ты часто бывал здесь? Я думала, что у тебя не очень близкие отношения с отцом, и он не брал тебя с собой.

— Отчасти ты права. Отец никогда и никуда не брал меня с собой. Да и Кевина тоже. Эту виллу он купил, чтобы мы с матерью могли отдыхать здесь втроем, тогда как он в компании полуголых шлюх летал на Сейшелы, Мальдивы, или в Доминиканскую республику, — Рэй усмехнулся, — там он утопал в контрабандном кубинском роме и накуривался гаванскими сигарами. Выбор пал на Грецию не случайно — 13 часов полета от Штатов гарантировали ему уверенность, что он не будет пойман с поличным на измене, и моя мать не разведется с ним, отсудив, согласно брачному контракту, половину состояния.

Мы выехали на серпантин, и я немного отвлеклась от того, что рассказывал мне мой муж. Полная луна, сиявшая над гладью Эгейского моря, висела так низко, что мне казалось, я могу достать до нее кончиками пальцев. Дорога петляла и уходила вверх, открывая взору великолепие морских просторов и обрывистых скалистых берегов. С другой стороны над нами возвышались все те же кипенно белые домики, отражавшие своей ослепительной белизной лунный свет.

— Они никогда не пачкаются? — вырвалось у меня.

— Что?

— Домики, они просто светятся в ночи!

— А, домики... Мне в детстве часто казалось, что на острове живут специальные люди, которые с наступлением темноты выходят на улицы и заново покрывают дома белоснежной краской. Каждую ночь. Другого объяснения у меня нет и по сей день.

Ночь скрывала мое выражение лица, но я — то знала, что сижу широко распахнув глаза и улыбаясь до ушей, словно только что выиграла в лотерею десятков миллионов долларов. Ощущение сказки, невероятности происходящего не покидало меня. Я как будто оказалась в параллельном мире — без единого небоскреба, с ровными линиями белоснежных домиков, в тишине и умиротворении. В эту минуту в мое сердце постучалась тоска — мне стало томительно грустно от мыслей о предстоящем отъезде. Хотелось остановить время, растянуть минуты и часы, чтобы вдоволь надышаться этим воздухом и запечатлеть в памяти каждую голубую крышу и золоченный православный крест над крышей церкви.

— Почти приехали, — сказал мой муж, нежно коснувшись своей рукой моего запястья. Это вывело меня из состояния меланхолии, и я стала внимательно всматриваться в очертания белого дома, который с каждой секундной становился все ближе.

Я с нетерпением маленькой девочки, увидевшей на витрине магазина новую куклу, первой бросилась за ворота, которые автоматически открылись, как только наша малышка Mazda подъехала к дому. Первые лучи рассветного солнца играли на снежной поверхности виллы. Двухэтажное здание имело три крыла — центральное с просторным балконом и заборчиком из реек, сбитых крест-накрест, и два боковых. Как и вся архитектура на острове, здание слепило своим белым цветом, оттененным голубыми деревянными дверьми с рядом окошек, и бирюзово-синими рамами окон. Верхний этаж виллы имел закругленные края, очевидно, скрывая за собой великолепную террасу. По крайней мере, мне хотелось, чтобы она там была. По бокам дома две узкие каменные лестницы вели наверх, и с моего места мне казалось, что лестница заканчивается в небесах.

Центральный вход украшали два высоких старинных фонаря на подставках и декоративный забор по краям широкой лестницы, по форме напоминающий рисунок британского флага.

В само здание вели высокие деревянные белые двери с серебряными ручками.

По всему периметру каменного забора вокруг виллы на его стенах были подвешены полупрозрачные светильники из бирюзового стекла, которые отбрасывали свои блики на спокойную гладь воды в бассейне, расположенном прямо перед центральным входом в дом. Справа от бассейна располагалась крытая беседка с зоной для приема солнечных ванн с лежаками и зоной отдыха с двумя диванами и низким стеклянным столиком. Диваны были завалены серыми и бирюзовыми подушками, повторяющими цвета светильников и крыши беседки.

По другую сторону от бассейна расположилась аллея цветущих растений в огромных горшках. Я увидела кактус, небольшое оливковое деревце, лимонное дерево, яркую, цвета фуксии бугенвиллию. И еще какие-то невероятные диковинные деревца и растения, которых я раньше никогда не видела.

Сразу за домом возвышалась громадная гора, покрытая серым вулканическим пеплом, которая словно напоминала нам, что все в этом мире брэнно и подчинено законам природы. Вулкан на острове был действующим и периодически выпускал наружу клубы пепла и дыма, которые оседали на горах, земле и крышах домов. Тем удивительнее для меня был тот факт, что все здания на Санторини сияли своей белизной.

Я будто оказалась на съемках фильма по мотивам «Эллады» Гомера. Мое воображение рисовало великолепных загорелых гречанок, которые в светлых хитонах водят хоровод вокруг бассейна и поют песню, восхваляющую Афродиту.

— Ну как? Тебе нравится?

Горячее дыхание мужа согрело мою шею. Он обнял меня и поцеловал в затылок. Эти минуты я тут же записала на диск своей памяти в папку «Счастье». Я прикрыла глаза и кивнула в ответ, не решаясь нарушить интимность момента своим голосом.

Это было потрясающе — восход солнца, похожий на яркую фотовспышку, после которой в глазах мельтешат яркие огоньки; белоснежная вилла, возвышающаяся над моей головой, словно снежная гора; горячие руки Рэя, сжимающие меня за талию; и запах цветущей бугенвиллии, разбавленный соленым бризом. Что ж, миссис Скайфилд, встречайте третью грань удовольствия — рассвет на Санторини!

Я повернулась к Рэю и тихо прошептала «спасибо». Он прижал меня к себе и припал губами к пульсирующей у основания моей шеи венке. Затем поднял голову и посмотрел мне в глаза.

— Спасибо нужно говорить мне. Если бы не ты — меня бы здесь не было. Ты подарила мне все, о чем только может мечтать мужчина. Ты стала моим ангелом — хранителем, ты спасла мне жизнь и спасла мое сердце от черствости. Ты полюбила меня тогда, когда у меня ничего не было, и не просила ничего взамен. Ты даришь мне радость одной своей улыбкой. Я люблю тебя, Линда Соул, и прошу стать моей женой!

По мере того, как Рэй говорил, меня одолевало волнение и трепет. Но его последняя фраза заставила меня открыть от удивления рот. Он встал на одно колено и протянул мне маленькую черную коробочку, которую извлек из кармана джинсов. Я была в полном замешательстве.

— Что? Но, ведь мы уже женаты!

— Перед людьми, но не перед Богом. — Рэй продолжал стоять на одном колене. — Я хочу, чтобы здесь, на этом прекрасном острове, нас обвенчал священник. Я хочу, чтобы ты стала моей, безвозвратно и навсегда.

Я у меня голова шла кругом. Он предлагал мне сыграть настоящую свадьбу на чудесном греческом острове. Разве я могла отказать?

— Я согласна — выдохнула я, смахивая рукой подступившую слезинку.

Рэй встал, открыл коробку и достал из нее изумительное кольцо — настолько же простое, насколько и безупречное. Тонкий ободок из золота венчал маленький треугольный изумруд.

— Этот камень напомнил мне твои глаза в тот момент, когда я выбирал кольцо.

Я улыбнулась, продолжая всхлипывать, и протянула ему ладонь. Рэй надел кольцо на мой безымянный палец и обнял меня. Теперь, наконец, я дала волю чувствам. Рыдания сквозь улыбку — странное поведение для женщины, которой только что сделал предложение идеальный мужчина. Он обхватил мое лицо ладонями и начал покрывать его поцелуями. Мои ноги сами отрывались от земли и рвались ввысь — туда, где яркое солнце освещает золотую гладь воды Эгейского моря; туда, где горы касаются своими макушками неба; туда, откуда видны голубые купола греческих церквей, в одной из которых мне предстоит обвенчаться с Рэем.

На улице, тем временем, рассвело. Небо стало настолько ярким и прозрачным, что на него стало невозможно смотреть. Я закрыла глаза и начала молиться — «Спасибо, Господи, за это день, за этого мужчину, за это небо! Я не знаю, чем я заслужила эту радость и это счастье, но теперь я точно знаю, что ты есть»

Мои мысли оборвал его жадный поцелуй, который, наконец, добрался до моих губ. Он целовал меня страстно и горячо, впитывая в себя соль моих слез. Я запустила пальцы в его шелковые волосы и полностью отдалась этому мгновению. Мне кажется, на диске моей памяти не хватит места для записи, если мой муж будет продолжать делать меня счастливой изо дня в день.

Что же ты делаешь со мной, Рэй? Мне начинает казаться, что ты самый настоящий бриллиант. Но, сколько же у тебя граней?

Часть I. Глава 24

Глава 24.

Ноябрьское солнце Санторини грело ничуть не хуже июльского в Чикаго. После

предложения Рэя я успела принять душ, выпить кофе и придти в себя, и теперь нежилась на грязно-сером от вулканической пыли пляже Периссы. Прохладный песок компенсировал жар от солнечных лучей, а небольшие волны создавали такой приятный для слуха шум, что я прикрыла глаза и просто наслаждалась моментом.

Рэй решил поплавать, несмотря на то, что вода была довольно бодрящей. Я рискнула намочить ноги, но тут же отпрыгнула назад, ощутив, как холодные волны лизнули мои пятки.

Когда я последний раз искала его глазами в море — он качался на волнах в нескольких метрах от кромки берега. Как оказалось, мой муж, несмотря на свои множественные прогрессирующие аденомы и кучу операций, находится в прекрасной физической форме. Поэтому я со спокойной душой позволила себе вздремнуть.

Меня разбудила вода. Холодный дождь окропил сначала мой живот, а затем несколько капель упали на лицо. Я открыла глаза и увидела перед собой Рэя — улыбающееся какой-то особенной, счастливой улыбкой. Он склонился надо мной, и с его тела и шевелюры на меня струйками полилась вода. Я поморщилась.

— Рэй, холодно!

— Вставай, лентяйка! Нас ждут великие дела! — Он быстро поцеловал меня в губы, а затем начал трясти головой, стряхивая воду с волос, как делают кошки или собаки.

Через минуту такой деятельности на мне не осталось сухого места. Я нехотя встала и начала вертеться в поисках прямых солнечных лучей, в надежде ускорить процесс высыхания. При очередном повороте в сторону дороги, я увидела, как неподалеку от нас остановился серебристый джип с прицепом — марку с этого расстояния я не могла рассмотреть. Человек в этой пустынной местности? Откуда?

Из машины вышли двое мужчин. Один из них откинул с прицепа тент, а второй быстро запрыгнул внутрь. Мне стало любопытно — что затеяли эти двое?

Через несколько минут на земле оказалась огромная плетеная корзина, кажется, она называется гондола, а рядом с ней кусок материи. Даже идиоту было ясно, что это воздушный шар. Я с недоумением посмотрела на мужа.

— Ты знаешь этих людей?

— Не очень близко, но намерен это исправить в ближайшее время, — ответил мне Рэй, со свойственной ему остротой и иронией.

— Мы полетим на воздушном шаре?

Он когда-нибудь прекратит меня шокировать? По-моему, по причине зашкаливающей частоты удивительных событий и моей неконтролируемой реакции на них, у меня на лбу образовалась пара морщин, которым там совсем не место. Если я продолжу так же часто морщить от удивления лоб — то через пару лет буду похожа на скукоженную тыкву.

— Именно! — Рэй слегка шлепнул меня по заднице и подтолкнул в направлении виллы, до которой от пляжа было не более пяти минут пешего шага — нужно было только обогнуть ту скалу, которую я увидела на рассвете за нашим домом. — Быстро домой, переодеваться! — скомандовал он, и я повиновалась.

И куда только подевалась своенравная бунтарка Линда? Почему я позволяю этому мужчине лупить меня по попе, когда ему вздумается, и указывать, что мне следует делать? Возможно, потому что последствия у всех его приказов весьма приятны. Наверное, именно так приручают диких кошек, награждая после каждой выполненной команды чем-то восхитительным, от чего те не могут отказаться, несмотря на всю свою строптивую

сущность.

Я подняла с песка свое полотенце, которое служило мне лежаком, и направилась в сторону особняка, наблюдая боковым зрением, как парочка молодых греков устанавливает гондолу и начинают накачивать купол холодным воздухом с помощью мощного вентилятора. Рэй шел сзади, периодически собирая в руку воду с волос и сбрызгивая мне спину. Он вел себя, как ребенок, подзадоривая меня и заставляя взвизгивать каждый раз, когда холодные капли падали на мою разогретую солнцем спину. Он заразительно смеялся, заставив в итоге и меня впасть в детство — в один прекрасный момент я сорвалась с места, подбежала к кромке моря, зачерпнула полную ладонь холодной воды и запустила ей в Рэя. Мы отпустили на волю все свои взрослые стереотипы и модели поведения, и просто резвились, как будто нам снова стало по десять лет. Эти минуты пути до виллы я, наверное, тоже запишу в папку «Счастье».

Дома я переделалась в легкую, почти прозрачную шифоновую блузку и ярко-синие хлопковые шорты, собрала волосы в конский хвост, нацепила на голову солнечные очки и вышла в гостиную, чтобы дожидаться Рэя. Я слышала его пение из душа на втором этаже и невольно улыбалась. В отличие от омерзительных завываний Дерека, у моего мужа был прекрасный слух и приятный тембр голоса. Он напевал песню Френка Синатры «Killing me softly» и я начала покачивать головой ему в такт.

У меня было примерно пятнадцать минут, и я решила осмотреть гостиную на первом этаже и холл. На рассвете мы так стремительно сбросили с себя одежды, и после пятиминутного душа, опрокинув по чашке кофе, бросились на пляж, что я практически не успела толком ничего разглядеть.

Внутри вилла была не менее прекрасна, чем снаружи. Никакого пафоса, отделки золотом или мрамором, как любят наши богачи. Все просто и со вкусом. Все те же белоголубые стены, аккуратные окна в синих рамах и с цветами на подоконниках, низкие диваны, обтянутые серой тканью, похожей на мешковину, декоративные подушки в пастельных серо-бирюзовых тонах, морская тема в декоре. На стенах было множество панно с ракушками и песком — черным, золотистым, бордовым. В холле на полках были расставлены акварели с видами островных деревушек, рыбаков и их стареньких лодок, натюрморты с морскими обитателями и виноградом, который в огромном количестве произрастает на острове. На полу, в углах комнат, стояли стеклянные керосиновые фонари и декоративные бутылки с вином под старину, как будто их достали из сундука пиратов.

Я вышла на террасу, которая располагалась прямо на центральном крыльце и уселась в деревянное кресло-качалку на мягкую подушку. Всего таких кресел здесь было четыре — по два с каждой стороны.

Все в этом месте сулило безмятежность и комфорт. Все дышало негой, веяло наслаждением и источало умиротворение. Романтичнее места я в своей жизни не видела.

За этими мыслями я не заметила, как скрипнула дверь, и на пороге появился Рэй — в светлых брюках, коричневых сандалиях на ремешке и майке — поло от «Lacoste» ярко-зеленого цвета с неизменной эмблемой в виде крокодила. В руках у него был теплый плед.

— Боишься замерзнуть? Помнится, ты говорил, что слишком горячий, чтобы бояться холода — съязвила я.

— Это для тебя, милая. — Он улыбнулся и подмигнул мне. — Идем.

— Какой внимательный у меня супруг! — улыбнулась я ему в ответ.

На пляже аэростат был полностью готов к полету. Купол принял привычную форму огромного яйца, размером с высотный дом, разукрашенный во все цвета радуги, а воздухоплаватели заканчивали привязывать к бортикам гондолы мешочки с песком.

Мы подошли к воздушному шару молча, держась за руки и слушая, как хрустит под ногами вулканический песок.

— Kalós írthate! [1]— Произнес один из мужчин, широко улыбнувшись. Его загорелое лицо источало доброжелательность и радость, и почему-то вселило в меня уверенность, что эти двое знают свое дело и мне нечего опасаться.

— Eῤcharisties, [2] — ответил ему Рэй и первым запрыгнул внутрь корзины.

Я не поняла ни слова, но догадалась, что молодой грек приглашал нас внутрь, а Рэй поблагодарил его.

Мой муж протянул мне руку и помог вскарабкаться вслед за ним. Второй грек в это время начал что-то бегло рассказывать Рэю, показывая рукой то на какие-то рычажки горелки, то подергивая веревки. Рэй кивал головой и отвечал одно и то же слово — «safis»[3]. Я немного напряглась. Меня раздражало, что я ни черта не понимаю, и пугал тот факт, что мужчины, судя по всему, собирались остаться на пляже.

— Что происходит, Рэй? — я слегка коснулась рукой его предплечья.

— В принципе, ничего особенного. Арес объясняет мне, как управлять аэростатом. — С напускным равнодушием ответил мой муж.

— Что? Мы полетим вдвоем? Но ведь ты никогда раньше не управлял воздушным шаром?

У меня от ужаса встали волоски на коже, и я инстинктивно попятилась к бортику корзины, намереваясь совершить побег. Вместо ответа он рассмеялся, чем привел меня в еще большее замешательство.

— Кто тебе сказал, что я никогда не управлял воздушным шаром?

— Но, ты никогда не говорил, что умеешь это делать!

— Детка, мы знакомы чуть больше месяца, я многое тебе еще не рассказывал.

— Ты хочешь сказать, что умеешь управляться с этой машиной?

— Именно.

— Тогда почему этот мужчина ведет себя с тобой, как опытный педагог с нерадивым учеником?

— Это новая модель, модифицированная. В ней несколько отличается конструкция горелки и

механизм регулирования высоты от тех моделей, к которым я привык. Вот и все.

Я все еще с недоверием смотрела на улыбающегося грека, но паника постепенно отступала.

— Доверься мне, Ли! — сказал Рэй и прижал меня к себе.

Его губы коснулись моего виска, лишив меня последних остатков страха. Разве может этот мужчина позволить мне умереть, разбившись на воздушном шаре? В его объятиях я чувствую себя настолько защищенной, насколько я, наверное, чувствовала себя в утробе матери.

— Хорошо... — прошептала я и крепко вцепилась в его ладонь.

Мужчины отошли от бортиков корзины на безопасное расстояние и принялись радостно махать нам руками.

Рэй потянул за какой-то рычаг на горелке, и она начала выпускать под купол языки пламени. Холодный воздух, которым была заполнена оболочка, постепенно нагревался и отрывал нас от земли. Мы медленно стали подниматься вверх.

Машущие нам на прощание греки становились все меньше и меньше, а открывающийся вид впечатлял все больше.

Рэй оказался прав — чем выше мы поднимались, тем ниже становилась температура. Я укуталась в плед и вцепилась руками в бортики гондолы, с восхищением рассматривая очертания острова с высоты птичьего полета.

Восточное побережье Санторини, откуда начался наш полет, представляло собой по большей части степь, с длинной полоской черного вулканического пляжа и скалами по линии моря. Попутный ветер гнал наш аэростат через пустынные поля с редкими зданиями таверн и домов на противоположную часть острова, и с каждой минутой виды становились все более великолепными. Через полчаса на горизонте появилась скалистая кальдера, застроенная кикладскими белыми и песочными домами в традиционном стиле, низкими церквушками с голубыми куполами и утопающими в цветущих растениях узкими улочками из вулканического камня.

Белоснежные дома, буквально нависали над скалистым обрывом, впереди виднелось лазурное море, а над головой сияло синее небо без единого облачка. Солнце светило так ярко, что у меня на глаза навернулись слезы. От его сияния не спасали даже солнцезащитные очки.

— Это Фира, столица острова. — Сказал Рэй.

— Это великолепно — пробормотала я, глотая слезы, которые ручьем бежали по моим щекам.

В этот момент я не могла с уверенностью сказать, что плачу только потому, что солнце слепит мне глаза. Эгейское лазурное море, и синее небо, и Фира, похожая с высоты полета

на произведение искусства, и Рэй, управляющий воздушным шаром — все это вызывало во мне бурю эмоций, как после приема наркотика. Мое сердце трепетало и щемило, крылья порхающих бабочек щекотали изнутри мою кожу, голова кружилась от переизбытка кислорода и нахлынувших чувств. Совсем рядом от нас с криками пронеслось несколько чаек. И в эту секунду я поняла, что человек может испытывать оргазм не только во время занятий любовью. Внутри меня произошел настоящий взрыв в моей кладовой удовольствий, и необычайно приятные, волшебные ощущения накрыли меня с головой. Мне казалось, я могу свернуть эти горы и переплыть это море, могу взлететь, как птица, и парить над землей. Я повернулась к мужу и поцеловала его, вложив в этот поцелуй все те эмоции, которые переполняли меня. Он с жаром ответил на мои прикосновения, прижав меня к себе так сильно, что у меня перехватило дыхание. Ветер гнал нас все ближе и ближе к кальдере, а мы продолжали целоваться, обезумев от эйфории полета и чистейшего воздуха с мельчайшими каплями соленой воды. Разве можно умереть от удовольствия? В ту секунду я однозначно ответила бы «да».

[1] Добро пожаловать на борт (греч.)

[2] Спасибо (греч.)

[3] Понятно (греч.)

Часть I. Глава 25

Глава 25.

Мы обогнули весь остров за два часа. Впечатления переполняли меня — хотелось прыгать и резвиться, петь дурацкие песенки и танцевать на пляже. Рэй ловко управлял аэростатом, направляя его в то же место, откуда мы начали свой полет. По мере того, как мы снижались и приближались к намеченной точке, все четче вырисовывались очертания нашей виллы — огромного белого пятна посреди черного песка и серых скал. Ребята из клуба воздухоплателей ждали нас на пляже, расположившись на своей одежде, как на импровизированных лежаках.

Заметив нас, они быстро собрались и вновь начали приветливо махать, восклицая что-то колоритное на своем языке.

Рэй первым выпрыгнул из корзины, причем сделал это с ловкостью циркача.

— Ты полон талантов! Давай, расскажи мне о своем цирковом прошлом и где ты выучил греческий! — пошутила я, подавая ему руку.

Он подхватил меня обеими руками за талию и вытащил наружу с такой легкостью, как будто я была маленьким ребенком и весила не больше десяти килограмм. На долю секунды мне показалось, что его лицо скривила гримаса внезапной боли. Рэй поставил меня на землю и несколько раз потер ладонью левую сторону груди. Я напряглась, мгновенно вспомнив весь тот ужас, который пережила, пока он лежал на операционном столе у Аманды.

— Рэй, сердце? — спросила я крайне озабоченным тоном.

— Все в порядке, не переживай. Показалось. — Он слегка приподнял в улыбке уголки рта и протянул мне руку.

В то, что все в порядке, мне верилось с трудом.

— Здесь есть больница?

Мой вопрос, почему-то, вызвал у него приступ смеха.

— Соскучилась по работе? — выдал он, давась смешком.

— Ты напугал меня! Мне не до шуток! — Я повысила голос и легонько стукнула его кулаком по плечу.

— Ай! Вот для чего тебе нужен госпиталь — собираешься нанести мне тяжелые увечья?! — Рэй продолжал смеяться, отступая от меня назад и жестикулируя, как боксер, который приглашает противника к бою.

Я не смогла сдержать улыбки. Раз он в состоянии драться, то с ним все в порядке — мысленно успокаивала я себя.

Мы взялись за руки, словно школьники, и неторопливо отправились к дому.

— Проголодалась? — спросил он меня, и в эту минуту я поняла, что просто зверски хочу есть. Кроме той маленькой чашки кофе, которую я залпом опрокинула на рассвете, у меня во рту сегодня не было даже крошки. Желудок протяжно завыл, подтверждая мои мысли действием. Под ложечкой противно засосало, вызывая приступ голодной тошноты.

— Еще как!

— Предлагаю прокатиться до одной таверны.

— Отличная идея! А там есть кондиционер? — на улице был самый разгар дня, и солнце, стоящее в зените, прогревало воздух до рекордных для ноября температур.

— Эм-м-м, да. Природного характера.

— То есть?

— То есть это место великолепно обдувается ветрами, так что там вполне прохладно. Не переживай, тебе будет некогда оценивать температуру, ты будешь полностью поглощена кулинарными шедеврами местных поваров.

Перспектива отведать островную греческую кухню придала мне сил.

— Что ж, придется поверить тебе на слово!

Мы подошли к нашей машине, припаркованной возле центральных ворот, ведущих во внутренний дворик виллы. Рэй открыл мне дверь и слегка согнулся в ироничном поклоне, приглашая меня внутрь.

— Леди, прошу вас!

Я уселась на свое место и резко дернула дверь на себя.

— Издеваешься? — шутливо спросила я, наблюдая за тем, как играют в его глазах веселые огоньки.

— Ничуть! Рядом с тобой почему-то тянет быть галантным. Ничего не могу с собой поделать.

Он завел мотор, и под колесами машины зашуршал гравий. Через несколько минут мы выехали на асфальтированную дорогу.

— Так куда ты меня везешь? Надеюсь, это не очень далеко, иначе мне придется съесть тебя! Ну, или вон того милого ослика, — я рукой указала на виляющий чуть поодаль от нас зад вьючного животного, весьма распространенного на острове в качестве средства передвижения.

— Тогда я потороплюсь! Не очень хочется стать жертвой каннибала! — с присущим ему чувством юмора, ответил Рэй.

Я улыбнулась. Все-таки прекрасно катить на миниатюрном кабриолете по извилистой дороге греческого острова в компании такого мужчины. Даже будучи голодной.

Напрасно я считала минуты, ожидая того счастливого для моего желудка момента, когда мы, наконец, остановимся подле какой-нибудь уютной маленькой таверны, которые то и дело попадались нам по дороге.

Мы проехали через весь остров с юга на север по узкому серпантину, и через час с небольшим остановились, наконец, чуть ли не в самой дальней его точке — на окраине деревушки Ойя. Рэй припарковал машину почти у самого края отвесной скалы, возле широкой белой лестницы, ведущей вниз.

Сразу за лестницей начиналась территория ресторана, который назывался «Katharos Lounge», об этом свидетельствовала странноватая зеленовато-оранжевая вывеска на стене возле входа.

В таверне было очень много открытого пространства — практически все столики находились на свежем воздухе, огороженные редким деревянным заборчиком с широкими проемами, и прикрытые навесом. Интерьер в традиционных светлых тонах настраивал на спокойствие и неспешную трапезу. Внутри было много оригинальных деревянных статуэток, диванов с подушками, столиков на двоих с глиняными вазами и огромными оранжевыми цветами. Часть стен внутри основного здания были выкрашены в бирюзовый цвет и украшены состаренными картинками в искусственно ободранных рамах, на полках шкафов можно было увидеть причудливые зеркала в форме тарелок, высокие вытянутые бутылки, замотанные в веревки, куски древесины с прибитыми к ним дудочками из бамбука.

В ресторане на момент нашего приезда находилось всего несколько гостей, которые расселись на приличном расстоянии друг от друга, так что казалось, будто весь зал совершенно пуст и принадлежит только нам.

Мы выбрали угловой столик с широким диваном в форме буквы П, с которого открывался великолепный вид на пляж, скалы и море. Рэй оказался прав, ветер совершенно бесцеремонно прогуливался между столиков ресторана, временами пронизывая до костей своей прохладой.

— Так уединенно! — тихо сказала я, вслушиваясь в шум моря.

— Ты больше не хочешь меня съесть? — пошутил Рэй, раскрывая меню, которое подал нам шустрый официант, подошедший к нашему столику с поразительной скоростью.

Наверное, причиной тому было вовсе не его стремление попасть в книгу рекордов Гинесса, как самому быстрому официанту, а банальное отсутствие гостей. Бархатный сезон на острове почти закончился, и людей стало гораздо меньше, как и выручки в подобных заведениях. Хотя, мне хотелось верить, что он такой расторопный и приветливый потому, что ему понравились мы, а не наши кошельки.

— Добрый день! — на чистейшем английском сказал официант, чем приятно удивил меня. — Выбрали уже что-то?

Он достал из кармана фартука блокнот с карандашом и приготовился записывать.

Рэй заказал для нас большую тарелку традиционного салата — пасты «Тарамосалата», корзинку местного хлеба с маслинами, две порции мусаки, и довольно странный, на мой взгляд, десерт — арбуз с сыром фета и мятой.

Также он попросил официанта приготовить нам блюда с собой на ужин — мы выбрали долму с изюмом и кедровыми орешками и запеченную на углях дораду. Рэй также попросил завернуть нам с собой бутылку знаменитого вина «Visanto», которое, как нам с видом заговорщика сообщил улыбчивый юноша, подают на стол даже Папе.

Я ничего не соображала в местной кухне, поэтому совершенно не знала, что кроется за всеми этими витиеватыми названиями. Официант тем временем вернулся из бара с холодным кофе Фраппе.

Напиток подавали в высоком стеклянном стакане с трубочкой. Сверху плавал шарик

ванильного мороженого. Я сделала плоток и откинулась на спинку дивана, замороженная прекрасными видами, открывающимися с террасы.

Солнце стояло все еще довольно высоко, отбрасывая оранжевые тени на воду. Вдали виднелся маленький скалистый островок — один островов-спутников центрального острова Тира, которых вокруг него было множество.

Я залюбовалась и на какое-то время позабыла о том, что голодна. Рэй придвинулся ко мне и положил свою ладонь на мое колено. Его прикосновение разбудило меня, а вслед за мной проснулся и мой желудок, который настойчиво начал требовать хлеба. Зрелища пока что отошли на второй план. Физиология взяла верх над эстетикой.

— Если этот прекрасный белозубый официант сейчас же не принесет нам все то, что ты заказал, я спущусь к берегу и начну ловить рыбу! — пробурчала я сердито.

— А вот и он! — прошептал мне на ухо Рэй, согрев своим дыханием мочку моего уха.

К столику подошел официант с огромным подносом. Как оказалось, греки не приверженцы порционной еды, и количества пищи, которую нам принесли, на мой взгляд, хватило бы еще на пару до жути голодных туристов. Ну, а если взять в расчет легкую степень голода — то и того больше, перекусить смогла бы целая семья.

На столе появилась большая вытянутая тарелка, похожая на лодку, заполненная каким-то паштетом розоватого оттенка, затем два плоских блюда с чем-то слоеным и соблазнительно пахнущим и плетеная корзинка с большими ломтями свежего домашнего хлеба.

— Приятного аппетита! — официант вежливо поклонился и оставил нас вдвоем.

— Налетай! В длинной тарелке пюре из картофеля и икры, заправленное оливковым маслом, f блюдо, похожее на слоеный пирог — мусака. Рекомендую смазать хлеб картофельным паштетом и наслаждаться.

Рэй не преминул воспользоваться своим же советом, обильно смазав широкий ломоть хлеба розовой пастой, затем откусил большой кусок и следом отправил в рот порцию мусаки.

Блюдо, чья целостность была нарушена грубым проникновением вилки и ножа, стало источать такие соблазнительные запахи, что я поспешила последовать примеру своего мужа.

Отправив в рот первую порцию еды, я прикрыла от удовольствия глаза. Вкус хлеба с маслинами и паштетом из картофеля с икрой был необычным, немного солоноватым и непривычно рыбным, но при этом настолько вкусным, что я за пару минут уплела еще один ломоть. Расправившись с хлебом и «тарамосалатой», я принялась за мусаку.

Это традиционное греческое блюдо из обжаренных на оливковом масле баклажан, картофеля, помидоров, мясного фарша из баранины и соуса «Бешамель».

Погрузив в рот первый кусочек, я испытала экстаз. Это было божественно! Обильно политая оливковым маслом и настоящей деревенской сметаной, мусака таяла у меня во рту, оставляя кисло-сладкое послевкусие, слегка острое, но вполне терпимое, чтобы наслаждаться вкусом. Мой нос уловил ароматы лаврового листа, петрушки, укропа и черного перца, которыми приправили блюдо. Насытившийся желудок верещал от восторга, выкрикивая «спасибо, Господи!», а вкусовые рецепторы с языка посылали в мозг сигналы наслаждения. Я смаковала эту сочную, наверняка вредную и калорийную пищу, но была абсолютно счастлива. И даже если наутро у меня появится пара лишних сантиметров на талии, кому какое дело, если я заново открываю себя и те вещи, которые приносят мне удовольствие? Мое тело вытворяло со мной какие-то совершенно невероятные фигуры

высшего пилотажа, и все это только за одни сутки. Я занималась любовью на высоте десять тысяч километров, испытывая чувство эйфории и погружения в параллельные миры. Я не могла отвести взгляда от причудливых белых домиков и церквей с голубыми крышами, и мне казалось, что время остановилось. Я летала на воздушном шаре и не чувствовала собственного веса, притворившись птицей. И вот теперь я пробую еду в прибрежной греческой таверне и превращаюсь в теплую батарею, наполненную горячими соками. Восхитительное чувство. Очередная грань удовольствия.

После того, как был съеден последний кусочек хлеба, смазанный «тарамосалатой», и допит последний глоток Фраппе, я, наконец, смогла связно мыслить. И первой мыслью, пришедшей мне в голову, стала свадьба. За весь день я так и не выяснила, что задумал мой муж.

Рэй первым расправился со своей порцией еды и уже несколько минут сидел, любуясь видом. Солнце уже начало клониться к закату, освещая приглушенно-оранжевым цветом горизонт.

— Ты посветишь меня в свои дальнейшие планы, или меня ждет очередной сюрприз? — спросила я, запустив руку ему в волосы.

Рэй удовлетворенно прикрыл глаза, словно он был большим и пушистым котярой, который получил свою дозу ласки.

— Насчет чего? — промурчал он мне в ответ.

— Насчет свадьбы. Когда ты планируешь ее провести?

— Завтра, — ответил он мне, не открывая глаз и с таким спокойствием, которому позавидовал бы любой спортсмен на олимпийских стартах.

— Завтра?

Я не верила своим ушам. Моя рука замерла на его голове, и я затаила дыхание в надежде, что он оговорился. Рэй повернулся ко мне, нежно посмотрел в глаза и улыбнулся. Моя надежда испарилась, как соленая морская вода в жаркий день.

— Завтра.

Часть I. Глава 26

Глава 26.

Я плохо помню тот момент, когда запустила ему в лицо десертом. Жаль, что так и не пришлось оценить сочетание арбуза, мяты и феты. Но ты мне за это заплатишь, капитан Джек Воробей!

После того, как Рэй самоуверенным тоном сообщил мне, что свадьба состоится завтра — моей первой реакцией было желание вlepить ему по роже. Я уже было занесла руку, но тут подоспел официант с десертом, и... Ну, в общем, вышло как-то так — из серии «Линда атакует».

Что себе позволяет этот мужлан? Сообщать невесте о свадьбе накануне, когда у меня нет ни платья, ни стилиста, ни визажиста! Никто из моих друзей, не говоря уже о моей семье, не успеет прибыть к месту церемонии! К тому же, я не написала клятву! Не выбрала церковь, не заказала оформление у флориста, не проверила меню для фуршета, и не подобрала цвет нарядов для подружек невесты. Можно бесконечно долго продолжать перечислять все то, что я так и не успела сделать. Я наивно полагала, что мы все обсудим и организуем свадьбу ближе к окончанию отпуска — через пять — шесть дней, тогда бы я успела подготовить если и не все, то большую часть из необходимых для такого случая вещей, да и моральная подготовка мне тоже не помешает. Это вам не расписаться побыстренькому в кабинете мирового судьи.

Мысль о том, что мне предстоит предстать перед лицом какого-нибудь строгого греческого священника и принять участие в таинстве брака приводила меня в оцепенение. Я никогда не была особо верующим человеком, но после того ужасного утра, когда Рэй чуть не умер от разрыва аорты, и после моей первой молитвы, что — то щелкнуло во мне, и теперь я испытываю чувство благоговейного уважения к Создателю. Знаете ли, 98 процентов летальных исходов от разрыва стенок аорты и выживший Рэй — это не шутки. Не знаю, существует ли Бог в том понимании, которое нам преподносит церковь, но лично я для себя уяснила, что кто-то там, наверху, может исполнять наши просьбы. Я даже не уверена, что этот «кто-то» наверху. Я допускаю, что он может быть и под нами, и вокруг нас, и даже внутри нас — где-то между сердцем и желудком, в небольшом замкнутом пространстве, свободном от органов. Вот такая новая анатомия. Автор учебника — доктор Линда Соул — Скайфилд.

Хотя, после своей выходки, приставки «Скайфилд» к моей фамилии я могу лишиться.

Обратно мы ехали молча, отвернувшись друг от друга и с притворной внимательностью рассматривая уже знакомые пейзажи.

На зеленом поло Рэя и его белоснежных брюках появилось несколько крупных пятен малинового цвета — последствия моего меткого попадания куском арбуза в его смазливое лицо. Я изредка бросала на него косые взгляды и с трудом сдерживала смех, ибо выглядел он нелепо. Великолепный образчик мужской красоты, на дорогом автомобиле и в грязной одежде.

Честно говоря, я так и не объяснила ему приступ своего внезапного гнева, ограничившись воплями «Ах, ты гад!» и «Как ты мог так поступить со мной?!». Это, конечно, ничего ему не объяснило, и теперь он выглядел растерянным. В принципе, его тоже можно понять — привез на райский остров свою любимую женщину, встал на одно колено, сделал предложение руки и сердца, как в лучших фильмах, назначил день церемонии, а у барышни вместо счастливого обморока случается припадок бешенства.

Когда мы вернулись на виллу, небо было багряным в лучах заката, а уходящее солнце как будто качалось на волнах. Это зрелище умиротворяло и успокаивало, и это было именно то, что нужно для моего разбушевавшегося эго.

Я вышла из машины практически в полном душевном равновесии и уже собиралась заговорить с мужем и сгладить скандал, но он демонстративно громко хлопнул дверью

автомобиля, и почти бегом направился в дом. Я едва поспевала за ним.

Он летел по ступенькам вверх, как будто там что-то горело. На самом же деле, пожар случился него в душе. Я позвала его несколько раз, но он даже не обернулся.

Я поднялась в нашу спальню в тот момент, когда за ним закрылась дверь душа. Звуки льющейся воды заполнили комнату. Я поставила на пол пакет с нашим ужином, который на автомате прихватила из машины, и опустилась на кровать.

Как можно ссориться в такой спальне? Огромная кровать с бирюзовыми подушками, несколько окошек под потолком, напоминающих корабельные иллюминаторы, балдахин из тончайшего голубого шифона, плетеный коврик и бесконечные морские детали в интерьере — начиная от длинных бутылок с ромом, покрытых искусственной паутиной, и заканчивая огромными ракушками на стенах.

Я подошла к двери в душ и нерешительно постучала.

— Рэй, милый!

Тишина. На долю секунды мне показалось, что шум воды немного стих, как будто бы он уменьшил напор, чтобы расслышать, что я говорю. Я постучала в дверь смелее.

— Рэй, нам нужно поговорить.

Тишина.

— Рэй, не будь ребенком! — я повысила голос.

Дверь резко открылась, и я отпрянула назад.

Мой муж, обнаженный, покрытый крупными каплями воды, был похож на античного Бога — Ареса или Диониса. Я плохо разбираюсь в греческой мифологии, но при виде него у меня перед глазами словно возникла картинка из давно прочитанной книги.

Я невольно облизнулась, скользя взглядом по его рукам, торсу, крепким бедрам. Его член даже в спокойном состоянии впечатлял размерами. Предательское желание выиграло у меня между ног. Боже, Рэй, давай просто трахнемся!

— Это я — то веду себя как ребенок? — он усмехнулся и смахнул с лица несколько капель воды, которые стекали по его вискам. — Ты сумасшедшая рыжая бестия! Какого черта ты так взбесилась в ресторане?

Он схватил с вешалки полотенце и обернул его вокруг бедер. Мне захотелось немедленно его сорвать. Зачем скрывать красоту?

Мой муж начал угрожающе наступать на меня, заставляя пятиться назад, словно рак, до тех пор, пока я не плюхнулась на кровать.

— Ты не оставил мне другого выбора! — выкрикнула я со своего места, стараясь придать голосу немного бравады.

— Я?

— Да ты! Ты хоть на минуту подумал обо мне? В чем я войду в церковь, кто будет вести меня к алтарю? Где я найду на этом острове дельного парикмахера и стилиста? И кучу других мелочей, которые делают женщин счастливыми в день свадьбы.

Я обиженно поджала губки и сложила руки в замок. Пусть видит, как он меня обидел.

Краем глаза я заметила, что мой муж расплывается в улыбке и готовится расхохотаться. Он закрыл лицо руками и затрясся в беззвучном смехе. Вот сволочь! Я вскочила с кровати и бросилась на него с кулаками.

— Тебе смешно? Мало тебе одной дурацкой свадьбы с женихом в рваных джинсах и невесты — пуделя, ты решил повторить?!

Я колошматила его по груди, плечам, животу, а он трясся от смеха. В какое-то

мгновение Рэй схватил меня за запястье и крепко поцеловал, заглушив мои протестующие крики. Его мягкие, теплые губы настойчиво ласкали меня, не давая возможности говорить. Он крепко прижимал меня к себе одной рукой, а второй спустил с себя полотенце. Затем его ладонь проникла мне между ног, заставляя забыть обо всем на свете. Он с силой прижал руку к моей промежности и слегка подтянул меня наверх, так, что мне пришлось привстать на цыпочки. Мои трусики намокли, я теряла последние остатки самообладания.

— Ты все еще хочешь скандалить? — прошептал он, почти не отрываясь от моего рта.

— Нет... — выдохнула я.

Рэй повалил меня на кровать, рывком распахнул мою блузку и задрал почти до подбородка бюстгальтер. Обнаженная грудь мгновенно отреагировала на потоки свежего воздуха, покрывшись мурашками. Соски затвердели и вытянулись.

Он погладил ладонью мой живот, затем аккуратно расстегнул пуговицу на шортах, и медленно снял их с меня. Я не могла думать, задыхаясь от желания.

— Хочешь узнать, каким еще бывает удовольствие? — спросил он меня дрожащим голосом.

— Да.

— Доверься мне....

Он стянул с меня трусики, развел руками ноги и начал нежно ласкать мою промежность большим пальцем руки, слегка надавливая при этом остальной ладонью на лобок. Я застонала.

Рэй улыбнулся, облизнулся и обошел кровать с правой стороны.

— Хочешь его? — он взял мою руку и положил на свой член.

Хотела ли я его? Господи, да! От него пахло цедрой лимона и мятой, его кожа блестела от воды, мне до жути хотелось коснуться его губами. Во рту пересохло, и вместо ответа я лишь кивнула.

Тогда Рэй забрался на кровать и повернулся ко мне задом. У меня перед глазами оказался его огромный, вкусно пахнущий, гладкий член. Я закрыла глаза и взяла его в рот. В ту же секунду язык Рэя проник мне в промежность. Мой клитор мгновенно отреагировал на эту ласку, разбухнув и увлажнившись до предела. Я начала облизывать и посасывать головку члена, помогая себе рукой, в то время как язык Рэя с невероятной скоростью выписывал круги и спирали вокруг моего источника наслаждения. Стоны удовольствия застревали у меня в горле. Я выгибалась, как пантера перед прыжком, а Рэй мычал, ни на секунду не прекращая облизывать мою промежность. Его губы втягивали в себя клитор, он слегка касался его зубами, затем вновь ласкал языком. Я водила губами по его члену, сжимала в руках мошонку и ствол, нежно целовала головку. Перед глазами все поплыло, разум помутнел от невероятного количества эндорфина, выброшенного в кровь. Между ног становилось все горячее, острые волны оргазма ласкали мою промежность, поднимаясь все выше и выше. Когда его язык коснулся верхушки моего клитора в очередной раз, я закричала, словно раненая львица — протяжно, хрипло и так громко, что у меня самой зазвенело в ушах. В этот момент горячая жидкость из его члена полилась на мою шею и грудь. Рэй застонал, разбавляя мой животный крик своим низким голосом. И это была лучшая мелодия на земле — дуэт двух людей, познающих новые грани удовольствия.

Мы валялись на кровати уже минут двадцать, успев принять совместно душ и открыть для себя еще парочку способов доставить друг другу удовольствие. Мы лежали с улыбками на лице и просто пялились на потолок, как будто только что посмотрели очень смешную

комедию и продолжаем смеяться про себя над ее эпизодами.

— А теперь можно и поговорить! — подал голос Рэй, легонько шлепнув меня по бедру.

— Что ты скажешь в свое оправдание? — я шутливо приподняла бровь, изображая прокурора на судебном процессе.

Вместо ответа Рэй встал, взял с прикроватной тумбочки телефон, набрал чей-то номер и протянул трубку мне.

Я бросила на него недоумевающий взгляд и проложила трубку к уху. Через пару гудков мне ответил веселый мужской голос. Это был Сэм.

— Сэм?

— Линда! Мы уже летим! — мой друг явно был навеселе.

Я посмотрела на Рэя, который улыбался во все свои тридцать два зуба.

— Летите куда?

— На Санторини!

— А «мы» — это кто?

Я не верила своим ушам. Мой муж организовал тайную доставку моих гостей на остров?

— Я, Марго, Мэнди с Итоном, Аманда, Мистер и Миссис Соул, твой брат Алекс со своей девушкой Лиз, няня Рэя и миссис Скайфилд. — Сэм на секунду замолчал, — вроде никого не забыл!

Я вытаращила глаза на Рэя и расплылась в улыбке.

— Отлично, Сэм!

— До встречи!

В трубке послышался дружный гул веселых голосов и Сэм отключился. В эту минуту я вспомнила наш разговор с ним в пять утра в день отлета. Он едва не проговорился, а моя интуиция тогда оказалась на высоте.

— Как только мы прилетели, я отправил самолет обратно за гостями — заговорил мой муж. — Ты же не думаешь, что идея провести традиционную церемонию в церкви пришла мне на острове?

— Думаю, это был твой коварный план, — заметила я.

— Практически. Сразу после твоего переезда ко мне я нанял свадебного распорядителя, который все спланировал. Мне оставалось только подписывать чеки, ну, и купить обручальное кольцо.

— И что же нас завтра ждет?

— Для начала выбери платье.

Рэй подошел к огромному шкафу-купе, расположенному на противоположной от кровати стороне, и распахнул дверцы. Я еще не успела добраться до шкафа своим любопытным носом, поэтому с придыханием смотрела теперь на его содержимое — длинную вешалку на колесиках, на которой в ряд, упакованные в целлофан, висели платья.

У меня пропал дар речи. Так не бывает. Я сплю. Ущипните меня, кто-нибудь, пожалуйста.

Часть I. Глава 27

Глава 27.

Я стояла на широкой белоснежной лестнице шикарного отеля-ресторана «Dana Villas», что расположен в местечке Фиростефани, в пригороде Фиры на отвесной скале, обещающей великолепные виды с широких террас на кальдери и изумрудное эгейское море. Сама я еще не видела ни террас, ни захватывающих дух видов. Просто поверила Рэю на слово накануне

вечером, когда он, наконец, выдал мне весь план. Честно говоря, от масштабности мероприятия у меня до сих пор шевелятся волоски на теле. Он снял целую виллу, привез из Афин католического священника (и где он его там откопал?), заказал банкет в ресторане виллы, и, как он выразился, — это еще не все сюрпризы, которые ожидают меня.

— Детка, ты вся дрожишь! — отец похлопал меня по плечу и с теплотой посмотрел в мои глаза.

Десант наших гостей высадился на Санторини поздней ночью, так что я впервые увидела отца в автомобиле, который приехал за мной в Периссу, чтобы отвезти к месту церемонии. Полковник Джек Соул не стал изменять привычкам и явился ко мне в парадной форме армии Соединенных Штатов. Я увидела его улыбающееся лицо с нитями глубоких морщин и чуть не расплакалась. Мы не виделись с родителями больше двух лет. И вот теперь мы стоим вдвоем с отцом на этой лестнице, обдуваемой всеми ветрами и припекаемой вечерним низким солнцем, и оба трясемся от волнения — полковник и заведующая кардиохирургическим отделением. Стыдно, Линда! Стыдно! Нужно взять себя в руки.

— Милая, тебе не о чем волноваться, ты прекрасна! — Я искоса посмотрела на отца и увидела, как он утайкой смахивает с лица скупую слезу.

Я выбрала платье от какого-то современного дизайнера из Нью-Йорка с труднопроизносимой фамилией. Хотя остановить свой выбор на каком-то одном платье оказалось для меня практически непосильной задачей. Мне не с кем было советоваться, никто, кроме зеркала, не мог подсказать мне верный вариант. И вот теперь отец — главный эксперт и ценитель прекрасного в моей жизни, одобряет мой выбор.

Легкое, кремовое, почти невесомое, из тонкой паутины кружева и шелка, оно струилось на мне, словно облако. Без единого украшения, с натуральным макияжем и распущенными вьющимися волосами, подобранными с боков миниатюрной диадемой, я напоминала себе принцессу из мультфильма про русскую царевну Анастасию, который я очень любила в детстве. Местная девушка Ия, которая делала мне прическу, уверяла меня на корявом английском, что я самая красивая невеста, которую ей доводилось видеть на острове. Наверное, она говорит так всем девушкам, но ее слова вселили в меня нужную дозу уверенности.

С верхней ступеньки показалось лицо Валентины, нашего свадебного распорядителя.

— Пора! — сказала она.

Мы с отцом переглянулись, он обхватил ладонями мое лицо и крепко поцеловал в лоб, затем подставил руку с выправкой и чопорностью офицера, чем вызвал улыбку на лице Валентины.

Я глубоко вздохнула, перекрестилась, и кивнула ему. Мы медленно начали подниматься, а с террасы полилась какая-то прекрасная мелодия, исполняемая небольшим скрипичным оркестром в сопровождении фортепиано. В горле стояли слезы.

По мере того, как мы поднимались, перед моими глазами появлялась потрясающая картина — белоснежный балдахин, увенчанный белыми цветками жасмина, по центру которого стоял седой священник в традиционной черной сутане с белым воротничком. Слева от священника стоял Рэй. Увидев его, я прикрыла от восхищения ладонью рот. Я впервые видела своего мужа в костюме — ярко-голубом, как купола церковей на острове, под которым светлым пятном выделялась кипенно белая рубашка, а поверх воротничка был повязан бледно-сиреневый галстук — рюш. Он уложил волосы на пробор и стал похож на киноактера, позирующего для папарацци на красной дорожке у театра «Кодак Долби».

Его глаза блестели, а на губах играла счастливая улыбка. Наши взгляды встретились на мгновение, показавшееся мне вечностью, и я прочитала в его взгляде такую любовь, от которой задрожали колени, бешено заколотилось сердце, само восприятие растеклось и утратило форму. Я видела только его и шла к нему. Не замечая двух рядов белоснежных стульев с гостями, черного рояля с пианистом и трех скрипачей, шелковой дорожки с лепестками бугенвиллии под ногами, плачущей матери, хлюпающего носа Мэнди, оценивающего взгляда Кэтрин Скайфилд, матери Рэя, и широкого, доброго лица Сэма.

Я шла к нему, не чувствуя под ногами землю. Его протянутая ладонь звала меня, как маяк зовет корабли. И когда мы, наконец, преодолели несколько метров террасы, отделявшие меня от моей судьбы, невероятная волна счастья захлестнула сознание. Отец вложил мою руку ему в ладонь и, похлопав Рэя по плечу, с поклоном удалился к гостям.

Мы повернулись к друг другу и взялись за руки. Музыка стихла. Священник поприветствовал нас и гостей, и начал читать отрывок из Библии. Ветер разносил его голос мелодичным эхо. Я с трудом улавливала смысл его слов, выхватывая из речи только обрывки фраз. Все мое существо перетекало сквозь ладони в Рэя, становясь частью его.

— Пришли ли вы сюда добровольно и свободно хотите заключить супружеский союз? — обратился к нам священник.

Мы по очереди ответили «Да».

— Готовы ли вы любить и уважать друг друга всю жизнь?

«Да».

— Готовы ли вы с любовью принять от Бога детей и воспитать их согласно учению Христа и церкви?

«Да».

— Можете произнести свои клятвы друг другу.

Первым заговорил Рэй.

— Линда, ангел-хранитель мой! Ты появилась в моей жизни по велению судьбы, и благодаря тебе я сейчас стою здесь, вдыхая соленый воздух, наслаждаясь сказочным закатом, и держа за руки самую прекрасную женщину на свете. Я клянусь оберегать тебя от любой беды, согревать твои руки своим дыханием, готовить яичницу с беконом на завтрак и бесконечно удивлять, ведь твоя счастливая улыбка открывает мне смысл жизни. Я клянусь никогда и не при каких обстоятельствах не соглашаться на развод, даже если ты будешь грозить мне смертью. Ты моя, Линда Соул! Перед людьми и Богом.

Я больше не могла сдерживать слез. Это было совсем, совсем не то, что в приемной судьи Филлипса. Там никто не смешил меня и не вызывал приступ сентиментальности одновременно. Я с трудом могла говорить.

— Рэй Скайфилд. — продолжила я, сглотнув очередной комок слез, — Ты — недоразумение, свалившееся на мою голову, как снежный ком. Я долго сопротивлялась твоим чарам, но теперь признаю свое поражение. Ты сразил меня наповал своим напором, великолепным чувством юмора, широкой и честной душой, а также незабываемым сексом, — сзади слышались смешки гостей, а Рэй расплылся в улыбке. — Я клянусь освоить управление Харлеем Дэвидсоном, научиться готовить еду не только в микроволновке, подарить тебе сына или дочь, а также любить тебя до конца своих дней.

Я замолчала, слушая, как внутри мое сердце умирает от своего бешеного ритма.

Священник говорил что-то о сошествии Святого Духа на нашу пару, моя мама громко всхлипывала, где-то совсем близко щелкал затвор фотокамеры, а я не могла выровнять

дыхание.

— Объявляю вас мужем и женой! — торжественно произнес священник. — Жених может поцеловать невесту.

Террасу заполнил звук жарких аплодисментов наших немногочисленных гостей, музыканты заиграли марш Мендельсона, а губы Рэя покрыли мои уста. В его поцелуе было столько уверенности, столько радости и счастья, что я успокоилась, и притянула его к себе под одобрительные крики публики.

Когда он отпустил меня, и мы повернулись к гостям, Сэм вскочил со своего места, достал из-под стула огромную хлопушку и дернул за фитиль. Белоснежная терраса покрылась ярким серпантинном, конфетти и блестками.

Мы шли по шелковой дорожке, утопая в этом бумажном дожде — молодые, счастливые и женатые. По-настоящему, женатые.

На противоположном конце террасы был разбит огромный белый шатер с двумя рядами низких столиков со всевозможными закусками и напитками. Чуть поодаль от шатра возвышалась небольшая сцена, на которую переместился наш оркестр, пополнивший свой состав барабанщиком, бас-гитаристом, и вокалистом. По периметру террасы было расставлено несколько мягких диванов для того, чтобы утомленные танцами гости могли немного отдохнуть.

Мы встали в центре импровизированной танцевальной площадки и начали принимать поздравления. Первой к нам направилась миссис Скайфилд. Мои внутренности завязались тугом узлом от волнения. Я смотрела, как эта высокая, стройная, невероятно привлекательная женщина без единого седого волоска идет к нам, держась поистине с королевским достоинством, и только крепче сжимала руку моего мужа.

Я подумала, каким же идиотом, должно быть, был его отец, раз изменял такой женщине?!

Кэтрин обняла Рэя и поправила на его шею идеально повязанный галстук. Затем посмотрела на меня.

— Я очень, очень зла на сына за то, что он так долго прятал тебя от моих глаз, дорогая! — сказала она и улыбнулась, а из моей груди вырвался расслабленный выдох. — Как можно скрывать от матери такое сокровище? — она укоризненно посмотрела на Рэя и пригрозила ему пальчиком.

— Я хотел сделать тебе сюрприз, ма! — шутливо ответил мой муж.

Кэтрин улыбнулась и притянула меня к себе, оставив на моей щеке свой горячий материнский поцелуй.

Как бы поступила я, если бы мой сын решил жениться, даже не познакомив меня со своей невестой? Убила бы! Ну, по крайней мере, отколошматила по полной программе. Так что, моя свекровь — ангел. На душе сразу стало спокойно.

Не успела она присесть на диван за нашей спиной, как на меня с объятиями набросилась моя мать, Анна Соул, жена полковника и домохозяйка. Именно так она представлялась незнакомым людям, полагая, что быть женой полковника — почетная работа.

— Детка! Ли! — Она достала из клатча носовой платок и принялась утирать слезы. Я протянула ей руки.

Она не смогла выговорить не слова, только быстро чмокнула меня в нос, а Рэя в щеку, и поспешила присоединиться к Кэтрин.

Дальше потянулась вереница довольных лиц и протянутых для поцелуя губ — Сэм, Марго, Мэнди с красным носом, Итон, Аманда, Триша, завершал процессию мой отец, который крепко пожал Рэю руку. Я была немного удивлена отсутствием его брата Кевина, который, по словам мужа, закопался по уши в песок где-то в Марокко, а также его друзей. Но все вопросы я решила оставить на потом.

Когда с поздравлениями было покончено, и все гости с бокалом шампанского в руках расселись на диванах, ансамбль заиграл знакомую мелодию Френка Синатры «Killing me Softly». Рэй склонился в галантном поклоне и протянул мне руку, приглашая на первый танец. Я вспомнила, как он пел эту песню в душе, и невольно улыбнулась. Мой муж посылал мне сигналы, намеки, а я не придавала этому значения. Тем хуже для меня. А, может быть, лучше? Ведь иначе сюрприза могло и не быть.

Я прижалась к нему, и мы начали плавно двигаться в ритме музыки, ослепленные закатными лучами солнца, и оглушенные живым звуком оркестра. Я положила голову Рэю на плечо и вдыхала его аромат, забыв обо всем на свете.

Как только прозвучали последние ноты, небо озарилось сотней красочных огней. Стрелы салюта взлетали с пляжа, расположенного под нами и устремлялись ввысь, озаря лица гостей и белые стены ресторана своими красками.

Я хлопала в ладоши и прыгала от счастья, радуясь, как ребенок. Это была свадьба моей мечты. Нет, это была мечта во плоти — Санторини, Рэй, и искры салюта на закате. Я посмотрела на улыбающегося Рэя, все еще всхлипывающую мать, задумчивого Сэма и подумала — неужели я теперь всегда буду так счастлива?

Часть I. Глава 28

Глава 28.

Неделя пролетела незаметно. Проводив гостей на следующий после свадебной церемонии день, мы возомнили себя искателями кладов и приключений, и бросились мотаться по острову в поисках следов древних цивилизаций, вкусной еды, вина и великолепных закатов.

Первой в списке наших маршрутов оказалась гора Меса Воуно, расположенная неподалеку от виллы. У подножия горы нас встретили остатки древней базилики в честь святой Ирины, именем которой и назван это греческий остров. Несколько десятков булыжников, оставшихся от церкви, несли на себе отпечаток веков, заставляя относиться к себе, если и не с трепетным восторгом, но со строгим уважением. Я погладила рукой огромный холодный камень, представляя себе, как его касались руки строителя несколько тысячелетий назад.

Наверх мы поднимались по вымощенной камнем и гравием пешеходной тропинке. И чем выше мы забирались, тем сильнее становились порывы ветра. Я с трудом преодолевала новые метры, в то время как мой больной муж только успевал прикрикивать на меня, чтобы я не отставала.

Добравшись до вершины, я была вознаграждена за столь трудный подъем. Ураганный ветер сорвал с моей головы светлую косынку и унес ее за собой, а мне открылся потрясающий вид на море и Периссу.

Вдоволь надышавшись чистейшим горным воздухом и налюбовавшись бескрайними морскими просторами, мы направились на раскопки древнего города Фера, первого поселения на острове, расположенного на горе.

На следующий день мы посетили музей вина, спустившись на 8 метров под землю,

потом был музей флота, музей венецианской семьи Гизи и еще одна деревушка с древними раскопками Акротирис, жители которой, по утверждению гида принадлежали к минойской цивилизации. Я слушала гида и с умным видом качала головой, хотя понятия не имею, кто такие минойцы и что с ними случилось. Я сбилась со счета количества мест, пронизанных историей и древностями, которые нам удалось посетить.

Больше всего мне запомнился городок Имеровигли, расположенный на вершине скалистой гряды неподалеку от Фиры, столицы острова.

В тот день мы лазали по горам, искали прохладу под сенью церквей, изучали древние фрески и иконы, и к концу дня были просто без ног. Рэй предложил мне провести вечер в этом уютном городке.

Мы неспешно бродили по его белоснежным улочкам, оказавшись, как будто, внутри глянцевой открытки, которые продавались там же — в бесконечных сувенирных магазинчиках, в итоге добравшись до удивительной церкви Теоскепастис, построенной на отвесном скалистом плато, буквально нависающем над морем.

Расположившись на горячих камнях, и уплетая за обе щеки горячие рулеты с брынзой, мы стали дожидаться заката. Ноги горели от бесконечного хождения, но в душе царил миротворение.

После целого дня, наполненного впечатлениями, это было лучшее, что могло с нами случиться. И вот первые золотистые лучи заходящего солнца пронзили скопление пушистых облаков. Перед глазами стало разворачиваться почти священное действие встречи солнца, опускающегося прямо в кратер расположенного посередине залива вулкана, и поднимающейся луны. Волшебство момента дополняли нежные звуки музыки, доносившиеся из многочисленных кафе и баров городка.

Мы целовались, как подростки, позволяя своим рукам бесконечные вольности. Эти минуты я запомнила, как последние счастливые минуты с Рэем на райском острове Санторини.

Сегодня с утра мы проснулись и, не сговариваясь, молча разошлись по разным комнатам, чтобы принять душ. Не знаю, что чувствовал Рэй, но меня душили слезы. Мысль о предстоящем отъезде не давала мне покоя. Что-то подсказывала мне, что я больше никогда не буду так же счастлива, как в эти дни. Я не знала, что предпринять, чтобы отсрочить неизбежное — притвориться больной, сбежать, спрятаться в какой-нибудь церквушке или приковать себя наручниками к чему-нибудь металлическому и устойчивому в доме. Мой мозг судорожно искал варианты, а внутренние часы отмеряли последние секунды, минуты, часы нашего отпуска.

Когда я спустилась в столовую, Рэй накрывал на стол.

— Сегодня у нас в меню вчерашний недоеденный окунь, деревенский салат с сыром Фета, и моя фирменная яичница! Что предпочитаешь? — спросил он меня с присущим ему юмором.

Я выдавила из себя жалкое подобие улыбки. Есть не хотелось совсем.

— Кофе.

— Так дело не пойдет! — Он на мгновение замер и поднял вверх указательный палец. — Мы еще не плавали на корабле к вулкану, так что — прочь хандру! И да здравствует полноценный завтрак туриста!

Я была благодарна ему за то, что не дает мне упасть духом, хотя была уверена, что ему не меньше, чем мне хотелось здесь задержаться. Но меня ждали мои пациенты, а его —

совет директоров «Скайфилд Логистик».

— И что ты придумал для нас на сегодня, мой капитан? — я попыталась шутить.

— Ммм...сегодня мы отправимся на корабле пиратов к затерянному острову с вулканом.

— Заманчиво! — я согласно кивнула и отправила в рот кусочек жареного окуня. Рыба была великолепна, даже после того, как провела пару минут в микроволновке. Я зажмурилась от удовольствия, и мое настроение понемногу пошло вверх.

Рэй плюхнулся напротив меня и принялся с завидным аппетитом поглощать свою порцию рыбы с салатом.

— Я арендовал лодку.

— Здорово.

— Угу.

Я смотрела, как он жуёт, ковыряясь вилкой в тарелке, и какая-то неведомая сила заводила во мне моторчик безудержного желания. Длинная челка ниспадала ему на лицо, и он то и дело отправлял ее обратно на лоб, оголяя свои острые скулы, покрытые легкой щетиной. Я замерла, не в силах оторвать от него взгляда.

Заметив мое поведение, он поднял на меня свои бездонные голубые глаза и улыбнулся, обнажив щербинку между зубов.

— Что такое? — спросил он, убирая вилку в сторону.

Внутренний голос подсказывал мне, что я должна, просто обязана сейчас же заняться с ним сексом, иначе...Что будет иначе, я так и не могла понять. Какие-то странные, жутковатые черви сомнения грызли меня изнутри, вызывая колючие спазмы в животе и груди. Недоброе предчувствие прочно засело в моей душе. Что бы там ни было, Рэй, сейчас я хочу тебя!

— Ничего, — протяжно ответила я и встала из-за стола.

Затем обошла вокруг него и обняла мужа за шею, свесившись с него, словно с перил. Он повернул ко мне лицо, и я поцеловала его, запустив свой язык ему в рот. Мои вкусовые рецепторы передали в мозг вкус его мятной пасты и свежих томатов. Я просунула свои ладони ему под майку и начала гладить его рельефные груди. Рэй схватил меня и опрокинул к себе на колени. Теперь уже его руки шарили по моему телу, не стесняясь одежды. Наше прерывистое дыхание было единственным звуком, нарушающим тишину.

Он схватил меня за талию, приподнял и усадил на стол перед собой. Я рукой отодвинула блюдо с его завтраком и услышала, как, пронзительно зазвенев, упали на пол столовые приборы.

— Вот теперь передо мной настоящая шлюха из квартала «красных фонарей», — прошептал Рэй мне на ухо, облизывая его мочку и сжимая мою грудь под футболкой.

Вместо ответа я закрыла его рот поцелуем. Ты хотел шлюху? Получай! Я облизывала и обсасывала его мягкие губы, гуляла языком по его нёбу и деснам, сжимала ладонями его крепкую задницу и стонала так громко, как будто мы были одни на этом острове.

Рэй сбросил со стола всю кухонную утварь, которую заботливо расставил несколько минут назад, затем резко повалил меня на спину. Он взял меня за запястья, завел мои руки мне за голову, зажав их своей левой рукой. Тем временем его правая рука орудовала с ремнем на его джинсах. После того, как ремень был полностью извлечен из шлевков, Рэй несколько раз обернул им вокруг моих запястий, затянув его так туго, что я не могла пошевелиться.

— Попалась, птичка! — с улыбкой заявил он и вцепился зубами в край моей футболки, затем медленно потащил ткань наверх, пока она не оказалась у меня под подбородком.

Я извивалась на столе, как змея, не в силах сдерживать сжигающий меня огонь.

— Рэй, пожалуйста! — взмолилась я, — Быстрее!

Он рывком сорвал с меня шорты и трусики. Я услышала только треск рвущейся ткани. Я смотрела на то, как он медленно, с грацией стриптизера, стягивает с себя майку, затем аккуратно снимает джинсы и вешает их на спинку стула. Я смотрела и выла, требуя прекратить этот томительный шантаж. Рей спустил боксеры, раздвинул мои ноги, провел большим пальцем по клитору, затем засунул его во влагалище и несколько раз прокрутил им внутри, вынуждая меня кричать все сильнее.

— Ли, ты готова? — его лицо склонилось над моей грудью, в то время как большой палец его правой руки продолжал тереть мой клитор. Я выгнулась и застонала.

— Да, черт возьми!

Он резко притянул меня к себе и вошел в меня — рывком, стремительно и глубоко, вырвав из моей груди первобытный вопль боли и удовольствия. Его член двигался во мне с бешеным ритмом, мои бедра ныли от ударов о деревянную поверхность стола, а перетянутые ремнем запястья горели огнем. И все же я улетала в мир эйфории и экстаза, с каждым его толчком взлетая все выше и выше. Это был беспощадный, животный секс, приправленный шепоткой любви и сочным запахом моря сквозь распахнутые окна.

Я закатила глаза и отключилась от этого мира, наслаждаясь горячими и колкими толчками оргазма в клиторе. Рэй выгнулся и протяжно засипел. Мы кончили практически одновременно.

Он наклонился надо мной, тяжело дыша, освободил из тугого плена запястья и поцеловал в лоб.

— А теперь можно и поплавать! — со смехом заметила я, поправляя на себе одежду.

— Самое время! — подмигнув мне, ответил Рэй.

Лодка, которую арендовал мой муж, оказалась современной яхтой с огромной палубой, буфетом и каютой.

Мы отплыли из порта Афиниос в 11 часов утра по местному времени. Капитан судна, мужчина средних лет, уроженец соседнего острова Крит по имени Манолис, оказался молчаливым и улыбочивым моряком. Сразу после того, как мы вошли в открытое море, он закрылся в рубке, оставив нас наедине.

На верхней палубе был небольшой бассейн с джакузи, несколько лежаков, и столик, накрытый фруктами и вином.

Я стояла у защитного ограждения палубы и представляла себя Кейт Уинслет, в голове вертелась назойливая мелодия Селин Дион. Рэй расположился на лежаке и принимал солнечные ванны, отламывая от виноградной грозди по одной ягоде и отправляя их в рот.

Мы проплыли мимо красного и белого пляжа, мимо термальных источников, наблюдая белоснежную кальдеру теперь снизу. С корабля она казалась игрушечной, слепленной из пластилина. В мыслях не укладывалось, как можно строить дома на отвесных скалах. Мои волосы растрепал порывистый ветер, а лицо было покрыто солеными брызгами. На губах немного щипало от соли, но я все равно боялась пошевелиться, наслаждаясь близостью воды и скоростью яхты.

Неподалеку показались очертания острова с вулканом. Я обернулась, чтобы позвать Рэя, но его не было.

Я подошла к рубке и постучала в дверь. Манолис открыл, но внутрь меня не пригласил.

— Вы не видели моего мужа? — спросила я, стараясь четко выговаривать буквы и отделять каждое слово.

— Он спустился в каюту, — на ломаном английском ответил мне капитан.

— Eῤharisties[1], - ответила я на греческом.

Это было единственное слово, которое я выучила за время пребывания на острове.

Я спустилась вниз и толкнула дверь каюты. Рэй стоял ко мне спиной, склонившись над умывальником.

— Милый, мы подплываем к вулкану. Поднимешься посмотреть?

Он медленно повернул ко мне голову. Крик ужаса застрял в моем горле. В эту минуту я поняла — уже ничего не будет как прежде.

[1] Спасибо — греч.

Часть I. Глава 29

Глава 29.

Я никогда в жизни не нарушала правила дорожного движения. До этого проклятого дня. Я выжала в пол педаль газа и вытерла рукой слезинку, которая скатилась по щеке.

Перед глазами все еще стояла картина, которую я увидела в той каюте — лицо моего мужа в крови, его красные трясущиеся руки и полная раковина рвотных кровавых масс. Зрелище не для слабонервных.

Многоуважаемые множественные прогрессирующие аденомы! И снова, здравствуйте! Как давно мы с вами не виделись. Жаль, вас огорчать, но мы по вам совсем не скучали. Черт бы побрал эти аденомы!

Я надеялась, что дело в желудке или пищеводе. Об иных вариантах было страшно даже думать. С помощью Манолиса я уложила Рэя на заднее сиденье машины, взятой на прокат в порту, пристроив ему на живот импровизированную грелку со льдом, благо этого добра на борту яхты было предостаточно. Возвращаться домой за вещами и документами было некогда. Я позвонила Зое, — девушке, которая убирается на вилле два раза в неделю, — и попросила ее пригнать в аэропорт нашу Мазду вместе с багажом.

Слава Богу, рвота больше не повторялась, но медлить было нельзя. Я планировала доставить мужа самолетом в Афины, поскольку это был ближайший к нам крупный город с европейской медициной. Компетенция островных врачей вызывала во мне большие сомнения.

— Ли, куда ты меня везешь? — хриплым голосом спросил Рэй.

— В аэропорт, милый. Я созвонилась с пилотом нашего самолета — все готово к отлету в Афины. Там тебе помогут. Молчи, тебе нельзя говорить!

— Я буду лечиться только в Чикаго! — заявил Рэй, а я от удивления чуть не ударила по тормозам, вовремя вспомнив, что на серпантине это может закончиться печально.

— Что?! Ты в смертельной опасности!

— Я хочу умереть дома. Я не позволю тебе везти мое тело через Атлантику в цинковом ящике!

У меня пересохло в горле. Боже, о чем ты говоришь, Рэй? Мы только-только поженились, провели незабываемый медовый месяц, а ты собираешься оставить меня?!

— Как ты можешь так говорить! — со всхлипами сказала я.

— Ты заведующая кардиохирургическим отделением! Давай, скажи мне то, что ты сама

так боишься услышать! Это новые опухоли, и они с нами не шутят!

— Молчи!

Я закричала. Закричала не столько на него, сколько пытаюсь заглушить свой внутренний голос, который пищал мне на ухо, что Рэй прав. Я отказывалась в это верить, я не хотела это понимать и принимать. Господи, неужели ты счел меня чересчур счастливой? Неужели все те минуты счастья, которые мы пережили — это всего лишь аванс, и мне теперь предстоит за него расплачиваться?

Мысли путались, из глаз катились слезы. Я слышала тяжелое дыхание Рэя и визг тормозов на поворотах. Перед глазами стояла пелена.

Наконец, я подъехала к центральному входу в аэропорт. У дверей нас ждали двое мужчин в форме врачей с носилками. Мне удавалось сохранять выдержку и контролировать происходящее, хотя с каждой минутой паника одолевала меня все сильнее. Еще на яхте я попросила Манолиса позвонить на станцию скорой помощи и вызвать медицинское сопровождение до госпиталя. Благо финансовых вопросов не возникало. Кредитная карта Рэя открывала любые двери. Старик меня не подвел. На нижней полке носилок я увидела оборудование для искусственной вентиляции легких и немного успокоилась. Вполне возможно, нам удастся долететь до Штатов, как того хочет Рэй.

Погрузив его на носилки, мы быстро преодолели здание аэровокзала, и выехали на взлетно-посадочную полосу, где нас уже ждал самолет.

Оказавшись на борту, я спросила его в последний раз:

— Летим домой?

Он только кивнул.

Хорошо, милый. Мы летим домой.

Я попросила врачей сделать ему укол снотворного, а сама начала молиться. Это все, что мне оставалось. На высоте десять тысяч метров, без нужных инструментов и средств диагностики, без наркоза и других лекарств, я была бессильна, несмотря на все свои дипломы и звания. Это территория Бога.

Рэй спал, изредка постанывая и сдвигая брови. Я уставилась в иллюминатор и молилась. Я просила Создателя только об одном — успеть довести, а там уже начиналась моя территория. Время остановилось, я не различала больше — день сейчас, или ночь. Я не хотела ни есть, ни пить, ни спать. Наверное, вид у меня был жалкий.

Из оцепенения меня вывел голос Джил.

— Мэм, вам нужно попить воды. — Она поставил на стол стакан с водой и слегка улыбнулась.

— Спасибо.

Я сделала глоток и посмотрела на часы — мы летели уже восемь часов. Я позвала сопровождающего врача и попросила сделать Рэю еще один укол. Не стоит ему просыпаться.

После того, как медик выполнил мою просьбу, я набрала номер Сэма, забыв о том, что в Штатах сейчас раннее утро.

— Да. — хриплый голос Сэма прозвучал в трубке.

— Это я. — сказала я и мой голос дрогнул.

— Ли, милая, что случилось?

И тут я разрыдалась, давая волю эмоциям. Мне нужны были эти слезы, чтобы суметь. Чтобы не свалиться с ног и не покончить жизнь самоубийством. Мне нужна была эта разрядка, чтобы вновь начать здраво мыслить, и голос друга стал катализатором,

спровоцировавшим этот приступ.

— Ну, Ли! Тише-тише... — шептал Сэм, а я рыдала все сильнее.

— Он тебя обидел?

— Нет.

— Кто-то умер?

— Пока нет.

— Что значит, пока?

— Сэм, у Рэя желудочное кровотечение, — сказала я, икая и хлюпая носом, — а может быть, кишечное. Я точно не знаю. Он вырвал с кровью. Я думаю, это очередная аденома.

— В Афинах прекрасный госпиталь IASO, у нас проходил стажировку заведующий их хирургическим отделением, доктор Николис Спарсис. Вези его туда и не реви! У вас же частный самолет.

— Рэй не позволил мне этого сделать. Мы летим в Чикаго.

— Ты сошла с ума? — рявкнул на меня Сэм так, что я подпрыгнула на месте. — Ты же хирург, разве тебе не известны последствия?

— Сэм, он не хочет умирать в Греции!

— О Боже! Сколько вы уже летите?

— Больше восьми часов.

— Ты капаешь ему тромбоконцентрат?

— Сэм, где я раздобуду его на высоте десять тысяч метров?

— Я закажу вертолет и команду хирургов. Мы будем ждать вас в Палуоки.

— Спасибо.

— Ли, ты только довези его!

Я сглотнула и посмотрела на спящего мужа. Другого мне и не нужно — только бы довезти.

— Я постараюсь.

Я нажала отбой. В душе все кипело и бурлило, как будто кто-то варил внутри меня едкий суп из щелочи и спирта. В груди жгло, чувство тревоги не покидало меня ни на минуту. Лошадиная доза норадреналина и эпинифрина в моей крови заставляла меня концентрироваться на самых ужасных вариантах развития событий. Я попыталась здраво осмыслить свое состояние, прокрутила в голове симптомы — слегка затуманенное сознание, спазм сосудов и, как следствие, головная боль, сильное мышечное напряжение, заторможенность действий, — и поставила себе диагноз: физиологический аффект. Хотя бы с собой разобралась.

Теперь нужно начать глубоко дышать и думать о птичках. К сожалению, в компании Рэя, находящегося в состоянии глубокой седации, мне это слабо удавалось. Я смотрела на него и мысленно фиксировала каждое движение мышц на лице, каждое подергивание век, каждый вдох и выдох. Я считала до ста, заставляя свой мозг отвлекаться от происходящего, и постоянно сбивалась, переключаясь на очередной цикл дыхания мужа. Больше всего я боялась, что кровавая рвота возобновится. Если это случится — значит все зря, тромбоцитов в его крови недостаточно, и он захлебнется за несколько минут. Просто захлебнется в собственной крови.

В какую-то секунду я поняла, что мой муж больше не дышит. Я вскочила с места и бросилась к нему. Приложив ухо к его груди, я начала прислушиваться — сердце еще билось. Подоспевшие врачи скорой помощи принесли с собой переносной аппарат вентиляции

легких, состоящий из маски и кислородного баллона. Один из моих греческих коллег начал вентилировать дыхательные пути Рэя, а второй приложил к его телу фонендоскоп и отрицательно покачал головой. Рэй не дышал. Воздух не проходил по трахее в легкие, а значит, что-то ему мешало. Вариантов было не много — или отек гортани, или спекшиеся сгустки крови. Времени на раздумья у нас не было. Я попыталась взять себя в руки и трезво оценить обстановку. Я уговаривала себя, что это не Рэй, а раненый солдат, которого я сопровождаю в госпиталь. И меня осенило. Трахеостомия!

Я начала кричать на обеспокоенных врачей, требуя набор для этой процедуры, но они лишь разводили руками, не понимая ни слова. С назначением лекарства все было гораздо проще — достаточно было латинского названия препарата. Убедившись, что мои возгласы ни к чему не приводят, а драгоценные секунды уходят, я обратилась к языку жестов и стала водить пальцем по шее Рэя, словно у меня в руках был скальпель. После того, как я повторила этот жест пару раз, один из медиков закивал и бросился к своему чемоданчику, достав оттуда заветный пакет.

Мои руки дрожали. Не зря в наших больницах запрещено лечить родственников. С такими руками я могла принести больше вреда, чем пользы, но выбора не было. Я вновь представила перед собой не мужа, а солдата, и немного успокоилась. Главное — не думать, кто перед тобой.

Я схватила подушку и подложила ее под шею Рэя, получив таким образом нужное мне положение тела. Затем обильно смазала руки антисептиком, натянула одноразовые перчатки и вскрыла пакет. Я взяла в руки скальпель и сделала небольшой срединный надрез вниз от середины перстневидного хряща, затем с помощью крючков Фарабера и тканевых ножниц добралась до щитовидной железы. По виску скатилась капелька пота. Рэй все еще не дышал. Его кожа стала приобретать синюшный оттенок, и я начала действовать быстрее. Я отодвинула листок железы, обнажив хрящи трахеи. Я уже близко, Рэй! Еще пара движений скальпелем и я его экстубировала, введя в разрез на трахее расширитель и канюлю, по которой в его легкие начал поступать воздух. Его грудь вновь начала подниматься, а я села на корточки и заплакала.

Врачи из скорой помощи закончили за меня операцию, зафиксировав трубку на шее мужа и наложив стерильную повязку. Мне же дико захотелось спать.

Я не заметила ни перепада давления, ни изменения положения самолета, ни звука выпускающихся шасси. Наш лайнер заходил на посадку, а я засыпала, сидя на корточках возле дивана, на котором в бессознательном состоянии, болтаясь между жизнью и смертью, с трубкой в горле лежал человек, без которого я больше не представляла свою жизнь.

Слезы облегчения обрушились на меня, как поток свежего воздуха. Через несколько минут этот кошмар закончится. Сэм уже на месте с командой лучших врачей, а мне нужно поспать. Я довезла тебя, Рэй. Ты не умрешь в Греции, и твое тело не полетит через Атлантику в цинковом ящике в грузовом отсеке самолета. Я довезла тебя. Ты только живи, сукин сын! Только живи!

Часть I. Глава 30

Глава 30.

Я смотрела в иллюминатор самолета и улыбалась сквозь слезы. В паре сотен метров от нас стоял огромный серый «Хьюи», как мы, врачи, между собой ласково называем медицинский вертолет армии США «Белл УН-1Н «Ирокез»». Его огромные лопасти вращались с бешеной скоростью, поднимая в воздух целые пласты снега.

Снег. Я уже и забыла, что в Чикаго зима. Через взлетно-посадочную полосу к трапу самолета бежали три человека в медицинской робе. Двое катили носилки, а в третьем я узнала крепкую фигуру Сэма.

Он ворвался внутрь, словно ураган, сразу же начав раздавать указания бригаде врачей, и я тут же вспомнила, как мы работали в Чаде. Это был тот самый Сэм — стремительный, расчетливый, спасающий жизни. Я давно не видела его таким. Он закопался в бумажной работе, чаще носил галстук, нежели халат, реже стал держать в руках скальпель. Мне не хватало того, старого Сэма, хирурга с золотыми руками. И вот он передо мной — командует экипажем корабля, греческими парамедиками и врачами из клиники Раш. Я с трудом различала его слова, опомнившись только тогда, когда пара заботливых рук обхватила меня за талию, предварительно накинув на плечи пуховик. И вот я уже на улице, бегу к вертолету, оглядываясь на трап самолета, с которого спускают носилки с моим мужем. Если бы не эти сильные руки, которые поддерживают мое обессилевшее тело, я не смогла бы дальше идти.

Я посмотрела в лицо человека, который взял на себя роль моего спасителя, и обомлела — им оказался Джордж, тот самый «Джордж — Напомаженная задница», глава общей хирургии и мой чересчур явный поклонник. Почему — то, в эту секунду мне расхотелось называть его «напомаженной задницей», а чувство отвращения сменила благодарность.

— Джордж....

— Все будет хорошо, Линда.

Мы запрыгнули в вертолет, в котором уже стоял аппарат искусственной вентиляции легких (настоящий, с помпой и трахеальной трубкой), а двое врачей готовились принять больного на борт.

— Доктор Мейсон, — первый протянул мне руку для знакомства, — общая хирургия.

Я пожала руку и натянуто улыбнулась.

— А это доктор Линдси, гастрохирургия, — мужчина кивнул на молодую женщину, которая приветливо и тепло улыбалась мне. — Шеф сказал, что у пациента желудочно-кишечное кровотечение.

Звук крутящихся лопастей сильно заглушал наши голоса, так что приходилось кричать, чтобы быть услышанным.

— Да! — крикнула я. — Я думаю это аденома, которая проросла в желудочные вены!

— Дело плохо! — с сочувствием ответила доктор Линдси.

Мои веки тяжелели. Единственное, что еще удерживало мое сознание на плаву, это носилки с Рэем, которые, на мой взгляд, слишком медленно двигались через взлетно-посадочную полосу.

Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем его занесли на борт вертолета. Убедившись, наконец, что он в надежных руках, я облокотилась на стенку и провалилась в беспокойный сон. Мне снились пакеты с плазмой, трахеальные канюли и скальпели. А еще бело-голубые линии домиков на кальдере, Сэм с хлопущей, и целующая меня Кэтрин Скайфилд. Бред сумасшедшего, который тринадцать часов считал вдохи и выдохи любимого человека.

Я открыла глаза и долго не могла понять, где нахожусь. Яркое солнце, пробивающееся сквозь окно, рисовало на бежевых стенах светлые полосы. Где-то в отдалении тикали часы. До боли знакомый звук. Я уже слышала это противное тиканье раньше. Точно слышала.

Я приподняла голову и огляделась, постепенно вспоминая утренние события. Стоило мне только вспомнить самолет, и Сэма, и Рэя на носилках, как все обрывочные

воспоминания сложились в одну ясную картину — я в Чикаго, в клинике Раш, на четвертом этаже, в комнате для персонала с дурацкими тикающими часами.

Рэй! Господи, мой Рэй! Я вскочила, подбежала к умывальнику и несколько раз плеснула себе в лицо холодной водой. Затем бросила беглый взгляд на свое отражение в зеркале — спутанные волосы, фиолетовые круги под глазами, покрасневшие белки, дрожащие губы. Могло бы быть и хуже.

Я достала из своего шкафчика чистый халат, быстро накинула его на себя и вылетела в коридор.

— Добрый день, доктор Соул!

— С возвращением!

— Как отдохнули?

Со всех сторон посыпались приветствия и вопросы. Я же могла только кивать и натянуто улыбаться. Все эти милые люди еще не знают, что я опять вступила в войну со смертью. Костлявая не отберет у меня мужа.

Я подошла к лифту и нажала кнопку вызова кабины. Затем достала из кармана телефон и набрала Сэма.

— Линда, он жив!

Вздых облегчения вырвался из моих легких.

— Где он?

Я вошла в лифт и прислонилась к стене, держа руку на панели управления, чтобы сразу же после ответа Сэма нажать нужный этаж.

— Он на десятом, в гастрохирургии, в палате интенсивной терапии. Сильвия, то есть доктор Линдси, его прооперировала. Ты была права — аденома, которая согласно прошлым снимкам МРТ, была у него в желудке, начала бурный рост и повредила желудочные вены.

Черт! Черт! Черт! Я стиснула зубы и зажмурилась. Эта проклятая тварь была почти что мертвой! Что ее разбудило? Смена климата? Перелет? Физические нагрузки? А может слишком жирная пища?

— Как он?

— Спит. Все еще под наркозом. Он потерял много крови. У него было сильное внутреннее кровотечение. Я до сих пор удивляюсь, как вы его довезли.

— Я не знаю, Сэм.

— Зайди ко мне, после того, как повидаешься с ним. Это еще не все новости.

Что-то острое кольнуло меня прямо в сердце. В груди стало тесно, по коже пробежался ледяной холодок. Не все новости? Что же там еще может быть?

— Сэм?

— Ли, это не телефонный разговор. Я жду тебя.

— Ок.

Спорить было бессмысленно.

Я положила трубку, и в ту же секунду двери лифта распахнулись на нужном этаже. Я подошла к посту медсестер и попросила проводить меня в ПИТ.

— Пойдемте, мэм. Нам направо. — Тоненькая девушка с рыжей стрижкой вышла из-за стойки и жестом указала направление. Я последовала за ней.

Мы подошли к палате интенсивной терапии, и мое сердце провалилось в желудок. Жалюзи были закрыты, но я знала, что они скрывают — молодого красивого мужчину, в очередной раз разрисованного скальпелем и утыканного трубками. В горле встал ком.

— Спасибо, — бросила я девушке, а сама взялась за ручку двери.

Девушка кивнула и так тихо удалилась, что я даже не заметила, что ее больше нет за моей спиной.

Я несколько раз глубоко вздохнула и вошла внутрь. Вся моя мысленная подготовка к встрече с ним прошла даром. Я поднесла ко рту руку и зажала рвущийся наружу вой. Рэй был похож на мумию — бледный, словно вылитый из желтого воска, с черными кругами под глазами, огромными трубками, которые торчали с обоих боков, с маской на лице и обвешанный капельницами, он больше напоминал тренировочный хирургический манекен, нежели живого человека. Все еще живого.

Я подошла к кровати и достала из прикрепленной к ее боковине пластиковой ячейки его карту. Мне нужно было сосредоточиться на медицине, чтобы не сойти с ума.

«Пациент — Рэй Скайфилд. Возраст — 36. Страховая компания — Хумана. Тип полиса — премиум. Дата поступления — 11/10/2010. Диагноз — желудочно-кишечное кровотечение. Проведено лечение — консервативное лечение 11/10/2010. Хирург — Сильвия Лундси. Получал в/в- Heparini natrii, Halothanum, Analginum, Suprastin, тромбоконтракт, плазму крови, полязирующую жидкость.

Анамнез: множественные прогрессирующие аденомы — 42 операции, разрыв стенок аорты — 1 операция.

План лечения — согласовывается».

Почему согласовывается? И где результаты тестов? Я вновь и вновь пробежала глазами строчки в его карте в поисках ответов на эти два вопроса, и понимала, что их там нет.

Я подошла к Рэю и погладила его по голове.

— Вот опять ты лежишь, обвешанный трубками..., - слезинка с моей щеки упала ему на веко, но он даже не вздрогнул, — а я стою и глажу твои волосы. Это кошмарный сон, Рэй! А мне так хочется проснуться!

Я склонилась над ним и поцеловала его прохладный и влажный лоб. От мятно-апельсинового запаха моего мужа не осталось и следа. Кожа Рэя насквозь пропиталась больничными ароматами дезинфицирующих средств, спирта и эфира.

— Ну ничего, милый, ничего... Мы это переживем. Я тебе обещаю.

Я еще раз прижалась губами к его лбу, а затем быстро, не оборачиваясь, вышла в коридор и направилась к Сэму.

Дверь в его кабинет была открыта. Я без стука вошла внутрь. Сэм стоял у окна, держа в руках баночку любимого «Dr Pepper».

— Я пришла, Сэм.

— А, Линда! Проходи, присаживайся. — Он вымученно улыбнулся и махнул рукой в сторону дивана.

На нем, как говорится, лица не было — потухший взгляд, синяки под глазами, недельная щетина, две глубокие складки пролегли между бровей. Если бы я не знала Сэма так хорошо, то подумала бы, что он начал пить.

— Сэм, ты словно мое отражение, — попыталась я пошутить, выдавив из себя жалкую ухмылку, — Узнаю свои синяки под глазами и налитые кровью глаза. Тебе только рыжей шевелюры не хватает.

Он улыбнулся и поставил банку с газировкой на стол.

— Тяжелая неделя.

— Моя жилетка всегда готова принять твои слезы.

Рядом с ним я чувствовала себя спокойно и уверено. Все плохое отходило на второй план. Вот и теперь я сама удивлялась своей способности шутить в подобной ситуации. Наверное, так я защищала себя от последствий стресса.

— Я уже давно не плачу, детка.

— Так и не расскажешь?

— У тебя сейчас своих проблем хватает. Поговорим еще, когда Рэй поправится.

— А он поправится? Я видела его карту, она заполнена весьма странным образом — плана лечения нет, как и результатов анализов и обследований.

— Как раз об этом я и хотел с тобой поговорить. — Сэм встал, и начал покачиваться с пятки на носок, словно собираясь с мыслями.

— Сэм, говори! Что с ним?

— У Рэя печеночная недостаточность, терминальная стадия.

Эти слова прозвучали, как гром среди ясного неба. У меня в голове не укладывались эти буквы — печеночная недостаточность, терминальная стадия. Боже, но откуда?!

— Что?! Но...но... — я начала заикаться и теревить пальцы на руках.

— Одна из опухолей проросла в печень и вызвала необратимые процессы. Сильвия удалила ее, но у Рэя уже начался цирроз.

Так вот откуда у Рэя этот восковой желтушный цвет кожи! Господи, как я сразу не поняла?!

— Сэм, ты поставил его в очередь на пересадку?

— Я не могу этого сделать. У него есть хроническое заболевание, которое, согласно протоколу, является препятствием для постановки в очередь на пересадку органов. Он не перспективный пациент.

Мой лучший друг только что ударил меня кувалдой по голове. Мои руки затряслись, дыхание сперло, адреналин в крови заставил бешено колотиться сердце.

— Сэм, что ты такое говоришь?

— Линда, я с утра пытаюсь что-то сделать. Ничего не выходит. Комитет блокирует постановку Рэя на очередь. Это выше моих сил.

— И что же нам делать? Мы оставим его умирать?

И вновь это чувство беспомощности против огромной бюрократической машины захлестывает меня с головой. И вновь я хочу мчаться к Белому Дому и барабанить в тяжелые двери, чтобы меня услышали. Разве можно так с людьми?!

— Нам нужно найти донора самостоятельно. Для начала ты сама пройди тесты на совместимость. Позвони его матери, брату. Кто-то из родственников должен подойти.

— Это единственный выход?

— Увы, да.

Я закрыла лицо руками, чтобы замолчать и не сказать Сэму ничего обидного. Проклятья рвались наружу из моего горла, хотя умом я понимала, что мой друг сделал все, что мог.

Мы так часто говорим родным пациентов, что сделали все, что могли, не понимая, какую боль им причиняем, и вот теперь я прохожу через это. Я тот родственник, который слышит «мы сделали все, что смогли». К счастью, я не из тех, кто примет это как данность и опустит руки. Я знала, за кого выхожу замуж, и что меня ждет. Время любви закончилось. Настало время борьбы.

Часть I. Глава 31

Глава 31.

— Повторите! — пробурчала Мэнди, громко жажнув пустой стопкой по барной стойке.

Сегодня был вечер шотов. Миранда была крепким орешком, я же почувствовала, что уже немного пьяна и просто лупилась в стену напротив. Сдав еще днем все необходимые для проверки на совместимость тесты, я намеревалась закрыться в душе и рыдать, пока хватит сил. Но моим планам не суждено было сбыться.

Группа поддержки в лице Мэнди и Итона поджидала меня на выходе из клиники. Надо отдать им должное — они проторчали там не меньше часа, дожидаясь, пока я разберусь со всеми анализами, а двадцатиградусный мороз мало способствовал их выдержке. Таких друзей еще поискать!

— Так что ты там мне рассказывала про Сэма? — пробурчала я, пытаюсь прокрутить в памяти слова подруги. Алкоголь плохо повлиял на мою способность запоминать.

— Сэм и Марго поругались на вашей свадьбе.

— Я видел, как они скандалят. — добавил Итон.

— Эта стерва вытерла о Сэма ноги! — Мэнди закипала, и ее требовалось погасить. Я легонько хлопнула подругу по плечу.

— Ну-ну, Миранда, потише, а то нас выгонят. Будем допивать свою текилу на улице.

— Нет, ты представляешь?! Сэм сделал ей предложение, а она послала его ко всем чертям!

— Когда сделал предложение? — Я хлопала ресницами, пытаюсь уловить смысл ее слов, но сосредоточиться получалось только на пелене перед глазами, от которой я никак не могла избавиться.

— Она заявила Сэму, что он мешает ее карьере и исследованиям, что она современная женщина, а не инкубатор. Мол, она не будет сидеть дома, печь пироги и рожать детей.

— Ого! — я, наконец, въехала в масштаб проблемы. — А что Сэм? Когда мы провожали их, они не выглядели расстроенными...

— Наверное, Сэм не хотел портить тебе отпуск, вот и дурачился. — Предположила Миранда.

— Когда мы летели назад, они постоянно спорили. Я думал, свихнусь, пока до штатов долечу. — Заявил Итон.

— И что, они до сих пор в ссоре?

— Угу. — Кивнула Миранда. — Более того, эта стерва уже крутит новый роман.

Мои брови поползли вверх. Как же ты мог так оплошать, Сэм? Любовь зла — полюбишь и Маргариту Сансет?

— И кто этот несчастный?

— Новый глава ортопедии, Николас Меддок. Скользкий тип. — Миранда поморщилась. — Идеальная парочка — слизняк и стерва.

Не знаю, что бы я делала, если бы не Миранда. Наверное, билась головой о стену в ванной комнате, или запихивала в себя ведро мороженого перед телеком, давясь слезами. Она старалась всячески меня отвлечь от тяжелых мыслей, шутила, болтала без умолку, и просто спасала меня.

Бармен поставил перед нами три стопки со спиртным.

— Две текилы и бренди.

— Спасибо, — буркнула Мэнди.

Мне больше не хотелось пить, и я с сомнениями посматривала на бурю жидкость в стакане. Несмотря на все мои личные проблемы, я все еще оставалась заведующей кардио, и

на следующее утро меня ждала моя работы и мои пациенты.

— Я, пожалуй, воздержусь. — Я отодвинула стопку рукой подальше от себя и отрицательно покачала головой.

— Не выдумывай, тебе сегодня нужно выспаться! А трезвая ты не уснешь, тем более в вашем доме, тем более одна.

Миранда вернула отодвинутую стопку на место, заставив меня поморщиться. Она была права. До меня только — только дошло, что мне придется одной ночевать в этом огромном и опустевшем без Рэя доме, который я и домом-то назвать не могу. Я провела там всего неделю, не успев привыкнуть ни к обстановке, ни к атмосфере.

Я бросила на подругу недовольный взгляд, но, все же, залпом выпила текилу. Напиток обжог мне горло, и оставил на языке горькое послевкусие.

— Так-то лучше!

— Угу.

— Ты знаешь, Дерек выпустили под залог... — осторожно, как бы между прочим, выдала Миранда, а у меня волосы на теле встали дыбом. Еще одна прекрасная новость? Да этот день просто полон приятных сюрпризов!

Я попыталась глубоко вдохнуть, но только подавилась воздухом и зашлась в затяжном кашле.

— И где он теперь? — спросила я, откашлявшись.

В эту минуту дверь в баре скрипнула, а колокольчик, подвешенный к ней, огласил пространство своим звоном. Я обернулась и чуть не сползла под стол от ужаса. Дерек Мидлтон, собственной персоной, — нечесаный, небритый, с бородой, в помятых джинсах и куртке нараспашку, шагал к барной стойке, задевая углы столов и стулья. Он явно был пьян.

Я вцепилась в руку подруги, стараясь унять дрожь. Паника сковала меня, зубы стучали, как от дикого холода, спина взмокла, а сердце норовило выскочить из груди.

— Линда, спокойно! Ты не одна — здесь я, и Итон! — подбадривала меня Мэнди, в то время, как этот псих пинал неудобные стулья и покрывал бранью ни в чем не виноватых посетителей бара.

— Вызывайте полицию, — прошипела я бармену, не в силах отвести взгляда от этого зрелища.

В одно мгновение наши взгляды встретились. Он оскалился, поправил волосы и изменил направление, двигаясь теперь прямо на нас. Чем ближе он подходил, тем явственнее ощущались пары крепкого алкоголя и пота, исходившие от него. Этот человек деградировал, будучи сломленным. Но виной тому был он сам. Я не жалела его. Все, что вызывал во мне Дерек — чувство омерзения.

Его пошатывающее тело добралось до меня, и я отстранилась назад, насколько только это было возможно. Его пятерня потянулась к моему лицу, и только я подумала увернуться, как его цепкие пальцы схватили меня за подбородок.

— Довольна? — промычал он.

Итон вскочил со своего места и резко толкнул его.

— Эй ты, полегче! — он встал между мной и Дерекком и начал угрожающе нависать над ним.

Я потрогала свой подбородок. К горлу подкатила тошнота. Этот мудака дотронулся до меня, оставив на моем лице мельчайшие частицы своего эпидермиса. Это было отвратительно.

— Успокойся, сосунок! — протяжно прохрипел Дерек.

Он не мог трезво оценить обстановку, иначе ни за что бы не рискнул заявить подобное молодому накаченному парню, превосходящему его если и не по силе, то по степени контроля за ситуацией.

Меня трясло. Мэнди взяла меня за руку, а другой рукой гладила по колену.

— Не волнуйся, бармен уже вызвал полицию. Этот козел еще поплатится за свою выходу. Он наверняка нарушил условия выхода под залог, так что теперь его наверняка упекут за решетку.

— Угу.

Слова не лезли мне в горло. Мне было стыдно за то, что мне так страшно, но я ничего не могла с собой поделать.

— Иди, проспись! — гаркнул на него Итон, но вызвал этим только приступ идиотского смеха у противника.

— Миранда, он невменяем! — прошептала я подруге на ухо. — Позови Итона, мы уходим!

Мэнди протянула руку вперед и слегка коснулась спины своего спутника. Итон обернулся. Этой секунды было достаточно для того, чтобы Дерек вытащил из кармана маленький перочинный нож и ширнул им Итона в живот.

Миранда завизжала, прикрыв лицо руками, а я бросилась к падающему Итону. Инстинкт врача в случае с чужим парнем срабатывал отлично. В эту минуту меня не мог остановить ни Дерек с его ножом, ни сам черт.

Я едва держала теряющего сознание Итона, зажимая ладонью его рану, а в баре в это время творилось настоящее сумасшествие. Наряд полиции, прибывший по звонку бармена, разогнал из бара всех тех посетителей, которые не выскочили на улицу после нападения Дерекка, и теперь двое офицеров уводили его, заковав в наручники.

— Офицер Якобсон! — представился подошедший ко мне страж порядка.

— Доктор Линда Соул, кардиохирург. Помогите мне.

Полицейский помог мне уложить Итона на пол. Я оторвала от подола своей блузки широкий кусок ткани, взяла с барной стойки стопку с бренди и обильно смочила импровизированный бинт в спиртном. Затем накрыла тканью рану. Итон протяжно застонал.

— Потерпи, скорая уже едет!

Миранда, прекратившая визжать, встала со своего места и принялась гладить Итона по голове и целовать его волосы. Точь-в-точь, как и я. Все женщины одинаковы, когда беда случается с любимым человеком — мы не можем ничем помочь, потому что разум затмевают эмоции, но способны выдать годовой запас нежности и ласки.

— Я надеюсь, печень не задета. Кровотечение не очень сильное. Даст Бог, все обойдется! — попыталась я успокоить подругу.

— Угу, — хмыкнула она мне в ответ. — Я ж люблю его, Ли!

— Я знаю, милая. Я знаю.

Когда в зал вошли врачи скорой помощи, я выдохнула с облегчением. Запястья ломило от перенапряжения. Я так сильно давила на рану, сдерживая кровотечение, что под конец уже не чувствовала своих рук.

— В какую больницу везти, мэм? — спросил меня один из прибывших на место врачей.

— Едем в Раш.

— Но она сегодня не дежурит.

— Это наш интерн. Все вопросы я беру на себя.

— Хорошо.

Я достала из кармана телефон, нашла номер Джорджа и позвонила ему.

— Линда?

— Джордж, на нашего интерна, Итона Смурфитта, только что напали с ножом в баре «Мемфис». Скорая везет его к тебе, в приемное.

— Окей. Я прооперирую его сам. Сейчас же поеду туда. Но кто это сделал?

— Дерек Мидлтон. — выдохнула я.

Одно его имя заставляло меня краснеть от подступающего приступа тошноты.

— Я так и знал, что рано или поздно он найдет тебя, и добром это не кончится. Мы подавали коллективное прошение судье, требуя заключить его под стражу. Но этот проходимец оказался слишком богат.

— Теперь он точно не скоро окажется на свободе. Полицейские увезли его.

— Слава Богу.

— Спасибо, Джордж.

— Брось. Это моя работа. И... — он на пару секунд замолчал, — прости меня, за мои сальные шуточки. Я, кажется, сильно переборщил.

Я улыбнулась. Не так уж ты плох, Джордж.

— Да уж. Было дело.

— Что ж, я жду скорую.

— Они уже выехали.

— Пока.

Я положила трубку, наблюдая, как Итона укладывают на носилки и выносят из зала.

— Мэнди, мне поехать с тобой? — спросила я у всхлипывающей подруги.

— Поезжай домой, у тебя сегодня был тяжелый день. А Итон в надежных руках.

Я крепко прижала ее к себе, чувствуя свою вину за произошедшее.

— Мэнди, прости. Это моя вина.

Миранда отстранилась от меня и улыбнулась, вытерев слезы в уголках глаз.

— Это вина судьбы, который выпустил этого козла под залог. Езжай домой и ни о чем не думай.

Я подала подруге ее пальто и сумочку. Миранда перекинула их через руку и выскочила на улицу, к машине скорой помощи. А мне нужно было такси. Я вновь достала из кармана телефон и начала искать в записной книге нужный номер, как вдруг аппарат в моих руках завибрировал. Звонили с незнакомого городского номера. Я с недоверием уставилась на экран мобильного и ответила.

— Линда Соул? — спросил меня приятный женский голос.

— Да

— Вас беспокоят из лаборатории университетской клиники Раш. По поводу ваших тестов на совместимость с пациентом Рэем Скайфилдом.

— Я слушаю.

Я замерла, ожидая вердикта.

— Вы совместимы на 98 % — радостным голосом выдала мне девушка, и я уже приготовилась танцевать сальсу прямо в баре, как ее голос в трубке продолжил, — и вы беременны. Срок еще очень маленький, что-то около одной недели, так что, если вы

сделаете аборт — то вполне сможете быть донором для мистера Скайфилда.

Небеса рухнули на меня, придавив к земле, словно бетонная плита. Что это еще за игры судьбы? Чтобы спасти мужа, я должна убить только зачатого ребенка? Господи, это твоя справедливость?!

Часть I. Глава 32

Глава 32.

Удивительно, но как только моя голова коснулась подушки, я провалилась в глубокий черно-белый сон. Мне снились какие-то абстрактные фигурки, словно я смотрела в окошко калейдоскопа через негатив фотопленки.

Пока такси везло меня в наш дом, я убеждала себя, что обязана провести ночь, придумывая какой-то план, согласно которому в конце все будут спасены, наступит вечный май, и мы будем счастливы. Но оказавшись в спальне, я поняла, что утро вечера мудренее. Единственным верным решением был звонок Кэтрин. Только эта женщина могла помочь мне сделать правильный выбор.

— Алло, Линда! Здравствуй, дорогая! Как я рада тебя слышать, — защебетала она в трубку. — Вы вернулись? Как Рэй?

Я сглотнула. Ненавижу сообщать плохие вести. Если уж и говорить — то все сразу, без намеков и недомолвок. Тогда мозг соображает быстрее, поскольку видит полную картину.

— Кэтрин, Рэй в реанимации. У него термальная стадия печеночной недостаточности.

В трубке повисла тишина. Я не смела продолжить, дожидаясь ее реакции.

— Что ж. С момента начала заболевания я знала, что однажды эта гадость убьет моего сына. Что-то можно сделать?

Ее тон на удивление был спокойным и уравновешенным. Никаких истерик, воплей и повышенного голоса.

— На данном этапе врачи сделали все, что могли. Единственный выход — пересадка печени. Но здесь есть некоторые сложности.

— Какие именно?

— У Рэя хроническое неизлечимое заболевание, которое является препятствием для постановки его в очередь на пересадку органа.

— Разве члены семьи не могут добровольно стать донором?

— Я сегодня уже сдала тесты на совместимость. Результаты очень хорошие — я могу быть донором печени для Рэя.

Я замолчала, морально готовясь выдать вторую часть информации, противоречивую и сложную.

— Но? — продолжила за меня Кэтрин, оказавшись необыкновенно проникательной. — Ты не стала бы меня беспокоить, если бы все было так гладко, не так ли, детка?

— Вы правы. Я могу, и одновременно не могу быть донором. — Я замялась, собираясь с духом. — Дело в том, что я беременна. Я могу поделиться с Рэем частью своей печени, только если сделаю аборт. Если убью нашего малыша.

Только не плакать, Линда! Я зажмурилась, останавливая слезы, подышала несколько секунд и продолжила:

— Что мне делать, Кэтрин?

Я ожидала, что она скажет мне «убей ребенка, и спаси моего сына», и морально готовилась дать ей отпор. Но она удивила меня в очередной раз.

— Ложись спать, дорогая. Завтра будет видно. Я буду в больнице с утра. Посмотрим,

что с этим можно сделать. Возможно, я подойду как донор.

Безмерная благодарность полилась из меня, как из переполненного сосуда. Мать моего мужа была мудра, добра ко мне, и спокойна. Именно этого мне и не хватало все это время.

— Спасибо, мама.

Я сама не поняла, как эти слова выскочили из моего рта. Мое бессознательное приняло за меня решение, расценив поддержку этой женщины, как материнскую заботу. Но я ничуть не пожалела, что назвала ее матерью. Потому что она была ей, матерью с большой буквы, в сердце которой сейчас наверняка бушевал шторм из боли и слез. Но вместо того, чтобы впадать в уныние и горевать над своей тяжелой долей, она сделала то, что было единственно верным в этой ситуации — встала за штурвал нашего тонущего семейного корабля, и вселила в меня уверенность в том, что завтра все будет хорошо.

Спасибо, мама.

— Спокойной ночи, Линда. Увидимся завтра.

— Спокойной ночи.

В трубке слышались короткие гудки. Я не знала, уснет ли она теперь, но была безмерно благодарна ей за то, что сама смогу сегодня поспать.

Я уснула. И видела черно-белые абстрактные сны.

На следующее утро я проснулась с чувством, что случилось что-то хорошее. Я стояла у зеркала в ванной, засунув зубную щетку в рот, и крутила пальцем у виска. Откуда взяться хорошему, когда твой муж умирает от печеночной недостаточности, а ты беременна? Счастье от предстоящего материнства затерялось в лабиринтах моей души. Я пока не могла принять и осознать тот факт, что ношу под сердцем ребенка Рэя. Все мои мысли и эмоции съедались его болезнью и моими переживаниями на этот счет. Единственное, что я могла себе позволить — мысленно повторять про себя, что я беременна, и это не шутки. Не знаю, доходила ли эта мантра до глубин моего бессознательного, но я почему-то отвергала беременность, как что-то хорошее, случившееся со мной. Была и еще одна причина такого осторожного отношения к ней — моя чудесная совместимость с мужем, и я не хотела привыкать к ребенку, от которого, возможно, мне придется избавиться. Думать об этом было страшно. И я пока не знала, что страшнее — остаться вдовой с ребенком на руках, или убить своего малыша, но спасти мужа. Все очень сложно. Наверное, Рэй должен очнуться, чтобы я смогла переключиться и, наконец, попрыгать от счастья по поводу своего интересного положения.

Дорога до больницы пролетела, как одно мгновение. Я поставила диск «Muse», и включила громкость на полную мощность. Если есть какая-то невидимая связь между мужчиной и женщиной — значит, он сейчас слышит эту музыку, и как минимум должен подергивать пальцами в такт. В идеале, конечно, если он проснется и начнет подпевать солисту. Но это было практически невероятно в его положении.

Я приехала поздно, и с трудом нашла место для парковки. Пушистый снег завалил большую часть асфальтированной площадки для автомобилей, и теперь там, где раньше могло легко поместиться две машины, с трудом вставала одна.

Я долго кружила по рядам парковки, выискивая более или менее удобное местечко, и в итоге встала практически у самого ее края. До входа в клинику был почти километр. Ну да ничего, пешие прогулки на свежем воздухе мне, как беременной женщине, особенно полезны.

Когда я добралась до входа в клинику, мой нос изрядно покраснел на морозе и начал

противно хлюпать. Не хватало только подхватить простуду. Я забежала в теплый холл и первым делом направилась в кофетерий за чашкой кофе. Отстояв в очереди порядка десяти минут, я поняла, что о любимом кофе мне придется забыть — его нельзя ни беременным, ни донорам. Как ни крути. Заказав с кислым лицом стакан чая с медом, я отправилась в свое отделение.

Переодевшись, первым делом я позвонила Мэнди, чтобы узнать, как там Итон.

— Линда, привет. — Хриплый голос подруги свидетельствовал о бессонной ночи.

— Как Итон?

— Напугал меня. Была задета почка, но Джордж, слава Богу, все исправил.

— Джордж молодец.

— Правда, теперь Итону предстоит долгая реабилитация и мочеприемник на несколько месяцев.

— Да чтоб ему пожизненное дали! — Не сдержалась я, мысленно проклиная Дерека.

— Что ж, видимо, это нужно пережить.

Да. В этой жизни часто случаются вещи, которые нужно просто пережить. Изменить их мы все равно не в силах.

— Все будет хорошо. Я зайду к нему позже.

— Хорошо. — Мэнди громко высморкалась, вынудив меня отодвинуть трубку от уха. — Как Рэй?

— Жду Кэтрин, чтобы решить что делать.

— А что делать? Твои тесты готовы?

— Готовы.

— И как?

— Я подхожу.

В трубке прозвучало радостное «фух».

— Ну, так это же здорово! Что тут теперь решать?

— Миранда, я беременна.

Я отодвинула трубку подальше от уха, чтобы обезопасить свои перепонки от визга подруги. И была права. Миранда не закричала, она завопила в трубку. Проходящие мимо медсестры начали оборачиваться на громкий звук.

— Что?! — радостный голос Мэнди не оставлял сомнений по поводу ее реакции.

Ну да ничего, Миранда. Ты врач. Сейчас до тебя дойдет. Я молчала, дожидаясь того момента, когда ее осенит, что теперь я не могу быть донором. Спустя пару секунд это случилось.

— Но ведь теперь ты можешь быть донором, только если сделаешь аборт!

Именно. Так и есть, милая. И это полная задница.

— Вот поэтому я жду Кэтрин, чтобы решить, что нам делать.

Миранда замолчала. Да и что можно было сказать в такой ситуации? Не ошибись, подруга? Выбери ребенка? Или выбери мужа? Бред. Любые слова здесь были излишни. И Миранда знала это.

— Держись, Ли. Что бы ты ни решила, я с тобой.

— Спасибо.

Я положила трубку. Именно за такие ответы я любила и ценила Мэнди. Это были правильные слова, нужные. Это были те слова, которые я приняла и за которые была ей благодарна. Советовать человеку что-либо в такой ситуации большая ошибка. И она не стала

этого делать. Спасибо, Мэнди.

Кэтрин все еще не было, и я решила узнать обстановку в отделении, поэтому подошла к посту младшего медицинского персонала и взяла в руки планшет.

Я стала пролистывать карты находящихся на лечении пациентов, с одной стороны, чтобы понять, что вообще произошло за время моего отпуска, а с другой, чтобы найти себе какой-нибудь интересный случай, который поможет мне отвлечься и немного придти в себя. И такой случай нашелся.

«Пациент — Джамал Айшва, 7 лет. Индия. Страховая компания — благотворительная программа фонда Сороса. Диагноз — синдром единого желудочка, сочетанный с атрезией митрального клапана и дефектом межпредсердной перегородки. <...>».

Дальше читать я не стала, поскольку сразу поняла, что беру этого пациента себе. Такие редкие пороки сердца встречаются на пути далеко не каждого хирурга. И этот пациент был для меня той самой «таблеткой жизни», которая мне была так необходима. Я вернула планшет на место, предварительно забив в карту в графу «лечащий врач» свое имя. Возможно, я украла этого пациента у Аманды, или у доктора Мун, или еще у кого-то, но совесть меня совсем не мучила. У меня разыгрывается семейная драма, и мне жизненно необходима такая операция — вдохновляющая, инновационная, высокотехнологичная. Иначе я сойду с ума.

Я отошла на несколько шагов от поста в сторону палаты пациента, и почувствовала вибрацию телефона в кармане. Это могла быть только Кэтрин. Я достала аппарат и посмотрела на экран — я оказалась права. Что ж, Джамал. Придется перенести нашу встречу на более поздний срок. Но я обязательно к тебе приду!

— Я слушаю.

— Линда, я поднимаюсь в гастрохирургию.

— Я буду у палаты Рэя через пять минут.

— Хорошо.

Я нажала отбой. Что ж, семейный совет зовет. Неожиданно в груди начало щемить, а руки сами собой легли на живот, словно выстраивая броню между внешним миром и моей утробой. Я поняла, что не смогу сделать аборт. Мое сердце тайком от меня подарило себя этому малышу.

Часть I. Глава 33

Глава 33.

Хорошее все-таки случилось. Мы с Кэтрин зашли в палату Рэя и увидели, что кто-то приподнял ему кровать, так что теперь его голова была выше уровня тела, и вместо аппарата ИВЛ на лице у него была простая кислородная маска. В палате работал телевизор — шел выпуск новостей. Я не верила своим глазам — мало того, что мой муж пришел в сознание, так он еще и смотрит новости! Мы с Кэтрин переглянулись, не в силах скрыть удивление на лицах.

Рэй посмотрел на нас, и стянул с лица маску. Белки его глаз пожелтели, и я не могла без слез смотреть на него.

— А вот и мои любимые дамы! — он улыбнулся уголками рта, стараясь не показывать боли.

Все внутри меня сжалось, застыло в беззвучном крике.

— Сынок! — Кэтрин подошла к постели и поцеловала его в лоб. — Ты всех нас очень напугал.

— Множественные прогрессирующие аденомы, ма, — это они вас напугали.

— Рэй, когда ты очнулся? — я подошла к кровати и взяла его карту, чтобы посмотреть последние записи.

— Еще ночью. Я попросил медсестру не сообщать тебе, чтобы ты поспала.

Волна нежности прокатилась по моим внутренностям. Даже в таком состоянии он оставался мужчиной — заботливым и любящим.

Показатели анализов в его карте скакали, выписывая амплитуды — ни одного более или менее приближенного к норме значения. Высокий билирубин, низкие тромбы, высокие лейкоциты, низкий гемоглобин — у меня перед глазами замаячил график синусоидной параболы из учебника по геометрии.

Дверь в палату открылась, мы с Кэтрин обернулись и увидели Сильвию Линдси — гастрохирурга, которая спасла моего мужа. Если мой муж продолжит выкидывать такие номера, мне придется завести дружбу с женской половиной всех хирургических отделений. Никто не знает, в каком новом месте решит вырасти очередная аденома, так что я могу обрасти добрым десятком новых друзей.

— Доктор Соул, мэ... — она поочередно пожала нам руки. — Как видите, состояние Рэя стабилизировалось, но ситуация по-прежнему очень сложная.

— Да я просто комок противоречий и сложностей! — вставил Рэй, попытавшись разбавить тяжелую атмосферу в палате своим юмором.

— Мистер Скайфилд, вам лучше надеть маску и выровнять дыхание.

Тон Сильвии был нарочито мягким, но в нем скользили авторитарные нотки. Так говорят родители с детьми, когда оговаривают крайний срок возвращения их домой с прогулки — ласково, нараспев, и в то же время не допуская даже возможности ослушаться.

В этой женщине был стержень, и она начинала мне нравиться. Конечно, я была ей безумно благодарна, но гораздо приятнее быть благодарным человеку, который это заслужил, нежели если он сделал доброе дело из корыстных побуждений, или по стечению обстоятельств. Сильвия Линдси заслужила.

— Очень хорошо, что вы обе здесь, — продолжила Сильвия, бросая на меня сочувственный взгляд. Я догадывалась, что она хочет сказать. Что ж, это избавит меня от необходимости произносить вслух все эти страшные вещи.

— Пациент нуждается в срочной пересадке печени. И у нас есть результаты анализов Линды. Она идеально подходит в качестве донора.

— Милая, я же говорил — ты мой ангел-хранитель! Это удивительно! — воскликнул Рэй, а затем закашлялся. Ему было трудно говорить.

— К сожалению, сэр, все не так просто, — Сильвия повернулась к Рэю и продолжила, — Ваша супруга беременна, она сможет выступить в качестве донора органа, только если сделает аборт. На кону стоят две жизни — ваша и вашего ребенка.

Улыбка пропала с лица моего мужа. Он несколько секунд обдумывал услышанное, а затем, неожиданно для нас, вновь расплылся в широкой улыбке.

— Детка, это же прекрасно, правда? — я увидела в уголках его глаз пару слезинок. — Лоботряс и бродяга Рэй Скайфилд оставит после себя на земле что-то стоящее, а не древний Харлей и пару рваных джинсов.

— Мистер Скайфилд, мы возьмем анализы на совместимость у вашей матери, если, конечно, она против. Не отчаивайтесь. Шанс еще есть.

Я смотрела ему в глаза и знала, что в эту минуту он посылает мне лучи тепла и любви. Я

ни на йоту не сомневалась в том, какое решение он примет. Я знала, что Рэй никогда не позволит мне выбрать его. И поэтому так боялась этого разговора.

— О чем вы, доктор Линдси? Вы дали мне еще немного времени, чтобы я смог услышать эту новость своими ушами, чтобы я почувствовал себя отцом, и в итоге ушел с любовью в сердце к своему ребенку. Это бесценно.

Кэтрин отвернулась, утирая с лица слезы. Я понимала ее. Если бы мне предложили спасти на выбор сына или еще неродившегося внука, я выбрала бы сына.

— Есть же еще Кевин! — вдруг вырвалось у меня. — У тебя есть брат, Рэй!

Рэй и его мать переглянулись, словно скрывали от меня нечто, чего мне не следовало знать.

— Он в Марокко. — Ответил муж.

— Я это знаю.

Я не понимала, почему они так вяло реагируют на мои слова. Ведь Кевин удваивал шансы Рэя на спасение.

— Мы не уверены, что он жив, — робко заметила его мать.

Я застыла с выражением удивления на лице.

— Что?

— Связь с ним потеряна вот уже три года. Он исчез из лагеря археологов весной 2007 года. Последний раз его видели, отправляющимся за покупками на местный рынок.

Кэтрин села на диван для посетителей, достала из сумочки носовой платок и смахнула им с лица слезы. Говорить ей было тяжело.

До этого момента я думала, что это я — самая несчастная женщина на земле, и только теперь до меня стало доходить, какого склада человек передо мной. Стойкости и оптимизму Кэтрин Скайфилд можно было только позавидовать. Она провела лучшие годы жизни с человеком, который ни во что ее не ставил, потеряла без вести одного из сыновей, а теперь готовится потерять и второго. И при этом она не утратила своей женственности, ясности ума и сердечной доброты. Она не закрылась в скорлупе своего горя, не ожесточилась на весь белый мир, и не стала походить на тех злобных дам, которых часто можно встретить за перемыванием костей своим соседям. Куда уж мне до нее с моим кошмарным выбором — кому жить, а кому умереть. Просто детский лепет по сравнению с летописью ее жизни.

— У вас есть какие-то доказательства того, что Кевина больше нет в живых? Его тело было найдено? Может, были какие-то свидетели? — я цеплялась за брата моего мужа, как за спасательный круг, отказываясь принимать на веру его кончину.

— Нет. Никаких доказательств у нас нет, — ответила Кэтрин. — Но мы давно прекратили все поиски.

— Что ж, — ответила я, — тогда вы — наша последняя надежда.

— Получается, так и есть, — с придыханием сказала свекровь, а затем посмотрела на Сильвию, — куда мне пройти для сдачи анализов?

— Пойдемте, я отведу вас в лабораторию.

Они вышли, оставив меня наедине с мужем. Я присела на краешек его постели и взяла за руку.

— Влюбиться в тебя было моей самой большой ошибкой! — С улыбкой сказала я.

— Конечно, в противном случае ты до сих пор бы бегала за Сэмом и ставила подножки Марго. Это гораздо интереснее.

Несмотря ни на что, чувство юмора моего мужа оставалось при нем. Значит, мы еще

повоюем.

— Перестань паясничать.

— Я и не думал.

Я крепко сжала его ладонь, как будто хотела убедиться, что она все еще горячая.

— Рэй, как же я буду одна воспитывать нашего малыша?

— Во-первых, я все еще жив. А во-вторых, одна то ты точно не останешься. Я еще никогда не встречал такой конкуренции на пути к завоеванию женщины. Мужчины жаждут твоего внимания, уж поверь мне. — Рэй подмигнул мне и пожал ладонь, — Мне пришлось нелегко — устранить Сэма, Дерека, Джорджа и пару влюбленных в тебя интернов было задачей для профессионала.

— Что?! — мои глаза округлились, а брови поползли вверх, — ты знал про них всех?

— Я же говорю — задача для профессионала!

Ему стало тяжело дышать, и он надел на лицо маску. Секунду назад он шутил со мной, а теперь задыхается. Это невыносимо. Я сжала челюсти и посмотрела в окно, чтобы не заплакать.

Рэй отдышался и снял маску.

— Ну же, милая, не кисни. Давай будем верить в хорошее, — его ладонь прошлась по моей руке от локтя к запястью, вызвав взрыв тактильных ощущений.

Господи, я хочу, чтобы этот мужчина касался меня до конца моих дней!

— Я верю, Рэй.

— И я.

Я положила голову на подушку рядом с ним и закинула на кровать ноги. Возле него, даже здесь, в палате интенсивной терапии, я чувствовала себя защищенной.

— Можно потрогать? — спросил меня муж и взглядом указал на живот.

Я кивнула. Его теплая ладонь, забравшись под робу, легла на мою кожу, и я представила себе, как его энергетика передается нашему ребенку — сквозь слои эпидермиса, ткани, плаценту. Если в этой ситуации что-то и могло подарить мне капельку счастья, то это была его рука на моем животе.

— Мне нужно идти. Я все еще заведующая кардио, — сказала я, убирая его руку с живота.

— Иди, а я посплю.

— Правильно, тебе нужен отдых.

Я поцеловала его в губы, встала и одернула на себе халат. Ожидание результатов от Кэтрин убивало, и мне нужно было срочно занять себя чем-то стоящим. Например, Джамалом Айшва.

Я вышла в коридор, прокручивая в голове данные из его карты, и чем больше я вспоминала, тем яснее перед глазами вставал вопрос — как он дожил до такого возраста, имея трехкамерное сердце?! Этот вопрос заставил меня ускорить шаг. Мне хотелось немедленно посмотреть на этого мальчика, чтобы понять — в чем кроется его секрет, ведь дети с таким диагнозом редко доживают до года! Или хирурги в Индии придумали чудомикстуру, о которой я ничего не знаю? А может быть, он просто последователь йоги? Как же мало я знаю об индийской медицине!

Я летела к пациенту, уже имея в голове план обследования — электрокардиограмма, рентген грудной клетки, доплерэхокардиография для определения транспозиции митральных сосудов, и ангиокардиография. Зондирование полостей сердца мне было нужно,

чтобы определить показатели насыщенности крови из камер сердца кислородом и форму единственного желудочка.

Как только двери лифта выпустили меня на этаж кардиохирургического отделения, я подошла к посту медсестер и заказала все необходимые анализы и исследования. Я была возбуждена, поскольку надеялась, что сегодня же получу все необходимые результаты и завтра смогу провести операцию Фонтена. Это сложнейшее хирургическое вмешательство, которое я никогда раньше не делала в одиночку. Я видела учебный фильм, ассистировала Майклу Дебейки, чем весьма горжусь, но сама собиралась делать ее впервые!

После того, как все распоряжения медсестрам были розданы, я, наконец, добралась до палаты 4001, в которой у нас традиционно оказывались пациенты, поступающие по благотворительным программам, как различных американских фондов, так и зарубежных.

Я увидела играющего в приставку смуглого мальчика с круглым лицом и необыкновенно ясными бирюзовыми глазами. Он был худощав, и немного походил на страдающего анорексией, но больше всего пугали его синюшные губы.

— Привет, Джамал! — я улыбнулась. — Меня зовут доктор Соул, и я помогу тебе.

— Добрый день, доктор Соул! — ответил мне мальчишка на чистейшем английском, и улыбнулся мне в ответ, обнажив свои аккуратные ровные зубы.

— Ты очень хорошо говоришь по-английски! — похвалила я его.

— Я очень люблю канал Дисней! — пояснил мне мальчишка, — Его можно смотреть только по спутнику и на английском языке. Поэтому я решил его выучить сам.

— Ты большой молодец!

— Спасибо.

Я огляделась в палате, пытаясь обнаружить присутствие кого-то, кто ухаживает за ребенком, и мой взгляд зацепился за ярко-оранжевое женское пальто, висящее на вешалке.

— С тобой прилетел кто-нибудь из родственников?

— Со мной моя сестра, Индира. Она вышла в буфет.

— Очень хорошо, — я одобрительно покачала головой. — Джамал, через пару часов тебя заберут на зондирование, а на завтра я назначу операцию. Тебе не стоит ничего бояться, я позабочусь о тебе.

Мальчик настороженно посмотрел на меня.

— Вы тут, что ли, главная?

Я рассмеялась, плененная его детской непосредственностью.

— Да, командую здесь я. Так что — доверься мне.

— Хорошо, доктор Соул.

— До встречи в операционной, Джамал!

Я помахала ему рукой и вышла в коридор, намереваясь сходить проведать Итона. В эту минуту телефон в кармане протяжно завибрировал. Это была Кэтрин. Я с замиранием сердца нажала на кнопку ответа вызова.

— Слушаю.

— Линда, мне очень жаль.

От ее слов я как-то сразу ссутулилась и согнулась под тяжестью предстоящих новостей. Сердце упало в желудок, а на глаза навернулись слезы.

— Почему? — только и смогла выдавить я.

— Несовместимые группы крови.

Черт! Я сжала кулак и несколько раз ударила им по стене. Благо в этот момент в коридоре никого не было.

— Линда, что же нам делать? — дрожащим голосом спросила меня Кэтрин.

Шестеренки в моей голове вращались с бешеной скоростью. Что делать, Линда? Что делать? Я ходила по коридору взад — вперед, и судорожно искала выход из ситуации. Поток мыслей начался сам собой, и я прервала молчание.

— Во-первых, я попрошу своих друзей сдать тесты на совместимость. Возможно, кто-то подойдет.

— А если нет?

— Во-вторых, послезавтра я лечу в Марокко. Я найду Кевина, если он жив.

Часть I. Глава 34

Глава 34.

Мы сидели в аэропорту «Шарль де Голль» и жевали гамбургеры. Сэм поднял с пола рюкзак и достал оттуда две банки своего любимого «Dr Pepper».

— Держи! — он открыл одну из банок и протянул мне.

— Угу, спасибо! — сказала, прожевывая крупный кусок булки, который за секунду до этого момента отправила себе в рот.

Газировка была как нельзя кстати. Французы делали до ужаса невкусные, пересоленные гамбургеры. Ничего похожего на настоящий американский бургер. Жалкое подобие.

Мы летели в Касабланку французскими авиалиниями с пересадкой в Париже, и до следующего рейса оставалось чуть больше получаса. Мы проторчали в аэропорту почти четыре часа, и за это время я почти одурела от французской речи с горловым булькающим «эр».

В школе я решила выделиться и выбрала в качестве иностранного языка русский, в то время как большинство моих товарищей пошли учить французский. Сэм оказался умнее, верно рассудив, что на французском языке говорят чаще, чем на русском. Вот и теперь его знания оказались весьма кстати. Французский был неофициальным третьим языком в Марокканском королевстве, после двух государственных — арабского и берберского. К тому же, знания французского и умение булькать буквой «эр» в горле помогали Сэму подшучивать надо мной все время, что мы провели на территории главного аэропорта Пятой Республики.

Наконец, диктор по громкой связи объявила посадку на наш рейс.

— Слава Богу! — выдохнула я, затем встала и размялась.

От долгого сидения на неудобных креслах, моя пятая точка сплюснулась и, как мне показалось, даже слегка окаменела.

Мы летели до Парижа почти восемь с половиной часов, и каждую минуту во время этого перелета я благодарила Бога за то, что у меня есть Сэм. Я не знаю, смогла бы я все это организовать и повернуть самостоятельно. Наверное, ради спасения Рэя, смогла бы. Но с Сэмом все было гораздо проще.

Позавчера вечером, после долгой, почти десятичасовой операции на сердце Джамала, я зашла в кабинет Сэма и подала заявление на увольнение. Я не могла больше подставлять его и пускать отделение на самотек. Достаточно было моих отлучек и личных проблем. Но вместо того, чтобы подписать его и сказать мне, какая я дура, раз решилась сломя голову лететь в незнакомую арабскую страну, он отложил бумагу в сторону, протянул мне чистый лист и приказал писать заявление на отпуск по семейным обстоятельствам.

— Такие опытные хирурги на дороге не валяются, Ли. Я не буду подписывать это, — сказал он мне, а сам тем временем тоже начал что-то строчить на листе бумаги.

Когда я подала ему новое заявление, он поставил под ним подпись, взял в руки свой бланк и вышел из-за стола.

— Никуда не уходи. Я сейчас вернусь.

Как оказалось, он поднимался в правление, чтобы подписать отпуск и для себя.

— Или мы летим туда вместе, или не летит никто! — заявил он мне по возвращению.

— А как же Марго? — поинтересовалась я.

— Меня никто здесь больше не держит, Ли. — Ответил Сэм, и я прочитала в его глазах огромное желание покинуть это место хотя бы на какое-то время.

До Касабланки оставалось лететь что-то около четырех часов, так что, оказавшись на борту самолета, я достала планшет и включила фильм «Секс в большом городе 2», который как раз вышел в этом году. Мне было тревожно от мыслей о том, что через несколько часов я второй раз за ноябрь окажусь в лете, но не на прекрасном греческом острове, а среди женщин, завернутых в паранджу, и мужчин со строгими загорелыми лицами.

Действие фильма разворачивается в Абу-Даби, так что я с интересом погрузилась в сюжет. Абу-Даби, Марокко — все из одного теста.

Сэм уснул.

Наш лайнер развернулся в небе над Парижем и взял курс на северную Африку.

К сожалению, фильм закончился задолго до того, как мы приземлились в аэропорту Касабланки. Оставшееся время полета я предавалась тяжелым мыслям о Рэе, нашем ребенке, и Кевине — который оставался последней призрачной надеждой на наше счастье.

Перед тем, как улететь, я получила от Кэтрин всю информацию, которая у нее была относительно Кевина. Как оказалось — Кевин и Рэй близнецы, и были очень дружны. Мне стало понятно, почему Рэй практически никогда не упоминал при мне Кевина — связь между близнецами очень сильная, и ему было тяжело говорить об исчезнувшем брате. К тому же, Рэй родился на четыре минуты раньше своего брата, и всегда считал себя обязанным его защищать.

Кевин с детства имел страсть ко всему древнему и загадочному, поэтому никого не удивил его выбор профессии. Он окончил Университет Бригама Янга в городке Прово, штат Юта, и имел две ученые степени бакалавра — по истории и изучению стран Ближнего Востока и Африки.

После учебы он побывал на раскопках во многих странах — Египте, Мексике, Италии, и даже в России. Но в последние годы он просто бредил историей древнего Рима. Кевин поступил волонтером в команду археологов, под руководством профессора Хизер Маккилоп, которая в 2006 году направилась на раскопки древнейшего города римлян Волюбилиса, расположенного у небольшого города Мулай — Идрис, неподалеку от шоссе, соединяющего столицу Марокканского королевства Рабат с городом Фес.

Я знала, что на месте раскопок был разбит палаточный лагерь, и что американцам

помогали несколько местных жителей из деревни, расположенной поблизости. Кэтрин знала имя только одной девушки, которая брала у обитателей лагеря одежду на стирку — Айур, что в переводе с берберского означало «луна». Именно она, по словам Кэтрин, последней видела Кевина на местном продуктовом рынке в день его исчезновения.

Экспедиция давно свернула свою деятельность, и никто из тех, кто был в Марокко вместе с Кевином, не знал, куда он мог пропасть. Или не хотел говорить.

Что ж. Все ниточки вели к этой девушке с лунным именем. Я надеялась, что она жива и все еще живет в той деревне.

Я ничего не знала о местных законах, обычаях и нормах, и жутко боялась вляпаться в какую-нибудь неприятную историю. Успокаивал только мирный храп Сэма на соседнем сиденье.

Он проснулся только тогда, когда шасси самолета коснулись земли.

— Приехали, — сказала ему я, не в силах сдержать волнение.

Первым, что я увидела в иллюминаторе, были пальмы. Их было так много, что у меня зарябило в глазах. Пальмы, песок, мужчины в длинных бежевых платьях, наподобие суган наших священников — экзотика этого места просачивалась сквозь обивку лайнера, как вода сквозь пальцы.

«Дамы и Господа! Наш самолет совершил посадку в международном аэропорту Муххамед Пятый, города Касабланка, Королевства Марокко. Температура за бортом 19 градусов тепла. Экипаж корабля желает вам приятного отдыха и благодарит за выбор нашей авиакомпании».

Мы прослушали речь капитана, и Сэм потянулся наверх за ручной кладью. Выходить на улицу в теплых свитерах под горло и зимней обуви было безумием.

— Ты первая — сказал он, бросая мне мой рюкзак со сменной одеждой.

Я встала со своего места, и, проталкиваясь через толпу пассажиров, движущихся к выходу, направилась в туалет.

Мы с Сэмом последними покинули самолет.

На улице стояла ветреная и теплая погода. Ветер был порывистым, прохладным, наглым. Он поднимал ввысь песчинки и кружил их в воздухе. Через несколько минут я поняла, что песок скрепит уже у меня на зубах.

Покончив с процедурами паспортно-визового контроля, мы вышли из здания терминала на улицу.

Какого-то определенного плана действий у меня не было, и сейчас я об этом очень пожалела.

— Что дальше? — спросила я у Сэма.

— Нужно выяснить, как добраться до Мекнеса, — он расправил карту Марокко и стал внимательно ее рассматривать, — это ближайший к раскопкам крупный город. Там переночевать и уже оттуда вести поиски. А также было бы неплохо заручиться поддержкой консульства.

Он достал свой смартфон и начал искать в Google адрес американского диппредставительства в Касабланке. В отличие от меня, у Сэма нарисовался хоть какой-то план.

— Ты думаешь, у нас получится?

— У нас нет выбора, Ли! — ответил он мне, не отрывая взгляда от экрана смартфона.

Я поставила рюкзак на горячий асфальт и уселась прямо на него. В своих обтягивающих

джинсах, легкой майке с рукавами «три четверти» и распушенной багряной шевелюрой, я притягивала к себе осуждающие, почти что злобные взгляды местных мужчин, которые все до единого носили на голове что-то вроде тюрбана и имели легкую небритость на лице, которая делала их и без того недружелюбный внешний вид еще более зловещим. Я словно оказалась в стране Али-Бабы и его сорока разбойников, которые жаждали моей крови.

Сэм тем временем вертел телефон в руках, пытаюсь обнаружить сеть.

— Может у местных спросить? — предложила я.

— Хорошая идея.

Он отошел от меня на пару шагов и остановил какого-то мужчину. А я тем временем подняла глаза на небо.

Надо отдать должное марокканскому небу — прозрачному, нежно-голубому, с легкой дымкой белых облаков, которые тянулись по нему, словно нити паутины. Солнечный диск здесь казался крупнее и ярче. Я залюбовалась и не заметила, как ко мне подошел пожилой мужчина, который вертел в зубах деревянную курительную трубку.

Я заметила его, когда тень от его туловища загрозила мне солнце. Приспустив очки на переносицу, я с недоумением посмотрела не него, посылая ему немой вопрос — что тебе надобно, старче?

Старик скривился, обнажив свой наполовину беззубый рот с остатками пожелтевших клыков, а затем неожиданно для меня наклонился и прошипел мне в лицо:

— Sharmutta![1]

После чего сплюнул на землю и удалился, шаркая ногами. Я не знала, что значит его шипение в переводе на английский, но нутром чувствовала, что это совсем не комплимент.

Мне сразу стало не по себе. Я посильнее натянула рукава на руки и обхватила себя за плечи, молясь, чтобы Сэм скорее закончил свой разговор.

Господь услышал мои молитвы, и через пару минут мой друг шагал ко мне с улыбкой на лице.

— Что значит «Sharmutta» на берберском? — первым делом спросила я у него.

Он пожал плечами, почесал затылок и выдал мне свой вариант перевода.

— Звучит, как шарманка. Может быть, это местный музыкальный инструмент?

— М-да, то есть тот старик обозвал меня шарманкой? — усомнилась я.

— С тобой кто-то из местных заговорил? — в его глазах появилась тревога.

— Да. Какой-то пожилой араб одарил меня своим шипением и смачно сплюнул возле меня.

Сэм сжал кулаки. Желваки на его лице начали ходить туда-сюда. Я даже пожалела, что сказала ему об этом инциденте. Чего доброго — броситься за этим мужланом, и переломает ему ребра. Марокканской тюрьмы нам только не хватало до полного счастья.

— Тсс..., не переживай! — поспешила я его успокоить, — Мелочи. Даже если он меня оскорбил — я сама виновата. Знала, что еду в мусульманскую страну, могла бы и одеться поприличнее.

— Ты ничего им не должна, — буркнул он мне в ответ.

— Ладно, ты что-то выяснил? — я решила перевести разговор с опасной темы.

— Да. Тот мужчина, с которым я говорил, — его зовут Изил, — согласился за деньги нам помочь.

— Сколько?

— Десять тысяч долларов.

Я присвистнула. Хорошие аппетиты у арабов, ничего не скажешь.

— А что взамен? — я бросила на мужчину, стоящего в отдалении и ждущего нашего решения, скептический взгляд.

— Он будет переводчиком и проводником. Он также предложил нам кров на сегодняшнюю ночь, поскольку ехать в Мекнес, по его словам, сегодня уже поздно.

Я еще раз посмотрела на мужчину — он казался приветливым, а заметив мой пристальный взгляд, расплылся в широкой улыбке и начал махать рукой.

— Что ж, переводчик и проводник нам не помешает.

Две головы хорошо, а три лучше, — подумала я, и улыбнулась мужчине в ответ.

[1] Шлюха — Транскрипция, араб.

Часть I. Глава 35

Глава 35.

Мы тряслись на заднем сиденье двухдверного, проржавевшего черного Fiat Bravo с тонированными окнами. Машине было не меньше пятнадцати лет на вид. Окна не закрывались до конца, а одна из дверей была привязана к пассажирскому сиденью бечевкой.

Автомобиль, за рулем которого был нанятый нами проводник и переводчик Изил, уже около двадцати минут петлял по грязным и узким улочкам медины — старого города Касабланки.

До этого мы прокатились в сторону порта, где наш новый знакомый, не скрывая гордости и восхищения, показал нам мечеть Хассана, построенную на искусственном продолжении утеса, и словно плывущую по волнам океана. Как пояснил нам Изил, минарет мечети Хассана считается самым высоким в мире, а сама она по своим размерам уступает только двум мечетям в культовом городе мусульман Мекке.

Он с таким восторгом рассказывал нам о ее внутреннем убранстве, просторах и стеклянных проемах, раздвижной крыше в марокканском стиле и хамаме с огромным бассейном, о парящих под ее сводами птицах и итальянских люстрах, что я решила обязательно вернуться сюда еще раз вместе с Рэем. Китай и Грузия подождут.

После остановки у мечети, Изил решил, что из него получается неплохой гид, и потащил нас к протестантскому собору Sacre Coeur, с потрясающими витражами и толпой торговцев у входа.

Эти милые люди, распознав в нас американцев, наперебой начали предлагать нам Rolex по 10 долларов, уверяя вполне деловым тоном, что у швейцарской фирмы есть какой-то тайный договор с марокканскими дельцами, и поэтому такая цена для известной марки обычное для Касабланки дело. Мне было очень смешно, я даже на какое-то время позабыла обо всех своих проблемах. Я смотрела на Сэма, который неумело отбивался от обступивших его мужчин, и хотела рассмеяться в голос. Но случай у аэропорта поубавил мой пыл. В этой стране лучше быть незаметной и тихой. Так надежнее.

После собора Изил предложил нам проехаться еще по ряду достопримечательностей, и в другой ситуации, оплачивая его услуги в сумме десяти тысяч долларов, я скорее согласилась бы, но устав от длительного перелета и переживаний, хотела как можно скорее принять душ и вытянуть ноги.

Так что следующим нашим пунктом стал его дом. Как рассказал нам Изил, он родом из небогатой семьи оливеров, производителей оливкового масла. У его отца на местном рынке была своя палатка, а сам он помогал ему с производством, и в свободное время

подрабатывал таксистом в аэропорту.

Несмотря на всю его внешнюю простоту и открытость, прекрасный французский язык, который понимал даже дилетант — Сэм, легкое чувство настороженности не покидало меня. Так что я незаметно для всех отправила сообщение Миранде.

«Мы в Касабланке. Долетели хорошо. Наняли проводника. Имя — Изил. Автомобиль марки FIAT Bravo, черного цвета, государственный номер 29983 I 50. Позже напишу его домашний адрес. Сохрани эту информацию. Если я не выйду с тобой на связь в течение 12 часов — передавай эти данные в полицию и американское консульство в Марокко».

В ответ пришло коротенькое «Ок. Рэй стабилен».

Увидев любимое имя, я слегка улыбнулась. Спасибо, Мэнди.

Обезопасив себя таким образом от возможных неприятностей, я немного расслабилась.

Водитель что-то тараторил, перемешивая теперь в своей речи арабскую и французскую лексику, так что даже Сэм перестал понимать, о чем он говорит.

Более цивилизованные окраины медины, где еще встречались магазинчики, маленькие кафе и выбеленные дома, сменились улицами, которые напомнили мне бразильские фавеллы.

Широкие окна уступили место маленьким окошkam с грязно-коричневыми ставнями, краска на домах облезла, обнажив старый серый кирпич. Некоторые из стен были расписаны ужасным граффити в виде женщины в парандже, или человекоподобной собаки, восседающей на унитаза. На дорогах валялся мусор, а прохожие сторонились друг друга, словно опасаясь нападения.

Чем дальше мы заезжали, тем больше я убеждалась в том, что поступила правильно, написав Миранде сообщение.

Мы несколько раз чуть не сбили мотоциклистов, и каждый раз, когда это случалось, Изил громко выкрикивал в окно какие-то ругательства, а я вжималась в спинку сиденья и молилась.

— Тебе не кажется, что мы немного ошиблись с выбором проводника? — шепотом спросила я Сэма, после того как мы в очередной раз чуть не столкнулись со скутером.

— Теперь уже поздно спасаться бегством. Темнеет, к тому же мы забрели в такие трущобы, что сам черт отсюда не найдет выход без проводника, — так же шепотом ответил мне Сэм.

Влипли, — подумала я и прижалась к Сэму. Африканское солнце все ниже клонилось к закату, а в открытое окно машины стал дуть совсем не летний ветер.

Температура на улице резко снижалась, заставляя меня дрожать от холода и мечтать о чашке горячего чая.

К тому же, наконец, проснулся и мой желудок. И хотя запахи нечистот с улиц совсем не способствовали аппетиту, я была готова проглотить слона.

— Сэм, спроси у него, долго нам еще ехать? Я умираю с голоду.

Он повторил вопрос по-французски и наклонился поближе к водительскому креслу, чтобы лучше слышать ответ.

— Говорит скоро, еще пара поворотов.

Я с облегчением выдохнула.

— А ужин входит в стоимость нашего пакета услуг? — пошутила я.

— Сейчас узнаю, — ответил мне Сэм с улыбкой.

Он вновь заговорил по иностранному языку, а я стала ждать, когда в воздухе прозвучит

единственное французское слово, которое я знала — «oui».

Услышав его, я откинулась назад и прикрыла глаза, в надежде, что заветная тарелка с едой вскоре окажется перед моим носом.

Неожиданно со всех сторон послышались протяжные голоса муэдзинов, призывающих жителей к вечерней молитве. Наш водитель резко остановился, припарковал машину на узкой улочке, и выскочил наружу.

Я была готова взорваться. Он что, решил бросить нас, запертыми в машине в старом квартале мусульманского города?!

Когда его голова просунулась в открытое окно, мне захотелось треснуть ему по лбу. Я с трудом сдержалась, выдавив из себя вежливую улыбку. Уважать местные традиции и порядки учит нас любой путеводитель. Особенно если ты в Касабланке, вечером, в трущобах медины.

Мужчина что-то быстро проговорил, затем скрылся из вида.

— Он извинился и попросил его подождать. Вечерний намаз — обязательная молитва.

— Черт! — выругалась я, чувствуя подкаты тошноты и бурчание желудка.

— Плохая была идея, — признал свою ошибку Сэм.

— Да уж.

Мы отвернулись друг от друга в разные стороны и сделали вид, что внимательно рассматриваем вечерние улицы, хотя рассматривать там откровенно было нечего.

Спустя долгие, показавшиеся мне вечностью, полчаса Изил вернулся, и, как ни в чем не бывало, продолжил рассказывать нам о чем-то своем.

Мне уже было все равно. Я готова была уснуть голодной, прямо в этой старой и холодной машине, на плече у Сэма.

Наконец, мы въехали на небольшую площадь, в центре которой было нечто похожее на сквер с парой деревянных лавочек, и несколькими чугунными фонарями, освещавшими неприглядную, залитую чем-то бурым брусчатку.

Наш проводник остановил машину возле небольшого двухэтажного здания, второй этаж которого был недостроен, и представлял собой что-то среднее между хибарой жителей Чада, которые мне довелось увидеть, и сараем в саду моего отца, в котором он хранил инструменты.

Стена над дверью в дом была обложена убогой коричневой плиткой, а справа от двери в большом глиняном горшке стояла почти лысая пальма.

В двух окнах первого этажа горел свет. Изил вышел из машины, жестом попросив нас подождать. Затем что-то пояснил Сэму.

— Он сказал, что его жена не должна меня видеть, поэтому он сейчас скажет ей приготовить для нас ужин и постель, и закрыться в своей комнате. Только после этого мы можем войти в дом.

— Боже, сколько сложностей! — выдохнула я, смирившись уже со своим жалким положением приживалки в арабском доме.

Через несколько минут хозяин дома вернулся за нами.

Внутри было все очень просто, но чисто. Цвет стен немногим отличался от улицы, на полу лежали плетеные коврики, а вокруг окон была выложена традиционная марокканская геометрическая мозаика в бело-голубых и желтых тонах.

На полу нас ждали два матраса с подушками и одеялами из верблюжьей шерсти, а по центру комнаты был накрыт низкий стол с огромной тарелкой кускуса и двумя чашками чая,

от которых шел ароматный дымок.

Я была готова просто упасть на свой матрас и забыться сном младенца.

Изил показал нам дверь в туалет и душ, поклонился и ушел в соседнюю комнату.

Мы с Сэмом устало плюхнулись на пол, и с жадностью набросились на еду. Блюдо, несмотря на свою простоту, оказалось божественно вкусным. Приправленная куркумой и мятой, пшеничная крупа таяла во рту. А тушеное на пару мясо ягненка сочилось и оставляло после себя нежное послевкусие лимонного сока.

После еды ко мне вернулась ясность ума. Я сделала несколько глотков бодрящего мятного чая и укуталась в одеяло.

— Я надеюсь, ты еще не отдал ему деньги? — спросила я у жующего Сэма.

— Нет. Мы договорились, что деньги он получит по возвращению в Касабланку. Независимо от того, найдем мы Кевина или нет.

— Хорошо, — я кивнула. — Это правильно.

— Я спрятал нужную сумму в подкладке рюкзака.

— Боже, Сэм! Кто же так делает? Нужно было оставить их на карте!

Сэм отставил тарелку и вытаращился на меня.

— Ты ему не доверяешь? — спросил он меня.

— Я в этой стране никому не доверяю.

— Линда, все будет хорошо. Изил порядочный человек.

— У него на лбу это что ли написано? — вскипела я.

— Тише-тише, мы в чужом доме. — Шикнул на меня Сэм.

— Я надеюсь, я очень сильно надеюсь, что мы благополучно доберемся до этого проклятого Волюбилиса, найдем там Кевина и живыми вернемся в Касабланку.

Я обижено надула губы и отвернулась к окну. Где же я нахожусь? Что это за место? Я обещала Миранде прислать этот адрес. Я осторожно выглянула за дверь и посмотрела на стену дома. Ничего. Ни улицы, ни номера дома. Единственным способом прояснить адрес остался мой телефон и встроенный в него навигатор. Я открыла карту и нажала кнопку «определить местоположение». Аппарат радостно замигал, выдав мне только координаты — широту и долготу. Что ж, Мэнди, придется тебе ознакомиться с системой координат.

Я скопировала цифры в буфер обмена и вставила их в текст сообщения. Затем нажала «отправить».

Следующий сеанс связи утром. Спокойной ночи, Мэнди. Спокойной ночи, Рэй.

Часть I. Глава 36

Глава 36.

Я проснулась рано утром, закутанная в одеяло до самого носа. Холод был жуткий. Не больше 8 градусов, да еще и в неотапливаемом помещении с открытыми нараспашку окнами. Я приоткрыла глаза и увидела перед собой тощие мужские щиколотки, покрытые густой черной растительностью. Подняв взгляд выше, я поняла, что хозяин дома убирает за нами со стола. К его уху был прижат мобильный телефон времен зарождения сотовой связи — огромный, черный, с толстой короткой антенной, напоминающий рацию. Он говорил очень тихо, к тому же на берберском, но одно слово он повторял чаще остальных — Мекнес.

Несмотря на мои нулевые познания арабского, смысл этого слова я понимала. Он говорил о городе, в который мы направлялись. И в эту минуту я начала молиться, чтобы тот, кому он твердил что-то по телефону, оказался его родственником, а не сообщником в планируемом преступлении.

Изил неудачно задел рукой железную ложку, и она со звоном упала на бетонный пол. Противный звон раздался в нескольких сантиметрах от моих барабанных перепонок. Скрывать свое пробуждение больше не было смысла, так что я присела и попыталась натянуть на лицо приветливую маску.

— Привет! — сказала я ему по-английски, надеясь, что хотя бы это слово ему знакомо.

Мужчина замешкался, кивнул мне, подобрал с пола упавшую ложку, и затем начал что-то быстро тараторить, указывая рукой на вторую дверь, откуда доносилось лязганье посуды и запах кипяченого молока.

— Завтрак? — спросила я, и, видя, что он не понимает меня, начала жестикулировать, изображая прием пищи. Он улыбнулся и одобрительно закивал.

Сэм спал как убитый, не обращая внимания ни на звон упавшего столового прибора, ни на нашу трескотню.

Я встала и прошла к умывальнику. Еще накануне выяснилось, что душа, как такового, в этом доме нет. Вместо привычной мне душевой кабины, или хотя бы акрилового поддона, меня ждала раковина, огромная дыра в полу с хлипкой решеткой, служившая сливом, и длинный шланг с лейкой, который крепился к крану на раковине, превращая ее в душ.

В комнате было сыро. Вода, которой мы с Сэмом вчера залили пол, не до конца ушла в сливное отверстие, и теперь создавала вполне реальную угрозу поскользнуться на ней и упасть.

Ступая на носочках, я прокралась к крану, пальцем почистила зубы и умыла лицо. Мы забыли в багажнике машины свои сумки, поэтому приходилось выкручиваться без привычных средств гигиены.

Когда я вошла обратно в комнату, Сэм уже уминал за обе щеки какое-то странное блюдо, нахваливая его при этом самыми красочными эпитетами.

— Линда, это божественно! Иди, попробуй! — сказал он мне, жестом приглашая присоединиться к завтраку.

Я бросила недоверчивый взгляд на глиняную миску, которая предназначалась мне, а затем на довольного Сэма, и решила, что друг плохого не посоветует.

Изил, стоявший чуть в отдалении от стола, убедившись, что я согласилась попробовать, расплылся в широкой улыбке, оголив свои пожелтевшие зубы. Посещение стоматолога в Марокко явно не входило в план обязательных мероприятий.

Я посмотрела на содержимое тарелки — большие куски булки, изюм, половинки фиников, кокосовая стружка, и все это залито горячим молоком с медом. Несмотря на свой несколько отталкивающий вид, комбинация ингредиентов пробуждала аппетит. Я положила первую ложку пищи себе в рот, и чуть не закричала от восторга.

— Сэм, это действительно очень вкусно!

— Ом-Али! — прокомментировал мой восторг хозяин дома.

— Что? — я переспросила его.

— Это блюдо называется Ом-Али. — Вставил довольный Сэм, который принялся вылизывать тарелку.

Я прыснула от смеха, наблюдая за этим странным зрелищем — крепкий, здоровый мужчина, вылизывает остатки еды с тарелки.

— Когда мы выезжаем в Мекнес? — спросила я.

Сэм повторил мой вопрос нашему проводнику.

— Он говорит, что нужно поторопиться. Мы поедем на электричке до Рабата —

столицы Марокко, а оттуда на поезде до Мекнеса. Если не случится форс-мажоров, часов через пять будем в Мекнесе.

— Отлично. Я готова.

Мы встали из-за стола и вышли на улицу. Холод, царивший снаружи, сковывал до костей. Я с нетерпением ждала, когда наш проводник откроет машину и впустит нас внутрь.

При свете солнца улицы медины уже не казались такими зловещими, но грязь и мусор стали сильнее бросаться в глаза.

Вспомнив о том, что обещала связаться с Мирандой, я послала ей сообщение: «Едем на вокзал. Электричка до Рабата, оттуда поезд до Мекнеса. Пока живы и при деньгах. Как Рэй? Следующее сообщение через 12 часов».

Через минуту телефон пискнул, оповещая о новом смс.

«Показатели падают. Сильвия делает все, что может. У нас есть всего пара-тройка дней. Найди его».

Сердце сжалось от ужаса, а на глаза навернулись слезы. Еще вчера вечером он был стабилен, а сегодня утром такие новости. Болезнь прогрессирует очень быстро, а я трачу драгоценное время на осмотр марокканских достопримечательностей и знакомство с местной кухней. Чувство вины захлестнуло мой разум. Как могла я потерять целый день в Касабланке, катаясь на ржавой машине в компании сомнительного типа?! Теперь только чудо поможет мне найти Кевина за пару дней и привезти его в Америку. Его отец, со своими связями и деньгами, не смог этого сделать за три года. А что могу я? С Сэмом под рукой и огромной любовью в сердце? Вот и весь мой капитал!

— Линда, что с тобой? — Сэм заметил перемену моего настроения и мгновенно посерьезнел.

— Рэю хуже. — Слова застревали у меня в горле.

— Мы найдем его, детка. Я нутром чую, найдем.

Я положила голову на плечо друга и всхлипнула. Нужно взять себя в руки. Или до завтра я найду тебя, Кевин Скайфилд, или стану беременной вдовой. Второй вариант мне не нравился ни под каким соусом, поэтому я приказала себе успокоиться и поверить в победу.

Изил бросил машину прямо на тротуаре перед входом в железнодорожный вокзал «Каса Вояджерс». Мы с Сэмом уселись на деревянные лавки в зале ожидания, а проводник отправился в кассу за билетами.

Через полчаса мы тряслись в электричке в вагоне второго класса. Грязные, дурно пахнущие вагоны, напоминали загоны для скота. Обивка сидений была изрезана, и из-под нее выбивались крупные куски поролона. Полы и окна в нашем вагоне не мылись, наверное, никогда. Такой грязи и пыли я не видела уже давно. Мне было противно не то что, ехать в этом вагоне, но даже присаживаться на свое место.

Я усилием воли заставила себя достать из рюкзака упаковку влажных салфеток, протереть свое место от пыли и сесть.

Вагон набился как муравейник, и к запаху старой ржавчины и прогнившего дерева, примешалась смердящая взвесь из человеческого пота, мочи, чеснока и сигаретного дыма.

Сквозь черные от пыли стекла окон виднелись посадки из оливковых и финиковых деревьев, а также живые изгороди из опунции, тянущиеся вдоль железнодорожного полотна. Я старалась не шевелиться, чтобы ненароком не поймать носом очередной поток вони, витающей в вагоне.

Через час мы были на железнодорожном вокзале «Рабат-Вилль» столицы

Марокканского королевства и пересаживались на поезд до Мекнеса.

У нашего проводника вновь зазвонил телефон. Он отошел от нас и украдкой стал что-то шептать в трубку. Червь подозрения вновь стал грызть меня изнутри. Я решила поделиться своими сомнениями с другом.

— Сэм, он не кажется тебе подозрительным?

— Да нет, обычный араб.

— Мне кажется, он затевает что-то недоброе. Утром переговаривался с кем-то по телефону, и несколько раз произнес «Мекнес». Теперь вот опять с кем-то шепчется.

— Ли, если бы он хотел сделать что-то дурное — у него для этого была целая ночь и два обессиленных туриста из США. Мы живы, деньги на месте. Чего ты боишься?

Я и сама не знала, чего я боюсь. Это было похоже на отрезвляющие пощечины интуиции. Но ее в качестве улики к делу не приобщишь.

Мои размышления прервал поданный на посадку поезд. Он мало чем отличался от электрички по части комфорта и удобства, но зато в нем были отдельные отсеки, рассчитанные на четверых пассажиров, с маленьким столиком в центре и полукруглым диваном по периметру стола.

Все три часа, что мы провели в дороге до Мекнеса, я посылая вселенной сигналы, требуя как можно скорее доставить нас на место. В вагоне было нестерпимо жарко. Его жестяная крыша раскалилась на солнце, и помещение внутри превратилось в крематорий. Запахи человеческих тел усилились втрое. Я почувствовала приступ тошноты. Воспоминания о завтраке вместо волшебного послевкусия стали приносить болезненные спазмы в пищевод. Я с трудом сдерживалась, чтобы не вывернуть свой желудок наизнанку.

Наконец, поезд замедлил ход и плавно подкатил к перрону железнодорожной станции.

Я ринулась на свежий воздух с такой скоростью, которой сама от себя не ожидала. Сэм едва поспевал за мной.

Последним вышел Изил, который вновь говорил с кем-то по телефону. Положив трубку, он повернулся к Сэму и начал рассказывать ему что-то, указывая рукой на выход в город.

— Он говорит, что здесь живет его дядя, который согласился отвезти нас на своей машине в ближайший к раскопкам город — Мулай-Идрис.

— О, это великолепно! Значит, уже сегодня вечером мы сможем начать поиски той девушки, Айур.

Сэм кивнул, подхватил рюкзаки с пола, и мы дружно двинулись к выходу.

Когда Изил подвел нас к огромному «Chevrolet Captiva» черного цвета с тонированными стеклами, моя интуиция начала просто визжать от ужаса. Картинка не складывалась. Наш проводник стал заметно нервничать, пытаясь скрыть свой странный тик за широкой улыбкой. Его глаза бегали, а руки не находили себе места. Я бросила на Сэма тревожный взгляд и прошептала ему:

— Тебе не кажется, что уж слишком богатый у него родственник, чтобы подрабатывать таксистом?

— Не нравится мне все это... Может, здесь есть обычное такси? — ответил Сэм и начал вертеть головой в поисках машины.

Из внедорожника вышли трое арабов. Четвертый оставался за рулем. Животный страх в моей груди леденил душу, заставляя замирать сердцебиение. На лицах этих людей не было ни капли доброжелательности или гостеприимства. Они буравили нас взглядом, словно оценивали, как скот на рынке. Один из них кивнул водителю, после чего они резко

подбежали к нам, достав из-под подола своих странных платьев настоящие пистолеты, и затолкали нас внутрь автомобиля.

Шокированные таким поворотом событий, со связанными руками и кляпами во рту, мы с Сэмом оказались на среднем ряде семиместного кроссовера. К нашим головам приставили дуло пистолетов, а наш гостеприимный проводник тем временем обыскивал на переднем сидении наши рюкзаки.

Как же мы могли попасться на его удочку? Нужно отдать должное хитрости и актерскому мастерству этого человека. Он проявлял с нами просто чудеса гостеприимства, пускал в глаза пыль, обхаживал и успокаивал, как свиней перед забоем.

Я попыталась выть, но грязная тряпка во рту не давала звуку возможности выйти наружу. Слезы катились по моему лицу градом. Все пропало. Я не найду Кевина, скорее всего, буду изнасилована и убита вместе со своим ребенком, а Рэй умрет от печеночной недостаточности. Браво, Линда! Фенита ля комедия!

Машина тронулась с места, и нам надели на голову мешки. Только одно обстоятельство удерживало мое сознание от провала в глубокую черную бездну — мои сообщения Мэнди. Следующий сеанс связи должен был состояться уже через шесть часов. Я начала молиться, чтобы к этому времени мы с Сэмом были все еще живы, а Миранда правильно расценила мое молчание. Не подведи нас, подруга. Не подведи.

Часть I. Глава 37

Глава 37.

Нас привезли на огромную виллу, похожую на дворец султана. Я как будто оказалась в сказке про Алладина. Вокруг особняка был высажен великолепный сад с рядами финиковых пальм, огромными цветниками и журчащими водопадами. По территории сада свободно расхаживали павлины, а вдоль мощеных дорожек были расставлены статуи из камня размером в человеческий рост. Все это великолепие застилало глаза. К сожалению, не в нашем положении было восторгаться восточной роскошью. Мы едва передвигали от страха ноги, получая то и дело тумаки от похитителей. Мне было трудно дышать сквозь тряпку, а из-за слез на лице потекла тушь. Перетянутые тонкой веревкой руки горели. Сэм шел молча, периодически задевая локтями наших похитителей.

Если хозяин этого дома так богат, то зачем ему наши жалкие десять тысяч долларов? Или он хочет потребовать за нас выкуп? Мысли в голове пугались и выстраивались в логические цепочки в поисках ответов на эти вопросы, в итоге возвращаясь в никуда. Деньги этому человеку были не нужны. Может быть, мы попали к террористам, которые будут торговаться с правительством Штатов в попытке обменять нас на опасных заключенных? Тогда все очень плохо. Эти люди всегда держат свое слово. Они с легкостью отрубают головы и перерезают глотки. От этих мыслей меня затошнило.

Нас завели в просторный холл, выложенный мрамором, в центре которого стояла внушительных размеров малахитовая ваза с бьющей из ее сердцевины струей воды. Позади вазы располагалась широкая лестница с позолоченными перилами.

Возле стен была расставлена антикварная мебель, обтянутая красным бархатом, а в углах располагались громоздкие керамические кадки, из которых устремлялись ввысь пышные пальмы.

Наш лжепроводник внимательно слушал, что ему говорит один из вооруженных бандитов, при этом кивая головой.

Потом он подошел к Сэму, сказал ему что-то по — французски, и Сэм дважды моргнул

ему в знак того, что понял его. Тогда Изил достал из его рта тряпку.

— Линда, эти люди хотят, чтобы ты сделала операцию по пересадке сердца хозяину этого дома. Он в тяжелом состоянии. Здесь, в своей спальне, наверху.

Мои брови поползли вверх от удивления. Я замычала, качая головой. Изил подошел ко мне и тоже освободил рот от кляпа. Я глубоко подышала, и сплюнула на пол мелкие волокна, которые прилипли к моему языку.

— Что значит, сделала пересадку сердца? — я вытаращилась на Сэма, как будто это была его идея.

— Они говорят, если ты сделаешь операцию — нас отпустят.

— О, как благородно с их стороны!

Я была зла на весь белый свет. О какой операции в частном доме в Марокко могла идти речь? Где я возьму орган для пересадки, оборудование, ассистентов? Это самая настоящая авантюра!

— Сэм скажи им, что в таких условиях я не буду ничего делать! — для пущей убедительности я притопнула ногой. — Откуда они вообще узнали, что я хирург?

— Я рассказал это Изилу, когда мы познакомились. Сам не знаю, зачем это сделал. — Сэм виновато потупил взгляд.

— Переведи, что у меня нет ни оборудования, ни инструментов, ни лекарств, ни ассистентов, и что самое важное — у меня нет донорского органа!

Господи! Ну и влипла! И почему только этот богач при его деньгах и могуществе, не улетел на операцию в Европу или Штаты? Зачем ему понадобилось похищать американского кардиохирурга, у которого своих бед вагон и маленькая тележка? Несуразица какая-то! Черт бы побрал Сэма за его длинный язык!

Мой горе-товарищ перевел мою пламенную речь, чем не на шутку разозлил вооруженных арабов. Они что-то яростно закричали на своем языке, схватили меня под руки и поволокли по лестнице на второй этаж. Сэм остался внизу. Последнее, что я видела — как оставшиеся с ним головорезы повели его в выходу.

Я понятия не имела, что происходит, и только повторяла дрожащими губами «Господи, помоги!».

Меня протащили через холл второго этажа по персидскому ковру и буквально закинули в большую комнату, в которой царил полумрак. Когда мои глаза привыкли, я разглядела кровать с балдахином, несколько кресел в стиле Людовика XVI, шкаф с книгами, рабочий стол с лампой с зеленым абажуром. Шторы были наглухо задвинуты. На кровати лежал мужчина, который при слабом свете ночника читал какую-то увесистую книгу. Слева от его кровати на стене был закреплен медицинский монитор, показывающий работу сердца, с другой стороны кровати стояла стойка с капельницей. Его лицо имело жуткий синеватый оттенок, как у окоченевшего трупа. Он с трудом дышал, и почти не шевелился. Я посмотрела на монитор — тахикардия и мерцательная аритмия.

— Прошу меня извинить за столь необычный прием, мисс! — елеинным голосом сказал хозяин свадьбы на прекрасном английском, чем вызвал у меня искреннее недоумение.

— Кто вы?

— Меня зовут Басад Ассрам, я бывший член правительства короля Муххамеда VI. Мою должность вам знать не обязательно. У меня сердечная недостаточность четвертой степени, склероз митрального, аортального и трикуспидального клапанов, кальциноз и стеноз стенок аорты. Мое сердце больше не справляется со своей работой, но я считаю, что получил от

этой жизни слишком мало, чтобы уходить. То, что вы стоите здесь, передо мной — моя большая удача, мой последний шанс, как и ваш. Мы нужны друг другу, поэтому вы сделаете мне операцию по пересадке сердца. Завтра.

Мужчина на минуту замолчал, приводя в порядок сбившееся дыхание, а затем продолжил.

— По поводу операционной, персонала, лекарств и всего прочего, что вам может понадобиться — не переживайте. Я построил собственную операционную и оборудовал ее по последнему слову техники. У меня даже есть аппарат, который способен собрать с пола кровь пациента и, предварительно очистив, заливать ее обратно в артерии. Операционная располагается в подвале этого дома.

Моя челюсть отвисла, а волосы на голове встали дыбом. От неожиданности я потеряла дар речи.

— Я понимаю ваше искреннее недоумение, мисс Соул. Вы, очевидно, полагаете, что я мог бы совершенно спокойно получить лечение и уход в лучших клиниках мира, а не разыгрывать спектакль с вашим похищением, но все не так просто.

— И что же сложного в вашем положении? — спросила я, действительно перестав понимать что-либо.

— Дело в том, что я в опале. Король обвинил меня в государственной измене и лишил всех должностей. Поскольку я слишком известная персона, он не смог упечь меня за решетку, и придумал для меня гораздо более изощренную пытку. В качестве наказания я лишен возможности выезжать за границу, а в Марокко не делают операций по пересадке сердца. Таким образом, я просто умираю здесь, в своей резиденции под Мулай-Идрисом, в окружении развалин древнего Волюбилиса.

— Но вы могли бы пригласить хирурга сюда! Зачем похищать?

— Проблема в том, что раз нет пересадок, значит — нет органов. Убивать своих сограждан я не хочу.

— Но вы могли бежать в другое государство, попросить политическое убежище!

— Я несколько раз пытался пересечь границу, и каждый раз меня ловили. После того, как мое здоровье резко ухудшилось, я оставил эти попытки. Не в моем положении теперь бегать по пескам Сахары.

— Но неужели все так безнадежно для человека с вашими деньгами и именем? А как же международные связи, политики в других странах? Ведь вы могли бы развернуть публичную компанию в свою поддержку и в итоге добиться выезда в Штаты или Европу?

Мужчина рассмеялся, придерживая рукой грудь.

— Вот он — девственно чистый мозг американца. Вы думаете, что демократия повсюду? Что стоит где-то кому-то заявить во всеуслышание о своем несогласии с властями, как справедливость тут же восторжествует? Опомнитесь, милочка! Вы в мусульманском королевстве с очень жесткими законами и авторитарным правителем. Какие компании на улицах? У нас никто не будет церемониться с толпой. Единственный ответ, который получит любой человек, затеявший подобное — это тюремный срок!

Я была в полном замешательстве, где же собирался достать донорское сердце этот опальный министр? Ответ на этот вопрос заставил меня пошатнуться и схватиться за стену, чтобы не упасть.

— Я не могу совершить убийство мусульманина, но я могу сделать это с неверным. Тем более когда у меня под рукой один из лучших кардиохирургов Соединенных Штатов. Вы ведь

учились в Принстоне, верно? Я имею степень магистра по политической истории и экономике этого университета.

— Что вы хотите сказать? — мои колени начали дрожать, а сама я стала понимать, к чему он клонит.

— Ваш спутник — молодой, здоровый мужчина. Я думаю, его сердце — идеальный вариант для меня.

— Вы хотите убить Сэма и забрать его сердце? — спросила я, не веря своим ушам.

— Я знаю, кого вы здесь ищете, и могу указать верный путь. Но только если получу новое сердце. В противном случае — вы оба будете уничтожены. У вас есть время поразмыслить, мисс Соул. Или миссис Скайфилд? Как вам больше нравится?

Мои ноги больше не держали меня, и я просто повисла на руках моих мучителей. Этот мужчина просил меня о невозможном. Лучше смерть. Вот только чья?

— Я даю вам время подумать до утра. Вспомните своего мужа, и решите для себя, кто вам дороже.

— Это не пройдет для вас даром. Нас будут искать.

— Никто не будет искать вас в доме бывшего министра.

— А как же Изил? Нас видели с ним! Кто он для вас? Пешка, которую вы просто так уберете, как лишнего свидетеля? Почему бы вам тогда не забрать его сердце?

— Я же, кажется, ясно сказал — убивать мусульманина грех. К тому же сердце батрака в груди льва? Нет, это не мой случай.

Ах ты козлина! Мне захотелось кинуться на него с кулаками, брызгать слюной и лупить до потери сознания этого высокомерного поддонка. Я резко дернулась и сжала челюсти. Двое мужчин, удерживавших меня, с силой вцепились мне в предплечья, причиняя дикую боль. Я начала брыкаться и осыпать умирающего проклятиями.

Меня вывели в коридор и закрыли в комнате напротив. Где Сэм я не знала. Я подошла к окну в надежде сбежать, но на нем была двойная решетка.

Мои попытки открыть запертую дверь с помощью металлического язычка на ремне джинсов также ни к чему не привели. В результате я лишь расцарапала пальцы в кровь. Я легла на кровать и свернулась калачиком. Происходящее со мной напоминало кошмарный сон. Хотелось ущипнуть себя и проснуться в своей кровати, в нашем доме в Эдж-Уотере, увидеть улыбающееся лицо мужа, который требует отключить проклятый будильник и горячо целует меня в губы. От воспоминаний в горле встал ком. Первая слезинка скатилась по моей щеке до подбородка. В носу защипало. Только не раскисать, Линда! До связи с Мэнди всего пара часов. Она обязательно передаст информацию в полицию и американское консульство.

Призрачная надежда, державшая меня на плаву, светила в конце моего тоннеля, словно огарок свечи. Свет был слабый, дрожащий от порывов ветра, а я была от него так далеко! Но он был. Он горел, этот слабый свет надежды.

Часть I. Глава 38

Глава 38.

Я лежала и слушала тишину. В этом месте она имела свой, какой-то особенный, нервный звук. Она не расслабляла, не обволакивала, не умиротворяла. Эта тишина была сродни палачу, который прячется за шторкой, и ты ждешь, когда же пробьет твой час. Я прислушивалась к тишине, стараясь уловить хоть какое-то движение за дверью, этажом выше, или ниже. Я напрягала свои барабанные перепонки в попытках уловить звуки с улицы.

Но все было тщетно. Ни шороха, ни скрипа половицей, ни звука, ни голоса, ни шепота за дверью. Ничего. Это сводило с ума.

Я не знала, сколько времени провела в таком положении — свернувшись калачиком в позе эмбриона на широкой двуспальной кровати. Судя по багровым лучам, пробивавшимся через окно, день клонился к закату.

Я резко встала, сама не понимая причин своего внезапного нервоза. Меня затрясло от возбуждения. Пальцы потянулись ко рту, и я с остервенением начала обгрызать ногти. Это недопустимо для женщины, и тем более кардиохирурга, но я вцепилась зубами в указательный палец правой руки, словно вампир, который никак не может оторваться от источника горячей крови, до тех пор, пока не утолит свою жажду.

Моя кожа покрылась мурашками, а груди появился огромный кусок льда, который плавал там, словно парусник, курсируя между сердцем и желудком. Сначала замирало сердце, а через пару секунд спазм сковывал мышцы желудка. Эти неприятные ощущения бесили меня, заставляя нервничать еще и от того, что я никак не могу это прекратить.

Я начала ходить по комнате кругами, как будто совершая ведьминский обряд. Я не умела медитировать и снижать напряжение за счет умственной деятельности, поэтому решила, что мне нужна физическая нагрузка. С каждым шагом я двигалась все быстрее и быстрее, голова закружилась, дыхание сбилось. Я остановилась и села на пол.

Мои глаза оказались напротив белой двери. Я смотрела на нее, как на противника — оценивая свои возможности на победу. Ума Турман пробила кулаком крышку гроба в одном известном фильме. Может, и я смогу? Эта мысль в ту секунду мне показалась просто гениальной. Я оторвала кусок простыни, обмотала им правую ладонь, сжала ее в крепкий кулак и начала колошматить дверь, стараясь попадать в одно и то же место. Я была до тех пор, пока сквозь белую ткань не проступили кровавые пятна. Проклятое дерево даже не треснуло. Ни одна щепка не отлетела от него.

Мои губы задрожали, и я зарыдала, со злости начав пинать дверь ногами. Мне хотелось пронзять эту зловещую тишину своим криком и шумом. Я хотела знать, где Сэм, отправила ли Миранда информацию в полицию и консульство, жив ли еще Рэй, и не отправился ли на встречу с Богом жуткий владелец этого дома. Но еще больше я хотела есть и пить.

Наконец, в коридоре послышались голоса. Аллилуйя! Здесь, оказывается, еще есть живые люди. Я отошла от двери и встала в центре комнаты. Кто-то вставил в замочную скважину ключ и повернул им несколько раз. Что-то щелкнуло, и дверь открылась.

На меня уставились два дула автоматов. От удивления я даже присвистнула. Неужели я настолько опасна? Что ж, это могло мне польстить, но не в этот раз.

Я не двинулась с места и выкрикнула:

— Где Сэм, ублюдки? Что вы с ним сделали?

— Ask Ut![1] — зарычал на меня один из боевиков, щелкнув затвором автомата.

Из-за их спин появилась женщина, укутанная в черную паранджу. Открытыми оставались только глаза и ладони. Она держала в руках поднос с лепешками и кувшином воды.

Сгорбившись, не поднимая головы, она прошмыгнула мимо моих мучителей и поставила поднос на пол. После этого дверь захлопнулась, и я услышала, как прокручивается в замке ключ.

Мне была отвратительна мысль о том, чтобы принять пищу из рук убийц, но чувство голода и жажды были просто нестерпимыми. Я убедила себя, что делаю это ради ребенка в

моем чреве, и с жадностью накинута на еду. Лепешки были еще горячими. Интересно, Сэма тоже покормили? Или сочли что не стоит уже тратить на него припасы? Меня всю передернуло от одной только мысли, что в моих руках может оказаться его живое сердце. Господи, избавь меня от этого! Через пару минут поднос опустел. Я залпом выпила добрую половину воды из кувшина и, почувствовав легкую сонливость, плюхнулась на кровать.

Самое невыносимое занятие в мире — это ждать чего-то плохого. Я устала в потолок, понимая, что бессильна против обстоятельств.

Несмотря на полный желудок и тяжелые веки, я была настолько возбуждена, что при всем своем желании не смогла бы уснуть. Я таращилась на потолок, посылая в космос сигналы SOS. На улице тем временем стало совсем темно. Я пролежала так час, а может быть два — сложно сказать. В таком состоянии восприятие времени изменяется. Ты не понимаешь, как минуты растягиваются в часы, или наоборот — часы сжимаются до размеров минуты.

Неожиданно яркие столпы света стали поочередно проникать в мое окно, а над головой я услышала звук вертушек вертолета. Я подбежала к окну и посмотрела на небо. Над садом и домом кружили три вертолета, которые направляли вниз яркие широкие лучи света от прожекторов. Спустя минуту все три машины резко снизили высоту и зависли над землей. Из открытых дверей их кабин появились длинные шпагаты, по которым на землю начали спускаться вооруженные люди в армейской форме. Мое сердце замерло от тревоги и волнения. Я до последнего отказывалась верить в то, что люди на этих вертолетах прилетели сюда за нами. Я боялась подступающей радости и возможного разочарования, поэтому просто наблюдала за тем, что происходит на улице. Из дома на территорию сада высыпали люди с автоматами. Завязался бой. Я отпрянула от окна и уселась под ним, зажав лицо руками. Жуткий шум доносился снаружи — свист пуль, треск автоматных очередей, крики и вопли, и все это под аккомпанемент вертолетных лопастей, которые прогоняли сквозь себя огромные потоки воздуха. Я молила Бога, чтобы это скорее закончилось.

Противостояние продолжалось около получаса. Я сидела на своем месте, не шевелясь, бормоча пересохшими губами слова молитвы и глотая слезы.

Затем я услышала топот. Звук тяжелых шагов заполнил дом. Эти шаги слышались повсюду — снизу, сверху, и совсем рядом — за моей дверью.

Я рывком добралась до нее и начала стучать и звать на помощь. Кто-то на английском приказал мне отойти от двери и встать у стены слева.

Я прижалась к стене и порывисто дышала. Сейчас все закончится. В дверной замок выстрелили и дверь распахнулась. В комнату зашли двое мужчин. Один из них быстро осмотрел помещение, в то время, как второй оставался в коридоре для прикрытия. Я не шевелилась, все еще не веря в свое спасение.

Убедившись, что в комнате больше никого нет, мужчина жестом пригласил своего напарника внутрь.

— Кто вы? — он подошел ко мне и посветил в лицо карманным фонариком. Я поморщилась, ослепленная ярким светом.

— Линда Скайфилд. Я американка.

Он достал из кармана фотографию, распечатанную на простом листе бумаги, внимательно посмотрел сначала на нее, потом на меня, а затем кивнул напарнику.

— Все верно. Это она.

Я расслабленно выдохнула, а мужчины спрятали в кобуру пистолеты.

— Кто вы? — спросила я.

— Военные. С базы США в Нуасере. Я капитан Уолтерс, а это лейтенант Даллос. Полиция Марокко получила запрос по линии интерпола о вашем возможном похищении. Они вышли на американского консула в Рабате, и тот предложил подключить нас к операции.

— Ясно. Со мной был друг, где он?

— Самуэль О`Фаррис? Его ищут.

Я бросила взгляд в коридор, на ту дверь, за которой находилась спальня хозяина дома.

— А хозяин дома?

— Опальный министр вооруженных сил? Умер во время штурма. Скорее всего, сердечный приступ.

Так вот откуда у этого человека оружие и свита головорезов! Мне было его совсем не жаль. Туда ему и дорога.

В коридоре слышались голоса. Один из которых я тут же узнала. Я вылетела в коридор и накинулась на Сэма с объятиями.

— Господи, Сэм! Ты живой! Если бы только знал, что они хотели с тобой сделать!

Я повисла у него на шее, как сопливая девчонка. Его подбородок касался моего затылка, а крепкие руки гладили меня по спине.

— Все уже позади, Ли. Все позади. Теперь нам нужно продолжить поиски Кевина.

Возвращение к цели нашей поездки отразилось на моем лице гримасой отчаяния.

Я отстранилась от Сэма и повернулась к тем людям, которые спасли меня.

— Мне нужен телефон. Мой муж в тяжелом состоянии в клинике Раш в Чикаго. Я должна убедиться, что с ним все в порядке.

— Да, конечно, мэм. На кухне мы нашли ваши вещи. — Мужчина отвернулся и обратился к напарнику, — Лейтенант Даллос, принесите рюкзаки.

— Так точно, сэр.

Я проводила взглядом лейтенанта, и начала в нетерпении вышагивать по коридору туда-сюда. Наконец, его силуэт показался из-за поворота.

Я выхватила свой рюкзак у него из рук и достала телефон. Десятки пропущенных звонков от Мэнди и Итона, пачка сообщений с множеством восклицательных и вопросительных знаков, и почти израсходованный заряд батареи.

«Все в порядке. Нас освободили. Спасибо. Если бы не ты...» — я добавила номер Миранды в список получателей сообщения и нажала «отправить».

В ответ мгновенно пришло смс — «Слава Богу!!! Мы места себе не находили! Ли, вы нашли его?».

«Нет» — написала я, ожидая получить очередную порцию плохих новостей.

«Поторопись. Рэй пока в сознании, но печень протянет недолго» — ответила мне подруга.

Я отложила телефон в сторону и посмотрела на капитана Уолтерса.

— Мэм, мы можем отвезти вас в американское консульство в Рабате. — Сказал он мне.

— Спасибо, но у нас есть важное дело. Мы приехали сюда, чтобы найти пропавшего три года назад родного брата моего мужа — Кевина Скайфилда. Он археолог, участвовал в раскопках Волюбилиса, и исчез. Он наша последняя надежда на спасение. У моего мужа отказывает печень, необходима срочная пересадка. Он единственный, кто может подойти в качестве донора. Все остальные возможности исчерпаны. Вы можете нам помочь? У нас

очень мало времени.

Мои глаза с мольбой смотрели в чистое, открытое лицо капитана. Я не знала, что мне делать дальше, куда идти, у кого искать помощи. Мои силы были на исходе.

— Я отведу вас к начальнику королевской жандармерии Мулай-Идриса, он внизу со своими людьми.

— Спасибо, капитан.

Мы спустились вниз по лестнице и вышли на крыльцо дома. По саду рыскали люди в темной одежде, похожей на американскую полицейскую форму. Кружащие в воздухе вертолеты освещали своими прожекторами пространство сада, и периодически попадали ни лица жандармов.

— Инспектор Асим! — окликнул капитан Уолтерс высокого молодого мужчину, который стоял возле крыльца и раздавал короткие указания подчиненным. — Эти люди хотят с вами поговорить!

Я с удивлением посмотрела на капитана Уолтерса.

— Разве он говорит по-английски? — спросила я.

— Он бывший американец.

Я не верила своим ушам. Бывший американец стал шефом жандармов в марокканском городе?! Каким ветром его сюда занесло?

Мужчина тем временем поднялся по ступеням вверх.

— Слушаю вас.

В какой-то момент столп света от вертолетного прожектора упал ему на лицо, которое разительно контрастировало своей белизной со смуглыми лицами арабов, и я стала всматриваться в него. Он носил темные усы и длинную курчавую бороду. Мой взгляд остановился на его переносице, а затем поднялся выше, и я увидела его глаза — темно-серые, почти графитные, овальной формы, глубоко посаженные. Мне показалось, что я видела эти глаза раньше.

— Инспектор Асим, я Сэм О'Фаррис, шеф хирургического отделения университетской клиники Раш в Чикаго, а это доктор Линда Скайфилд — заведующая отделением кардиохирургии.

Я продолжала смотреть в его глаза, пытаюсь вспомнить, где я могла видеть это взгляд, и заметила, как вздрогнули мускулы на его лице, когда Сэм произнес мою фамилию. В его глазах как — будто промелькнул огонек надежды.

— Чем я могу вам помочь? — ответил он Сэму.

Я попыталась представить его лицо без усов и бороды.

— Инспектор, мы нашли еще один автомат! — закричал кто-то из его подчиненных, и у мужчины на лице проскочила довольная улыбка, обнажившая его зубы.

В этот момент меня словно поразила молния — между двух его передних резцов пролегла тонкая, почти незаметная щербинка. Маленькая расщелинка, которая не вписывалась в каноны голливудской улыбки. Точно такая же, как у Рэя. Мой мозг в ту же секунду перенес его лицо на воображаемый мольберт и стер с него усы и бороду. Перед моими глазами был Рэй. Точнее его копия — брат — близнец Кевин.

Я замерла, вслушиваясь в их с Сэмом диалог, и начала незаметно для окружающих щипать себя за запястье. Господи, неужели это он?!

— Мы ищем Кевина Скайфилда, родного брата мужа этой женщины. Он в тяжелом состоянии находится в нашей клинике. У него острая печеночная недостаточность. Нужна

срочная пересадка органа. По объективным причинам, Кевин Скайфилд — единственно возможный донор печени. По нашим сведениям, он прибыл в Марокко с командой археологов для раскопок Волюбилиса в 2007 году, и вскоре пропал. Он тоже археолог. Вы можете нам помочь?

По мере того, как Сэм говорил, нервный тик на лице инспектора Асима развивался все сильнее. Его губы дрожали, а челюсть была плотно сжата. Я видела, как надуваются от волнения под бородой его скулы.

Мой рот открылся сам собой, и я произнесла:

— Кевин, ведь это ты!

Мужчина молчал, и я заметила, как из уголков его глаз покатались слезы. Сэм обернулся ко мне и вытаращил от недоумения глаза.

— Линда, что ты говоришь?!

— Сэм, у него глаза Рэя, и такая же точно щербинка между верхних резцов.

Мы оба посмотрели на мужчину, ожидая его ответа.

— Да, это я. — Сказал он с тяжелым придыханием, словно в эту минуту с его плеч свалился увесистый груз совести.

— О Боже! Кевин! Мы нашли тебя! — закричала я от радости, — Но я не понимаю, как...почему?!

Все новые и новые вопросы в моей голове возникали быстрее, чем я могла их произнести. Я лишь развела руками и буравила его полным непонимания взглядом.

— Идемте. Оставаться здесь больше нет необходимости. Поговорим у меня дома.

Через сорок минут мы сидели в его доме на мягких подушках за низким столом и пили мятный чай.

Он рассказал нам, что встретил здесь девушку, дочь местного религиозного деятеля и политика, и влюбился в нее. За то, что они сделали, ему грозила смертная казнь. А семью девушки ждал вечный позор. Над карьерой ее отца нависла серьезная угроза. И тогда он пошел с Кевином на сделку. Брат Рэя принял ислам и женился на девушке. Взамен его тесть взял с него обещание, что он порвет все связи с семьей и своим прошлым. Благодаря тестю Кевин, взявший себе новое мусульманское имя Рашид, поступил на службу в жандармерию, и успешно продвигался по служебной лестнице.

Я слушала его рассказ, и все никак не могла поверить в происходящее.

— Но ведь ты полетишь с нами в Штаты? Ты сможешь Рэю? — задала я вопрос, который мучил меня все то время, что прошло с момента нашей встречи.

— Две недели назад мой тесть умер, и я больше не должен держать данное ему обещание. Я собирался выдержать траур, и позвонить матери и Рэю. — Он замолчал, затем отхлебнул из своей чашки горячий чай. — Конечно, я полечу. Рэй — часть меня. Вы не представляете, как я скучал по брату все это время!

Я закрыла лицо руками и тихо заплакала. Ужасное напряжение последних дней лишило меня последних сил. Мне нужны были эти слезы, чтобы выплеснуть наружу всю ту боль, что я пережила.

— Ну-ну, милая, все же хорошо! — Сэм похлопал меня по плечу и слегка приобнял.

В эту минуту мой телефон завибрировал на столе, оповещая о новом сообщении. Это была Миранда.

Я открыла сообщение и телефон выпал у меня из рук.

«Рэй умер».

[1] Заткнись — транскрипция, арабский.

Часть I. Эпилог

Эпилог.

Длинные гудки в трубке накаляли мои нервы до предела. Периодически между гудками телефон взрывался противным писком разряженной батареи.

Этого не может быть. Это происходит не со мной. Это неправда. Это дурной сон. Это.... Миллион причин, объяснявших сообщение моей подруги, бесконечным потоком сменялись в моей голове.

Я переживала первую стадию горя — отрицание.

Сэм пытался успокоить меня и Кевина, который после этого известия уселся на пол и принялся молиться, захлебываясь слезами. Мой друг предлагал нам все, что по его мнению должно было помочь осознать утрату, будь то ромашковый чай или укол морфина, но я отмахивалась от него, как от назойливой мухи, а Кевин и вовсе никак не реагировал. Наверное, я была с ним груба. Но какая теперь разница? Какая теперь к черту разница?!

Это злая шутка. Это розыгрыш. Это опечатка. Это сбой в сети. Это бред! Это....

Наконец мне ответили.

— Милая.... — голос Миранды дрожал от слез.

Нет, она не пошутила.

— Как это случилось?

У меня зуб на зуб не попадал. Меня трясло, а говорить я могла только через сжатую челюсть. Я боялась, что сорвусь в разговоре на поросячий визг. Хотя, почему я вообще думаю о том, как звучит мой голос? Какая теперь разница, как он звучит? Для кого он теперь звучит?

— Я не знаю. Меня там не было в этот момент. Но я постоянно на связи с Сильвией. Она позвонила мне и сказала, что ей пришло сообщение от постовой медсестры.

— Кто засвидетельствовал время смерти? Сильвия? — я сама удивилась, как из моих уст прозвучала эта фраза. Я произнесла это жуткое слово и даже не подавилась!? Что это? Шок? Ирония?

— Нет. Дежурный врач. Сильвия сейчас едет туда. И Кэтрин. Нужно провести опознание.

Я сглотнула.

— Я нашла его, Мэнди. Я нашла Кевина! Как же так?!

Мой голос сорвался, и я разрыдалась в трубку. Миранда молчала. Я слышала, как она тихо плачет со мной.

— Ли....

— Не нужно слов....

Я нажала отбой и сползла по стене. И завывала. Мои истошные вопли заставляли дрожать стекла на окнах. Я царапала пол, и кричала, не понимая, почему вместе с криком наружу не выходит боль.

Я билась головой о стену и хрипела, сорвав связки. Я хотела умереть и не знать, что такое жизнь и боль потери.

Мой телефон зазвонил. Я насухо вытерла рукавом глаза и взяла его в руки. То, что я увидела на экране, заставило мое сердце упасть до самых пяток, а затем подпрыгнуть до горла. Не понимая, как такое возможно, я нажала «ответить».

— Рэй?!

Часть II. Пролог

Кэтрин затянула пояс на черном, отороченном мехом песца, пуховике, и вытерла варежкой слезы с лица.

Ее серые, как у сыновей, умные глаза щипали на ветру, и слезились еще сильнее из-за его резких холодных порывов. Промозглый ночной ветер качал шапки деревьев, сгоняя с них снег, который кружился в воздухе и медленно падал на землю.

Она достала из кармана ключи от своего Мерседеса и нажала на кнопку отключения сигнализации. Автомобиль радостно заморгал фарами, вызвав у женщины очередной приступ слез.

— Чему ты радуешься, глупая железяка? — прошептала она, пытаясь вставить ключ в дверной замок.

После нескольких безуспешных попыток она сильно пнула колесо ногой и вернулась в дом.

На кухонном столе стоял все еще дымящийся чайник. Кэтрин налила кипяток в термос и вернулась на улицу.

Она сняла крышку с термоса и несколько раз плеснула горячей водой на замерзшую дверь. Пар с ее поверхности испарялся мгновенно, оставляя на металле тонкую пленку инея.

Женщина вставила ключ в замок, и дверь, наконец, открылась.

Внутри было тихо, как в бункере. Кэтрин включила магнитолау и поставила диск с любимой музыкой Рэя. Из динамиков полился голос Мэттью Беллами, солиста «Muse».

— Слушай милый, твоя любимая... — прошептала она, глотая слезы, а затем завела мотор.

Дорогая машина, несмотря на сильный мороз, завелась с первой попытки, мягко заурчав двигателем, словно большая сонная кошка.

Кэтрин нажала на газ и медленно выехала за ворота своего дома в Арлингтон Хаитс.

Она все еще не верила в происходящее, мысленно повторяя одно и то же слово — «бред». Нервы были на пределе. Она то заливалась слезами, то хохотала, как сумасшедшая, подпевая солисту:

«Услышь меня. То, что слова просто неспособны передать.

Почувствуй меня. Не позволяй солнцу в твоём сердце погаснуть».

Заехав на парковку Университетской клиники Раш, Кэтрин выключила музыку и замолчала. Она со страхом всматривалась в светящееся пятно главного входа, словно ждала какого-то знака, какого-то сигнала свыше.

Тишина в машине давила, заставляла прятать шею глубоко в воротник, прижиматься к сиденью, погружать голову в широкий вязаный шарф, словно страус в песок.

— Просто выйди и сделай это! — твердо сказала она сама себе, заглушила мотор и вышла из машины.

В холле было немногочленно — несколько дремлющих родственников пациентов, да парочка дежурных врачей, решивших выпить кофе и перекинуться парой фраз.

Кэтрин подошла к лифту и нажала кнопку вызова кабины. Ей хотелось, чтобы лифт сломался, или застрял где-то между этажами, или был забит до отказа, но в это время он простаивал без пассажиров и с радостью распахнул перед ней свои двери.

Ее рука сама собой потянулась к знакомой кнопке десятого этажа, на котором располагалось гастрохирургическое отделение. Кэтрин резко одернула руку и облокотилась

на заднюю стенку кабины. Она приложила ладонь к груди и сделала несколько глубоких вдохов. Меж ее бровей пролегла глубокая складка.

Дрожащей рукой она нажала единственную кнопку в этом лифте, на которой вместо номера этажа, высвечивалась зловещая надпись — «Морг».

Спустя несколько секунд она вышла в абсолютно белый, залитый ярким светом ультрафиолетовых ламп, коридор. В самом его конце находился пост медсестры.

Ноги отказывались ее слушаться, колени дрожали, а к ступням как будто привязали пудовые гири. Она силой воли заставила себя сделать первый шаг, задыхаясь от приступа удушья — верного признака паники.

— Мэм? Вам помочь? — медсестра, женщина средних лет с аккуратной челкой, выглядывающей из-под шапочки, приподнялась со своего места и бросила на нее испуганной взгляд.

Кэтрин передвигалась, оперевшись рукой о стену, и придерживая разрывающуюся от ужаса грудь.

— Я... Мне... — слова давались ей тяжело, словно кто-то тащил их из ее горла тискаами, — Мне нужно опознать сына, — наконец ответила она охрипшим голосом.

— Ясно. Дать вам воды? — девушка вышла из-за стола и набрала из кулера стакан холодной воды.

— Да, пожалуйста.

— Подскажите, пожалуйста, фамилию пациента.

— Скайфилд... Рэй Скайфилд...

— Минуточку. — Медсестра ловко застучала пальцам по клавиатуре компьютера. — Так, он в боксе номер 78. Идемте со мной.

— Хорошо.

Завернув за угол, девушка остановилась перед широкой пластиковой дверью. Она приложила к считывающему устройству на стене свой электронный пропуск и дверь с протяжным писклявым звуком открылась.

Кэтрин вошла в комнату и зажмурилась. В центре помещения располагался операционный стол с накрытым простыней телом. К большому пальцу ноги трупа была прикреплена прорезиненная бирка.

Медсестра подошла к столу и сверила данные с бирки с информацией в своем планшете.

— Это он.

Кэтрин сглотнула и подошла к столу.

— Готовы, мэм? — Спросила девушка и сочувственно посмотрела ей в глаза.

— Да.

Медсестра взялась за края простыни и откинула ее с лица умершего пациента. Кэтрин схватилась за грудь и отшатнулась от тела, как от огня.

— Но это не мой сын! — Она медленно повернула голову в сторону девушки и пронзила ее недоуменным взглядом. — Это не Рэй Скайфилд! Это не мой сын!!!

Медсестра посмотрела на восковое лицо молодого юноши со светло-русыми волосами на столе, затем на Кэтрин и удивленно пожала плечами.

Часть II. Глава 1

Я закрыла глаза и вдохнула полной грудью сухой августовский воздух, который лился в дом сквозь распахнутые окна нашей спальни. Он нес с собой запахи свежескошенной газонной травы, влажной земли и цветущего лилейника, который Тайра высадила перед

домом еще в мае.

Запах краски, лака и побелки дурманил, но вместе с тем дарил ощущение перемен. Я напрягла зрение и посмотрела вдаль — туда, где меж двух высоких елей Кэтрин устроила импровизированную детскую площадку с огромным батутом, горкой и миниатюрным замком принцессы — с башенкой и окошками.

Солнце опустилось до линии верхушек сосен и уже не так слепило глаза. Я с наслаждением, наполняясь трепетом и нежностью, смотрела на свою малышку и будто вмиг помолодевшую свекровь.

Заливистый смех Вики, нашей с Рэем годовалой дочери, разносился по двору, словно трель соловья. Счастливая мать моего мужа, ставшая бабушкой и с радостью взявшая на себя большую часть забот о малышке, выпрыгивала из-за угла замка в шапке дракона и протяжно рычала, вызывая у девочки бурю эмоций и неловкие аплодисменты малюсенькими ладошками.

Если бы не Кэтрин — я бы сошла с ума. Прошедшие почти два года с момента моей поездки в Марокко, я до сих пор вспоминаю с содроганием.

Стоит мне лечь в постель и погрузиться в легкую дремоту, как мой мозг достает из глубин памяти те страшные дни, когда жизнь Рэя висела на волоске.

Я помню звонок с номера мужа, который застал меня распластанной возле стены в доме Кевина, когда я изо всех сил пыталась поверить, что его больше нет. Дрожащий голос Кэтрин в трубке в первую секунду погрузил меня в пучину отчаяния, но лишь для того, чтобы через пару моих глубоких вдохов, вернуть смысл жизни и надежду.

— Линда, это не мой сын! — почти прокричала она мне с другого конца земного шара, вложив в эти слова всю свою материнскую любовь и веру.

— Что!? Кто не ваш сын? — ответила я ей, глотая слезы и икая от державшей меня в напряжении истерики.

— В морге, на опознании — это не мой сын! — ее звонкий, пропитанный болью и радостью одновременно голос, заставлял мои барабанные перепонки дрожать от перегрузки.

— Но, как это возможно? Это какая-то ошибка! — проямлила я, переваривая ее слова.

— Я стою в его палате и говорю с тобой по его телефону! Он жив, Линда! Рэй еще жив!

В ту минуту земля поплыла у меня под ногами, а мое воспаленное сознание отказалось дальше воспринимать информацию и просто отрубилось. Прямо у той злополучной стены.

Как оказалось — медсестра, дежурившая в ту злополучную ночь, перепутала номера палаты, сообщая Сильвии о смерти пациента. Несчастливым юношей на том операционном столе в боксе № 78 морга Университетском клиники Раш, оказался больной с раком желудка в терминальной стадии из палаты № 1096. Рэй находился в палате 1069.

Спустя сутки я держалась за бортики его кровати по пути к лифту и молилась, чтобы Джордж (тот самый подлиза-метросексуал) провел самую успешную пересадку печени в своей жизни.

Рэй провел в коме почти два дня. Я, Кэтрин и Кевин, все это время по очереди дежурили у его кровати и молились. Я — как умею, Кэтрин — как ее научили в приходе, а Кевин — читал Коран, сидя в инвалидном кресле после перенесенной резекции печени.

Наутро третьего дня, когда в палату зашел Джордж и тихим голосом сказал, что мозговой активности нет и нам нужно его отпустить, я залезла к Рэю на кровать и обняла его.

Я больше не могла плакать. В моих глазах просто закончились слезы. Я осушила все

свои внутренние соленые озера и теперь могла только молчать и гладить его по рукам, лицу, и волосам.

Кэтрин встала с другой стороны кровати и взяла Рэя за руку. Кевин, сидящий в инвалидном кресле, закрыл лицо руками и начал молиться на арабском. Ему, наверное, было тяжелее всех — спустя столько времени увидеть семью, отдать часть своей печени для спасения брата, перенести сложную операцию, и все зря. Рэй уходил, и мы ничего уже не могли сделать.

Его новая печень работала, как часы — кожа посветлела, на щеках появился румянец, анализы пришли в норму. Все было просто чудесно — кроме работы головного мозга, который словно впал в зимнюю спячку.

В какой-то момент я взяла его руку и положила себе на живот — туда, где теплилась новая жизнь. Я крепко прижала его ладонь к животу своей рукой и прошептала:

— Рэй, я беременна! Нашему ребенку нужен отец....не уходи....

Неожиданно указательный палец его руки вздрогнул, а меня словно насквозь прокололи длинной иглой, наподобие тех, что используют во время забора амниотической жидкости для теста на генетические отклонения. Только моя игла была толще и длиннее, так что достала своим острием до самого позвоночника.

Я широко распахнула глаза и повторила свои слова громче.

— Рэй, я беременна! Нашему ребенку нужен отец....Не уходи!

И вот уже несколько его пальцев начали судорожно сгибаться и разгибаться под моей ладонью.

Джордж стоял и недоуменно смотрел на монитор, отображающий энцефалограмму. Вместо ровных линий прибор показывал резкие скачки мозговой активности, похожие на крутое пики.

— Я не верю своим глазам! — прошептал он, расплываясь в радостной улыбке, — Линда, его мозг просыпается!

Я крепче прижалась к мужу и уткнулась носом в его плечо. В тот момент я поняла, что он будет жить. И я буду жить. И наш ребенок будет жить.

Несмотря на все пережитые стрессы, и тяжелый период послеоперационной реабилитации Рэя, которому только пару месяцев назад снизили дозировки иммунодепрессантов и прочих препаратов, я родила Викторию ровно в срок — 17 августа 2011 года. Имя ей выбрал муж, потому что все, что мы пережили — самая настоящая победа.

Сегодня отличный день. Потому что я добралась с ремонтом до нашей спальни. Дорогушие и чересчур тяжелые для этого места обои были нещадно сорваны со стен, и теперь обвисали, касаясь краями пола. Покрашенная в яркий белый цвет дверь источала ядовитые запахи, но зато отражала солнечный свет, наполняя комнату радостью и теплом.

Самое время для радости, потому что сегодня моей Вики исполнился год.

Я открыла глаза и обернулась, наблюдая за тем, как Рэй в рубашке в клетку и заношенных джинсах, с бумажной пилоткой на голове, наносит на потолок ровные мазки побелки.

Снизу его тело казалось мне еще более восхитительным и сексуальным. Обтянутая потертой джинсовой тканью задница приковывала к себе взгляд, заставляя меня пялиться на нее, как быка на красную тряпку.

На его широких сильных руках, в закатанных до плеча рукавах, играли мышцы, как будто Рэй выступал на чемпионате бодибилдеров.

Я сглотнула, ощущая, как внизу живота завязывается тугой узел желания.

— Рэй, во сколько придут гости? — спросила я, продолжая буравить его взглядом.

— К семи, а что?

Я посмотрела на маленькие золотые часики на своем запястье (подарок Кэтрин к рождению Вики) — стрелки показывали 17.00.

— Э-м-м, а ты не хочешь спуститься и сделать небольшой перерыв? — промурлыкала я, обходя стремянку с правой стороны и заставляя его посмотреть мне прямо в глаза.

Рэй замер с кистью в руке, а затем на его лице появилась многозначительная улыбка. Его глаза загорелись, а губы приоткрылись, призывая впиться в них поцелуем.

— Но ведь здесь нет кровати! — сказал он наигранно расстроенным тоном, спускаясь с лестницы.

— Зато здесь есть огромная куча оборванных обоев! — ответила я с улыбкой.

Его широкие ладони легли мне на плечи. Мгновенно миллионы мурашек пронеслись по коже, поднимая вверх волоски и заставляя трепетать каждую клеточку.

Подцепив указательным пальцем руки бретельку моего топа, Рэй потянул ее вниз, оголяя плечо. Не выдержав напора, тонкая веревка лопнула.

— Как не предусмотрительно было с твоей стороны надевать майку из такой хрупкой ткани, — с напускным сожалением выдал мой муж, и тут же припал губами к тому месту, где под кожей выпирала ключичная кость.

— Я специально выбрала именно ее, чтобы не тратить драгоценные минуты на пуговицы и молнии.

Я запустила руки в его волосы, перебирая их и пропуская сквозь пальцы, словно песок.

Горячие ладони Рэя с легкостью пробрались под майку и уже крепко сжимали мою грудь.

— М-м-м, детка! Может быть, сделаем еще ребеночка? — прошептал он мне на ухо, слегка прикусив зубами его мочку. — Появление Виктории явно пошло на пользу твоей фигуре!

Я усмехнулась. Рэй был прав. После родов я немного поправилась, мои бедра стали шире и пышнее, а грудь увеличилась на целый размер.

Я уже хотела съязвить что-нибудь в ответ, наподобие «теперь твоя очередь, милый», но его губы накрыли мой рот нежным и ласковым поцелуем, который раскрывал мое желание, словно утренняя роса бутон розы — лепесток за лепестком.

Я растегнула ширинку на его джинсах и запустила руку внутрь, нащупывая сквозь ткань хлопковых боксеров головку его эрегированного члена.

Рэй отпустил мои губы и из его горла вырвался сдавленный стон.

— Линда, прости, но мне не до прелюдий! — просипел он на выдохе, задыхаясь от желания.

Мои спортивные шорты смешного персикового цвета в ту же секунду оказались на полу. Рэй подхватил меня за бедра и приподнял. Мои руки обвились его шею, а ноги замкнулись за его спиной.

Через минуту он усадил меня на подоконник, быстро стащил с меня черные кружевные трусики, затем приспустил свои джинсы и развел мои ноги руками.

Два его пальца нежно прошли от лобка меж половых губ к влагалищу. Я закрыла глаза и застонала.

— Рэй....

Вместо ответа он начал водить головкой члена меж половых губ, вырисовывая вокруг моего клитора спирали. Я подалась вперед и вцепилась ногтями в его задницу.

— О, детка! — прошептал он и вошел в меня — медленно и аккуратно, заставляя замереть и затаить дыхание в ожидании горячих волн экстаза.

Его плавные и нежные толчки постепенно сменялись резкими ритмичными движениями, заставляя истекать влагой мое влагалище. Пальцы на ногах начали неметь, а пульсирующий и сжимающийся в узел клитор заставлял кричать от наслаждения, словно я была обезумевшей амазонкой в объятиях викинга.

Я кончила первой, не в силах больше сдерживать оргазм, который перенес меня на белое пушистое облако и заставил растечься на нем кисельной рекой.

Рэй сделал еще несколько резких фрикций и с ревом разъяренного льва откинул голову назад.

Между ног стало горячо, словно меня усадили на раскаленные кирпичи. Его член внутри меня все еще вибрировал, заставляя стенки влагалища сжиматься вокруг него в плотное кольцо.

— Не хочешь меня выпускать? — промурлыкал он мне на ухо.

— Не хочу....

— Предлагаю повторить, когда Вики уснет.

— Хорошая идея.

Рэй отстранился и натянул джинсы, одарив меня хитрой улыбкой заговорщика. Я сползла с подоконника, сделала мимо него пару грациозных шажков, нарочито виляя попой, подняла с пола отброшенные в порыве страсти трусики и помахала ими в воздухе.

— Когда Вики уснет, да? — спросила я, бросая на мужа испепеляющий взгляд и выставляя напоказ свою наготу, как произведение искусства.

Он прикрыл ладонью глаза и резко выскочил из комнаты, прикрикнув мне из коридора:

— Ты ведьма, Линда Соул! Сексуальная и опасная! Но я люблю тебя!

Где-то я это уже слышала. Ну, да ладно. Я тоже люблю тебя, Рэй Скайфилд.

Часть II. Глава 2

Глава 2

Я спустилась по лестнице, придерживая подол своего вечернего платья от Макса Арзаи. Черный шифон, расшитый серебряными нитями, струился по ногам и рукам, а в невероятный, от самого бедра разрез, залетал легкий ветерок, который заставлял ткань парить при каждом шаге.

Каблуки моих черных замшевых туфель утопали в мягком ворсе бежевого ковра, который постелили на отремонтированную лестницу только накануне. От ковра все еще пахло нафталином и шерстью, но даже это не могло омрачить мое настроение.

Я окинула взглядом столовую зону в мятных тонах, которую я обставила искусственно состаренной белой деревянной мебелью, затем бросила взгляд на лестницу, ведущую в холл второго этажа, которую я решила обклеить светло-сиреневыми обоями, и удовлетворенно выдохнула. Обои смотрелись идеально. А развешенные на стенах рамки с семейными фотографиями удачно дополняли интерьер.

В доме стало больше света и стиля. Исчезла ненужная старомодная помпезность и присущая толстосумам кичливость, которые так меня раздражали.

— Ли, ты просто великолепна!

Рэй, в серых брюках простого кроя с элегантным кожаным ремнем, светлой рубашке и

удобных черных мокасынах, широко улыбнулся и протянул мне руку, помогая сделать последний шаг со ступеньки.

— Спасибо! — я подставила для поцелуя щеку, прижалась как можно крепче к его торсу и незаметно для остальных гостей нежно погладила то место, где под тонкой тканью находился его детородный орган.

— Линда...ты играешь с огнем! — прошептал он мне на ухо, аккуратно убирая мою руку со своих брюк.

— Я и есть огонь! — ответила я, одарив его пронзительным призывным взглядом.

Я сделала глоток холодного искрящегося вина и окинула взглядом собравшихся.

На уютном диване в стиле кантри, с широкими белыми подушками и плетеными боковинками, расположились наши родственники — Кевин, (который сердился на нас за то, что мы продолжали так его называть, игнорируя его новое имя Рашид), его беременная жена Мириам (мы звали ее Мэри, чем также вызывали гнев Кевина), которая, не смотря на почти два года жизни в Штатах, так и не отказалась от хиджаба и платьев в пол, и Кэтрин, которая что-то быстро тараторила ей практически в самое ухо.

Мэри еще не очень хорошо говорила по-английски, и поэтому сидела со смущенным лицом, периодически поддакивая свекрови и кивая головой.

Моя принцесса вертелась на руках у Тайры, как юла. Ее милый лепет вызывал у няни приступы умиления и искреннего смеха.

— Добрый вечер! — поздоровалась я с гостями.

— Линда, детка! Прекрасное платье! — Кэтрин встала с дивана и обняла меня.

— У Рэя прекрасный вкус! — ответила я ей, обернувшись к мужу и подмигнув ему.

— Немного вызывающе, — буркнул Кевин, но, все же, встал и обнял меня.

— Не ворчи. Ты превратился в старикашку, — пришел мне на помощь муж, похлопав брата по плечу.

Мэри, которая всегда краснела при виде моих откровенных нарядов, и на этот раз залилась румянцем и смущенно отвернулась, очевидно, читая про себя суры из Корана и умоляя Всевышнего послать мне разум и прощение.

Я не сердилась на нее. Напротив. Мы как-то быстро смирились с новым образом жизни Кевина и не вмешивались в их дела.

Кэтрин, которая уже оплакивала сына, увидев его с женой в аэропорту сказала:

— Мне все равно, какую религию ты теперь исповедуешь, и каким именем зовешься. Я буду любить тебя, даже если ты решишь стать буддистским монахом или трансвеститом. Ты мой сын, и этим все сказано.

Тогда я в очередной раз убедилась в мудрости этой прекрасной женщины.

На момент его возвращения в Штаты, у Кевина не было детей, и он очень переживал по этому поводу. В прошлом году он совершил паломничество в Мекку, где молился о потомстве.

Спустя несколько месяцев после его возвращения Мэри забеременела. Кевин решил, что это воля Аллаха, а мы с Кэтрин — что всему виной хорошее питание и климат. Каждый остался при своем мнении.

Через три месяца у Вики появится братик, или сестричка. Наши новоявленные родственники отказываются узнавать пол будущего ребенка. И это их право.

Я подошла к Тайре и взяла свою дочь за ее пухленькую ручку.

— И кто у нас сегодня именинница? — Я поднесла ее ладошку к лицу и прижалась к

ней губами. Моя дочь пахла молоком и сдобой — самый божественный запах на свете.

Тайра нарядила ее в пышное синее платье, похожее на пачку балерины, а на голову надела миниатюрную диадему.

Вьющиеся, как и у меня, каштановые волосы дочки обрамляли ее личико, и она то и дело убирала непослушные локоны со своих румяных щечек, недовольно поджимая губки.

Звонок в дверь прервал мое общение с Вики. Рэй открыл дверь, и в доме началось настоящее столпотворение — как будто моя прихожая превратилась в перрон, на который только что прибыла электричка.

Первое, что я увидела — невероятное количество розовых шариков, которые с трудом прошли сквозь дверной проем. Моя мать нечаянно выпустила из рук веревки, за которые удерживала их, и вся эта надувная феерия улетела под потолок.

— Мама, опять ты за свое? Розовый — так банально! — Пробурчала я, принимая ее в свои объятия.

— Ты же ее знаешь — консерватор во всем! — ответил за нее отец, крепко целуя мне в щеку.

— А где Алекс?

— Он в рейсе, где-то в Тихом океане. Вернется только через четыре месяца.

— Ясно.

— Линда! Поздравляю! — Мэнди чуть не сбила меня с ног, обхватив меня своими длинными руками за плечи.

— Оу, спасибо! Можно полегче? — шутливо спросила я, отстраняясь от подруги.

— Она последние пару дней сама не своя, не обращай внимания. У нее эмоциональный подъем! — прокомментировал поведение Миранды Итон, который быстро чмокнул меня в щеку и уже протягивал Рэю ладонь для рукопожатия.

— И что же послужило причиной? — спросила я, прижимая к груди огромную коробку с подарком, которую Мэнди успела мне вручить.

Сладкая парочка «Твикс», как мы в шутку называли этих двоих, переглянулись между собой, Миранда жеманно прикрыла рукой рот и хихикнула, посылая мне странные сигналы глазами.

— Что-о-о? Говорите уже! — Я передала подарок Рэю и скрестила руки на груди.

— Ну.... — замаялся Итон, собираясь с духом, — я сделал Миранде предложение.

Моя подруга расплылась в идиотской улыбке счастливой дуры, а у меня челюсть отвисла от этой новости.

— Ничего себе! Поздравляю! — я протянула руку Итону, — смелый поступок, молодец! — а затем подошла к Мэнди и обняла ее, — хороший выбор, похотливая ты сучка! — прошептала я ей на ухо.

Вместо ответа она лишь больно ущипнула меня за руку.

Последней в дом зашла Сильвия Линдси. Тот самый хирург, которая приняла моего мужа с борта нашего самолета.

— Мои поздравления! — она протянула огромного плюшевого медведя, перевязанного серебряной ленточкой.

За что я полюбила Сильвию — так это за ее тонкий вкус. Серебряная лента — то, что нужно. Никакого розового. С некоторых пор я терпеть не могу этот вульгарный цвет. С появлением Вики в доме появилось слишком много розовых вещей, подаренных друзьями и родственниками. Так что — у меня на него аллергия.

— Аманда и Джордж передают вам свои поздравления. Сегодня они на дежурстве.

Вот еще одна сенсация последних месяцев — моя строгая пуританка Аманда попала в сети этой метросексуальной задницы Джорджа. Они даже успели смотаться в Вегас и расписаться там в часовне Элвиса. Каково, а? И, кстати, Джордж дал «добро» и мы теперь вполне легально называем его так. Он не в обиде. Ему даже нравится.

— Спасибо большое.

Я закрыла дверь и подошла к гостям, которых Рэй рассаживал за широким столом, накрытым белоснежной накрахмаленной скатертью (заслуга Тайры, сама бы я ни за что не стала убивать не это время).

Но как только моя попа коснулась стула, в дверь опять позвонили.

— Ты ждешь кого-то еще? — спросил меня муж, озабоченно всматриваясь в холл.

— Нет. Все здесь, — сказала я, и встала из-за стола.

Я вернулась в прихожую и открыла дверь. Передо мной стоял Сэм — в военной форме, с перекинутым через плечо рюкзаком, измученный, но улыбающийся так широко, как будто его номинировали на премию Альберта Ласкера.

— Линда! Я вернулся! Надеюсь, вовремя? — Он слегка прищурился и посмотрел мне за спину — туда, где открывался вид на столовую и собравшихся гостей.

Я протянула ему обе руки и прижала к себе.

— Конечно, вовремя, Сэм! Очень даже вовремя!

Мы вошли в дом, и мой только что вернувшийся из Афганистана друг сразу же полез в свой рюкзак за подарком.

— Держи, это оберег — он протянул мне деревянный кулон круглой формы на простой белой тесемочке, — он будет охранять Вики от недобрых взглядов и пересудов.

Я положила кулон на ладонь, чтобы рассмотреть его, и в этот момент услышала жуткий шум.

Подарок Сэма выпал из моей руки на пол. Толпа наших гостей склонилась над упавшей без сознания Тайрой и плачущей Викторией, которую та при падении выронила из рук.

Сэм, ты вернулся очень вовремя.

Часть II. Глава 3

Глава 3

Я влетела в приемное отделение скорой помощи с плачущей Вики на руках как была — в шикарном вечернем платье и на каблуках, — и закричала:

— Срочно каталку! Инсульт!

Дежуривший в приемной молодой врач-ординатор подбежал ко мне и попытался выхватить у меня из рук Вики.

— Шеф, давайте мне девочку! Мы ею займемся! — В его испуганных глазах я увидела шок.

Этот идиот решил, что инсульт случился у моей дочери. Я глубоко вздохнула, чтобы подавить приступ рвущегося наружу гнева, и прошипела ему сквозь зубы:

— Не у нее, доктор Рамси! Пациент на улице, в автомобиле!

— Сюда! — услышала я запыхавшийся голос Сэма и обернулась, — Быстро — кислородную маску, пять кубиков фибронилизина, поляризующую жидкость!

Он стоял в дверях и держал на руках обмякшее тело Тайры. Один за другим, наши перепуганные гости в вечерних нарядах начали появляться за его спиной.

Медицинский персонал приемного отделения, увидев сразу двух шефов хирургии — бывшего и настоящего, начал двигаться со скоростью света.

Через несколько секунд возле Сэма уже толпились медсестры с капельницами, а крепкий медбрат подкатил каталку.

— Ли, давай мне Вики! — на мое плечо легла рука мужа, — ты больше нужна ей, — он взглядом указал на няню.

— Держи. Встретимся в кофетерии. Купи ей молока.

Я передала дочь мужу, а сама накинула на плечи одноразовый халат и поспешила за каталкой, которая уже скрылась за дверью.

— Вызовите доктора Хофф! — крикнула я медсестрам из коридора.

— Она на операции! — сообщил мне услышавший вопрос доктор Рамси, который вместе с Сэмом дожидался лифта.

Черт! Я посмотрела на Сэма, оперевшегося на бортики каталки, затем на врача-ординатора и поняла, что не могу доверить этому еще не оперившемуся хирургу жизнь Тайры.

— Сэм, с сегодняшнего дня ты снова в штате! — сообщила я другу, глядя прямо в его глаза.

Он понимающе кивнул головой и протянул мне руку.

— Спасибо, шеф.

— Добро пожаловать, доктор О`Фаррис.

Двери лифта распахнулись и мужчины завезли каталку внутрь.

— Сначала на томограф, — скомандовал Сэм, сразу же взявший инициативу в свои руки, — доктор Рамси, закажите операционную.

— Хорошо, доктор О`Фаррис.

— Ли, ты здесь больше не нужна. Тебе не хуже меня известно, что ты не можешь принимать участие в лечении членов семьи.

— Сэм — Тайра не член семьи, — возмутилась я.

— Правда? — спросил он меня, насупив брови, и я тут же осеклась.

Конечно же, член. Несмотря на отсутствие кровного родства между нами, я переживала за нее ничуть не меньше, чем за Кэтрин или собственную мать. Сэм прав, мне нельзя ее оперировать.

— Прости. Ты прав.

— Возвращайся к семье. Я буду держать тебя в курсе.

Двери лифта распахнулись. Сэм и Рамси выкатили кровать с Тайрой в коридор, а я осталась внутри.

— Все будет хорошо! — кивнул мне Сэм.

— Окей.

Я взглядом проводила удаляющуюся каталку с двумя мужчинами, и нажала кнопку первого этажа.

В кофетерии было тихо — несколько неспешно потягивающих кофе врачей из

рентгенологии, и пара пожилых посетителей, которые молча сидели за пустым столом. Я осмотрелась и увидела, что Рэй с дочерью и наши друзья расположились в дальнем углу, заняв сразу два столика.

Вики уснула на руках у мужа, и поэтому они переговаривались шепотом.

— Сэм прооперирует Тайру. Он будет держать нас в курсе, — тихо сказала я, аккуратно погладив дочь по головке. От моего прикосновения она вздрогнула, зевнула, и по-детски зачмокала губками.

— Хорошо, — ответил мне Рэй.

Мой взгляд неожиданно упал на большую шишку на лбу Виктории, которую та, очевидно, получила во время падения.

— Рэй, я хочу сделать ей МРТ — убедиться, что нет сотрясения.

— Окей.

— Ли, детка, раз уж мы здесь — может быть, и Рэя заодно обследуем? — предложила Кэтрин.

— Хорошая идея, — я вяло улыбнулась, — лишний раз убедимся, что новых опухолей нет.

Кэтрин бросила на меня благодарный взгляд.

— Мам, Кевин — поезжайте домой. Вам тут делать нечего. Линда и я будем держать вас в курсе.

Муж посмотрел на брата, затем на мать, взглядом давая понять, что мы справимся.

— Вы уверены, что мы вам не нужны? — подал голос Кевин, промолчавший всю дорогу до больницы. Я подумала, что из всех нас — он испугался сильнее всего.

На суровом лице моего деверя дергались скулы, и Мэри поддерживала его за руку, незаметно для окружающих поглаживая ладонь.

— Мэри беременна, ей ни к чему эти волнения. Поезжайте. Все будет хорошо. Тайра в хороших руках, — поддержала я мужа, — к тому же — с нами останутся Мэнди и Итон.

— Хорошо.

Кевин порывисто встал со стула, затем на пару секунд застыл, словно уговаривая свою совесть поверить в то, что поступает правильно, и, приняв, наконец, решение — подошел к Рэю и крепко обнял его.

— Ты же знаешь... — сказал он.

— Знаю, брат.

Через несколько минут спины Кэтрин, Кевина и Мэри скрылись за дверью кофетерия.

— Итон, отведи, пожалуйста, Рэя на КТ, — я сразу перешла к делу, — А мы с Мирандой отнесем Вики в педиатрию и сделаем МРТ.

— Окей.

Я аккуратно, стараясь не разбудить, забрала дочь у Рэя.

— Увидимся здесь же, — прошептала я ему.

Он утвердительно кивнул головой и поцеловал меня в щеку.

— Простая формальность, не переживай! — подбодрил он меня.

— Простая формальность, — повторила я его слова, стараясь убедить себя, что все это — не больше, чем стечение обстоятельств, и никак не новые игры судьбы в рулетку.

Увидев, как скрылись фигуры Рэя и Итона в одном из лифтов, я мысленно перекрестила мужа.

Добравшись до нужного этажа, я почувствовала, как внутри меня нарастает непонятное

волнение, как будто моя интуиция кричит мне о чем-то во весь голос, а я притворяюсь, что не слышу ее. Не хочу слышать.

Я уложила спящую Вики в томограф, и заботливо прикрыла простыней.

— Ли, пойдем. Посмотрим сразу на результат из комнаты управления, — прошептала Мэнди и дернула меня за локоть.

Я смотрела на ангельское личико дочери и нервничала. Ничего не предвещало беды, она родилась совершенно здоровой, ничем не отличалась и ни в чем не отставала по развитию от своих сверстников, кроме младенческих кишечных колик и режущихся зубов ничем и никогда не болела, но в это мгновение мне стало безумно страшно за нее.

И дело было даже не в том, что снимки могли показать сотрясение или ушиб головного мозга. Проблема в том, что у ее отца было генетическое хроническое заболевание. И, несмотря на то, что во время беременности я прошла все возможные тесты на отклонения в формуле ДНК у плода, я боялась. Я просто дрожала от страха перед тем, что мне предстояло увидеть через несколько минут.

— Ли, идем! Она может проснуться, и тогда все пропало! Не будем же мы ей наркоз вводить, чтобы посмотреть на шишку на лбу? — Миранда сильнее потянула меня за руку, и я подалась.

Мы скрылись за стеклянной стеной аппаратной, и расположились в креслах напротив компьютерных мониторов.

Миранда запустила томограф, и моя малышка скрылась под его огромным сводом.

На экранах компьютеров постепенно начало появляться изображение.

Я прилипла взглядом к снимкам, не в силах унять внутреннюю дрожь. Головной мозг — в порядке, шейный отдел — в порядке, грудная полость — в порядке, таз — в порядке, коленные чашечки —

— Мэнди, ты тоже это видишь? — спросила я у подруги, вцепившись в ее запястье ногтями.

— Ли, ...это...Линда, ты только не паникуй! Скорее всего — это простая киста, — затараторила моя подруга, а у меня на глаза навернулись слезы.

Под коленной чашечкой правой ноги моей годовалой дочери светилась микроскопическая чертовя опухоль. Оставалось молиться, чтобы это и в самом деле была обычная киста, а не аденома.

— Мэнди, вызови педиатра. Я хочу, чтобы они немедленно взяли биопсию клеток опухоли на анализ.

Мой голос дрожал, да что там голос — меня трясло от кончиков волос на голове, до кончиков пальцев на ногах. Мне срочно нужно было успокоительное.

— И попроси кого-то из сестер сделать мне укол феназепама.

— Ли, детка! Это простая киста! — Миранда встала с кресла, наклонилась и положила свои руки поверх моих ладоней. В ее глазах читались уверенность и спокойствие. Я смотрела в ее глаза и постепенно успокаивалась.

— Дай Бог, Мэнди! Дай Бог!

Она кивнула и выскочила в коридор, оставив меня наедине с мониторами и спящей в томографе дочерью.

Я смотрела на ее торчащие из-под простыни маленькие розовые пяточки и глотала слезы.

Господи! Только не аденомы! Я этого не вынесу! Моя малышка не заслужила такой

участи! Я начала молиться, сжимая в кармане халата мобильный телефон. Внезапно моя рука ощутила сильную вибрацию.

Я достала аппарат из кармана и посмотрела на экран. Звонил Итон. Я прикрыла глаза. Боже, пусть хотя бы там все будет хорошо!

— Да, Итон.

— Ли, ты только не волнуйся... — он замолчал, а мое сердце провалилось в желудок. Значение этих слов трудно было переоценить. Они нашли новую, или, что гораздо хуже, новые аденомы.

— Сколько? — спросила я потухшим голосом.

— Две. Одна под коленной чашечкой, а вторая на уровне ключицы.

Земля поплыла у меня под ногами. Слова Итона эхом отдавались в моем сознании — «под коленной чашечкой...под коленной чашечкой...под коленной чашечкой...»

— Боже, Итон! Нет! — завывала я в трубку и выронила телефон из дрожащей руки.

Неужели мой ад начинается сначала?!

Часть II. Глава 4

Глава 4

Первые рассветные лучи ползли по серым стенам палаты, точно жирные желтые гусеницы. Я была не уверена, что мне удалось поспать в эту ночь — в голове стоял туман, а реальность перемешалась с воспоминаниями.

Я сидела на узком черном диванчике для посетителей в палате 3015 на этаже общей хирургии, и не замечала, как затекла моя рука, поддерживающая подбородок, и что я уже не чувствую правую ногу, пережатую перекинутой на нее левой ногой.

Глаза слипались, но адреналин в крови не давал мне уснуть. Я закрывала отяжелевшие веки, и смотрела кино — первая встреча с Рэем, наша нелепая роспись в мэрии, разрыв стенок его аорты, наш дом, отпуск на Санторини, самолет с греческими парамедиками, и так по кругу до дня рождения Виктории.

Я устроила мужа и дочь в одну палату, и, после проведения срочной радиочастотной абляции сложному пациенту, вернулась к ним.

Они спали вместе, на одной кровати, прижавшись друг к другу. Маленькая головка Вики спряталась за широкой рукой Рэя, так что мне было видно только ее пушистые волосы. Ее маленькая ручка с крепко зажатой пустышкой лежала у Рэя на животе.

От этой картины на глаза вполне могли навернуться слезы умиления, если бы не одно существенное обстоятельство — а именно то место, где заснули мои муж и дочь.

Воздух в палате был пропитан тревогой и сомнениями. Я с нетерпением ждала открытия лаборатории, чтобы забрать результаты биопсии клеток опухоли Вики. Я молилась почти всю ночь, уговаривая Господа позволить Миранде быть правой. Пусть это будет обычная киста, заработанная при родах или одним из многочисленных падений моей делающей свои первые шаги дочери!

Но обстоятельства были против меня. Я очень, очень сильно сомневалась, что опухоли Рэя и Вики, обнаруженные в одном и том же месте, имеют разную природу. Десять лет учебы и практики наводили меня только на одну мысль — это генетическое заболевание, и оно передается по наследству. Без вариантов, Линда.

Моя малышка тихонько засопела, и перевернулась на другой бок, а Рэй, не открывая глаз, подстраховал ее от падения с кровати, выставив руку, как шлагбаум. Идеально. Это идеальные отец и дочь, которые, скорее всего, больны одним и тем же заболеванием —

идеальными опухолями, от которых нет иного спасения, кроме постоянных хирургических вмешательств.

Боже! Я знаю, что грешно жаловаться и сетовать на жизнь, но неужели ты думаешь, что я должна пройти через это? Зачем ты посылаешь мне это испытание? Неужели я еще не доказала тебе, что имею достаточно внутренней силы и железной воли? Неужели эта болезнь — мой шанс? Но шанс на что?

За этими размышлениями меня застала Мэнди, которая тихонько просунула голову в приоткрытую дверь, и шепотом позвала меня:

— Линда, ты как?

— Неважно, были времена и получше, — устало бросила я, сдерживая зевок.

— Ты срочно нам нужна. Парень упал со строительных лесов, и чудом выжил. Но у него множественные переломы, пневмоторакс, и разрыв околосердечной сумки. Он уже в операционной. Сэм займется переломами, а я поврежденным легким.

— Окей.

Я встала, легким прикосновением поцеловала малышку в ее теплый нежный лобик, и вышла в коридор.

— Лаборатория еще не открылась? — спросила я, глядя на часы. Стрелки показывали 7:15.

— Еще нет, они с восьми, — ответила Мэнди на ходу.

Я недовольно поморщилась и зашла в лифт сразу за подругой. Терпеть не могу, когда меня отвлекают от операции какие-то тяжелые назойливые мысли. Как мне теперь сосредоточиться на спасении этого парня, когда моя голова занята кучей вопросов о состоянии здоровья мужа и дочери?

— Что ты делаешь? — спросила Миранда, видя, как я быстро набираю сообщение на смартфоне.

— Пишу постовой медсестре, чтобы забрала результаты тестов Вики сразу же, как откроется лаборатория и позвонила в операционную.

— Ты серьезно думаешь, что узнав результаты, сможешь работать спокойнее? — Мэнди недоверчиво вскинула брови, — А если новости будут плохие? Линда, это может стоить парню жизни!

Черт бы побрал Миранду с ее нравоучениями! Но она была права.

— Ладно, — я начала набирать второе сообщение, отменяя предыдущее распоряжение, и в этот момент двери лифта распахнулись на седьмом операционном этаже.

Я зашла в операционную и сразу же отбросила все личное. На столе лежал молодой симпатичный парень со смешными курчавыми волосами, как у Джастина Тимберлейка. Я сразу подумала о его семье — матери, отце, может быть брате или сестре, девушке или невесте, и моя голова тут же посветлела.

— Патрик Холди, двадцать три года, — начал зачитывать мне диагноз уже стоящий у операционного стола Сэм, — множественные переломы, пневмоторакс, разрыв легкого. Состояние стабильное, но нам лучше поторопиться, пока его грудь не разорвало на части от внутреннего кровотечения.

— Доброе утро, шеф! — поприветствовал меня Лэндон Брибидж, сидящий на своем стуле в изголовье пациента с неизменной газетой с кроссвордами, — пятый президент Соединенных Штатов, пять букв?

— Монро, — ответила я на автомате, и подошла к столу, — Скальпель на 10,

пожалуйста.

Грудь пациента была неестественно поднята. Очевидно, изнутри на нее оказывало сильное давление большое скопление крови. Я осторожно начала разрез, и на меня фонтаном хлынула темно-бордовая жидкость.

— Отлично выглядишь, — усмехнулся Сэм, бросив на меня смешливый взгляд, — особенно эти капли на твоём лбу — прекрасно гармонируют с цветом твоих глаз.

— Заткнись уже, шутник, — бросила я ему, и забралась руками между ребер, — Отсос, немедленно. И пилу! Будем вскрывать грудную клетку.

— Давай я займусь отсосом, — подала голос Мэнди, — все равно до легких пока не добраться.

Я передала подруге отсос, а сама нащупала пальцами разрыв ткани окологердечной сумки.

— Линда, ты напряжена! Результаты биопсии еще не готовы? — спросил Сэм, помогая мне раздвинуть ретрактором грудь пациента.

— Еще нет, — буркнула я, опасаясь расклеиться и снова погрузиться в свои мрачные мысли.

— Все будет хорошо, детка, — добродушно сказал он, — я узнавал.

— Сэм дело говорит, — поддакнула ему Мэнди.

— Спасибо, — выдохнула я, и, очистив место порыва от сгустков крови, начала накладывать шов.

Сэм тем временем передвинулся поближе к тазу парнишки и начал установку спиц.

— Линда, может быть это сигнал свыше? — осторожно начал Сэм, — Может быть, именно тебе предстоит стать тем врачом, который сможет найти лекарство от этой болезни? Может, это твое предназначение?

Я ухмыльнулась. Ничего себе предназначение — видеть, как страдают близкие тебе люди! Особой болью в груди отзывались мысли о Вики. Эта кроха, у которой еще даже не все зубы прорезались, не понимала, что такое боль и как нужно ее терпеть. Мое сердце разрывалось на части каждый раз, когда она жалобно плакала, будь то ушиб от падения, или рвущийся сквозь десна наружу второй резец. Мне хотелось уберечь ее от всего плохого, что может подкинуть ей жизнь. И уж тем более мне была противна сама мысль, что мой ребенок станет подопытным кроликом для испытаний нового лекарства от множественных прогрессирующих аденом. Ни одна премия в мире не может оправдать боль и слезы ребенка.

— Сэм, а ты хотел бы такое предназначение для себя? Ты думаешь, что нобелевка по медицине стоит хотя бы одной слезинки Виктории? Так могут говорить только люди, у которых нет детей!

— Ты права, Ли. У меня нет детей. Но если бы у моего ребенка диагностировали подобное заболевание, я бы точно не стал сидеть на месте. Если это нельзя отменить, то мы должны попытаться это победить!

Я пожала плечами. Во-первых, я не и не собиралась сидеть, сложа руки. А во-вторых, диагноз еще не подтвержден, и есть слабая надежда, что все наладится. Однако, в словах друга было рациональное зерно, и он был прав касательно того, что раз уж я с этим столкнулась, то мой долг хотя бы попытаться одолеть эту заразу.

— Сэм, я не буду сидеть, сложа рукава, и горевать о судьбе-злодейке. Если диагноз Вики подтвердится — это будет делом чести. Или я уничтожу эти аденомы, или они уничтожат мою жизнь и семью.

Я отпустила зажим и легонько толкнула пальцем сердечную мышцу пациента. Главный человеческий орден сперва судорожно сжался, а затем появилось легкое, но ритмичное сердцебиение.

— Отличная работа, шеф! — сказала Мэнди, передавая отсос медсестре, — а теперь, если позволишь, я поработаю.

Я отошла в сторону и выдохнула. С пациентом все будет в порядке. Но в порядке ли я?

Сняв перчатки и выбросив их в мусорный контейнер, я достала из кармана брюк телефон. Мое второе сообщение постовой сестре не отправилось. Я недовольно сдвинула брови, и в эту минуту в операционной раздался телефонный звонок. Не сомневаясь, что звонит именно Тайра, я сняла трубку.

— Восьмая операционная.

— Доктор Скайфилд?

— Это я.

— Пришли результаты биопсии Виктории.

Я затаила дыхание и скрестила за спиной пальцы.

— Что там, Тайра. Говори. Я уже закончила оперировать.

— Мэм, это аденома.

Я не выронила трубку и не начала биться головой о стену. Но все мое существо сжалось от досады и разочарования в комок. Стало тяжело дышать, по щеке потекла первая соленая слеза. Что ж, Линда. Только не раскисать. Видимо, мне придется принять этот вызов, и выиграть даже не отдельный бой, а целую войну. Ради Вики. Ради Рэя. Ради себя.

Часть II. Глава 5

Глава 5

Я сидела в своем кабинете и злилась. Десять минут назад я нажала «отбой» и закончила так ничего и не давшую видеоконференцию с участием ведущих хирургов и онкологов Соединенных Штатов и Великобритании.

Чертовы консилиумы — один за другим, — отнимают все время, не оставляя ничего. Ровным счетом. Джеффри Раш (символичная, в моем случае, фамилия, не правда ли?) — ведущий онколог центра Мемориал Слоан-Кеттеринг из Нью-Йорка предложил попробовать остановить возникновение аденом химиотерапией.

Очень любопытный вышел бы эксперимент, если бы это не были доброкачественные опухоли моего мужа, и, что еще важнее, моей дочери.

Глава общей хирургии военного госпиталя из Оклахомы, Ройсон Яблонски (судя по всему, совсем не коренной американец) предложил раз в месяц делать МРТ, чтобы иметь возможность малоинвазивным способом удалять микроскопические новообразования. Чудесный старикашка, который, почему-то, совсем забыл о том, какую дозу облучения получают мои родные за год таким образом, и что это, с вероятностью 50 процентов, превратит наши драгоценные аденомы в карциномы или нейробластомы, или еще какие-нибудь другие, но уже раковые опухоли.

Все лишь разводили руками, не предлагая ничего дельного. Только бред, который вырывался из ртов уважаемых лично мной и коллегами, известных в мире медицины людей.

В дверь постучали, и в приоткрывшуюся щель просунулась стриженная почти под ноль голова Сэма.

— Ли, можно? — спросил он, неловко дернув носком своего ботинка, который выглядывал из проема.

— Входи, — махнула я ему.

Он вошел и плюхнулся на уже порядком потертый кожаный черный диван. В его усталых добрых глазах читалось сочувствие. Не жалость, и не облегчение, сродни тем, что бывают у случайных свидетелей чьей-то болезни, когда они думают «слава Богу, меня это не касается». Сэм абсолютно искренне сопереживал моей беде и принимал в поисках решения самое непосредственное участие.

— На сегодняшних снимках Вики и Рэя все чисто. Дженнифер молодец! Virtuозно расправилась с той опухолью под коленом твоей дочери — не задето ни одно сухожилие, и ни один важный нерв. Она поправится и будет бегать шустрее прежнего!

Дженнифер Арлингтон — новая глава детской хирургии, переведена из Мейо полгода назад. Я сразу обратила внимание на ее пальцы — слишком тонкие и немного короткие. Мне казалось, что хирургу не просто с такими пальцами. Но я ошиблась. Обычному хирургу действительно такие пальцы доставили бы много проблем. Вплоть до решения оставить профессию. Но для хирурга в педиатрии это было то, что нужно. Ее пальцы — идеальный инструмент для работы с мизерными детскими сердцами, почками, и такими аденомами — размером с косточку от яблока.

— Отлично. А что Рэй?

— О, ему не привыкать. Он, как обычно, строил глазки медсестрам, шутил и требовал принести банановое желе вместо вишневого.

Я закатила глаза. Не могу сказать, чтобы я его ревновала. Я полностью доверяла ему. Но Рэй оставался тем же мужчиной, который покори́л меня одним своим голосом, когда я еще даже не видела его лица. Он не мог вдруг стать замкнутым и молчаливым семьянином, который дальше собственной жены никого не видит. Я понимала это, но, все же, боялась, что однажды он поймает в свои ловкие обаятельные сети слишком крупную рыбу.

— Ты ревнуешь? — Сэм словно прочитал мои мысли.

— Нет, и ты это знаешь. Просто не хочу, чтобы около него вились все эти легкомысленные девицы.

— Окей. Тогда я пойду и скажу ему, что шутить и острить дозволяется только с главами отделений. И никаких ветреных медсестричек! Приказ ее величества — шефа хирургии!

Этот ирландец умел поднять настроение. Я невольно улыбнулась, представляя себе эту комичную сцену: Сэм, как королевский гонец, важно появляется в его палате, достает из кармана пергаментный свиток, трубит несколько раз в свой фонендоскоп и зычным голосом начинает зачитывать мое распоряжение.

— Оставь свои глупости для бара, — добродушно, словно отмахиваясь, ответила я ему.

Его лицо сразу посерьезнело. Он весь подобрался, выпрямил спину и пытливо посмотрел мне в глаза.

— Конференция что-нибудь дала? Какие были предложения?

Я сморщила рот и отрицательно покачала головой.

— Ничего. Эти умники с кучей наград и научных разработок понятия не имеют что делать с множественными прогрессирующими аденомами, которые к тому же еще и передаются по наследству.

— Линда, это и неудивительно. Если бы кто-то в наши дни знал, как одолеть эту заразу — лекарство бы уже было разработано и успешно применялось. Но вся соль как раз и состоит в том, что никто не знает, что с этим делать. Я еще неделю назад, после операции Тайры, сказал тебе — что ты должна попробовать собрать консилиумы, не ожидая от них

сразу готового решения. Это просто мозговой штурм с участием лучших представителей от медицины. Ты должна тянуть из них все, что можно. Я не могу поверить, что сегодня опять не было высказано ни одного предложения, за которое можно было бы зацепиться.

— Сэм, я, по-твоему, совсем идиотка? — я вспыхнула, услышав упрек, — я не и жду, что кто-то из них скажет: «Оу, доктор Скайфилд! Как хорошо, что вы пригласили меня на эту видеоконференцию! У меня как раз на полочке завалилась экспериментальная, но уже прошедшая клинические испытания, микстура от множественных прогрессирующих аденом!».

Я завелась, бросая на друга гневные взгляды. Я прекрасно знала причину своего гнева — это вовсе не Сэм, и не чертовы профессора. Все дело в моей беспомощности перед опасным и коварным врагом. У меня нет ни щита, ни меча. Я не могу защищаться и не могу атаковать. Вот что бесит!

— Ли, детка! Давай успокоимся, и ты расскажешь мне по порядку, все — что вы сегодня обсуждали. Возможно, ты что-то упустила. Выкладывай.

Я откинулась на спинку кресла и зачем-то взяла в руку карандаш. Пустой жест, призванный занять чем-то перевозбужденное воображение.

— Как скажешь, — буркнула я, — но через час я должна обедать с Рэем в «Смоки», а туда еще добраться нужно.

— Я весь — внимание, — серьезно ответил Сэм, вперившись в меня пронзительным взглядом.

Обычно узкие, как у кошки, зрачки его голубых глаз расширились, словно он ожидал от меня не просто протокольного пересказа моего увлекательного общения с медицинскими мастодонтами, а самого настоящего чуда. Увы, Сэм. Чуда не будет.

— Сегодня я говорила сразу с пятью хирургами и двумя онкологами, — начала я, словно отвечаю на экзамене, — Джефффри Раш из Нью-Йорка, Ройсон Яблонски из Оклахомы, Нинель Спарроу из университетской клиники Майами, Келли Вайтинг из Лондонского Парксайт Центра, Иден Форест из больницы Джона Хопкинса, Джо Маквил из Университета Лома Линда, и юное дарование Сьюзи Драм из госпиталя Кливленда, на счету которой определенные, но несколько сомнительные успехи в генной медицине.

— Так, — со знанием дела кивнул Сэм, точно знал каждого из представленных и даже жал им руку.

— Джефффри Раш меня просто выбесил, предложив лечить их химиотерапией, — я насупила брови и посмотрела на Сэма, ожидая от него поддержки.

— Бред! — отрезал мой друг, а я облегченно выдохнула. И я так думаю, Сэм.

— Иден начала что-то говорить о криотерапии и лечении ледяной водой, но я очень вежливо заткнула ее. Она классный специалист по удалению опухолей, но, очевидно, ни черта не смыслит в их природе. Просто машина для резекций.

— Я вообще не понимаю, зачем ты её привлекла. Она отменный исполнитель, опытный хирург, но никогда не занималась наукой. Её страсть — человеческое тело и скальпель, — недоуменно заявил Сэм, бросив на меня укоризненный взгляд.

— Бог с ней, — отмахнулась я, и продолжила, — Нинель предложила попробовать пересадку костного мозга. Но это очень опасно. Я не хочу рисковать. Да и от кого пересаживать? У Кевина наверняка тот же самый ген, только в спящем состоянии. Я боюсь, что и у его ребенка проявится это проклятое заболевание. А пересаживать от неродственного донора — значит подвергать Рэя и Вики необоснованному риску.

— Ну, я бы не стал совсем отменять этот вариант, — вставил Сэм, — но ты права — это не выход.

— Келли поддержала Нинель и сказала, что Лондонская клиника заинтересована в таких пациентах. Только подумай — мой муж и моя дочь нужны им, чтобы проводить экспериментальное лечение, а потом заграбастать себе все лавры.

— Линда, не все в этом мире враги, и не все хотят нажать на твоей беде, — мягко вставил Сэм в образовавшуюся паузу, — я надеюсь, ты не сказала ей открыто, что обо всем этом думаешь?

— Нет, но чем дальше, тем больше я превращаюсь в параноика. Мне и правда всюду чудятся жаждущие премий и почета экспериментаторы. А ведь это моя семья!

— Ли, детка, я думаю, никто лучше тебя не справится с этой задачей. Тебе бы только ухватиться за идею! Какие мысли еще высказывали коллеги?

— Яблонски предложил все свести к контролю и ежемесячному МРТ.

— Слишком большая доза облучения, да и кардинально проблему не решит, — парировал Сэм, я лишь махнула рукой, потому что его мнение на сто процентов совпадало с моим.

— Странная девушка из Кливленда, которой нет еще и тридцати, но по слухам в больнице уже возникло что-то вроде секты ее последователей, промолчала почти всю конференцию, я так и не поняла, зачем она вообще согласилась на участие.

— Неужели ничего не сказала? — усомнился Сэм, — Сьюзи восходящая звезда генной медицины.

— Сказала, что в Китае провели успешное испытание лечения какого-то генетического заболевания с помощью модифицированного вируса. Что-то из области фантастики. Да и китайская медицина для меня не более чем шарлатанство.

К моему удивлению, Сэм промолчал. Он только сердито сдвинул брови, и посмотрел на свои ноги.

— Что такое, Сэм?

— Ли, я думаю — это вовсе не фантастика. И этот китайский эксперимент — наш единственный шанс. Я хорошо знаю Сьюзи по ее публикациям на тему перинатального лечения генетических заболеваний плода. Эта девушка далеко пойдет. Тебе следует с ней встретиться и все выяснить.

Я не ожидала такой реакции на, как мне казалось, пустяковое предложение ординатора. Сэм смотрел на меня решительно, точно говорил мне: «я знаю, что говорю». Я мысленно начала прокручивать ее робкий лепет в конце конференции, и с каждой секундой все громче в моей голове звучали ключевые слова — «генетическое заболевание», «модифицированный вирус», «Китай».

— Возможно, ты прав, — сдалась я в итоге, — но мне нужно обсудить это с мужем.

— Безусловно, — кивнул Сэм, — и, кстати, тебе пора, — он взглядом указал на часы, висящие на стене напротив.

Мой друг поднялся с дивана, еще раз бросил на меня тот самый, решительный взгляд, как бы ставя победную точку в нашей дискуссии, а затем вышел за дверь. В моей же голове по-прежнему звучал голос Сьюзи Драм.

Часть II. Глава 6

Глава 6

Я посмотрела на часы и недовольно поморщилась. Придется ждать Рэя в ресторане

полчаса, а может быть и больше. И почему я решила, что в полдень Чикаго будет стоять в пробках, и выехала так рано?

До «Смоки» оставался ровно один квартал или 3–4 минуты спокойной езды. Поразмыслив, покатаюсь ли мне еще по городу и эффектно появиться в ресторане в последнюю минуту, или смириться и заказать себе чашку какао с маршмеллоу, я выбрала последнее.

Припарковав свой мини-купер на углу с Милуоки авеню, возле ресторана «Бедфорд», я решила немного пройтись, чтобы потянуть время.

Погода была просто великолепна. В меру теплый ветер ласкал мое лицо, играя рыжими локонами. Из ресторанов и забегаловок доносились божественные ароматы еды. Подходило время ланча, и многочисленные офисные клерки суетливо забегали в излюбленные кафешки, чтобы перекусить и перекинуться парой фраз о начальстве, правительстве и своих семьях.

Увидев яркую вывеску любимого заведения моего мужа, я ускорила шаг. Невольно засмотревшись сквозь широкие окна ресторана на неспешно беседующих посетителей, я даже не сразу поняла, что увидела. Пролетев мимо очередного столика за стеклом на несколько шагов вперед, я, словно увидев приведение, задом вернулась к исходной точке.

Сидя напротив друг друга на мягких красных диванах с высокими спинками двое молодых людей — мужчина и женщина, — о чем-то спорили, активно жестикулируя и привлекая внимание остальных гостей вокруг.

Сотни таких разговоров происходят в миллионном городе ежеминутно. Но мой взгляд зацепился за эту парочку вполне справедливо. Мужчиной был Рэй.

Я отошла от того места, с которого они могли меня увидеть, и встала так, чтобы я могла продолжать наблюдать за ними, оставаясь незамеченной. Укрытием мне послужил высокий мусорный контейнер, принадлежащий соседствующей с рестораном мастерской по ремонту обуви.

Я всмотрелась в лицо спутницы моего мужа — миловидная, немного простоватая блондинка с агрессивным макияжем, полноватыми плечами и высокой острой грудью. Это все, что я могла увидеть со своего наблюдательного пункта.

Женщина что-то доказывала Рэю, наседая на него через стол, и стуча указательным пальцем по его деревянной поверхности. Рэй откинулся на спинку дивана и, закатив глаза, делал вид, что слушает эту дамочку.

Меня обдало жаром. Сердце словно облили бензином и подожгли. Кто эта женщина? Почему она здесь? И почему я ничего не знаю о ней?

Я даже не хотела придумывать никаких оправданий для мужа. Он просто мне изменяет. Это так очевидно и так невероятно, что я начала улыбаться, как идиотка, шепотом повторяя одну и ту же фразу — «да ладно!». Эта мантра слетала с моих губ каждые несколько секунд.

Я стояла, как вкопанная, потерявшись в этом мире и своих чувствах. Все мое существо было сосредоточено на этой немой картине. Мне до зуда в деснах хотелось послушать, о чем они говорят, и почему так пылко спорят.

Не понимая, что я делаю, я сорвалась с места и влетела в кафе. Рэй сидел ко мне спиной, а вот дамочка, которая не сразу обратила на меня внимание, теперь смотрела во все глаза, как я решительной походкой направляюсь к их столику.

— Приятного аппетита, — спокойно сказала я, пронзая блондинку полным ненависти взглядом.

— Линда? — Рэй вскочил с места и, словно пойманный с поличным воришка, принялся

вертеть головой по сторонам в поиске спасения, — Ты рано.

— Думаешь? — спросила я с сарказмом, — А, может быть, уже поздно?

— Нет, детка! Нет, — он вдруг схватил меня за плечо и начал отрицательно качать головой, — это совсем не то, что ты могла подумать.

— Так просвети меня!

— Это Хилари Скайфилд, моя сводная сестра.

Я недоуменно приподняла брови и нахмурилась, рассматривая девушку.

— Приятно познакомиться, мэм, — эта особа протянула мне ладонь для рукопожатия и нехотя улыбнулась.

— Линда, — я пожала ее руку, а затем смерила мужа недоуменным взглядом, — но ты никогда не говорил, что у тебя есть сестра!

— Я ничего не знал о ее существовании до вчерашнего дня. Вполне возможно, у меня есть еще много братьев и сестер. Ведь, как известно, старик Скайфилд был весьма любвеобилен.

— Угомнитесь, милочка, — выдала мне женщина, смачно выплюнув жвачку на стол. Я от неожиданности округлила глаза, впервые в жизни столкнувшись с таким откровенным проявлением хамства.

— Линда, Хилари не испытывает ко мне братской любви и просто хочет немного денег. В качестве моральной компенсации за безотцовщину. — Пояснил ее поведение мой муж, — Но Хилари уже уходит, не так ли? — он бросил на нее уверенный взгляд.

— Ага, — она встала, нарочито задев меня плечом, и, развязно виляя задницей, отправилась к выходу.

— Откуда она взялась? — спросила я, провожая взглядом ее фигуру за окном.

— Заявилась вчера ко мне в офис. Требуется миллион долларов, иначе огласит какой-то страшный компромат на моего отца, и тогда — по ее словам, — «Скайфилд Логистик» ждут тяжелые времена.

— И что ты думаешь?

— Для начала я предложил ей прости тест ДНК на установление родства.

— И?

— Она отказалась.

— Шарлатанка.

— Не думаю. Но очень может быть.

Я не заметила тоненькую фигуру официантки, которая, словно тень, выросла рядом со столиком.

— Добрый день, что будете заказывать?

— Стейк и какао, — сказала я, разглядывая тротуар за ее спиной. Хилари остановилась возле припаркованного Бьюика и что-то рассказывала водителю, склонившись над его окном.

— Мне бургер и колу, — сказал Рэй, — Что ты там рассматриваешь, Ли?

— Прости, но мне кажется, твоя новоиспеченная сестренка не только шарлатанка, но еще и проститутка.

В этот момент женщина еще сильнее нагнулась к водительскому окну, и из-под ее короткой юбки персикового оттенка показалась черная полоска стрингов и весьма объемные ягодицы. Через пару секунд она уже подошла к пассажирской двери и с веселой улыбкой прыгнула внутрь машины.

Рэй нахмурился, всматриваясь куда-то вдаль.

— Оставь, я разберусь с ней.

— Не нравится мне все это, — буркнула я, отхлебывая горячее какао, которое только что принесла официантка.

— Как Вики? — спросил он, откусив приличный кусок от своего бутерброда.

— Все чисто. Новых образований нет.

— Слава Богу, — выдохнул мой муж.

— Рэй, так дальше жить нельзя.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не хочу жить с часовой бомбой под боком. Даже двумя бомбами.

— Ты что, хочешь нас бросить? — в его глазах появился неподдельный ужас. Боже, неужели это все мои «могильные» интонации в голосе?

— Нет-нет, что ты, — я накрыла рукой его ладонь, — но нам нужно что-то делать, нам нужно остановить эту болезнь, пока она не уничтожила нашу жизнь.

— У тебя есть идеи? Мне кажется, мы это уже не раз обсуждали. Лекарства нет.

— Сегодня у меня был консилиум...

— О, Боже. Опять? — он перебил меня и откинулся на спинку дивана.

— Дослушай. Сюзи Драм из Кливленда подала мне одну идею. В Китае вылечили генетическое заболевание, внедрив в кровь пациента модифицированный вирус сибирской язвы.

— Ли, ты с ума сошла? — с жаром воскликнул Рэй, а его лицо превратилось в одну сплошную ухмылку, — Какая еще сибирская язва? Со мной можешь делать, все, что хочешь. Но экспериментировать со здоровьем Вики я тебе не позволю!

— Я и не собираюсь экспериментировать! — возразила я, ощутив обидные уколы от его слов, — Я хочу поехать в Кливленд и обсудить все это с доктором Драм. Сэм доверяет ей, он говорит, что она восходящая звезда генной медицины.

— И что потом?

— Если ее мысли покажутся мне здравыми, я подам заявку на президентский грант. Это займет несколько месяцев — мы наберем добровольцев со всего мира и будем проводить клинические испытания. И только после этого я применю этот метод к вам.

Рэй задумался. Его пронзительные графитные глаза смотрели прямо на меня, словно проверяя мою выдержку — не испугаюсь ли я, не переменю ли решения, не спасую ли перед предстоящими трудностями?

— И когда ты хочешь ехать?

— В следующий понедельник. Я возьму отгул.

— Хорошо.

— Хорошо.

Стейк на моей тарелке безнадежно остыл. Я отрезала небольшой кусок и отправила его себе в рот. Мои мысли были далеко, и, возможно, именно поэтому мой мозг никак не отреагировал на ощутимые потери во вкусе холодного мяса. Рэй доел свой бургер и встал из-за стола. Его нога все еще болела после резекции опухоли, и поэтому он несколько раз дернул носком в воздухе, прежде чем переложить вес тела на обе ноги.

— Тебя подвезти?

— Я на машине.

Он наклонился и нежно поцеловал меня в губы. Необычайно теплая и ласковая волна

нежности к нему накрыла меня с головой.

— Я люблю тебя, детка, — сказал он, — и впредь не смей меня ревновать к сомнительным блондинкам, — в его глазах загорелись озорные огоньки, — мне нужно пламя, а не лед. Мне нужна ты.

Он подмигнул мне и вышел на улицу, а я еще несколько минут прокручивала в памяти его поцелуй. Ты прав, Рэй. Ты чертовски прав. Я и есть пламя. И я сожгу дотла проклятые множественные аденомы.

Часть II. Глава 7

Глава 7

— Ты уверена, что недели будет достаточно? — Сэм выгнул брови, и улыбнулся своей фирменной улыбкой скептика.

Я закинула ногу на ногу, подражая Шерон Стоун, и сощурила глаза.

— Ты думаешь, недели не достаточно, чтобы составить план клинического испытания и подать заявку на грант?

— Нет, — он сменил ухмылку на широкую улыбку, — в твоих талантах я ни сколько не сомневаюсь. Я просто прикидываю, как долго смогу командовать ребятами из хирургии в твоё отсутствие. Соскучился по своей работе.

«Хитрый лис» — подумала я про себя, буравя его взглядом. Я давно заметила, что Сэму некомфортно работать на равных с бывшими подчиненными. Он чувствовал себя не в своей тарелке и постоянно норовил выдать какое-нибудь ценное указание.

— Если я получу грант, я буду вынуждена оставить должность, — я слегка наклонилась к нему, — так что, старина, держи кулачки за мой успех.

— Ты же знаешь, что я всегда держу их за тебя, а еще молюсь.

Я откинулась на спинку своего высокого удобного кресла, которое покачивалось при каждом движении, и с благодарностью посмотрела в глаза друга.

— Как у тебя с Лизой? Она хорошенькая, — я подмигнула ему.

— Да, хорошенькая.... — лицо Сэма погрузнело, — но знаешь, я не хочу давать ей ложных надежд. Она заслуживает парня с серьезными намерениями, а не озабоченного кабеля, который ищет, кого бы затащить в койку на пару ночей.

— Еще не отпустило?

— Нет. Я думал, что два года в Афганистане помогут мне справиться с этим чувством. Но вот я здесь, и вот я случайно встречаюсь с ней у лифта, — Сэм закрыл глаза и положил голову на спинку дивана, — я чувствую ее запах — ландыш, мята и нотки шоколада, — я почти наяву ощущаю шелк ее волос, и тут срабатывает звонок, сообщающий о прибытии кабины. Я вынужден открыть глаза, и проводить глазами ее спину.

— Вы даже не здороваетесь?

— Она игнорирует меня. Никак не может простить мне, что мои жизненные цели диаметрально противоположны ее целям, как будто я могу что-то изменить в своем восприятии мира, как будто только я должен что-то менять, а ей позволено оставаться прежней — бескомпромиссной карьеристкой с высокой грудью, низким голосом и самыми нежными губами.

Сэм завелся. Очевидно, его чувства к Марго не только не остыли, но напротив — еще больше подогрелись под жарким солнцем Кабула.

— Ты попал, — констатировала я, — боюсь, так просто это не закончится. Вдвоем вам будет тесно под сводами этой больницы, и даже под синим небом Чикаго. Кому-то придется

уехать.

— Надеюсь, она одумается.

Я снисходительно улыбнулась безнадежно влюбленному другу, думая про себя, что такие женщины, как Марго не меняются ради мужчины. Они не меняются вообще.

Телефонный звонок прервал нашу милую беседу. Прежде, чем снять трубку, я посмотрела на простые белые часы с черными стрелками напротив моего стола — до конца рабочего дня не больше получаса. Миранда, наверняка, уже в предвкушении вечернего променада по свадебным ателье. Я пообещала пройтись с ней по магазинам и помочь выбрать фасон платья.

— Шеф Скайфилд слушает, — ответила я.

— Мэм, к нам в приемное отделение везут заключенного из тюрьмы «Мэриот». Вы нужны внизу, чтобы подписать документы.

— Окей.

Я положила трубку.

— Идешь со мной в приемное? Везут заключенного из тюрьмы «Мэриот».

— Да, идем.

Мы оба встали со своих мест, и вышли из кабинета. Когда дверки лифта распахнулись, выпуская нас внутрь, я невольно наморщила лоб. Маргарита Сансет собственной персоной, уже без униформы, как всегда безупречно одетая, как будто вошла в этот лифт прямо с трапа самолета, который привез ее с Миланской недели моды, со скучающим видом подпирала стенку. Увидев Сэма, она вспыхнула, и отвела взгляд.

— Добрый вечер, шеф, Сэм — устало поздоровалась она, стараясь избегать встречи глазами с моим другом.

— Хороший был день, доктор Сансет? — решила я разрядить обстановку.

— О, да. Мне удалось удалить опухоль, которая проросла в мозжечок.

— Похвально, доктор Сансет.

Звонок возвестил о том, что мы приехали. Марго выскочила из лифта первой, не удосужившись даже попрощаться. Ее эффектная летящая походка заставила нас с Сэмом на мгновение застыть у дверей лифта, и проводить ее взглядом.

— Могу тебя понять, — прошептала я.

— Идем, — он подхватил меня под локоть и потащил в сторону приемного отделения.

В приемном уже было полно копов. Они окружили каталку, на которой лежал мужчина в оранжевой робе. Я подошла к дежурному врачу — ординатору первого года Джексону Дайву, и без особого интереса спросила:

— Что там?

Он протянул мне на подпись бумаги. Я зацепила пальцами края документов, чтобы перелистнуть на последнюю страницу, но мой взгляд остановился на знакомой фамилии в шапке страхового договора — Мидлтон. Словно часовой механизм сработал в моей голове, заводя шестеренки. Я замерла и уставилась в то место, где было написано полное имя пациента. Мои глаза абсолютно отчетливо видели набор букв, который мой мозг отказывался признавать за правду. Дерек Мидлтон — узник тюрьмы «Мэриот», угодивший туда за неудачную попытку изнасилования. Тот самый Дерек, который почти заставил меня взять в рот свой вонючий отросток. Комок встал в моем горле, мешая дышать. Волны тошноты прокатывались по пищеводу, поднимая к гортани желчь и желудочный сок.

— Шеф, что с вами? — во взгляде Джексона скользила настороженность.

— Э-м-м... ничего, — я посмотрела на него так, словно звук его голоса раздражал меня, — что с пациентом?

— Ранение карандашом в шею. Драка с сокамерниками.

Я подошла к каталке. Нервная дрожь била меня, словно разряды дефибриллятора. Над Дерекком, лежащим без сознания, склонилось сосредоточенное лицо Аманды Хофф. Ее пальцы ловко ощупывали место прокола, из которого торчал карандашный огрызок, проверяя, задета ли сонная артерия.

— Что здесь? — спросила я, скрывая дрожь в голосе.

— Увы, но артерия задета, — подбежавший к нам медбрат передал ей в руки рентгеновские снимки. — Ну вот, — разочарованно выдохнула Аманда, — на снимках это отлично видно. Стоит нам вытащить карандаш — он за несколько секунд умрет от кровопотери.

— Ты возьмешься?

— Попробую, — с сомнением ответила Аманда, — Ты узнала его, не так ли? — шепотом спросила она, подняв на меня глаза. Я молча кивнула и сглотнула. — Он больше не опасен.

— Знаю.

Аманда повернулась к стойке медперсонала и крикнула:

— Готовьте восьмую операционную, и как можно больше крови и тромбоконцентрата!

Медсестры засуетились, начав обрывать телефоны. Двое крепких медбратьев покатали носилки с Дерекком к лифту. И в этот момент по громкой связи вызвали Аманду.

— Доктор Хофф! — вещал строгий голос из динамика, — Немедленно подойдите в палату 4015. Код синий. Повторяю. Доктор Хофф, немедленно подойдите в палату 4015. Код синий.

Аманда застыла с выражением ужаса на лице.

— Линда, прости! Тебе придется взять операцию на себя. Мой пациент с пересадкой сердца..., я должна идти!

Она резко развернулась в противоположную сторону и побежала к запасному лифту. И только когда за ней закрылись двери кабины, я поняла, что только что произошло. Мне придется спасти жизнь этому поддонку.

Я сжала кулаки так сильно, что мои острые ногти врезались в тонкую кожу ладоней.

— Доктор Скайфилд! — на мое плечо легла рука дежурного врача, — Вы будете оперировать заключенного?

— Да, — прошипела я.

— В операционной все готово.

— Спасибо.

Я закрыла глаза, сделала глубокий вздох, и решительно направилась к лифтам. В конце концов, я давала клятву Гиппократу. Обещала, что буду одинаково хорошо лечить и мужчин, и женщин, и белых, и черных, и бедных, и богатых, и, как теперь оказывается, и хороших, и плохих.

Оказавшись в предоперационной, и с ожесточением натирая руки мыльным раствором с антисептиком, я думала только об одном — как сдержаться и не убить его?

Я на автомате выполняла все необходимые действия — протянула руки сестре, чтобы она надела перчатки, покорно подставила голову для повязки, позволила туго затянуть завязки одноразового халата на спине.

— Скальпель на девять, — сухо скомандовала я, сосредоточившись взглядом на месте ранения. — Триша, накройте, пожалуйста, лицо пациента салфеткой. Сейчас может хлынуть кровь, я не хочу, чтобы она попала ему на голову.

Когда моя ассистентка из ординатуры накрыла Дереку лицо, я, наконец, смогла отвлечься от мрачных мыслей и сконцентрировать все внимание на операционном поле. Я старалась действовать крайне аккуратно, словно сапер на боевом задании, но карандаш угодил прямо в артерию. Едва я потянула за него пинцетом, как на меня хлынул фонтан крови.

— Срочно два пакета крови и пакет тромбоцитов! — крикнула я, зажав рану обеими руками.

Монитор рядом с моим ухом верещал от ужаса, показывая экстросистолию.

Я давила на рану с такой силой, словно топила его и удерживала ненавистное лицо под водой. По моим жилам растеклась такая мощь, что я чувствовала как горят мышцы на плече и предплечье.

Кровотечение остановилось, а на экране появился синусовый ритм.

— Доктор Скайфилд, как мы будем зашивать рану? — спросила ошарашенная Триша, — если вы отпустите руки — кровь хлынет вновь!

Я закрыла глаза и задумалась. Выход был только один — перевести пациента на искусственное кровообращение, продолжать надавливать на место разрыва стенок артерии, а левой рукой наложить заплатку из сосудистой ткани.

— Триша, ты когда-нибудь брала для заплатки часть вены под коленной чашечкой?

— Да.

— Отлично. Переводим пациента на ИК.

Персонал засуетился вокруг меня, как муравьи. Я старалась не думать о том, что мои руки горят от напряжения, глаза слезятся, а в носу щекочет из-за выбившегося из прически волоска.

Ты мразь и козлина, Дерек Мидлтон. Но я спасу тебя, черт подери!

Часть II. Глава 8

Глава 8

Сквозь прозрачный стеклянный купол международного аэропорта «Охара» в Чикаго внутрь зала ожидания проникали тяжелые фиолетовые тени от затянувшегося небо грозового фронта. Каждые пять-десять минут горизонт пронзала вспышка молнии, а следом раздавался оглушающий треск грома.

— Не нравится мне это. Может, будет лучше, если ты полетишь завтра? — Рэй притянул меня к себе и прижался губами к виску.

— У меня нет времени. Последний срок приема заявок на получение гранта уже в эту пятницу, — я глубоко вздохнула, подавляя нарастающее внутри меня раздражение, — из-за этого поддонка Дерек Мидлтон мне итак пришлось перенести перелет на два дня.

Я прикрыла глаза, вдыхая аромат любимого мужчины. Перед глазами сразу же замельтешили события двух последних дней — девятичасовая операция, онемевшая рука, которая теперь болтается на плечевом биндаже, прорыв сосудистой заплатки и остановка сердца, клиническая смерть и новая операция. Я до сих пор не могу понять, зачем так страстно, так яростно сражалась за жизнь этого человека?

«Ты сделала то, что должна была» — сказала мне Мэнди, а затем добавила — «поверь, он предпочел бы умереть, чем вернуться в камеру к людям, которые желают его смерти».

— Т-с-с..., - мое ухо накрыло тепло дыхания Рэя, — ты вновь начинаешь злиться, не нужно этого делать. Ты больше не увидишь его.

— Надеюсь, — выдохнула я и аккуратно отстранилась от мужа.

Моя правая рука, которая несколько часов надавливала на место разреза, нещадно ныла и горела. Молочная кислота разъедала плоть. Я старалась отогнать прочь эти мысли.

Шахматный пол под моими ногами блестел чистотой. Мне, почему-то, в эту минуту пришла в голову мысль, что вся моя жизнь после знакомства с Рэем самая настоящая шахматная партия. Я ферзь, который ведет неравный бой с вражеским королевским войском. Сейчас мой ход.

— Смотри, наша очередь, — нарушил тишину мой муж.

Я обернулась и увидела, что за стойкой регистрации на рейс нам приветливо улыбается молодая блондинка.

— Идем.

Рэй подхватил за ручку чемодан и покатил его к стойке. Я свободной рукой достала из сумочки водительское удостоверение и посадочный талон.

— Добрый день, — улыбнулась идеальной белоснежной улыбкой Саманта Коул — как гласила надпись на ее бейдже, — ваши документы, пожалуйста.

Я протянула ей документы, а Рэй поставил чемодан на ленту транспортера. Продолжая улыбаться, девушка долго всматривалась в мою фотографию на правах, а затем в мое лицо. Чемодан тем временем, нырнул в черную коробку сканера.

В какую-то секунду мне показалось, что улыбка девушки стала менее доброжелательной, и что она зачем-то тянет время. Через мгновение, она уткнулась в монитор компьютера перед собой, и начала что-то строчить на клавиатуре, не поднимая на меня глаз.

— В чем дело? — шепотом спросил Рэй.

Я пожала плечами, не понимая, что не так. В ровном гуле людских голосов и скрипа чемоданных колес мой слух различил четкие стремительные шаги за спиной. Я невольно вздрогнула, почуяв подвох. На мое плечо легла крепкая мужская рука. Мы с мужем резко обернулись.

— Миссис Скайфилд? — на меня смотрели карие глаза сотрудника внутренней безопасности аэропорта. За его спиной, скрестив руки на груди, стояли двое копов. Я удивленно выгнула брови.

— Да, это я. А в чем, собственно дело?

— Пройдемте, пожалуйста, с нами. — Сухо ответил мужчина.

— На каком основании? — Вспылил Рэй, загородив меня своим телом.

— Мистер Скафилд, не так ли? Вы тоже можете пойти с нами. В комнату досмотра личных вещей.

Я ровным счетом ничего не понимала. Что такого они увидели в моем чемодане, что потребовалось задерживать рейс и устраивать нам допрос с пристрастием?

— Хорошо, — я забрала документы у блондинки и спрятала их обратно в сумочку.

Взявшись за руки, мы с мужем последовали за строгим охранником и его товарищами из полицейского участка.

К моему удивлению, в кабинете, куда нас привели, не оказалось белых, выложенных больничной плиткой стен, железных стульев и настольных ламп для пыток. Уютная комната была обклеена приятными однотонными обоями бежевого цвета и утопала в цветах в

керамических площадках. Мой взгляд задержался на небольшом овальном столе возле высокого окна в пол, из которого открывался вид на нижний зал аэровокзала.

За столом, склонившись над бумагами, корпела миловидная женщина лет сорока с высокой старомодной прической. Поправив выбившийся вьющийся локон, она приспустила на переносицу очки и посмотрела на нас.

— Мистер и миссис Скайфилд?

— Да, — отрезал Рэй, — по какой причине нас задержали.

— Что это? — она взглядом указала на небольшую стеклянную емкость с кусочком заспиртованной человеческой плоти на полке справа от себя.

Я закрыла глаза и выдохнула. Эта колба была мне прекрасно знакома. Я своими руками поместила туда одну из удаленных опухолей Рэя, чтобы опробовать в Кливленде разработки Сьюзи Драм.

— Это аденома, — ответила я.

— Может быть, объясните? — женщина встала из-за стола, подошла к полке и сняла с нее банку, — как это оказалось в вашем чемодане и есть ли у вас разрешение на перевозку.

В суматохе двух последних дней я совсем забыла об этой колбе и, соответственно, о необходимом для ее перевозки разрешении. Похоже, сегодня я никуда не лечу. Черт!

— Я шеф хирургии клиники Раш. В банке образец опухоли моего мужа. Я лечу в Кливленд для совместной работы в госпитале с доктором Сьюзи Драм. Мы подаем заявку на государственный грант для исследования метода вирусолечения подобных опухолей.

— Хм... — выдала женщина, поставив банку обратно на полку, — но, вы же понимаете, что без соответствующих документов я не могу пустить этот багаж на борт. Или вы летите без этого образца ткани, или получаете разрешение и летите другим рейсом.

— Я позвоню в клинику, мне привезут разрешение в аэропорт. Поскольку я сама шеф хирургии — я здесь же его и подпишу. Когда следующий рейс?

— Через три часа.

— Окей.

Рэй крепко сжал мою ладонь. Я почувствовала его поддержку.

— Ничего страшного, Ли, — тихонько сказал он, — вы успеете.

— М-да... — пробурчала я, доставая из сумки мобильник.

Пока я рылась в сумочке, в дверь постучали и тут же, не дожидаясь ответа, внутрь залетел уже знакомый мне сотрудник безопасности с испуганным лицом.

— Мэм, на сканере багажа одного из пассажиров рейса Чикаго-Даллас высветилось несколько маленьких пакетов. Содержимое похоже на героин.

Мужчина запыхался. Его глаза блестели от волнения. Из висящей на его груди рации хрипели голоса копов.

Женщина на мгновение застыла, а затем скомандовала:

— Вызвать ФБР, представителей отдела по борьбе с наркотиками, пассажира задержать. Я иду.

— А с этими что? — он взглядом указал на нас.

— Закройте их пока тут, до выяснения обстоятельств.

— Но.... — я раскинула недоуменно руки, наблюдая, как за женщиной захлопнулась дверь.

За моей спиной Рэй плюхнулся на мягкую тахту и вытянул ноги. Скрип подошвы его ботинок о паркет заставил меня поежиться.

Набрав номер Сэма, я уселась рядом с мужем и положила голову ему на плечо.

— Слушаю, — зазвенел в трубке веселый голос друга, — уже соскучилась? Или не доверяешь?

— Сэм, я забыла разрешение на перевозку образца опухоли.

В трубке повисло молчание.

— Ли, ну как так-то?

— Ну, вот так. Сделаешь?

— Сделаю. Тебе с курьером отправить?

— Да.

— Окей. Но с учетом трафика на дорогах — ты получишь бумагу не раньше, чем через час.

— Следующий рейс все равно через три часа. Успеем.

— Хорошо.

— Хорошо.

Я положила трубку.

— Мы заперты, — как-то по-особенному сказал Рэй и посмотрел мне в глаза.

— Заперты.

— И у нас есть минимум полчаса... — он немного приподнял в улыбке уголки рта и провел рукой по моей ноге.

Я с удивлением посмотрела на него, ощущая от его прикосновения волну тепла, которая разливалась по телу, заставляя сердце замедляться, а дыхание замедляться.

— Ты хочешь...? — прошептала я, сжав рукой набухшую плоть под его брюками.

Рэй широко распахнул глаза и резко притянул меня к себе.

— Мы еще никогда не занимались любовью в комнате досмотра преступников аэропорта, — его дыхание обожгло мою кожу.

— В таком случае, не будем упускать эту уникальную возможность.

Его губы коснулись моей щеки, а затем страстно и яростно впились поцелуем в приоткрытый от возбуждения рот. В промежности мгновенно стало жарко. Мышцы пульсировали в трепетном ожидании оргазма.

Неожиданно он вскочил с тахты. Его зрачки расширились, к щекам прилила кровь. Вельветовые брюки с трудом сдерживали напор его возбужденного пениса. Он быстрым уверенным движением снял с себя джемпер и сорочку, затем стянул брюки и протянул мне руку.

Поддавшись силе его притягательного взгляда, я встала и тут же оказалась прижатой спиной к его горячему телу. Плавно, стараясь не причинить мне боли, он нагнул меня, задрал до живота юбку и провел ребром ладони между ног. Клитор отреагировал на эту ласку острыми спазмами желания.

Оперевшись здоровой рукой о сиденье тахты, я позволила мужу расстегнуть блузку и освободить покрывшуюся мурашками грудь.

Мягкая ладонь Рэя ласково сжала ее. Его нежные пальцы обхватили вытянувшийся розовый сосок и медленно потянули за него, вызывая сладкую, тянущуюся, как нуга, боль. Я издала тихий стон.

— Детка, ты хочешь? — возле моего уха прозвучал слегка охрипший голос мужа.

— Боже, сделай уже это! — я больше не могла терпеть, ощущая, как по внутренней поверхности моих бедер текут горячие соки из влагалища.

Ощущение опасности и страх быть застигнутыми врасплох возбуждали меня так сильно, что я не чувствовала своего тела. Я вся превратилась в расплавленную магму вождения и страсти.

Теплые влажные ладони Рэя нежно спустили мои колготки и трусики. Я истошно закричала, почувствовав внутри себя два его пальца, которые, словно обезумевшее сверло, начали вращаться в первобытном ритме.

Мой обостренный слух уловил чьи-то шаги за дверью и все мое существо напряглось. В эту же секунду Рэй вошел в меня резким, порывистым движением. Его грубые толчки заставили меня дрожать от удовольствия. Я закрыла глаза и сжала челюсти, удерживая вой обезумевшей от страсти самки. Звук шагов стих, и я позволила крику оглушить нас.

Адреналин и гормоны удовольствия заставили меня отключить сознание и полностью отдать свое тело и разум во власть экстаза.

Рэй дернулся во мне в последний раз и застыл, поглаживая пальцами мои бедра. Мои ноги утопали во влаге и сперме.

Я поднялась и окинула взглядом комнату в поисках чего-то похожего на полотенце. Но была вынуждена разочарованно выдохнуть.

— Мне нужно в душ, — жалостно проямлила я, наблюдая, как муж натягивает брюки.

— Лови, — он подбросил в воздух свою рубашку, которую я поймала с ловкостью жонглера.

— И тебе не жалко? Это же «Гуччи»?

— Честь любимой жены дороже, — он улыбнулся и подмигнул мне, как заговорщик, а затем надел джемпер прямо на голое тело.

Я безжалостно использовала дорогую сорочку мужа, смяла ее в комок и выбросила в мусорную корзину под стол начальницы охраны аэропорта.

Дверной замок щелкнул в ту минуту, когда я застегивала пуговицы на своей блузке. Вернувшаяся с допроса женщина, удивленно вскинула брови, заметив у мужа выбивающуюся в вырезе джемпера растительность и мой растрепанный вид.

— Вы можете дожидаться курьера с бумагами в общем зале, — сказала она, и уселась за стол.

Мы переглянулись и пулей выскочили в коридор.

Над куполом аэропорта сияло солнце. Грозовой фронт ушел, забрав с собой мое дурное настроение. И это был хороший знак.

Часть II. Глава 9

Глава 9

Огромный макет самолета, выполненный из плотной бежевой бумаги, парил над моей головой. Я окинула взглядом зал международного аэропорта Хопкинс, и заметила еще несколько бумажных копий воздушных лайнеров разных размеров.

— Доктор Скайфилд!

Я резко обернулась на голос и увидела в паре шагов от себя несколько полноватую коротышку со смешными дредами на голове и табличкой с моим именем в руках.

— Доктор Драм, — я заставила себя доброжелательно улыбнуться.

На экране компьютера она выглядела намного симпатичнее. Хотя, возможно, все дело в шапочке, которая скрывала смелую прическу, и очках, добавлявших ей солидности.

— Я ждала вас с дневным рейсом, — обиженно выдала она, и сразу же закусил губу.

Боже, неужели мне придется иметь дело с этой инфантильной особой, которая

обиженно поджимает губки?

— Я написала вам сообщение о непредвиденных обстоятельствах, которые вынудили меня поменять время вылета, и извинилась.

— Да-да, я помню — бумажная волокита. Руководителю вашего уровня недопустимо упускать из вида подобные обстоятельства.

У меня челюсть отвисла от удивления. Она меня учить будет?

— У руководителя моего уровня, доктор Драм, нет времени на себя в зеркало взглянуть в течение дня, не то, чтобы помнить обо всех протоколах и инструкциях.

— Если вы хотите работать со мной, — она сделала паузу и пронзила меня суровым взглядом, — вам придется научиться планировать свое время и держать всю важную информацию в голове.

— Для начала, я хотела бы оказаться в своем номере.

У меня не было ни малейшего желания вступать с ней в перепалку. Все, что мне нужно было знать о Сьюзи Драм, я уже узнала, и хотела только одного — как можно скорее оказаться подальше от ее пытливого взгляда и командирского голоса. В четырех стенах одного кабинета нам с ней не ужиться, и совместная работа над клиническими испытаниями может закончиться, так и не начавшись.

— Я отвезу вас, — буркнула она и утиной походкой, переваливаясь с бока на бок, засемила к выходу на парковку.

До гостиницы мы доехали, не проронив ни слова.

— Я жду вас завтра в 8 утра. Прошу не опаздывать. Мое время очень дорого мне, — сказала она, остановившись на стоянке возле отеля.

— Мое мне тоже, — я поддалась на ее провокацию и мысленно корила себя за это.

— Насколько я понимаю, у вас во всем этом деле есть личный интерес, доктор Скайфилд.

— А вот это уже вас не касается, доктор Драм. До завтра.

Я решительно вышла из ее старенького пикапа красного цвета, громко хлопнув ржавой дверью. И откуда у жителей Огайо такая страсть к раритетным авто? Подхватив из кузова свой чемодан, я влетела в фойе гостиницы.

И только здесь, оказавшись на приличном расстоянии от источника своего раздражения, я позволила себе расслабиться и выдохнуть.

— Вот же сучка! — Вырвалось у меня.

— Простите, мэм? — из-за стойки регистрации на меня с недоумением смотрели серые глаза хостес.

— Оу, извините, — я густо покраснела, — это... в общем, я это вовсе не о вас.

— Понимаю, — девушка улыбнулась, — у вас забронирован номер?

— Да, на имя Линды Скайфилд.

— Минуточку.

Девушка быстро застучала пальцами по клавиатуре.

— Ваш номер 405, пожалуйста, — она протянула мне электронный ключ, — по коридору налево, а затем на лифте на четвертый этаж. Пригласить носильщика?

— Нет, благодарю.

Я спрятала ключ от номера в карман пиджака и направилась к лифту. Оказавшись наедине с собой, я распласталась на большой кровати и задумалась — как мне вынести гонор и бестактность этого юного дарования? Смогу ли я работать с ней в одной команде?

Как выдержать ее высокомерие, и при этом заполучить желаемое — статьи и разработки на тему вирусологии, а также президентский грант? Погрузившись в эти тягостные мысли, я глубоко заснула.

Утро в Кливленде встретило меня почерневшим низким небом и ураганным ветром, от завываний которого по телу бежали колючие мурашки. Макушки могучих деревьев, которые были видны из окна, колыхались из стороны в сторону, словно бумажные. Пыль и мусор витали в воздухе.

Лампочка над моей головой мигала и потрескивала из-за перепада напряжения в сети.

Я включила телевизор и сразу же попала на прямое включение новостей на БиБиСи. Пышногрудая блондинка с ярко-алой помадой, удерживая одной рукой взмывшие под порывами ветра вверх волосы, пыталась перекричать вой урагана в огромный микрофон:

— Администрация города и все спасательные службы просят граждан по возможности не покидать свои дома! На Кливленд надвигается торнадо!

Я выключила телевизор, быстро приняла душ и высушила волосы феном. Стрелки часов показывали 7:20. Я набрала по внутренней связи администратора и заказала такси.

— Мэм, в городе сложная дорожная обстановка, — предупредила меня хостес, — вы уверены, что хотите ехать?

— Уверена, — ответила я и положила трубку.

В ту же секунду зазвонил мобильник. Это был Рэй.

— Детка, с тобой все в порядке? — услышала я его испуганный голос.

— Да, не волнуйся. Тут немного штормит.

— Штормит? В новостях рассказывают о торнадо!

Я посмотрела в окно и увидела, как огромное дерево рухнуло прямо на проезжую часть, расплющив в лепешку новенький черный Мерседес С-класса.

— О Боже! — вскрикнула я.

— Линда, что такое? Что случилось?

— Людям на улице нужна моя помощь, Рэй. Прости. Мне нужно бежать!

Я нажала отбой, накинула пиджак поверх блузки и пулей бросилась к лифтам.

— Мэм, такси задерживается... — услышала я за спиной голос девушки-администратора. Ее слова заставили меня обернуться.

— Отмените такси и вызовите 911. На улице дерево упало на автомобиль. Могут быть жертвы.

Девушка испуганно заморгала и кивнула головой. Я же выскочила из здания отеля, и, глотая витающий в воздухе песок и крупинки земли, бросилась к зажатой в деревянные тиски машине.

Ветер сбивал с ног. Я с трудом продвигалась вперед, прикрыв рукой глаза. Сквозь щели в пальцах я видела, что из машины выполз мужчина с кровавым пятном на белоснежной рубашке. Он достал из кармана телефон и пытался набрать номер.

— Сэр, я врач! — крикнула я ему, когда между нами осталось не больше пары шагов, — вы сильно пострадали?

Я, наконец, добралась до машины, и первым делом схватила его за запястье, чтобы прощупать пульс.

— Мне кажется, у меня сломана ключица от удара об руль, — прохрипел он, — в машине моя беременная жена! Помогите ей!

Я посмотрела сквозь тонированное стекло задней двери и увидела силуэт девушки,

обхватившей себя руками за огромный живот. Дерево пробило крышу и придавило ей ноги.

— Сэр, я не смогу ей помочь, пока она внутри! Нам нужно открыть дверь!

Я с трудом могла говорить. Порывы ветра заглушали мой осипший от крика голос. Мужчина схватился за дверную ручку и одной ногой уперся в задний бампер. Его лицо перекосила гримаса боли. Он изо всех сил потянул дверь на себя. Я обхватила его за поясницу и потянула. Наконец, дверь с жутким скрежетом отвалилась от корпуса автомобиля, а мы упали на землю.

— Обо мне не беспокойтесь, — прокричал он, удерживая больное плечо здоровой рукой, — помогите моей жене!

Я кивнула ему и залезла на заднее сиденье. У девушки были широко распахнуты глаза. Она мычала что-то бессвязное и хрипела.

— Мэм, вы целы? — я взяла ее ладонь и начала считать пульс. Слишком быстрый. У нее был шок.

— Мои ноги... — промямлила она. Я посмотрела вниз и увидела, что дерево лежит на ее ногах чуть ниже колен. Очевидно, у нее переломаны кости и она потеряла много крови.

— Не шевелитесь! — я сняла пиджак, порвала на себе блузку и сделала из нее два широких жгута, — я перевяжу вам ноги, чтобы остановить кровотечение до приезда спасателей! Вы почувствуете онемение и легкое жжение.

Девушка кивнула и зажмурилась. Я перетянула ее ноги под коленями и приложила ухо к животу, чтобы проверить сердцебиение плода. Почувствовав легкий толчок, я выдохнула. С ребенком все в порядке.

С улицы донесся вой сирен. Я высунула голову в проем и увидела, что к нам приближаются две огромные пожарные машины, которые своими массивными колесами прочищают дорогу, а следом за ними несколько карет скорой помощи.

— Слава Богу! — услышала я голос мужчины, который тут же упал без сознания.

Я вылезла из машины и разорвала на нем рубашку. Короткий сук от дерева торчал у него из груди.

— Мэм, отойдите! — услышала я голос парамедика за спиной, — мы ими займемся!

В ту же секунду пожарные начали свою работу. Звук работающей бензопилы пронзил воздух. С крыши машины посыпались искры. Я инстинктивно отскочила от лежащего без сознания мужчины, позволив врачам осмотреть пациента.

— Я врач. Хирург! У женщины открытые переломы обеих конечностей. Большая кровопотеря. Беременность 36–38 недель, шок. Я наложила жгуты под коленными чашечками.

— Ясно, как думаете, что с парнем? Глубоко вошла ветка?

— Скорее всего, пневмоторакс.

— Увозим! — крикнул фельдшер своим напарникам, которые на руках выносили девушку из покореженной машины.

— Куда вы их повезете?

— В Лютеранский госпиталь! Только там остался работающий генератор!

Я облегченно выдохнула. Туда-то мне и было нужно.

— Мэм, ваш пиджак... — мужчина смерил меня странным взглядом. Только теперь я вспомнила, что бросила свой пиджак на заднем сиденье, а блузку порвала на бинты. Я машинально обхватила руками свой оголенный торс, мечтая провалиться под землю со стыда.

— Вот, возьмите! — он быстро обернулся к карете скорой помощи и достал оттуда чистую рабочую рубашку. Я поспешила натянуть ее на себя.

— Спасибо. Я еду с вами!

Он кивнул.

Пусть до госпиталя занял почти полчаса. И это несмотря на сирены. Повсюду на дорогах валялись ветки деревьев, оторванные от земли урны и прочий хлам.

В приемном отделении яблоку было негде упасть. Отовсюду слышались стоны, лязг хирургических инструментов и быстрые громкие фразы дежурных врачей. Я проводила глазами носилки с пострадавшими и, убедившись, что с ними все будет в порядке, начала искать кого-то, кто поможет найти мне эту выскочку Сьюзи Драм.

— Мэм, вы кого-то ищите? — за спиной раздался приятный мелодичный голос.

— Да, — я обернулась и увидела перед собой молоденькую медсестру с набором перевязочных материалов, — мне нужна Сьюзи Драм. У нас назначена встреча.

— Вы опоздали, — с другой стороны донеслось знакомое бляение.

Я вся собралась, как кобра перед броском, повернула голову и расплылась в ехидной улыбке.

— Полагаю, вы переживете эту неприятность.

— И вам доброе утро, доктор Скайфилд. Идемте за мной. У меня мало времени.

Я нахмурилась и сжала челюсть. Хотелось размазать этого Эйнштейна в юбке об стенку. Ясно было одно — я не смогу не то, что работать с ней над заявкой, но даже дышать одним воздухом.

Часть II. Глава 10

Глава 10

Бесконечный коридор, стены которого слепили кислотно-салатовым цветом, казалось, никогда не закончится.

Мы поднялись на последний, двенадцатый этаж здания госпиталя, где располагался научный медицинский центр вирусологии и геномной инженерии — детище Сьюзи.

— Вы жмуритесь, — противная зазнайка бросила на меня сухой взгляд, — песок попал в глаза?

— Цвет очень яркий, — честно ответила я.

— Цвет открытия, прорыва в науке, — торжественно заявила Сьюзи, — когда мне отдали этот этаж под научный центр, я сама лично изобрела этот цвет.

— Понятно.

Мы, наконец, подошли к черной железной двери с вывеской «Лаборатория вирусологии. Опасно». На стене, рядом с дверью, висел навороченный электронный замок, считывающий рисунок сетчатки глаза и отпечаток пальца.

— Вы тут новое поколение атомного оружия разрабатываете? — попыталась я пошутить, но на лице у моей коллеги ни один мускул не дрогнул.

— Почти.

Она набрала несколько цифр, затем посмотрела в стеклянный глазок, из которого выбивался тонкий красный луч лазера, и приложила палец к широкой серебряной кнопке.

Замок проиграл короткую радостную трель, и дверь откатилась назад.

— Прошу, — она услужливым жестом пригласила меня войти.

Внутри помещение напоминало кабинет доктора Дуллитла — по обе стороны от входа стояли ряды белых шкафов с колбами, оборудованием и клетками с подопытными

животными. У окна располагался такой же белый стол с огромной лампой. Центр кабинета занимал операционный стол с препарированной тушкой морской свинки.

— Ассистенты еще не убрали, — Сьюзи взглядом указала на трупик свинки, — пока мы не можем добиться снижения процента смертности от лекарства. Выживает и выздоравливает только 12 процентов пациентов.

— Лекарства от чего?

— На данный момент мы проводим опыт по лечению диабета с помощью модифицированного вируса гепатита С.

— Вот как? — я вскинула бровь.

— Да. Но пока не очень успешно. На следующей неделе в лаборатории созреет модифицированный вирус гепатита А, начнем новый этап исследований.

— А почему именно вирус гепатита?

Сьюзи сморщила в ехидной улыбке лицо и бросила на меня полный превосходства взгляд — точно ботаник на двоечника.

— Логика проста — вирус, вызывающий заболевание, может его и остановить, если изменить формулу его ДНК. Вирус гепатита вызывает заболевания поджелудочной железы, следовательно — может и оказать на нее целебное воздействие. Кстати сказать, у нас уже было несколько случаев излечения мышей и морских свинок. Правда, как я уже говорила, их доля недостаточна для того, чтобы начинать клинические испытания на людях. Мы еще не пришли к этому. Но однажды придем.

— А что касается болезней, вызывающих опухоли? — я решила не обращать внимания на ее высокомерный тон и добиваться своего, — у вас есть наработки в этой области?

— Я начала изучать вирус папилломы человека и вирус Эпштейна-Барра, — девушка обогнула стол и подошла к массивному металлическому сейфу. Ее ловкие пальцы быстро набрали нужный шифр, и дверка с щелчком открылась, — эти вирусы, наряду с ретровирусом и аденовирусом, вызывают рост злокачественных опухолей. К сожалению, охватить все известные вирусы в одном исследовании не представляется возможным. Здесь результаты, которых мне удалось добиться к настоящему моменту, — она достала увесистую папку с документами и положила ее на стол, а затем закрыла сейф.

— И чего же вы добились?

— Честно говоря, — она повела плечами, — я сосредоточена на лечении диабета. Это направление видится мне наиболее перспективным. Что касается лечения рака — это, скорее, мое праздное любопытство, из серии «А вдруг!». Я изменила две цепочки в ДНК вируса и сделала инъекцию двум подопытным крысам. В обоих случаях летальный исход. Но! — она подняла вверх указательный палец, — мной проведена значительная работа по описанию молекулярных формул обоих вирусов и составлен план их последовательного изменения — цепочка за цепочкой. Нужно пробовать. Ошибаться, менять цепочку и снова пробовать. На это могут уйти годы.

— Не понимаю, почему у вас уже есть положительная динамика в лечении диабета, и такой пессимистичный прогноз касательно лечения опухолевых заболеваний?

— Мне просто повезло наткнуться на нужную цепочку. Это удача. Все могло быть совсем по-другому.

— Удача.... — я ухмыльнулась, — своенравная дамочка. Не подскажите рецепт ее обольщения?

— Она должна убедиться, что вам это действительно нужно, понимаете, о чем я?

Проявляйте упорство, не останавливайтесь, не сдавайтесь, пробуйте вновь и вновь — как кавалер, безумно влюбленный в неприступную барышню. Пойте серенады под окном, дарите цветы, доставайте звезды с неба. Если она поверит вам — вы увидите ее улыбку.

— Очень поэтично.

— Да уж....

Я подошла к столу и жадно посмотрела на увесистый талмуд с наработками Сьюзи.

— Я правильно понимаю, что вы хотите подать заявку на грант, чтобы исследовать именно диабет?

— Так и есть.

— То есть, остальные варианты вас не интересуют?

— Именно.

— И я зря надеялась на вашу помощь в поиске лекарства от множественных прогрессирующих аденом?

— Я дала вам удочку. А рыбку извольте поймать самостоятельно.

Я тяжело выдохнула. В глубине души я знала, что ничего совместного у нас не выйдет. Но получить этому подтверждение, все-таки, оказалось удовольствием не из приятных. Как ни крути, а мозги у этой выскочки на месте.

— Вы говорили об ученых из Китая, которые смогли добиться успеха в лечении генетического заболевания.

— Да. Группа ученых-вирусологов под руководством доктора Си Хуанга из Университета Сен Ят-сена в Гуанчжоу смогли добиться длительной ремиссии у пациента с раком пищевода, введя ему модифицированный вирус полиомы. Правда, спустя шесть месяцев, пациент скончался. Причины смерти не раскрываются. Но я думаю, что причина в эксперименте.

Девушка отодвинула стул, ножки которого, царапая бетонный пол, издали протяжный скрип, и опустила на него свое пышное тело. Я же никак не могла отвести взгляда от заветной папки.

— Вы позволите мне взять папку в Чикаго и поработать там с ней?

— Папку нельзя выносить за пределы научного центра. Протокол безопасности. Копирование также запрещено. Вы можете просмотреть материалы здесь, в этом кабинете.

Из моей груди вырвался тяжелый вздох разочарования. Неужели мне придется конспектировать данные? Каменный век!

Я подошла к краю стола и провела рукой по шершавой картонной поверхности папки. Ее содержимое манило меня, точно запретный плод. Голова начала трещать от мощной мыслительной деятельности в поисках выхода из этой ситуации. Идея, как обычно, не заставила себя долго ждать.

Оставалось убедить госпожу Удачу, что мне действительно просто позарез необходим счастливый случай, который позволит совершить задуманное. Я прокрутила в голове фразу Сьюзи про охмурение строптивой девушки, мысленно спела корявые дифирамбы везению, и, как говорят французы, — вуаля! В кармане у доктора Драм зазвонил мобильник.

— Сьюзи Драм слушает.

Я напряглась, пытаюсь по эмоциям на ее лице понять, о чем идет речь. Девушка нахмурила лоб и сдвинула брови. В ее глазах появился ужас — зрачки расширились и застыли.

— Что?! — ее голос дрогнул, — я же вам говорила, что ей нельзя вводить препарат без

моего согласия! Кто вам дал разрешение? Разрешения на клинические испытания на людях еще не получены!

Я прислушалась, стараясь уловить голос ее собеседника в трубке. К моему счастью, им оказался довольно крикливый мужчина с канадским акцентом.

— Ваша мать пригрозила нам покончить с собой, если мы не введем ей эту сыворотку. Она добровольно подписала согласие, находясь в здравом уме и трезвой памяти, доктор Драм. А соответствующее разрешение пришло сегодня утром. Из-за урагана и проблем со связью мы не могли вам сообщить.

— Я иду, — прошипела Сьюзи, стиснув зубы.

На ее лице дергалась от злости каждая клеточка. Взгляд стал злобным. Я поежилась, представляя себе, что ждет этого парня. Не хотела бы я оказаться на его месте.

— Простите, — подала я голос, — я невольно услышала, что речь идет о вашей матери?

— Она больна диабетом. Уже не ходит и почти не видит.

«Вот оно что», — подумала я, — «у нее такой же кровный интерес к этому исследованию, как и у меня».

— Мне нужно идти. Простите. Подождите меня здесь.

Она решительно встала и вышла из-за стола. Почти у самой двери вдруг обернулась и бросила на меня странный подозрительный взгляд.

— Вы можете приступить к изучению документов.

— Спасибо, — ответила я, нутром ощущая исходящую от нее негативную волну эмоций.

Девушка прикрыла дверь, оставив узкую щель между ее краем и стеной, сквозь которую внутрь пробивалась тонкая полоска света. В коридоре послышались ее быстрые удаляющиеся шаги.

Я довольно сощурила глаза. Удача улыбнулась мне. Она мне верит.

Окинув быстрым взглядом кабинет, я заметила в углу принтер. Рядом с ним на низком журнальном столике лежала пачка чистой бумаги. Я быстро сообразила, что нужно сделать.

Торопливыми движениями пальцев я развязала тесемки на папке, опустошила ее содержимое себе в сумку, и вновь наполнила, но уже чистыми листами бумаги для принтера. Затем завязала ленточки в аккуратный бантик и расслабленно выдохнула.

Я взяла мобильник и написала Сьюзи Драм сообщение: «Прошу меня извинить. Срочные дела вынуждают немедленно вылететь в Чикаго».

Когда сообщение было доставлено, я набрала номер Рэя.

— Детка? С тобой все в порядке? Ураган закончился?

— Все окей. Слушай внимательно и не перебивай, — я вышла в кислотно-салатовый коридор и огляделась, а затем захлопнула дверь, — я лечу в Чикаго. Прямо сейчас. А ты прямо сейчас бронируешь мне билет на ближайший рейс до Пекина.

— Что? — в голосе мужа прозвучало неподдельное удивление.

— Моя следующая остановка — Китай. Это наш единственный шанс на спасение. К тому же, оставаться в штатах мне теперь нельзя. Не позднее, чем завтра вечером, я окажусь в списке разыскиваемых воришек.

— Что ты наделала?

— Украла секретные разработки Кливлендского научного медицинского центра вирусологии и генной инженерии.

— Ли, ты с ума сошла?

— Да, сошла. От любви к тебе, и к Вики.

Я нажала отбой и спрятала телефон в боковой карман сумки. Продолжать разговор было опасно — открылись двери лифта и из кабины на меня уставились две пары любопытных глаз.

— Первый, пожалуйста, — с улыбкой пропела я, войдя внутрь.

Что ж... Когда еще мне представится шанс увидеть красоту Поднебесной и прогуляться по великой китайской стене? До скорой встречи, Пекин.

Часть II. Глава 11

Глава 11

Рассматривая в окно иллюминатора огни вечернего Чикаго, который переливался оранжевым, белым, фиолетовым, зеленым и золотым, словно многокилометровая гирлянда, я думала только об одном — лишь бы на выходе из самолета меня не ждал наряд из пары-тройки крепких сексапильных копов. Все остальное казалось преодолимым — и новая незнакомая страна с чуждой культурой, и расставание с родными, и обвинение в краже секретного материала, и потеря лицензии, и....

Этот список казался бесконечным. Как сказал бы отец, я совершила поступок с далеко идущими последствиями. В моем случае — весьма негативными. Но оно того стоило. Ни свобода, ни любимая работа и уютный дом, ни все богатства мира не способны сделать человека счастливым, когда болеют самые близкие и любимые люди. Я лучше перееду с

семьей на необитаемый остров и буду возделывать рис, только бы видеть здоровый румянец на лицах Рэя и Вики.

— Уважаемые пассажиры! — заголосил капитан из динамиков над головой, — наш рейс совершает посадку в международном аэропорту О'Хара города Чикаго, штата Иллинойс. Пожалуйста, приведите спинки кресел в вертикальное положение и пристегните ремни. Температура за бортом 62 градуса по Фарингейту. Компания «Дэльта Эйрлайнс» благодарит вас за выбор наших авиалиний.

Я вжалась спиной в сиденье, покрытое серым клеенчатым материалом, и почувствовала, как по ней струится нервный холодный пот. Сердце сжималось от ужаса, а глаза, несмотря на здравый смысл, с высоты пары километров пытались разглядеть в окно полицейские машины на взлетно-посадочной полосе.

Самолет с грохотом прокатился по бетонной полосе и замер. Все пространство заполнил звук традиционных аплодисментов. Я, как робот, на автомате достала с верхней полки свою ручную кладь — тощий рюкзак, в который переложила нехитрый скарб, и увесистую сумку, набитую украденными документами.

Все время, пока длился перелет, меня одолевало любопытство. Я мечтала стать героем комикса и иметь сверхспособности — видеть сквозь стены и материи. Но, увы, в моем роду не было ни человека-паука, ни Бэтмена, ни Флэша. И теперь эта сумка буквально жгла мне руку.

— Мэм, ваши права!

Я вздрогнула, вынырнув из своих размышлений, и заметила, что как вкопанная стою у стойки паспортного контроля. За моей спиной возникла небольшая очередь, и люди начали перешептываться.

— Мэм, вы меня слышите? — вежливо, но строго обратилась ко мне сотрудница контроля.

— Да, простите, — я поспешно зарылась носом в рюкзак, в который перекочевало портмоне с документами, и достала водительское удостоверение, — извините, витаю в облаках. Очень соскучилась по мужу.

Я выдавила из себя жалкое подобие улыбки, ощущая, как дрожит от страха мой подбородок и как противный слизень щекочет мой желудок.

— Хм, — дамочка смерила меня скептическим взглядом, — вы же только вчера вечером улетели. Вот я вижу ваши данные в базе. Молодожены?

Я густо покраснела. Меня поймали на вранье, а это весьма неприятно. Нужно успокоиться и взять себя в руки.

— Нет, мы женаты уже давно, но он настоящий мужчина....вы понимаете, о чем речь... — я вновь улыбнулась, теперь натянув маску заговорщика, который только что выдал своему напарнику важный секрет.

— О, да, — дама расплылась в хищной улыбке, — следующий!

Я поспешила покинуть зону контроля и как можно скорее слиться с толпой пассажиров на эскалаторе. Сердце трепыхалось, как попавшая в паутину бабочка — билось, выдавало перебои, подпрыгивало до горла.

Я озиралась, как беглый преступник, одновременно видела все и ничего. Лица, улыбки, ухмылки, разноцветные свитера и блузки, чемоданы и животных на поводке, но глаза искали совсем другое — не промелькнет ли где фирменная черная фуражка копа, не блеснет ли металл наручников на его поясе?

Внезапно, меня поймали чьи-то руки. Я остолбенела и зажмурилась, думая о худшем. Но нос уловил знакомый запах — и меня отпустило. Я открыла глаза и выдохнула. На меня смотрели графитные глаза мужа. В них было намешано столько эмоций, что я невольно сжалась в комок — и радость, и упрек, и страх, и страсть...

— Ли, идем! — он ухватил меня под локоть и потащил к выходу на парковку.

— Но я еще не получила багаж! — запротестовала я.

— Бог с ним.

Мы семенили к выходу так быстро, словно опаздывали на пожар. Это привлекало внимание. Я дернула его за рукав и резко остановилась.

— Ты полетишь частным рейсом, — прошептал Рэй, — нам нужно спешить. Я хочу, чтобы ты заехала домой. Вики скучает.

— Рэй, остановись! Мы привлекаем слишком много внимания. А у меня в сумке украденные документы — одна проверка, и я за решеткой!

— Хорошо. Что ты предлагаешь? Пойти спокойно попить кофе? А если эта Сьюзи уже подала заявление о пропаже документов?

— Для начала, — я посмотрела ему за плечо, — дай сотню вон тому бродяге, который спит на креслах и купи ему телефон с сим-картой. На его имя.

Рэй выгнул в удивлении брови.

— Но зачем?

— Как ты собираешься держать со мной связь? Ты первый попадешь под наблюдение и прослушку, когда копы придут в наш дом. Нам нужна связь. Номер телефона, который не будет интересовать местную полицию. Понимаешь? Электронная почта тоже отпадает — если даже у канцлера Германии наши смогли отследить сообщения, то, что говорить о моем аккаунте на Гугл? О нем тоже можно забыть.

— Ты права, — он утвердительно закачал головой, — жди здесь.

Я отошла от эскалатора на несколько шагов и присела на свободное кресло в зале ожидания. С этого места мне было видно, что переговоры у Рэя идут просто великолепно — бродяга просиял лицом, с жадностью запихал деньги куда-то во внутренний карман протертых грязных штанов, затем извлек на свет Божий свои права и покорно заковылял за моим мужем в магазин сотовой техники.

Через несколько минут он вышел оттуда с двумя мобильниками. Выторговал и себе, шельма. Ну, да и черт с ним — пусть пользуется благами цивилизации. Может, додумается позвонить кому-то из близких, и изменит свой образ жизни.

— Все! — Передо мной возник довольный Рэй, — Телефон у меня есть. Теперь медленно, не привлекая лишнего внимания, идем к машине.

— Хорошо.

Я взяла мужа под руку, и мы чинно зашагали к выходу.

— Как Вики? — воспоминание о дочери заставило мое сердце екнуть. В груди начало нещадно щемить от тоски и нерастраченной ласки.

— Она здорова, Слава Богу. Но плохо спала ночью. Звала тебя.

Я сглотнула соленый комок. От одной мысли о предстоящем длительном расставании с ней мне становилось дурно и ужасно больно.

— Тогда вези меня скорее. Хочу прижаться к ней, расцеловать каждый сантиметр ее тела.

Рэй улыбнулся грустной улыбкой и прижал меня к себе. Я почувствовала его горячее

дыхание на своей макушке и не смогла сдержать слезинку. В носу предательски защипало.

— Садись, я обещал ей привезти маму как можно скорее, — он открыл для меня дверцу автомобиля.

Я нырнула в мягкое кожаное кресло и пристегнула ремень. Заведенный мотор приятно заурчал.

— Почему ты не кричишь на меня? Не ругаешь за необдуманный поступок? Не упрекаешь в горячности и не отговариваешь от поездки?

Машина плавно выехала с парковки и влилась в дорожный поток. Рэй молчал. Пропустив несколько машин вперед и набрав скорость, он, наконец, посмотрел на меня.

— Потому что, во-первых — это бесполезно. Надо было раньше думать, кого я беру в жены. Ведь, если ты помнишь, наше знакомство как раз и началось с одного твоего необдуманного поступка? В этом вся ты, Ли — огонь и скорость.

— А во-вторых? — спросила я.

— А во-вторых — я хочу, чтобы Вики жила. Долго и счастливо. Я не хочу, чтобы моя дочь была привязана к больнице, чтобы она переносила одну за другой операции, чтобы ее жизнь вертелась вокруг безнадежного диагноза. А еще я хочу видеть, как она растет, расцветает, взрослеет. Я тоже не прочь избавиться от этих аденом. Совсем не прочь. И если бы я мог — я полетел бы с тобой. Но дочь не может остаться сразу без обоих родителей. Кто-то из нас должен отвечать за нее.

— Я рада, что ты понимаешь, что мной движет.

Его рука скользнула с коробки передач и крепко сжала мою ладонь.

— Это движет и мной, детка. Любовь движет всем на этой планете. Все, что мы делаем — во имя любви.

В груди что-то зажглось. Осознание единства и понимания с любимым человеком грело душу, разливалось спокойствием и уверенностью по венам, воодушевляло и заставляло улыбаться.

Ты прав, Рэй. Абсолютно прав. Все во имя любви.

Часть II. Глава 12

Глава 12

Я тихонько проскользнула в тонкую щель между дверью и стеной и уселась подле детской кроватки на колени. Вики спала, подложив ручку под свою пухлую щечку, и а второй рукой обняв маленького тедди шоколадного цвета с сердечком в лапах.

Ее каштановые кудри рассыпались по подушке, а от пижамы пахло детским кондиционером — ваниль и кокосовое молочко.

Я смахнула с лица предательницу-слезинку, не дыша, склонилась над ее макушкой и прижалась к ней губами. Этот поцелуй был слаще меда, нежнее пуха, горячее огня.

Мой подбородок задрожал в преддверии потока слез. Я глубоко подышала, успокаивая гормональный бунт, вызывающий эту бурю эмоций.

Осторожно, едва касаясь, провела рукой по мягким, как шелк волосам. Не удержавшись, прижалась губами к ее крохотной ручке.

Вики вздрогнула и открыла сонные глазки.

— Мама? — пролепетала она, а затем широко улыбнулась.

— Спи, моя крошка! — прошептала я, оглаживая ее спинку, — мама рядом.

— Мама, люблю, — она сладко зевнула, прикрыв аккуратный ротик ладошкой, улыбнулась, перевернулась на другой бочек и вновь засопела.

Я с наслаждением слушала ее дыхание, точно это была самая прекрасная в мире симфония. Уже не сдерживая слезы, пыталась дышать в такт с ней.

«Все ради тебя, моя крошка», — повторяла я про себя, — «и ради твоего папы».

Дверь приоткрылась и в образовавшуюся щель просунулась голова Рэя.

— Ли, детка... Пора.

Я кивнула. Потихоньку встала, утирая рукавом хлюпающий нос, уже не таясь прижалась губами к головке дочери, а затем на цыпочках прокралась в коридор.

— Ты в порядке? — в глазах Рэя мелькнуло беспокойство.

— Угу, — я опустила глаза, — просто сердце рвется на части, а в остальном — все ок!

Муж притянул меня к себе и поцеловал в затылок. В его объятиях, почему-то, рыдать хотелось еще сильнее, поэтому я оттолкнула его.

— Прости, не могу. Иначе совсем расклеюсь, а мне нужно еще спасти мир от множественных прогрессирующих аденом, — я попыталась шутить.

— У тебя есть пятнадцать минут на душ, и столько же на сборы. И еще минут десять в запасе. Тайра собрала вещи.

— Ты, правда, думаешь, что я очень хочу поскорее улететь? — я подняла на него покрасневшие глаза, — да я больше всего на свете хочу принять ванну, заняться с тобой любовью, потом заснуть у тебя под боком и проснуться от звонкого смеха Вики!

Все внутри меня протестовало против предстоящего отъезда, а точнее — побега. Так хотелось струсить, признаться самой себе в том, что я всего лишь слабая женщина, и спрятаться под одеялом от всех бед и напастей. Но от меня зависели две самые дорогие мне жизни.

Я вскинула голову, прогоняя пораженческие мысли прочь, а затем быстрым шагом направилась в свою спальню. Душ приведет меня в чувство.

Горячая вода расслабляла, приводила в порядок чувства и эмоции, упорядочивала сознание. Я успокоилась и начала прокручивать в голове план действий: отправить факс в университет Гуанчжоу и предупредить о своем приезде, снять с помощью глобальной паутины квартиру в городе, застись поддержкой китайских ученых и отобрать добровольцев для исследования, и самое главное — набраться терпения.

Я замоталась в широкое, размером почти с одеяло, банное полотенце и вышла в комнату. Рэй включил два ночника на тумбах возле кровати, и пространство залил мягкий свет.

Мой любимый стоял у окна спиной ко мне и любовался ночным небом.

— Так тихо...

Его голос вызвал полчища мурашек на моей коже. Я подошла к нему и обняла.

— У меня все получится, правда?

— А разве у тебя есть выбор?

Рэй повернул в пол-оборота голову и поцеловал меня в висок.

— Выбора нет, — улыбнулась я.

Муж обернулся и посмотрел на меня взглядом, полным любви и нежности. В свете луны его серые глаза мерцали, словно два холодных огонька.

— Линда, иди ко мне, — он притянул меня к себе и крепко обнял.

Его рука дернула за край полотенца, и он с шорохом рухнул к моим ногам.

— Рэй... — из моего горла вырвался тихий стон.

Его губы с жадностью впились поцелуем в мой рот, а руки бессовестно принялись

шарить по спине, бедрам, груди. Короткие ногти на его пальцах нежно царапали мою кожу, вызывая целый вихрь ощущений.

Я приоткрыла губы навстречу его языку, и с удовольствием принялась играть с расщелинкой между его зубов, ощущая, как с каждой секундой внизу живота становится все жарче и жарче.

Губы Рэя выпустили мой рот и скользнули ниже. Его горячий язык прошелся по шее, плечам, груди. Он опустил на колени и нежно поцеловал меня в пупок. Тугой узел желания завязался внутри меня. Клитор пульсировал, я истекала влагой, как извергающийся вулкан лавой.

Не в силах терпеть, я обхватила руками его голову и прижала ее к своему лону. Рэй сделал глубокий вдох, вбирая в себя мой запах, а затем нежно коснулся губами лобка. Я застонала и выгнулась ему навстречу, раздвигая ноги.

Он лизнул мои половые губы, и я едва не взорвалась от вожделения.

— Ну же! — мой голос сорвался на крик.

Я почувствовала, как он улыбнулся, а затем его язык проник внутрь. Меня словно окатило теплой морской пеной. Мое дыхание сбилось, сердце умчалось куда-то прочь, все мое существо заполнила тягучая магма удовольствия.

Рэй вращал языком в моем влагалище в каком-то бешеном, первобытном ритме. Я резко оттолкнула его, чувствуя, как на меня накатывает первая волна оргазма. Мне хотелось ощутить его внутри себя, прежде, чем я взорвусь от экстаза.

— Возьми меня, — прошептала я ему, глядя прямо в глаза.

Его не нужно было просить дважды. Он поднял меня на руки и отнес на кровать. Я прикрыла глаза, слушая, как шуршит сбрасываемая им одежда.

Через мгновение, я ощутила, как его колено надавило на мои бедра, призывая их раскрыться навстречу его возбужденному члену.

Рэй плавно вошел в меня и начал ритмично двигаться, покрывая мое лицо нежными поцелуями. Я, точно голодный птенец, ловила губами его губы, и никак не могла насытиться ими.

Тело стало невесомым, легким, словно пушинка. Я улетела куда-то за пределы этой вселенной, туда, где мне не нужно в Китай, нет нужды скрываться от полиции, где всегда светит солнце и слышен залиvistый смех дочери, и тихий голос мужа. Рэй протяжно захрипел и замер.

— Детка, тебе хорошо?

— Лучше, чем когда-либо, — я улыбнулась и притянула его к себе.

Мне было до одури приятно чувствовать груз его тела на себе, ощущать биение его сердца, улавливать его дыхание.

— Это чтобы ты помнила, как хорошо тебе со мной и не засматривалась на коренастых китайцев, — он пытался шутить, но в голосе скользила тоска и растерянность.

— Да разве тебя забудешь? — я улыбнулась, встала с постели и начала одеваться.

— Пора, — он нехотя встал и быстро оделся.

В коридоре я бросила последний взгляд на дверь комнаты Виктории. Комок встал в горле.

— Береги ее, ладно?

— А ты себя, ладно?

— Обещаю.

— Ну все, достаточно сантиментов. Не ровен час, в дверь постучатся ребята из ближайшего отдела.

Рэй взял меня за руку, и мы спустились в холл, в котором у двери меня уже ждал собранный Тайрой чемодан.

— Как только доберусь — дам тебе знать. Держи тот телефон всегда при себе. И утром, как и договаривались, подавай заявление в полицию о моем исчезновении.

— Я все помню, детка. Все будет хорошо! Ты вернешься домой нобелевским лауреатом.

— Я хочу вернуться домой счастливой матерью и женой.

Я отвернулась, чтобы остановить рвущиеся наружу слезы, и для вида достала из кармана джинсов телефон, чтобы проверить уровень заряда батареи. В этот момент он завибрировал. На экране высветилось имя — «Сьюзи Драм».

Брат или не брат трубку? Сердце в груди ухало от ужаса. Возможно, она решила мне помочь, или... Или копы по звонку попытаются выследить мое местоположение... Хотя, зачем его отслеживать, если они даже не пытались искать меня дома? Была — не была. Я нажала «ответить».

— Доктор Соул?

— Я слушаю, доктор Драм.

— Я знаю, что вы сделали.

Мое сердце провалилось в желудок, и я с тревогой стала всматриваться за окно, ожидая появления у ворот полицейской машины.

— Я все верну, как только добьюсь прорыва в лечении.

— Через несколько дней в моем центре будет инвентарная проверка. Я попытаюсь задержать их. Как смогу.

Я не верила своим ушам? Она собралась меня покрывать, или это какая-то игра?

— Но, как...? — я ничего не понимала.

— Моя мать, она решила получить экспериментальную сыворотку, надеясь, что она убьет ее, как убила тех свинок.

— Но почему?

— Брат, ее любимчик... У него злокачественная аденома... терминальная стадия. Он скрывал это от нас.

Я замолчала, переваривая услышанное... Что ж, Сьюзи, получается, мы с тобой заодно в этой войне.

— Я сделаю все, что в моих силах.

— Спасибо.

— У меня мало времени... Самолет...

— Да-да, — затараторила доктор Драм, — я отправила факс в институт Гуанчжоу и предупредила доктора Си Хуанга о вашем приезде. Я сообщила ему, что вы наш сотрудник. Надеюсь, моя ложь вскроется не скоро, и вы успеете.

Вот это настоящая удача. Она улыбается мне. Все получится.

— Сьюзи, — я сделала паузу, — спасибо....

— Удачи, — она нажала отбой.

Часть II. Глава 13

Глава 13

Оказавшись на площадке перед входной дверью лайнера, я обернулась в последний раз, чтобы посмотреть в глаза мужа. Рэй стоял у самого трапа, закутавшись в неизменную

черную кожаную косуху и широкий шарф.

Принадлежащий его корпорации аэробус уже гремел двигателями, которые выпускали на взлетную полосу смерчевые потоки воздуха.

Он улыбнулся мне грустно и обнадеживающе одновременно, а затем сжал руку в кулак и поднял ее вверх. Этот победный жест вызвал у меня ответную улыбку.

— Я позвоню, как только доберусь! — закричала я изо всех сил. Он услышал и кивнул.

Секунды расставания для меня всегда ужасная пытка. Я изо всех сил старалась держаться, и понимала, что нужно просто сделать шаг, но неведомая сила удерживала меня на последней ступени трапа, не давала отвести полного нежности и тоски взгляда от мужа.

И он помог мне. Рэй послал воздушный поцелуй, обернулся и зашагал прочь — к поджидающему его автомобилю.

Мне ничего не оставалось, как зайти внутрь.

Улыбчивая стюардесса заботливо провела меня по пустому салону мимо зоны бара и столовой, и услужливо приподняла шторку, скрывающую четыре пассажирских кресла.

Я застыла в проходе, открыв от удивления рот. На меня, улыбаясь, смотрели две пары глаз — Сэма и Марго.

— Сэм? — у меня от удивления пропал дар речи.

— Присаживайся, дорогая, — он жестом указал на свободное кресло, — мы взлетаем. Пока ты испытывала силу воли на трапе, никак не решаясь расстаться с благословенной землей Чикаго, капитан приказал нам пристегнуться и привести спинки кресел в горизонтальное положение. Как видишь, мы с Марго уже выполнили приказ.

— Сэм...ладно ты, но Марго? — я опустила в кресло и позволила стюардессе застегнуть ремень безопасности.

— Мы решили, что легкое приключение поможет нам разобраться в наших отношениях, добавит новизны. К тому же, — он широко улыбнулся, — мы корыстны и тоже хотим долю от Нобелевской премии.

— Ах ты, гад! — воскликнула я, расплываясь в улыбке, — признайся, тебе просто понравилось путешествовать за мой счет! Сначала Санторини, потом ты увязался за мной в Марокко...

— Прошу заметить, меня там едва на составляющие детали не разобрали, — перебил он меня.

— Ли, мы просто хотим помочь тебе, — заговорила Марго, — к тому же, лично мне до чертиков надоели аневризмы. Я хочу поучаствовать в чем-то глобальном. Уверена, твои разработки окажутся справедливы и для лечения опухолей головного и спинного мозга. А такое я пропустить не могу. У меня все еще нет ни одной премии, а ведь я лучший нейрохирург Чикаго.

— Все с вами ясно, — резюмировала я, — вы просто два паразита-прилипалы, от которых мне уже не отделаться.

— Так точно, капрал Соул! — засмеялся Сэм, и на душе сразу стало легче.

— Спасибо, — прошептала я одними губами, но он все понял. В его глазах читались поддержка и уверенность в успехе.

— Принести вам что-нибудь выпить, после того, как мы наберем высоту? — из-за шторки показалась симпатичная мордашка стюардессы.

— Да, прекрасная леди! Принесите нам лучшего шампанского, которое есть на борту. Мы летим совершать величайший прорыв в медицине и должны запастись должным

настроением!

Голос Сэма гремел, словно набат. В нем звучали колокола надежды, решительности и предвкушения успеха. Пьянящий набор интонаций, внушающих веру в себя и собственные силы.

— Конечно, сэр.

Девушка скрылась за занавеской, и я почувствовала, что мы взлетаем. Двигатели взревели, горизонт в иллюминаторе наклонился, а в ушах стало закладываться из-за перепада давления.

Ночной Чикаго приветливо улыбался мне неоновыми огнями, удаляясь все дальше и дальше, пока совсем не исчез под покровом ночного неба.

— Ваше шампанское, сэр, мэм.

Расторопность этой девушки вызывала восхищение. Не успел самолет выровнять курс, как перед нами появился передвижной столик с бутылкой «Crystal» в ведерке со льдом, тарелка с сыром и орехами, а также корзина фруктов.

— Куда подавать ужин? Сюда или в столовую?

— Честно говоря, у меня нет аппетита, — я любезно улыбнулась и посмотрела на Сэма, — вы, если хотите, можете продолжить «банкет».

— Пожалуй, мы лучше отдохнем. Нам предстоят великие дела.

Марго закивала головой в знак согласия. Стюардесса разлила шипящий напиток по бокалам и удалилась.

— За победу, — мой друг поднял бокал. Я отстегнула ремень и подошла к ним, чтобы чокнуться.

— За победу.

Я поставила на столик пустой фужер и прошла в спальню. За окном чернела неизвестность. В голове вертелись мысли о дочурке, Рэе, нашем саде и вековых елях у забора, о Кэтрин и будущем ребенке Кевина.

Веки отяжелели. Не раздеваясь, я легла на кровать и свернулась калачиком. Из динамиков раздался голос капитана, который сообщил, что мы прибудем в аэропорт «Байюнь» в 21:00 по местному времени.

«Из ночи в ночь» — подумала я, прогоняя мрачные мысли. Надеюсь, за тьмой и безысходностью, наконец, настанет долгожданное утро.

Не помню, как провалилась в беспокойный сон. Сквозь дремоту изредка пробивались голоса Сэма и Марго, тихий шепот стюардессы, и рев двигателей.

— Ли, просыпайся. Через полчаса садимся, — тяжелая мужская рука теребила меня за плечо. Я не сразу поняла, где нахожусь и машинально отмахнулась.

Я с трудом открыла заспанные глаза и осмотрелась. За иллюминатором была все та же непроглядная тьма. Подняв глаза наверх, я увидела улыбающееся лицо Сэма.

— Завтрак, точнее ужин подан! — радостно сообщил он, протягивая мне руку, чтобы помочь подняться.

— Мне нужно в душ, иначе я умру.

В голове шумело от долгого сна. Суставы болели из-за неудобной позы. Я потянулась, слыша, как хрустят позвонки и косточки.

— У тебя не так много времени. Поторопись.

Я кивнула, и Сэм скрылся за шторой. Горячая вода привела меня в чувство. Я сменила наряд, натянув теплый свитер и вельветовые брюки. Не успела я выключить фен, как из-за

занавески вновь появилась физиономия друга.

— Ты на северный полюс собралась? — Он рассмеялся, — Ли, мы в субтропиках. За бортом 25 градусов тепла по Цельсию.

Я пожалала плечами. Никогда бы не подумала, что в Китае может быть так жарко. Как же мало я знаю о стране, в которой мне предстоит провести несколько месяцев? Мне вдруг стало страшно.

— Сэм, я ничего не знаю о китайцах. А вдруг мы не сработаемся? Зачем мы им? У них уже есть успехи в вирусолечении опухолей, а у нас только пространные мысли Сьюзи Драм на бумаге.

— Им нужны наши деньги, детка. На продолжение исследования. И мы им их дадим. Так что, придется сработать. Все будет хорошо.

Он скрылся за шторкой, а я зарылась в чемодан в поисках одежды полегче. Слава Богу, Тайра знала о Китае чуть больше чем я, а, может быть, просто решила подстраховаться, и положила мне с собой пару блузок и легких юбок.

Завтракать, а точнее ужинать, мне уже не пришлось. Через десять минут шасси коснулись взлетно-посадочной полосы.

Международный аэропорт «Байюнь», или «Белые облака» во всем оправдывал свое название. По форме напоминающий огромное белое облако, он, казалось, парил над землей.

— Умеют же строить, — заявила Марго, озираясь вокруг любопытными глазами.

— Возьмем такси и поедem в гостиницу. А завтра с утра в университет, познакомимся со стариком Си Хуангом. План таков. — Сэм подхватил чемоданы и быстрым шагом направился к выходу.

— Линда, смотри! — Марго потянула меня за локоть.

Я посмотрела в указанном направлении и увидела миниатюрную девушку с табличкой в руках. На табличке по-английски было написано мое имя и аббревиатура Кливлендского научного медицинского центра вирусологии и геной инженерии.

— Нас встречают! — радостно объявила я.

Настроение сразу улучшилось. Молодец Сьюзи.

Я помахала девушке рукой и поспешила к ней.

— Я доктор Скайфилд, из Кливлендского центра, — на удивление, лгать оказалось очень легко.

— Добро пожаловать, мэм, — на безупречном английском приветствовала меня девушка, — доктор Си Хуанг, приятно познакомиться! — она протянула мне руку.

Мои брови поползли вверх от удивления. Китайским профессором оказалась молоденькая женщина.

— Со мной доктор Сэм О`Фаррис, и доктор Маргарита Сансет, — я представила своих друзей, стараясь скрыть смущение.

— О них нас не предупреждали, — она смерила коллег подозрительным взглядом.

— Все решилось в последний момент. Скорее всего, доктор Драм не успела вам сообщить. Из-за разницы во времени.

— Что ж, я отвезу вас в кампус университетской гостиницы, где вы будете проживать во время совместной работы.

— Спасибо.

Девушка развернулась и как заправский солдат зашагала к выходу.

Мы поспешили за ней. Едва автоматические двери здания аэровокзала открылись,

чтобы выпустить нас наружу, как мы очутились в самой настоящей сауне. Жаркий влажный воздух мгновенно проник в легкие. Тело покрылось испариной, по вискам покатались капельки пота.

— У нас тут не замерзнете, — доктор Си обернулась и доброжелательно улыбнулась, — но в моей машине мощный кондиционер.

«Ну что же, придется попотеть» — пронеслось у меня в голове.

Часть II. Глава 14

Глава 14

Я увидела свое отражение в оконной раме и замерла. Настоящий космонавт в скафандре. Сэм и Марго выглядели не лучше.

— Предупреждаю, — из наушника раздался голос доктора Хуанг — вирус Эпштейна-Барр очень опасен. Не снимать шлемы и перчатки. На выходе из испытательного сектора мы все примем дезинфицирующий душ. Эти меры безопасности необходимы.

— У вас прекрасный английский, доктор Хуанг, — подал голос Сэм, — где вы учились?

— В Стэнфорде, доктор О`Фаррис.

— Оу, тогда мы приехали по адресу.

Шутка Сэма не вызвала должного эффекта, и он смущенно прокашлялся. Мы остановились перед массивной бронированной дверью, выкрашенной в белый цвет. Доктор Си приложила к считывающему устройству свой пропуск, и дверь откатилась назад.

Перед глазами возник длинный коридор с белым потолком и белой плиткой на полу. По обе стороны от него находились боксы с прозрачными пластиковыми стенами.

Мы вошли внутрь, и мой взгляд упал на первого пациента за стеклом — пожилой мужчина с ссохшимся морщинистым лицом, на котором отражалась вся терзающая его боль. Я подошла к разделяющей нас пластиковой перегородке и смотрела на его покрытый испариной лоб, мечущиеся туда-сюда глаза, дергающийся подбородок. Каждые пару секунд он морщился от боли, комкая в руках одеяло.

Я бросила взгляд на противоположный бокс — там находилась молодая женщина, которая металась в постели и что-то шептала покрытыми коростой губами.

В третьем боксе находился ребенок — мальчик, лет восьми. Он спал. Его веки подрагивали во сне. Мое сердце сжалось от жалости.

— Кто эти люди? — я посмотрела на доктора Хуанг.

— Крестьяне, из провинции. Добровольцы. Они живут рядом с угольными шахтами и заводами. Часть взрослых работают на химических производствах. У всех пациентов в испытательном секторе онкологические заболевания брюшной полости в терминальной стадии. Они пошли на это, так как наше исследование — их последний шанс. К тому же, их семьи получили приличные суммы по меркам нашей страны.

— И каковы результаты? — мой голос дрогнул, я никак не могла отойти от бокса с мальчиком.

Его безмятежность пугала. Она могла означать только две вещи — или он уже одной ногой в могиле, или поправляется.

— Выживаемость три процента. Но у выживших диагностируется отсутствие раковых клеток и иммунитет к онковирусам.

— И сколько их здесь? — подала голос Марго.

— По шестнадцать боксов с каждой стороны. Итого 32 человека. Но, поверьте мне, желающих попасть сюда гораздо больше.

Я бросила взгляд в конец коридора, чувствуя, как сжимается от ужаса сердце. За каждой пластиковой дверью живой человек, который всеми силами хватается за тонкие ниточки своей жизни.

— Почему такая высокая смертность? Вы проводите анализ результатов, ищите причины?

— Вы думаете, мы тут в компьютерную игру играем? — усмехнулась доктор Си, — мы уже выяснили, что все дело в совместимости РНК реципиента и вирусной клетки. Но, к сожалению, проследить более точную зависимость пока не представляется возможным. Мы пытаемся выяснить, почему у одних пациентов модифицированный вирус встраивается в РНК и работает как убийца опухоли, а у других усиливает их рост.

— Я привезла с собой разработки моей коллеги, доктора Сьюзи Драм, как раз касательно этого вируса, надеюсь, это поможет нам разобраться.

— Доктор Хуанг, — из наушников послышался встревоженный голос Сэма, который прошел дальше по коридору и застыл возле одного из боксов, — кажется, этот пациент мертв.

Мы прекратили наш разговор, и подошли к Сэму. За стеклом я увидела неподвижно лежащего мужчину с широко распахнутыми глазами и приоткрытым ртом. Кардиомонитор показывал асистолию. Пульса не было. Давление упало. Он действительно умер.

Доктор Хуанг поднесла руку к небольшому монитору рядом со стеклом и включила его. На экране появилась таблица с китайскими иероглифами. Она посмотрела на часы и внесла в таблицу запись.

— Это электронные карты пациентов. Я вношу время смерти. Сейчас сюда придут работники лаборатории, чтобы забрать тело.

— Что будет с освободившимся местом? — спросила Марго.

— В клиниках города своей очереди дожидаются более пятидесяти человек. Но у проекта закончилось финансирование. Мы не можем больше никого принять. Здесь будет пусто.

Сэм был прав. Им действительно нужны наши деньги. Я отошла от бокса с отошедшим в мир иной мужчиной и вернулась к мальчику. На его щеках блестел здоровый румянец, не было заметно истощения или болезненного цвета кожи. Если бы не эти слепящие белизной стены, не серое больничное белье, ни прозрачные провода капельниц — его можно было бы принять за обычного спящего ребенка.

— А что с этим ребенком?

— Мальчик родился под счастливой звездой. Его лимфома приказала долго жить, и мы держим его здесь исключительно с целью переждать инкубационный период вируса. Он не должен стать ходячим бактериологическим оружием после выписки.

— Но почему он спит днем? — спросил Сэм, — раз уж он идет на поправку, почему бы не дать ему возможность посмотреть телек, съесть пудинг, или поиграть в Плей Стейшн?

— Инкубационный период сопровождается сильным болевым синдромом. Тех пациентов, которым повезло и у которых вирус не вызвал бурный рост раковых клеток, мы специально вводим в медикаментозную кому.

Дверь за моей спиной протяжно заскрипела и открылась. Я вздрогнула и обернулась. В коридор вошли несколько сотрудников лаборатории в таких же защитных костюмах и со странной каталкой, напоминающей металлический гроб на колесах.

— Что это? — удивленно спросил Сэм.

— Это устройство позволяет нам перевозить умерших без дополнительных мер защиты. Как я говорила, вирус очень опасен, сохраняет жизнедеятельность еще несколько часов после смерти носителя.

— Невероятно... — вырвалось у меня, — у меня такое чувство, что я попала куда-то на луну в секретную лабораторию по производству нового поколения бактериологического оружия.

— Спуститесь на землю, миссис Скайфилд. Вы в Китайской народной республике и участвуете в величайшем медицинском исследовании, способном изменить жизнь миллионов обреченных людей.

Голос доктора Си стал торжественным, громким, возбужденным. Она в мгновение превратилась в оратора на трибуне. И что самое удивительное — ее хотелось слушать, и хотелось идти за ней.

— Для меня будет достаточно, если это исследование изменит жизни двух людей на земле, — воспоминание о муже и дочери заставило меня сглотнуть, — но я буду счастлива, если нам удастся совершить прорыв и найти брешь в методике, из-за которой погибает 97 процентов добровольцев.

— Я очень на это рассчитываю, — под стеклом ее шлема мелькнула ухмылка.

Я проводила взглядом, как трое мужчин увозят «дирижабль» с трупом через другой выход.

— Тело отдадут родным? Если вирус так опасен..., — начала я свои рассуждения, но меня прервали.

— Вы думаете, что добившись таких результатов, мы остаемся дикарями и плодим эпидемии? Может быть, вы полагаете, что это задание правительства по регулированию численности населения? Конечно же, труп будет сожжен в крематории.

Я опешила от такой резкой перемены настроения. У меня и в мыслях не было намекать на некомпетентность или учить ее чему-либо.

— Мэм... я вовсе не имела в виду ничего такого!

— Вы, американцы, считаете, что имеете право везде совать свой нос и высказывать свое экспертное мнение! Так вот, здесь извольте оставить его при себе, если только это не гениальная идея касательно проекта. Если вас это не устраивает, я закажу вам билеты на ближайший рейс до Кливленда.

— Вы хотели сказать до Чикаго? — встряла Марго и тут же осеклась. Сэм резко обернулся на нее и бросил полный ужаса взгляд.

— К слову о Кливленде, — китаянка подошла ко второй двери с другого конца коридора и поднесла к считывающему устройству пропуск. Дверь открылась, она сделала шаг наружу, но вдруг посмотрела на нас, — утром я отправила в госпиталь факс, подтверждающий ваш приезд. Сейчас в штатах ночь, так что завтра утром я надеюсь получить от них данные, касательно доктора О`Фарриса и доктора Сансет.

Все пропало. Сердце провалилось в желудок и принялось там кувыркаться, словно резвящееся дитя в бассейне. Следующее утро мы втроем встретим в китайской тюрьме.

Часть II. Глава 15

Глава 15

Усталые глаза слезились и щипали. Со слипшихся ресниц крупинками осыпалась тушь. Я отодвинула микроскоп и начала руками тереть зудящие веки. Плевать на макияж. Терпеть больше не было сил.

Я так и не смогла уснуть после заявления доктора Хуанг о ее факсе в Кливленд и решила провести последнюю ночь на свободе с пользой.

Вернувшись в исследовательский сектор, я попросила лаборантов принести мне образцы ДНК пациентов, участвовавших в эксперименте. Среди всех образцов только три имели благополучный финал — того самого мальчика, безмятежно спящего в боксе, мужчины сорока пяти лет и девушки, студентки второго курса медицинского университета Гуанчжоу.

Она не была одной из тех несчастных, приехавших из промышленных районов и хватающихся за эту возможность, как за последний глоток воздуха.

Айминь Ли (так звали девушку), судя по записям в ее карте, была единственной дочерью влиятельных родителей, но и ее постигла печальная участь — нейробластома забрюшинного пространства 4 стадии. Эта «детская» опухоль возникает у взрослых людей в таком мизерном количестве случаев, что их можно счесть за статистическую погрешность. Тем удивительнее, что она смогла выжить и обзавестись иммунитетом к онкогенным вирусам.

Я несколько часов провела, изучая ее ДНК. Цепочку за цепочкой, связку за связкой, пытаюсь выяснить, что так повлияло на вирус? Почему именно в ее случае он сработал? Чего не хватило остальным пациентам? Ничего. Я не нашла ровным счетом ничего необычного, кроме встроившегося в ее геном вируса.

Я прошла к умывальнику и сполоснула лицо холодной водой. Это немного меня взбодрило. На ладонях пролегли черные полосы от потекшей туши. Я открыла кран на полную мощь и подставила под поток воды свое лицо. Окрашенная в угольный цвет вода стекала по раковине в сливное отверстие, оставляя на ее белой поверхности грязные следы.

Тщательно намылив лицо, я смыла с кожи тональный крем, остатки туши и помады. Дышать сразу стало легче и приятнее. Посвежевшее лицо немного пощипывало от укусов ледяной воды. Я чувствовала, как наливаются румянцем щеки.

Я вернулась к микроскопу и поместила под него другой образец — восьмилетнего Хэпина Янь, того самого, из бокса.

Все тоже самое, что и у девушки — абсолютно здоровые клетки, не единого повреждения цепочки. Я разделила спираль на куски и отметила каждый флуоресцентными ферментами. Образованные кусочки пинцетом растащила в стороны и начала добавлять азотистые основания, чтобы определить структуру ДНК. В голове звучал голос профессора Адамса: «Азотистые основания на одной нити спирали соединяются с азотистыми основаниями другой нити спирали ДНК. Добавляя аденин и обнаруживая его по флуоресцентной метке, можно выявить тимин. Убирая метку, процедуру проделывают в обратном направлении и находят аденин. То же самое повторяют с гуанином и цитозином».

Несколько отделенных кусочков ДНК я поместила в пробирки, чтобы провести диагностику цепной реакции. Иными словами — увидеть, размножается ли клетки в ее вирусных сегментах. Эта информация поможет мне понять, есть ли у пациента другие вирусные заболевания и тогда от этого можно будет отталкиваться в дальнейшем исследовании.

Если, конечно, я смогу вообще его продолжить. Я посмотрела на часы. В штатах сейчас поздний вечер. Пальцы быстро нашли в контактах тайный номер Рэя.

— Алло, — хриплый голос мужа вызвал забег мурашек по телу.

— Ты спишь?

— Не спится. Так, дремлю... Как у тебя дела?

— Изучаю клетки пациентов, состоящих в программе.

— Успехи есть?

— Нет пока.

— Ли, мне звонила эта докторша из Кливленда. Просила твой номер.

В коленках началась мелкая дрожь. Я сглотнула.

— И что?

— Не дал. У меня же его не было.

Я выдохнула, смахивая с виска капельку пота.

— Руководитель местного центра направила запрос в Кливленд насчет Сэма и Марго.

— Это плохо, — испуганно сказал Рэй, — что делать?

— Перезвони Сьюзи и попроси ее сделать что-нибудь. Этот факс не должен попасть по адресу. Или же их ответ должен не прийти сюда. Понимаешь?

— Да.

В трубке повисла пауза. Мне до жути хотелось разреветься, заскулить, как брошенный в поле щенок, начать жаловаться на судьбу-злодейку и уговорить Рэя забрать меня отсюда. С трудом сдерживая слезы, я спросила:

— Как Вики? Не скучает без меня?

— Милая, конечно, скучает.... — в его голосе проскользнула тоска, а я улыбнулась сквозь пелену на глазах.

— Не позволяй ей грустить. И скажи, что мама очень ее любит и скоро вернется.

— Хорошо.

Рэй замолчал. Я слышала его тяжелое дыхание.

— Ты подал заявление в полицию о моем исчезновении?

— Нет. Сьюзи на нашей стороне, а значит, официально ты пока ничего не украла. Нам не нужны дополнительные неприятности.

— Это правильно.

— Береги себя, ладно?

— Как скажешь, босс.

— Я люблю тебя.

— И я....

Он положил трубку. Чтобы отвлечься от тягостных мыслей, я взяла в руки карту мальчика. Слава Богу, все записи на китайском дублировались и на английском языке. Пролистав пару страниц, я присвистнула. Парень также не был простым сыном работяг. Согласно анамнезу, он родился в провинции, но в год осиротел. Его усыновила пара из города — учитель и продавец автомобилей.

Компьютерный анализатор ДНК протяжно запищал. Я открыла крышку и достала пробирки. На мониторе высветились результаты — все чисто.

Черт. В чем же фокус? Неужели в образе жизни? Может быть, у городских жителей сильнее иммунная система? Может быть, отсутствие каторжного труда, угольный пыли и химикатов в воздухе всему причиной и выживут только те, кто не знал всего этого?

Я взяла карту мужчины. И вот первая нестыковка — крестьянин, проживающий неподалеку от лакокрасочного завода.

Значит, ответ, все-таки внутри.

Я отставила осточертевший микроскоп подальше и встала из-за стола. За окном светало.

Природа брала свое и меня начало клонить в сон. Неплохо было бы вздремнуть хотя бы пару часов, прежде, чем доктор Хуанг получит факс из Кливленда, в котором черным по белому будет написано, что ни я, ни Сэм, ни Марго никогда не работали в их центре вирусологии и генной инженерии, а значит — мы самые настоящие мошенники.

Мысль о разоблачении заставила меня поежиться, сжаться в комок. Жаль, что в случае опасности я не могу выпустить иголки, как дикобраз. Меня возьмут голыми руками и отправят в тюрьму коммунистического государства. Перед глазами сразу замелькали страшные картинки — лагеря, пытки, расстрелы.

Мозг судорожно принялся вспоминать, отменен ли в Китае мораторий на смертную казнь?

На столе загудел мобильник, заставив меня вздрогнуть. Я схватила его и посмотрела на номер звонящего. Незнакомый номер с кодом Соединенных Штатов.

— Я слушаю, — мой голос дрогнул.

— Доктор Скайфилд. Это Сьюзи Драм. Мне только что звонил ваш муж.

— Доктор Драм, вы получали запрос из Гуанчжоу? — мое сердце колотилось и тарабанило в грудь, как заправский барабанщик.

— Да. Я получила его в пять утра. К счастью, кроме меня в центре никого не было. Я его уничтожила.

Выдох облегчения вырвался из моей груди. Я начала жадно дышать, ртом хватая воздух. Пульс постепенно приходил в норму.

— Слава Богу! — воскликнула я.

— Я отправила доктору Хуанг подтверждение касательно всех вас.

— Это прекрасные новости, Сьюзи! — от радости я забыла о субординации и обратилась к ней на «ты», — надеюсь, это успокоит ее, и она больше не станет устраивать нам ловушки.

— Я тоже надеюсь. Будьте аккуратнее, в следующий раз меня может здесь не оказаться и тогда информация попадет в руки к совету правления. Вы понимаете, чем нам всем это грозит?

— Более чем, — ответила я, и улыбка пропала с моего лица.

Сьюзи права. Мы все очень рискуем.

— У вас есть какие-то результаты? Я понимаю, что еще очень рано об этом говорить, но...не улыбнулась ли вам удача?

— Пока нет. Но я вам обещаю — я докопаюсь до истины.

— Уж постарайтесь.

— Я стараюсь. Очень.

— Всего доброго.

— И вам.

Я нажала отбой и вышла в коридор. До гостиничного кампуса пятнадцать минут ходьбы. Еще десять минут на душ и переодевание. И целых полтора часа на сон.

Часть II. Глава 16

Глава 16

Оперевшись руками на выложенную белой плиткой стену душевой кабины, я опустила голову и прикрыла глаза. Чуть теплые упругие струи воды стегали меня по спине и плечам. Я изо всех сил пыталась проснуться, но чем дольше я так стояла, тем больше мне хотелось просто сползти вниз и уснуть. Прямо на полу, в луже воды.

Внезапно мой слух уловил тихий женский стон за стеной. Я открыла глаза и напряглась, вслушиваясь в звуки льющейся воды. Стон повторился с новой силой. Я выключила воду и приложила ухо к стене. К женским вздохам добавилось грубое мужское дыхание. Я улыбнулась — мои соседи получают утреннюю дозу хорошего настроения. Сон как рукой сняло. Я даже немного позавидовала. У кого-то в кампусе действительно доброе утро.

Я обернулась полотенцем, быстро высушила феном волосы, руками взбила тугие рыжие завитки, затем вернулась в комнату и оделась. Не стоит показывать свою усталость и страх. Мой выбор пал на строгие черные брюки-клеш и красную шифоновую блузку с воротником-галстуком. Поверх накинула свежий, еще пахнувший кондиционером, белый халат до колен.

Взглянув на себя в зеркало, я довольно ухмыльнулась. Никто не должен знать, что внутри меня живет боль.

Выйдя в коридор, я несколько секунд постояла под соседской дверью, с улыбкой слушая сладострастные ахи и охи Сэма и Марго. Эта поездка явно пошла им на пользу. Дождавшись, когда шум стихнет, я легонько постучала в дверь костяшками пальцев.

Через пару секунд я видела перед собой покрасневшее лицо Сэма, который полотенцем прикрывал интимное место.

— Ли, уже пора? — он смущенно улыбнулся, а затем бросил взгляд себе через плечо.

— Шалите?

— Давно ты тут...это...стоишь? — он продолжал оборачиваться, наблюдая, как Марго носится по комнате, натягивая на себя одежду.

— В моей душевой очень тонкие перегородки, — я скривила лицо, — так что, если ты о том, давно ли я подслушиваю, — то да. Давно.

Сэм стыдливо прикрыл глаза рукой.

— Черт. Ли, прости. Мы будем стараться делать это...тише.

— Быстро одевайся. Я жду вас у лифта. Нас ждут великие дела.

Он кивнул и поспешил скрыться за дверью. Я же прошла дальше по коридору и присела на низкий офисный диван напротив лифта. На журнальном столике лежал какой-то местный журнал. На обложке была фотография доктора Си Хуанг в обнимку с мужчиной, лицо которого светилось счастьем и благодарностью.

Текст был на китайском, так что я просто перелистнула на нужную статью и посмотрела на фотографии. Судя по всему, речь шла о том самом первом случае, когда доктору Хуанг удалось остановить рост раковой опухоли в пищеводе. Пациент скончался через полгода. Нужно разузнать, что показало вскрытие в тот раз. Может, это даст какую-нибудь зацепку.

— Мы готовы, — я вздрогнула, услышав голос Марго, и подняла глаза.

Счастливые влюбленные держались за руки. На лицах обоих сияла широкая улыбка шкодника, которого поймали с поличным, но вместо того, чтобы пожурить, лишь посмеялись над его шалостями.

— Вижу, путешествие в субтропики пошло вам на пользу.

Я встала с дивана и вызвала лифт.

— Тут так жарко... — Марго подмигнула мне, как будто мы с ней подруги — не разлей вода.

— Да уж, — замялся Сэм.

— А вот и лифт, — я вошла в кабину и встала к стене.

— Я внесла на счет университета миллион долларов и мне позволили набрать

добровольцев для испытания метода в случаях с опухолями головного и спинного мозга, — важно заявила подружка Сэма, как только за нами закрылись дверки кабины.

— У тебя есть миллион баксов? — мои брови поползли вверх.

— У меня есть трастовый фонд, — улыбаясь, ответила Марго.

— Вау... — вырвалось у меня, — что ж... Удачи тебе.

— Спасибо.

Двери лифта распахнулись, выпуская нас на нужном этаже. Мы преодолели узкий переход между зданием гостиницы и научным центром и по лестнице поднялись выше на один этаж.

В кабинете доктора Си я увидела того самого мальчишку, который еще вчера находился в медикаментозной коме.

Его привезли на осмотр прямо на кровати. Он увидел меня и широко заулыбался, а затем начал что-то лепетать на своем языке.

На докторе Хуанг был защитный костюм, а в кабинете больше никого не было.

— Доктор Скайфилд, — она обернулась и замерла с фонендоскопом в руках, — вас не учили стучаться, прежде, чем войти? Немедленно покиньте помещение. Здесь инфицированный больной!

Я попятилась к двери и почти вышла обратно в коридор, но на секунду остановилась.

— А почему вы осматриваете ребенка здесь, а не в боксе?

— У одного из пациентов началась лихорадка. Он избил санитаров и вырвался в коридор. Там и скончался. Боксы на дезинфекции.

— Как такое возможно? — пробормотала я.

— Немедленно покиньте помещение, доктор Скайфилд! — рявкнула она на меня так, что я подпрыгнула на месте и тут же выскочила за дверь.

Я припала лицом к небольшому окошку на двери и смотрела, как доктор Си берет у мальчишки анализы крови.

— Ли, почему ты выскочила оттуда, как ошпаренная? — Сэм с вопросом посмотрел на меня.

— Там мальчик, у него еще инкубационный период вируса. В Боксах дезинфекция, доктор Си вынуждена проводить осмотр здесь.

— Ли, ты вошла туда без маски? — в его глазах появился испуг.

— Именно, Сэм....

Я оставила его и Марго стоять возле двери, а сама направилась на поиски лаборатории. Конечно же, мне нужно проверить показатели крови пациентов. Все до единого. Даже самая незначительная деталь может оказаться решающей. И начать я была намерена с того самого первого пациента с обложки журнала.

Пройдя метров двести по коридору, и несколько раз повернув налево, я оказалась возле двери с табличкой, на которой была изображена пробирка и несколько китайских иероглифов. Я поднесла пропуск к считывающему устройству на стене и попала внутрь небольшой комнаты, заставленной стеллажами с ящиками и папками. Судя по всему, это была не сама лаборатория, а ее канцелярия. В носу защекотало от витающей в воздухе пыли. Я зажмурилась и громко чихнула.

— Без помощника я тут не разберусь, — вслух пробормотала я, окидывая взглядом бесчисленные папки.

Достав из кармана телефон, я набрала Сьюзи. И только через пять гудков меня осенило,

что она, скорее всего, видит десятый сон. Я уже хотела положить трубку, но мне ответили.

— Слушаю, — проговорила она хриплым заспанным голосом. Я выругалась, мысленно коря себя за забывчивость.

— Прошу прощения, доктор Драм, я никак не привыкну к разнице ко времени. Не хотела вас разбудить.

— Полно вам извиняться. Лучше скорее говорите, зачем позвонили. Очень хочется спать.

Я улыбнулась, узнав ту самую Сьюзи Драм, с которой познакомилась в аэропорту. Занудство у нее в крови.

— Вы не могли бы вспомнить имя того пациента, который был первым излечившимся в этом проекте?

— Мужчину, с раком пищевода?

— Да-да..

— Минуточку....

В трубке послышалось громкое сопение.

— Кажется, Юн Тао... Да, точно он.

— Спасибо.

— А вам зачем?

— Мне кажется, дело вовсе не в ДНК, а в свойствах крови больного.

— Хм... Возможно. Спокойной ночи.

Эта хамка нажала отбой, даже не дождавшись моего ответа. Но я не злилась на нее. Мне начинала нравиться эта простая и открытая, как книга, девушка. Она из тех людей, который никогда не сплетничают за спиной, всегда говорят то, что думают, даже если это грубо, и на которых можно положиться. В этом я уже убедилась.

Теперь я знала имена всех пациентов, получивших положительный результат. Осталось дело за малым — во всей этой архивной суете найти нужные данные.

Я цокнула языком. Мне срочно нужен кто-то, кто умеет читать эти каракули.

И в этот момент я впервые увидела, как мне улыбается удача. Дверь запищала, и комнату заполнил свет из коридора. В проходе стоял молодой мужчина и с недоумением смотрел на меня.

— Nǐ shì shuí?[1] — доброжелательно, но вместе с тем строго спросил он.

— Извините, я не говорю по-китайски, — я засунула руку в карман и начала искать там свой бейдж, чтобы продемонстрировать его незнакомцу.

— Зато я говорю по-английски, — мужчина улыбнулся и вошел внутрь, — еще раз: кто вы?

— Доктор Скайфилд из Кливлендского медицинского научного центра вирусологии и геномной инженерии. Я здесь для совместной работы над проектом доктора Хуанг.

Я протянула ему руку для знакомства. Он слегка пожал ее и нехотя выпустил.

— Я доктор Киу, глава отделения функциональной диагностики. Что вы здесь делаете? Доступ сюда предоставляется ограниченному числу сотрудников.

— Э-м-м, мой пропуск сработал и я вошла. Я ищу результаты анализов всех пациентов проекта. Доктор Хуанг отправила меня за ними, — соврала я.

Он не был похож на остальных китайцев. Выше ростом, не такой смуглый, правильные черты лица, слегка раскосые глаза — больше похожий на представителя коренных народов Америки, доктор Киу вполне бы мог стать местной звездой кинематографа или шоу-бизнеса.

Заметив, что я рассматриваю его, он виновато отвернулся и прокашлялся.

— Эта папка здесь, — он рукой указал на шкафчик красного цвета, выделяющийся среди остальных размером. — Странно, что доктор Хуанг, не сказала вам, где искать эти данные.

Я покраснела, запутываясь в сетях собственной лжи все сильнее. Хотя, возможно, причиной моего румянца был его пристальный смелый взгляд.

— Она сказала, но здесь было темно, и я не успела найти нужный ящик до вашего прихода. В любом случае, благодарю за помощь.

Я подхватила папку и пулей вылетела в коридор, плечом задев доктора Киу на выходе. Я быстро шагала по коридору прочь от канцелярии, спиной ощущая его прожигающий взгляд. Не хватало мне здесь тайного поклонника до полного счастья.

Отдалившись от пронзительного взгляда доктора Киу на приличное расстояние, я, наконец, выдохнула. В моих руках была целая папка надежды. Надежды на то, что удача, однажды улыбнувшись, больше от меня не отвернется.

[1] Кто вы? (кит. Транскрипция).

Часть II. Глава 17

Глава 17

Не знаю, сколько времени я провела, заперевшись в маленькой каморке, выделенной мне под кабинет, изучая результаты анализов погибших участников эксперимента, но ничего стоящего так и не смогла обнаружить.

Я проголодалась, устала, у меня разболелась голова. На столе передо мной в пять рядов, листочек к листочку, лежали анализы крови — биохимия, лейкоцитарная формула, показатели свертываемости и данные ревмопроб, нейтрофилы, сегментоядерные, кровь на гормоны щитовидной железы и на вирусы. Кровь... Кровь... Кровь... В глазах рябило.

Мой мозг был готов взорваться. У меня замылился взгляд. Я вновь и вновь пробегала глазами цифры и процентные значения, и не видела никакой зависимости, ничего схожего, как будто каждый из них умер по своей, особенной причине, и подсаженные клетки вируса Эпштейна-Барра вообще не при делах.

Что не так с этим чертовым вирусом? Почему у одних развивается лихорадка с летальным исходом, а у других — вырабатывается иммунитет?

Я обхватила руками голову и начала пальцами массировать виски, чтобы хотя бы на мгновение унять боль.

Злоба душила меня. Я пролетела несколько тысяч километров, стащила папку из Кливлендского госпиталя, подвергла себя опасности, и все зря.

Стоп. Папка Сьюзи. Я даже ни разу не удосужилась в нее заглянуть! Как можно быть такой идиоткой?!

Озарение, словно яркая вспышка, осенило меня. На моем лице заиграла довольная улыбка. Бросив все, я выскочила в коридор, и побежала в гостиничный кампус, чтобы как можно скорее добраться до заветных материалов.

И вновь он. Вылетев из-за очередного угла, я чуть не сбила с ног доктора Киу. Он поймал меня в объятия и запричитал, обжигая своим дыханием мое ухо.

— Тише-тише, доктор Скайфилд. Вы не на Бостонском марафоне, а в китайском госпитале. У нас так не бегают по коридорам, только если, это не связано с пациентами.

— Извините, — сухо ответила я, поправляя халат и прическу.

— Куда вы так торопитесь?

— Простите, мне срочно нужны мои документы, которые я привезла с собой из штатов. Я очень тороплюсь.

— Конечно-конечно, — он усмехнулся, — не смею вас задерживать.

Меня испугали и его взгляд, и хищная ухмылка, и то, как крепко он прижал меня к себе, но я решила не думать пока об этом. Все мои мысли были сосредоточены на папке.

Я взяла себя в руки и теперь просто быстро вышагивала вдоль лимонных стен, пробираясь через лабиринт коридоров к лестнице.

Сьюзи говорила мне, что у нее есть наработки, но она забросила их из-за проекта по лечению диабета. Если там есть самая маленькая, самая мизерная зацепка — я распутая этот клубок.

В кармане завибрировал мобильник. Или Рэй, или Сьюзи. Без вариантов. Я взяла трубку.

— Линда, как ты? — голос мужа заставил меня улыбнуться. На глаза навернулись слезы. Боже! Я и не думала, что буду так по ним скучать?

Пока я не думала о нем и Вики, пока была занята поиском иголки в стоге сена, моя боль спряталась, притаилась в глубинах бессознательного, дожидаясь подходящего момента, чтобы напасть. И вот она уже ширяет меня своей маленькой, но острой шпажкой в самое сердце. Колит и режет, кромсает, заставляет сжимать от беспомощности зубы и скрежетать ими, выжимает слезинки из глаз, щиплет в носу, щекочет ледяными коготками стенки желудка.

— Рэй, — голос дрогнул.

— Что случилось, милая?

Я утерла нос, предусмотрительно убрав от лица трубку, и немного успокоилась.

— Ничего. Все хорошо. Все идет по плану. Просто скучаю.

— Дорогая, если тебе там плохо, возвращайся. Я... «Скайфилд Логистик» может выступить спонсором этого исследования. Мы и сами справимся.

Я прикинула, в какую сумму это может вылиться для корпорации мужа, и покачала головой. Мы запустим проект, но останемся без штанов. Вряд ли, он этого не понимает. Я не хочу таких жертв.

— Я очень благодарна тебе за поддержку, но ты сам понимаешь, что эта идея обречена на провал. Во-первых, ты лишишься бизнеса, а во-вторых, до результатов доктора Хуанг нам идти еще пару лет.

— Так укради ее наработки, — он засмеялся, пошутив надо мной немного злобно, но вместе с тем вызвав у меня улыбку.

— Хотелось бы напомнить, что у меня есть сообщник, а точнее сообщники. Заинтересованные в краже лица. Я бы больше сказала — заказчики преступления.

— Неужели?

Он изо всех сил старался подбодрить меня, и я была ему за это благодарна. Бог послал мне такого мужа, потому что я нуждалась в нем. Господь никогда не ошибается. Раз уж в моей книге судьбы начертано великое медицинское открытие, то лучше идти к цели вместе с Рэем, чем без него. Мне было послано испытание, но мне на что жаловаться. Я получила все, для того, чтобы его преодолеть — диплом одного из лучших медицинских колледжей в мире, неплохие мозги, таланты мелкого мошенника и вора, а также самых лучших в мире мужа и дочь.

— Как Вики?

— Ли, ты только не волнуйся, — в его голосе проскользнуло утешение, а я замерла на месте, как вкопанная.

— Это она, не так ли? Очередная гребаная аденома?

— Да. Но ее больше нет.

— Где?

— Рядом с надпочечником.

— О Боже!

Я рукой зажала рот, сдерживая рвущийся наружу вой. Эта коварная тварь подобралась к почке. А дальше? Что на очереди? Может быть, сердце? Или легкие? Или трахея... Или....

Вспомнив, что мне пришлось пережить, когда эта бомба замедленного действия взорвала сонную артерию Рэя, я пошатнулась. Холодный ветерок прогулялся по позвонкам, на голове зашевелились волосы.

— Линда, уже все в порядке. Как только Вики отойдет от наркоза, я заберу ее домой. Все прошло благополучно. Тебе не о чем беспокоиться. Мы все здесь присматриваем за ней. Это уже позади.

— Это будет позади только тогда, когда я отгадаю все загадки вируса Эпштейна-Барра.

— Есть еще кое-что.

— Что?

— Та женщина, которая называла себя моей сестрой, ты помнишь ее?

— Вульгарная блондинка в ресторане?

— Да. Она. Хилари.

— Что с ней? Она хочет денег? Ее еще на наши головы не хватало.

— Нет. Денег она не хочет.

— Так в чем же дело?

— У нее аденома. Застарелая. Начала прорастать в спинной мозг.

Ну вот, пожалуйста. Еще одно доказательство того, что за грехи отцов расплачиваются дети. Старик Скайфилд жил себе и не тужил, гулял налево и направо, травил себя наркотой и алкоголем и был здоров, как бык. А дремавший в нем ген чертовых аденом, почему-то, решил проснуться в следующем поколении.

— Это плохо, Рэй. Это очень плохо. Пришли ее снимки на почту Сэма. Покажем Марго. Узнаю, можно ли еще оперировать. Но почему она допустила до такого? Почему опухоль так запущена?

— Я все сделал, еще утром. Пусть проверит, — Рэй на несколько секунд замолчал, словно задумался над чем-то, — я не знаю, чем она думала. Она клянется, что даже не догадывалась о ее существовании.

— Хорошо. Я сейчас доберусь до своей комнаты, возьму папку, а затем вернусь в центр и найду Сэма.

— Я люблю тебя, родная.

— И я тебя.

Я нажала отбой. В груди что-то сжалось, словно кто-то поместил между ребер огромный булыжник. Сердцу стало тесно, он подпрыгивало, кувыркалось, било в грудь, требуя выпустить его. У меня закружилась голова, появилась одышка.

«Это все нервы», — подумала я, продолжая движение. Оказавшись в лифте, я посмотрела на себя в зеркало. На лбу и висках выступил пот. Я провела рукой по лбу, убирая

его. Смутные сомнения закрались мне в мысли. Или я так торопилась, что вспотела и разгорячилась, или у меня жар.

С каждой минутой дышать становилось все сложнее. На своем этаже я уже с трудом передвигала ногами. Суставы и мышцы болели нестерпимо, меня как будто поместили на дыбу, и растягивали во все стороны.

Мушки летали перед глазами. В ушах началось невыносимое шипение, больше похожее на тихий свист.

Руки уже не слушались меня. Я с трудом попала электронным пропуском в щель на дверной ручке. Папка была в сумке под кроватью.

Спотыкаясь, держась за стену, я добрела до постели и опустилась на колени. От такой перемены положения голова закружилась еще сильнее, тошнота подкатила к горлу и меня вырвало. Прямо на ковролин. От вида и запаха рвотных масс меня затошнило вновь. Я одной рукой зажала нос, а другой начала шарить под кроватью в поисках сумки.

Последнее, что я помню, как моя щека коснулась противной склизкой жижи на полу.

Часть II. Глава 18

Глава 18

В ушах звенела тишина, прерываемая писком кардиомонитора. Я открыла глаза и увидела выбеленный потолок с длинной тонкой лампой, от которой исходил мерцающий яркий свет. Опустив взгляд ниже, я обнаружила на своем лице кислородную маску. Прохладное шипение в носу означало, что помимо маски мне вставили еще и зонд. Я попыталась поднять руку, но обнаружила, что она привязана к кровати. Щиколотки также были стянуты лентами.

Что случилось? Почему я здесь? Привязанная, беспомощная — точно пациентка психлечебницы.

В памяти всплыла картинка — кровать, рвота на полу и мои спуганные волосы. Я упала в обморок. Но как это произошло?

Мозг начал лихорадочно строить логические цепочки, воспроизводя события последнего дня: утро, душ, Сэм и Марго, потом журнал с первым пациентом программы, затем кабинет доктора Хуанг и тот мальчик с необычайно добрым взглядом, потом канцелярия, доктор Киу и несколько часов в моей камере, проведенные за разбором анализов, звонок Рэя, Вики... О Боже, Вики! Кажется, с ней все хорошо. Хилари. Почему я ее вспомнила? Вульгарная сестренка моего мужа оказалась в одной лодке с нами, у нее опухоль позвоночника. Я успела сказать Марго? Кажется, нет... Черт, черт, черт!

Я сжала в кулак простынь и потянула на себя. Кардиомонитор тревожно заверещал. По моему, я чересчур разволновалась, вспоминая тот день. Что было после звонка Рэя? Почему в разгар рабочего дня я оказалась в своей комнате? Папка. Господи, я так и не посмотрела материалы! Удача отвернулась от меня.

Слезинка скатилась по щеке, забралась под маску и оказалась на губах. Я облизнула их, почувствовав соленый вкус разочарования.

Но это не дает ответа на мой вопрос — как я умудрилась заболеть? Что это — экзотическая азиатская лихорадка? Но какая? Эбола? Зика? И где я ее подхватила?

И вновь в голове картинка из кабинета доктора Хуанг — миниатюрная китаянка в нелепом защитном костюме, и выздоравливающий мальчик. А затем ее требовательный голос — «доктор Скайфилд! Немедленно покиньте помещение, здесь инфицированный больной».

Господи! Неужели я подхватила вирус Эпштейна-Барра от этого мальчишки?

Мне вдруг захотелось вскочить, вызвать персонал и потребовать у них отчета! Неведение самое ужасное из всех состояний человека. Неизвестность пугает, волнует, вводит в ступор.

Я опустила ладонь на холодный бортик моей кровати в поиске тревожной кнопки. Слава Богу, кнопка была на месте. Я несколько раз сильно надавила на нее большим пальцем. В коридоре послышался раздражающий барабанные перепонки звук сирены — так, наверное, звучит сигнал, предупреждающий о бомбардировке.

По потолку поползли красные лучи. Наверняка, в коридоре есть фонари, которые мигают в случае опасности. Это я, что ли, опасность?

Я измучила себя догадками. Мне не терпелось услышать ответы. Я попыталась приподняться хотя бы немного, но была слишком слаба. Локти дрожали, не слушались меня. Тело превратилось в один сплошной мешок с цементом — самостоятельно мне не встать.

Неожиданно в общей какофонии звуков, мой слух различил еще один — протяжный скрип открывающейся двери бокса.

Я подняла голову и увидела человека в защитном костюме.

— Слава Богу, — раздался знакомый голос доктора Хуанг, — вы очнулись.

Она сняла с меня маску, затем проверила показатели на мониторе.

— Что со мной случилось? — едва шевеля пересохшими губами, спросила я.

— Поздравляю вас, — она взяла в руку мое запястье, и сильно надавила на него, чтобы проверить наполнение пульса, — вы в эксперименте.

— В каком эксперименте?

— Вы без разрешения ворвались в мой кабинет в то время, как там находился инфицированный больной. Вам ли не знать, насколько опасен вирус Эпштейна-Барра? Вам прекрасно известно, что его инкубационный период — один из самых длительных. Мне жаль.

— У меня лихорадка Барра?

— Вы чудом остались живы. Интоксикация организма была мгновенной. Особенно, если учесть, что ваш иммунитет ослаблен перелетом, сменой климата и часового пояса. Вы оказались легкой добычей.

— Но, — меня в эту минуту осенило, — получается, что я четвертая!

— Что? О чем это вы?

— Я четвертая, доктор Хуанг! Четвертая выжившая после инфицирования вирусом!

Она замерла и сквозь прозрачное стекло защитного скафандра бросила на меня шокированный взгляд. Мое открытие поразило ее.

— Я не подумала об этом. Но, вы абсолютно правы. Так и есть!

Улыбка засияла на моем лице. Если я выжила, может и у Вики есть шанс? У нее ведь мои гены! Если я смогла, значит и она сможет! Боже! Нужно как можно скорее выяснить, почему мне это удалось.

— Я разрешаю вам использовать меня, как подопытного кролика, доктор Хуанг. Нужно запросить в штатах мою медицинскую карту. Пусть доктор О'Фаррис как можно скорее придет. Я дам нужные распоряжения. Возьмите у меня все анализы, какие только существуют, вплоть до пункции костного мозга. Я согласна на все.

— Это шанс для нас. Вы, как никто другой, знаете о своем организме все, что человек только может знать. Я уверена, с вашей помощью мы выйдем на нужный след.

Впервые за время нашего знакомства девушка улыбнулась. Эта улыбка согрела мне душу. И пусть причиной ее радости было вовсе не мое чудесное спасение, а неожиданно подвернувшийся счастливый случай, который поможет ей прославиться на весь мир.

И пусть я радовалась вовсе не за нее, а за свою семью, которая, возможно, вскоре заживет обычной жизнью. Мы улыбались друг другу. Каждый по своей причине. Но все же. Лед между нами тронулся.

— И еще кое-что, — я бросила на нее умоляющий взгляд, — в моей комнате есть папка. В ней документы, материалы. Это наши с доктором Драм разработки. Возьмите ее. Возможно, она поможет вам.

— Мы нашли эту папку. Когда вас обнаружили, вы лежали на полу, а ваша правая рука находилась под кроватью на сумке. Мы с доктором Сансет подумали, что вы хотели что-то взять оттуда. Так ее и обнаружили.

— Меня нашла Марго? — Я удивилась. Зачем она приходила ко мне?

— Да.

— Как она? Они с доктором О`Фаррисом не заразились от меня?

— Она на карантине, так как контактировала с вами и вдыхала пары...от ваших рвотных масс.

— А Сэм?

— Он был занят в боксах. Снимал показания датчиков. Его это не коснулось.

— Слава Богу, — я выдохнула, — он слишком часто попадает в переделки из-за меня. Хотя бы на этот раз пусть побудет в стороне.

— Отдохните. Вскоре вам может стать очень больно. Если вы помните, я говорила вам, что период выздоровления сопровождается очень сильным болевым синдромом. Я постараюсь прислать к вам доктора О`Фарриса как можно скорее, чтобы вы успели дать указания до того, как мы введем вас в медикаментозную кому.

— Тогда не задерживайтесь! — воскликнула я, — поспешите!

— Хорошо.

Она привела спинку кровати в положение полулежа, поправила мне подушки, подала стакан с водой, чтобы я сделала несколько глотков, еще раз бросила взгляд на монитор, а затем быстрым шагом покинула бокс.

Я вновь оказалась наедине с собой и пищущим кардиомонитором. Ко всем моим страхам добавился страх испытать боль. Не то, чтобы я совсем слабачка. У меня высокий болевой порог. Но ожидание боли зачастую куда страшнее ее самой.

К радости, Сэм не заставил себя ждать. Не прошло и десяти минут, как увидела его фигуру за стеклом бокса.

— Ли, детка! — я услышала его голос и улыбнулась, — Как ты нас всех напугала!

— Рэй знает?

Сэм присел на край кровати и взял в ладонь мою руку. Даже сквозь плотный латекс стерильной перчатки я чувствовала его тепло. Родное тепло в чужой стране.

— Нет. У них там своих проблем хватает. Он бы сорвался и прилетел. Ты же знаешь его.

— Все верно. Не нужно ему ничего говорить.

— Марго посмотрела снимки Хилари. — В его глазах появилась печаль. Я все поняла.

— Оперировать уже нельзя, так?

— Так.

— Черт...

Одна неприятность за другой. Когда это уже закончится? Сначала Вики, потом я, теперь еще и Хилари... Мне не было до нее никакого дела. Появилась ниоткуда, и исчезнет в никуда. Но сам факт того, что кто-то из семьи опять болен, не давал мне покоя.

— Доктор Си сказала, что ты хочешь меня о чем-то попросить?

— Да. Я не могла попросить ее. Иначе она узнает, что мы из Чикаго. Запроси мою медицинскую карту. Пусть пришлют. Я буду подопытным кроликом доктора Хуанг. Мы выясним, что позволило мне выздороветь.

— Ли, не нужно. Есть другие пациенты, — в голосе друга послышалась тревога.

— Другие пациенты на родители Вики. Если поправились я, значит и она может, понимаешь?

— Вот как... Что ж. Будь по-твоему. Сегодня же все сделаю.

— Сэм, я все оставляю на тебя, слышишь! — Я крепко сжала его руку, — Меня введут в кому, ты должен все держать под контролем!

— Все будет хорошо. Тебе не о чем беспокоиться. Я здесь.

Не успел он договорить, как адская боль пронзила мой позвоночник. Я выгнулась, как струна, и закричала. Сэм вскочил и нажал на кнопку вызова санитаров. Через пару минут в моем боксе началось настоящее столпотворение. Но мне было уже все равно. Вся я превратилась в боль. Не было ничего, кроме моей боли и крика. Меня разрывало на кусочки, бросало в пламя, обдавало ледяным дождем. А потом все прекратилось. Да здравствует морфин! Я провалилась в темноту.

Часть II. Глава 19

Глава 19

— Вот, посмотри на это, — Сэм протянул мне пачку бумаг, — я не сомневаюсь, ты все поймешь.

Я приподняла бровь и спустила на переносицу очки. С момента моего выхода из медикаментозной комы у меня резко ухудшилось зрение, и появились проблемы с гемоглобином, но это, скорее последствие длительного пребывания в стадии «овощ», нежели работа вируса.

Я начала внимательно всматриваться в цифры и аббревиатуры. Перед глазами мельтешили знакомые названия — альбумин, С-реактивный белок, гликированный гемоглобин, трансферрин, ревматоидный фактор, аланиноминотрансфераза, аспаратаминотрансфераза, лактат, холинэстриаза, триглицериды, общий холестерин, глюкоза, билирубин, креатинин, мочевины, неорганические вещества, маркеры.

Развернутый анализ крови. Что он хочет мне этим сказать? Они с доктором Хуанг нашли ответ, и издеваются надо мной?

— Сэм, просто скажи — вы нашли? Ты издеваешься? Здесь хренова туча результатов. Разве можно в такой кипе заметить что-то?

— Не психуй, — он присел на краешек кровати и широко улыбнулся. Его улыбка была красноречивее слов.

Мои глаза загорелись, уголки губ поползли к ушам. Неужели и правда нашли?

— Сэм, если бы не моя слабость и исколотая уколами задница, я бы надавала тебе тумаков! Прекрати меня мучать. Мне и суток не хватит изучить эти записульки!

— Уверен, ты найдешь то, что нужно, гораздо быстрее.

Я нахмурилась и гневно посмотрела на него. Чего он добивается? Упрямый ирландец!

Видимо, мой взгляд немного остепенил его. Лицо Сэма смягчилось, в глазах появилось

виноватое выражение.

— Ладно-ладно, небольшая подсказка, — он достал из кармана своего халата еще один лист бумаги с результатами, — но это не бесплатно.

— Что ты хочешь? — зашипела я на него.

— Сущую бездилицу, — мой друг коварно улыбнулся, наклонился и подставил для поцелуя небритую щеку.

Я нехотя чмокнула его, проявляя нетерпение. В другой ситуации он мог бы на меня обидеться, даже не смотря на то, что я третью неделю симулирую лихорадку Эпштейна-Барра. Но только не сегодня. Все то, что случилось с нами за последние пару лет, сблизило нас настолько, что я, наконец, узнала, что такое иметь брата. Не того, который улыбается мне с фотографии десятилетней давности, и не того, что шлет открытки дважды в год, поздравляя с днем рождения и рождеством, а самого настоящего. Сэм стал для меня по-настоящему родным человеком — опорой, поддержкой, стеной. Вот и сейчас он лишь засмеялся, злорадствуя над моим любопытством.

Он поднял надо мной шуршащий, немного смятый лист, и начал размахивать им прямо над головой. Я не могла до него достать из-за подключенной капельницы, которая не позволяла мне высоко поднять руку, и злилась все сильнее.

— Сэм, заканчивай этот кордебалет! — не выдержала я, блеснув глазами, — не то я сейчас встану!

Я на самом деле приподнялась на локтях, но вынуждена была сразу же рухнуть обратно на кровать. Спина в месте забора костной пункции болела нестерпимо. Из-за длительного приема обезболивающих у меня начались проблемы с печенью, поэтому заботами доктора Хуанг я была лишена анальгетиков.

— Ладно-ладно, — он покачал головой и шумно выдохнул, как будто ему приходится расставаться с какой-то фамильной драгоценностью, а не с потрепанным листочком бумаги, — держи. Это твой анализ. Я думаю, в своих болячках ты разберешься легко и просто.

Сэм поправил халат и несколько раз качнулся на пятках, закусив губу. Он вел себя, как юнец, сделавший что-то полезное и ожидающий поощрения.

Я заметила, что он стал чаще носить брюки. Вот и сегодня на нем были идеально выглаженные черные брюки и остроносые лаковые ботинки. Настоящий пижон. Заслуга Марго, ничуть не сомневаюсь. Я ухмыльнулась, и перевела взгляд на свои анализы.

Повышены лейкоциты, понижен гемоглобин, проблемы с холестерином и глюкозой, но все это легко объясняется последствиями лихорадки. Вдруг мой взгляд остановился на показателе С-реактивного белка. Он, конечно, должен был подрасти в результате воспалительного процесса, но не настолько же!

От количества нолей у меня зарябило в глазах. Словно огромная цистерна с этим белком взорвалась у меня внутри. Что за черт? Как такое возможно?

— Сэм, белок.... — я испуганно посмотрела на него, — почему я еще жива? Это ошибка какая-то?

— А теперь подсказка номер два, — он залез во второй карман и достал еще один лист бумаги.

— Что это?

— У тебя в руках твои анализы, сделанные на вторые сутки после инфицирования. А этот — вчера.

Я выхватила листок из его рук и сразу же посмотрела в графу с С-реактивным белком. Все показатели были в норме.

Что за ерунда? Он сам собой пришел в норму или ему помогли? Но тогда здесь не обошлось без противовирусной терапии, а она убила бы и вирус Эпштейна-Барра. Настоящая абра-кадабра.

— А теперь посмотри в ту кипу анализов, что я дал тебе сначала.

Я разбросала на кровати листы и начала просматривать показатели белка. Везде одно и то же — резкое повышение, но в гораздо меньшей степени, нежели у меня.

— И напоследок, чтобы у тебя окончательно сформировалась ясная картина..., - он залез рукой под халат и достал из кармана брюк три смятых листа, — как ты уже догадалась, та кипа — результаты анализов пациентов с летальным исходом. У меня в руке результаты троих выживших.

Сэм протянул мне результаты. Я чувствовала, что нахожусь в шаге от разгадки. Невероятное волнение овладело мной. Сердце начало подпрыгивать в груди и выписывать акробатические элементы сальто мортале.

Монитор, к которому я была подключена, тревожно заверещал.

— Эй, детка. Потише. Не волнуйся так! — он широко улыбнулся и провел рукой по моей голове, — просто посмотри на результаты выживших и на свои.

Я кивнула.

У всех троих невероятное увеличение С-реактивного белка. Как и у меня.

— Дело в белке? — я начинала догадываться, где собака зарыта, но было очевидно, что команда доктора Хуанг уже до всего докопалась, а играть в загадки у меня больше не было сил. Это уже слишком.

— Именно.

— Объясни. Я устала, правда. Не мучай меня больше. Если мы можем спасти Рэя и Вики — просто скажи.

— Хорошо.

Сэм присел на край кровати и взял мою ладонь.

— Как ты знаешь, во время болезни, количество этого белка резко возрастает в организме, он стимулирует иммунитет, борется с инфекцией.

— Не нужно цитировать мне параграф из учебника по цитологии. Почему у выживших он настолько вырос?

— Ответа нет. Но достоверно известно, что в таком количестве он стал катализатором для иммунной системы, которая уничтожила опухоли. Он словно придал ей мощности, понимаешь? Это если бы я, предположим, решил прокачать свою тачку, добавив лошадиных сил мотору.

— Но почему у остальных он не вырос до такой степени? Это уже известно?

— Нет. Как я уже сказал, ответа нет. Доктор Хуанг предполагает, что дело в генах. Все зависит от потенциала иммунной системы пациента.

— Черт!

Я выругалась. Полученные сведения и обрадовали, и огорчили меня одновременно. Радовало то, что теперь я знаю причину излечения, но мне по-прежнему не были известны механизмы ее запуска в организме. Совершенно не факт, что у Вики и Рэя этот белок сработает также.

— Сэм, что же делать? Как узнать — сработает ли это?

— Ли, у меня есть только одно предположение.

— Говори же, не томи!

— Методом эксперимента.

Я фыркнула и выдернула свою ладонь из его руки. Какой еще эксперимент? Он с ума сошел. Речь идет о моем муже и дочери.

— Подожди злиться. Дай договорить, — он вновь схватил меня за руку, крепко сжав ее, чтобы я больше не могла вырваться, — я не предлагаю экспериментировать с Вики и Рэем. Речь идет об их родственниках. И начало уже положено. Мы знаем, что у тебя иммунная система сработала на все сто. Теперь нужно выяснить, как обстоят дела с иммунной системой семейства Скайфилд.

— Как ты это предполагаешь выяснить? Вне организма вирус быстро погибнет, мы не увидим в крови рост белка.

— Хилари..., - выдохнул Сэм и бросил на меня озабоченный взгляд.

Я удивленно приподняла брови. Они решили использовать ее в качестве подопытного кролика? Уму непостижимо!

— Что вы задумали? Чья это идея? Вы убьете ее!

— Линда, ее убьет опухоль. Она не операбельна. Хилари все взвесила и уже прилетела. Она в проекте.

Я чуть не подавилась слюной от неожиданности? Я три дня в сознании, и до сих пор никто не соизволил сообщить мне новости! Что они там проворачивают, пока я играю роль «овоща»?

— Но как?!

— Проект ее единственный шанс. И она решила им воспользоваться.

— Сэм, Рэй в курсе?

— Да.

Я нахмурилась. Все это пахло предательством.

— Линда, никто не хотел скрывать это от тебя, мы берегли твои нервы, пока ты окончательно не поправишься. К тому же, Хилари сама попросилась в проект. Никто ее не принуждал.

— Хорошо, если так...

— Очень скоро мы узнаем, каковы шансы иммунной системы производства «Скайфилд продакшн» одолеть чертовы аденомы.

Он пошутил, стараясь разрядить обстановку. Но на душе было муторно. Меня, почему-то, начала мучить совесть.

Я сжала в руках простынь и стиснула зубы. Хотелось плакать. Противоречивые чувства сменяли друг друга. Я еще никогда не была так близка к новой жизни, в которой не будет проклятых аденом. Но смогу ли я быть счастливой, если Хилари погибнет из-за этого эксперимента? Не буду ли я винить себя в ее смерти? И не будет ли винить меня в ее смерти Рэй?

Какова она, цена счастья? Жизнь другого человека?

Часть II. Глава 20

Глава 20

Минуты тянулись мучительно долго. Стрелки на больших круглых часах на стене точно застыли, они перестали двигаться. Я сжала губы и шумно выдохнула, затем опустила взгляд вниз, принявшись рассматривать носы туфель. Ничего особенного — острые, как иглы, носы моих новых черных кожаных туфель, изящные и стильные. Они отвлекали меня от тяжелых мыслей и томительного ожидания. Я слегка пошевелила ногой, любуясь игрой света на блестящей поверхности обуви.

Прошло уже больше часа с того момента, когда Хилари увезли в рентгенологическое отделение, чтобы сделать МРТ, и я начинала нервничать. Почему так долго? Что они

пытаются найти?

Я отвыкла от каблуков, спина заныла с непривычки, в пятках началось неприятное покалывание. Подняв глаза наверх, я обнаружила кушетку в паре шагов от того места, где я стояла. Но мне не суждено было добраться до нее.

— Еще не привезли? — я настолько погрузилась в свои мысли, что от неожиданности вздрогнула, услышав рядом голос Марго.

— Как видишь. Что, по-твоему, они там делают? Почему так долго? Меня терзают смутные сомнения. Мне кажется, вы мне что-то не договариваете. У нее ведь не одна опухоль, так? — Я бросила на подругу Сэма испытывающий взгляд.

— Нет ничего такого, что тебе следовало бы дополнительно знать, — сухо отрезала она и как-то виновато отвернулась, чтобы избежать встречи взглядами.

— Марго, я имею полное право знать все, что касается моей семьи. Я не инвалид, и не психованная. Со мной все будет в порядке. Перестаньте уже с меня пылинки сдувать. Две недели прошло, как меня выпустили из бокса, а вы все носитесь со мной, как с драгоценностью.

— Я-то уж точно с тобой не ношусь, — ехидно заметила Марго, скривившись в ухмылке.

— Это Сэм дал тебе такое распоряжение, не так ли?

— Если ты все знаешь — зачем спрашиваешь?

— Да идите вы все....

Я махнула со злости рукой и быстро зашагала к лестнице. Позади послышалось торопливое цоканье ее шпилек. Через минуту она схватила меня за предплечье и с силой потянула на себя. Я была вынуждена остановиться и обернуться. В ее глазах читалась немая мольба.

— Линда, куда ты? Тебе туда нельзя, ты же знаешь. Радиация и рентгеновское излучение вредно для тебя. Ты еще не оправилась после лихорадки.

— Пусти, — я дернула руку, но та крепко вцепилась в меня.

— Хорошо. Но не выдавай меня Сэму, — она смущенно потупила взгляд, — пожалуйста.

— Говори уже, в чем дело?

— Хилари — просто ходячая кладовая опухолей. У нее с десятков аденом в разных частях тела. Больше всего в области тазобедренных суставов и на позвоночнике.

Слезы навернулись мне на глаза. Эти проклятые аденомы распространяются по организму со скоростью звука. Еще пару недель назад мы знали только об опухоли на позвоночнике, теперь их больше десяти.

— О Боже! — вырвалось у меня.

Марго отпустила руку, и я тут же прикрыла рот, чтобы зажать вой, рвущийся из глубин моей души. А сколько я не знаю касательно Вики и Рэя? Наверняка они тоже скрыли от меня большую часть информации, чтобы не травмировать нежную психику перенесшей лихорадку Эпштейна-Барра и не волновать лишний раз.

Подумать страшно, что происходит сейчас в Чикаго, пока я тут подопытным кроликом работаю. Вполне возможно, что Рэй и Вики перенесли уже не одну операцию.

— Ли, пожалуйста, не нужно так реагировать. Сэм идет. У тебя на лице ужас, он все поймет. Улыбаемся. — Последнее слово она произнесла сквозь зубы, демонстрируя мне голливудскую улыбку.

Я всхлипнула, быстро поморгала, утерла нос и обернулась через плечо. По коридору в нашу сторону бодро вышагивал мой друг. По своему обыкновению засунув руки в карманы халата, он широко улыбался нам. Я выдавила из себя улыбку и помахала ему рукой.

— Что вы здесь делаете? Прямо по центру прохода, — он быстро чмокнул меня в висок, — вы мешаете персоналу.

— Я шла в буфет, но меня заметила Марго и остановила, чтобы справиться о самочувствии.

— Вот как.... — он пытливо посмотрел мне в глаза. — И как оно?

— Что?

— Самочувствие.

— Великолепно.

Сэм нахмурился и вопросительно посмотрел на Марго. Та только пожала плечами и недовольно фыркнула.

— Ты поджидаешь Хилари с МРТ?

— Именно.

— Все будет хорошо.

— Угу.

Мы замолчали и одновременно посмотрели на дальний конец коридора. Двое санитаров везли мою золовку в инвалидной коляске. Ее бледное лицо не выражало никаких эмоций. Руки сжимали ткань больничной ночной рубахи небесно-голубого цвета.

— Везут, — прошептала Марго и первой бросилась навстречу Хилари.

Заприметив нас, девушка насильно улыбнулась. Но ее глаза по-прежнему были пустыми. Сердце сжалось в комок при виде разбитой и сломленной сестры Рэя. Я вспомнила нашу первую и единственную встречу в том кафе, когда передо мной предстала дерзкая, живая и вполне здоровая женщина. Сейчас же это был призрак — безразличный ко всему.

Марго наклонилась и по-матерински поцеловала Хилари в лоб. Затем выхватила из рук санитаров снимки. Как она не старалась сохранять нейтральное выражение на лице, все же не удержалась и нахмурила брови. Этого было более, чем достаточно.

Я подошла к ним.

— Хилари, как ты, дорогая? — я поцеловала ее, стараясь во время наклона заглянуть в снимки.

— Лучше всех, — она взяла меня за руку и крепко пожала ее.

— Что на снимках? — я не вытерпела и заглянула Марго через плечо. Та поспешила свернуть негативы в трубочку.

— Все отлично. Без изменений.

Они переглянулись с Хилари, и по их взгляду мне стало ясно — дело пахнет керосином.

— Пусть Хилари отвезут в палату. Ей нужно отдохнуть, — предложил Сэм и жестом дал соответствующее указание санитарам.

— Очень скоро у меня будет целая вечность для отдыха, — устало бросила Хилари, устремив пустой взгляд своих остеклевших глаз куда-то вдаль.

Как только ее коляска удалилась от нас на приличное расстояние, я задала Марго мучающий меня вопрос.

— Сколько?

— 12. Проблема в том, что главная опухоль переросла в злокачественную. Остальные — это уже метастазы.

— Как долго протянет?

— Пару-тройку недель. Месяц максимум.

— А как же подсадка вируса? Или вы и на этом уже поставили крест.

— Вовсе нет. Утром она подписала все бумаги. Как только в боксе освободится место

— она займет его.

Я усмехнулась. Жестокость этого мира и поражала и подавляла меня одновременно. Мы вынуждены ждать, пока умрет один человек, чтобы убить другого.

— Хорошо. Надеюсь, она дождетя своего шанса.

Мне вдруг захотелось убежать из этой клиники, сесть на самолет, вернуться домой и прижать мужа и дочь к груди. Кто знает, сколько времени нам отведено?

— Ли, ты в порядке? — Сэм взял меня за локоть, — Не стоило Марго тебе все это рассказывать. Я знал, что ты расстроишься.

— Я все равно бы узнала рано или поздно.

Осторожно, чтобы не обидеть и не задеть его, я высвободила руку из его хватки.

— Я немного устала. Пойду, прилягу. У меня иногда еще кружится голова, если долгое время приходится стоять.

— Конечно, иди. — Сэм похлопал меня по плечу.

Я кивнула, едва сдерживая слезы, и почти бегом направилась к лифтам. Знакомый звонок кабины, зеркала, отражающие мое сосредоточенное лицо и влажные глаза, узкий коридор между клиникой и кампусом общежития, и вот я уже в холле, вижу свою дверь.

Руки задрожали. Проклятый ключ все никак не мог попасть в замок. Я была на грани и сильно пнула дверь ногой. Глухой звук эхом разнесся по коридору. Я замерла и попыталась успокоиться. И тут мой слух уловил шаги. Неторопливые, мягкие, почти кошачьи. Кто-то спускался по лестнице.

Я посмотрела в ту сторону и испуганно вжалась в стену. С хитрой улыбкой ко мне направлялся доктор Киу. Он подошел ко мне практически вплотную и встал рядом, рукой преградив доступ к собственной двери.

— Какая приятная неожиданность, доктор Скайфилд, — промурлыкал он, раздевая меня взглядом, — зачем же вы прогуливаетесь по безлюдным коридорам, — его взгляд скользнул мне на ноги, — да еще и на каблуках. Вам это противопоказано.

— Я бы не сказала, что коридор такой уж безлюдный, доктор Киу. Здесь как минимум двое — я и вы. К тому же, в любой момент кто-то может выйти из комнаты, или наоборот, вернуться.

Неожиданно он обхватил меня за талию и притянул к себе. В нос ударил приторный запах его парфюма. Я поморщилась. Меня начало мутить.

— Что вы себе позволяете? Немедленно отпустите меня!

— Вам опасно гулять после перенесенной лихорадки. Может стать худо.

— Что вам нужно? — я попыталась оттолкнуть его ладонями, но ослабленный после болезни организм был не в состоянии противостоять его силе.

— А вы еще не догадались? Не нужно противиться. Мы оба молоды и привлекательны. Вы уже долгое время находитесь вдали от мужа. Наверняка у вас есть некоторые неудовлетворенные физиологические потребности.

Меня чуть не вывернуло наизнанку от его пошлости и хамства. К горлу подкатила тошнота. Терпеть его запах больше не было сил. Как назло, в коридоре действительно не было ни души.

— Вы ошибаетесь, доктор Киу. Моя единственная физиологическая потребность в данную минуту — прилечь и отдохнуть.

— Линда... — прошипел он и наклонился к моему уху. Его горячий влажный язык коснулся мочки. У меня желудок свернулся в трубочку от отвращения.

— Пусти меня, ублюдок! — я собрала остатки сил и с силой наступила каблуком ему на ногу.

Мужчина закатил глаза и убрал руку со стены, освобождая мне дорогу. Он обхватил ладонями колено ушибленной ноги и начал подпрыгивать на второй, посылая в мой адрес проклятья на китайском.

Удивительно, но мне с первой же попытки удалось вставить ключ в замок и открыть дверь. Опасность обостряет все чувства, а инстинкт самосохранения помогает сконцентрироваться и придти в себя.

Я быстро прошмыгнула в комнату, и прислонилось спиной к двери. Не хватало мне еще здесь преследователя с наклонностями маньяка.

В коридоре все затихло, но я нутром чувствовала, что он все еще там. Притаился возле моей двери и вынюхивает, как грязная ищейка, ловит мои запахи.

В дверь постучали. Я подпрыгнула на месте от страха. Он еще смеет стучаться ко мне? Я притаилась и начала вслушиваться в тишину. Из замочной скважины долетели негромкие звуки:

— Я докопаюсь, кто ты на самом деле, Линда Скайфилд.

Через мгновение в коридоре раздались удаляющиеся шаги. Он ушел. Но, судя по всему, обещал вернуться.

Часть II. Глава 21

Глава 21

Нетерпение, не покидавшее меня на протяжении всего дня, вылилось в уже шестую по счету чашку кофе. Продавец, обслуживающий небольшую кофейню на первом этаже аэропорта, начал коситься на меня.

Я расплатилась за очередную порцию напитка и отошла подальше, чтобы больше не привлекать к себе внимания. Где-то на стоянке в машине, взятой напрокат, спал Сэм. Всю предыдущую ночь он провел в боксах, контролируя процесс внедрения вируса в организм Хилари.

Парень вымотался. Он сутки не спал, но, все же, вызвался отвезти меня сегодня вечером в аэропорт, чтобы встретить Рэя.

Эта фраза эхом повторилась у меня в голове. Встретить Рэя До сих пор не могу поверить, что этот день настал. Через каких-то полчаса я увижу мужа.

Он настоял на своем приезде. Позвонил накануне вечером и сказал, что больше и дня не пробудет вдалеке от меня, что он должен быть рядом с Хилари, что у меня должна быть поддержка на случай летального исхода, что он нужен мне, а я ему.

Я отговаривала его, говорила, что буду переживать за Вики, умоляла немного потерпеть, но в душе просто верещала от радости. Я так соскучилась по мужу, что даже на время забыла о Хилари, у которой началась сильнейшая лихорадка и которую посадили на сильнейшие обезболивающие, и даже об угрозах доктора Киу.

Этот мерзавец никак не хочет оставить меня в покое. После нашей встречи, если это можно так назвать, у моей двери в кампусе общежития, я каждый день спиной ощущала его взгляд. Он следил за мной всю неделю, да и сейчас, наверняка, околачивается где-нибудь

поблизости. Но мне все равно.

Конец близок, совсем скоро все разрешится. Если Хилари переживет лихорадку, если на пятые сутки ей станет легче, значит, мы спасены.

Я присела на свободное кресло в зале ожидания и посмотрела на табло. Рэй специально сделал крюк до Кливленда, и уже оттуда взял билет до Гуанчжоу, чтобы не вызывать ни у кого подозрений. Номер его рейса загорелся на табло в графе «прибытие». Согласно данным диспетчера, до приземления оставались считанные минуты, а значит, лайнер уже кружит над городом, заходит на посадку, а мой муж всматривается в окно иллюминатора, наслаждаясь видами.

Я замечталась и не сразу обратила внимание на вибрирующий в сумке мобильник. На экране высветилось имя Мэнди. Я не смогла сдержать улыбки. Мы не разговаривали с ней уже много дней. В своей суете я совсем забыла, что Итон сделал ей предложение, а это совсем не годится, особенно, если дело касается лучшей подруги.

— Алло, дорогая! Как я рада тебя слышать! — мой голос звенел от радости. — Где ты взяла этот номер? Рэй дал?

— Кто же еще? Конечно он.

— Как ты?

— Хотела сообщить тебе дату свадьбы.

— И?

— Я знаю, что у вас все сложно и, не обижусь, если ты и Рэй... Если вы не придете.

Совесть больно уколола меня. Неужели из-за своих семейных неурядиц я пропущу свадьбу единственной подруги? Мне стало немного обидно за судьбу, ведь она так не вовремя портит мне жизнь, но ничего не поделаешь. Не могу же я просить Мэнди отложить торжество из-за пары гостей? Пусть, и самых близких...

— Ну что такое ты говоришь? Откуда в твоём голосе столько пессимизма? — я, как могла, постаралась приободрить ее и не выдать своей тревоги, — вчера утром Хилари получила дозу вируса. Процесс уже запущен. Если она справится — следующий на очереди Рэй. А затем мы можем сделать небольшой временной промежуток в лечении, чтобы погулять на вашей свадьбе, если, конечно, аденомы Виктории не преподнесут нам сюрприз.

— Ясно. Как ты думаешь, сколько времени уйдет на Хилари и Рэя?

— При благополучном исходе — по четыре недели на человека плюс реабилитационный период порядка двух недель. Правда, у меня этот период слегка подтянулся. Но я связываю это со своими расшатавшимися нервами. Измучилась вдали от семьи, тяжело быть на чужбине, да еще и в таком положении.

— Я знаю о твоей проделке с папкой из Кливленда.

— Хорошо. Только не осуждай меня. Ты поступила бы так же.

— Я и не осуждаю... Мы планируем свадьбу зимой. Ближе к рождеству. У Итона отпуск. Раньше не получится, а дальше затягивать уже нет смысла. Мы взрослые люди, нам не нужно лучше узнавать друг друга и все такое. Ты понимаешь, о чем я.

— Не переживай. Это время нам очень подходит. Я уверена, мы управимся и вдоволь погуляем на вашей свадьбе.

— Окей. Это я и хотела услышать. Ты же знаешь, как ты и Рэй, как вы оба важны для меня.

— Конечно, знаю. Прекрати нести сентиментальную чушь, иначе я расплачусь. Где моя подруга-собутыльница с железными яйцами? Или это Итон превратил тебя в героиню

мыльной оперы?

Сквозь время и расстояние я почувствовала ее улыбку. Мэнди улыбнулась, а скорее даже оскалилась в ответ на мои остроты. Но тем лучше.

— Сучка... — по-дружески иронично прошипела она мне в ответ.

— Все, я кладу трубку. Приземлился самолет Рэя.

— Иди уже, а то развели тут сопли-слюни.

— Мэнди, — я замолчала, вслушиваясь в тишину.

— Да?

— Помолись за нас.....

В трубке послышалось ее глубокое дыхание.

— Я молюсь о вас, Ли. Я молюсь.

Я кивнула, сглатывая комок слез, подступивший к горлу, и утирая рукавом потекший нос, а затем нажала отбой.

Судя по информации на табло, самолет Рэя сел. Я начала искать его в толпе съезжающих по эскалатору пассажиров. Перед глазами замельтешили чужие лица, пестрые рубашки и строгие костюмы, блондинки и брюнетки, разноцветные чемоданы. Не увидев мужа, я запаниковала и решила на лифте подняться на второй этаж и выяснить у сотрудников авиакомпании список пассажиров, но в этот момент чья-то рука легла мне на плечо. Я вздрогнула и обернулась. Передо мной стоял доктор Киу и ехидно улыбался.

— Кого вы пытаетесь найти среди пассажиров рейса Чикаго-Гуанчжоу? — в его глазах проскользнула насмешка.

— Какой еще Чикаго? — я вытаращила на него глаза.

— Вы стоите у эскалатора, который перемещает пассажиров рейса Чикаго-Гуанчжоу, доктор Скайфилд. Посмотрите на табло сверху. У каждого рейса свой рукав на выход и свой эскалатор.

Я недоверчиво посмотрела на него, а затем подняла глаза вверх. Черт бы побрал этого мудака! Я действительно заболталась с Мэнди и машинально побежала встречать мужа с чикагского рейса.

— Я просто перепутала. Трудно разобрать надписи на китайском, когда его совсем не знаешь, — начала я оправдываться, и тут же осеклась. Нельзя этого делать. Нельзя давать ему повод цеплять меня еще больше. — А вам, собственно, какое дело? Даже если я и встречаю кого-то из Чикаго, вам-то что? По-вашему, я не могу иметь там друзей?

— А почему вы так разнервничались, доктор Скайфилд. Я всего лишь хотел вам помочь и указать, что вы перепутали эскалаторы и стоите не в том месте. Пассажиры из Кливленда спускаются правее. К тому же, это международный аэропорт и вся информация на табло дублируется на английском языке. Сомневаюсь, что вы этого не видели.

Он взбесил меня. Мое лицо перекосилось от ярости. Я сжала губы и нахмурила лоб. Руки чесались задать ему хорошую трепку.

— Какого черта вы шпионите за мной? Что вы вынюхиваете? Что вам от меня нужно? — я настолько поддалась своему гневу, что просто брызгала слюной на этого слащавого поддонка.

— Тише-тише, Линда. Мы привлекаем внимание.

Я посмотрела по сторонам. Действительно, мои крики привлекли любопытные взгляды. Много взглядов. На нас смотрели, как на влюбленных, которые сильно повздорили. Это убивало меня.

— Я встречаю мужа. Советую вам немедленно удалиться с моих глаз. Не советую вам встречаться с мистером Скайфилдом. У него крепкий кулак.

— Вы угрожаете мне? — этот нахал язвительно ухмыльнулся и приподнял бровь, — не стоит. Я все еще не решил, писать ли мне на вас заявление о попытке сексуального домогательства, а вы уже решили прибегнуть к прямым угрозам моему здоровью. Ай-ай, как не хорошо, доктор Скайфилд.

Мои глаза налились кровью от ярости. Как он смеет в лицо бросать мне такие слова? Как у него поворачивается язык говорить о сексуальном домогательстве с моей стороны? Кто он такой? Что он о себе возомнил?

— Вы жестоко поплатитесь за свою клевету, доктор Киу — проговорила я сквозь зубы, — а теперь, убирайтесь! Пошел вон, подлец!

Последние слова я произнесла ему, наклонившись к самому уху и вложив в них всю свою ненависть.

— На вашем месте, доктор Скайфилд, имея за плечами мошенничество и кражу, я бы не стал так вести себя с человеком, от которого зависит ваша дальнейшая жизнь.

Я не могла поверить своим ушам. У меня от шока отвисла челюсть, в глазах появилась растерянность. Я стояла в этом шумном зале ожидания, но чувствовала себя бесконечно одиноким волком, загнанным в темную пустую клетку.

— Что... что вы несете? — мой голос дрогнул.

— Я заподозрил неладное, когда увидел в руках у доктора О`Фарриса вашу медицинскую карту. Краем глаза я заметил, что в графе «место работы» указана университетская клиника Раш, г. Чикаго. Это показалось мне странным. Я навел справки и был неприятно поражен, узнав, что вы являетесь заведующей кардио в Чикаго, а в отделе кадров кливлендского госпиталя о вас никогда ничего не слышали. Тогда я позвонил в секретариат госпиталя, так как подозревал, что в центре вирусологии вас кто-то покрывает, и спросил, могу ли я поговорить с доктором Скайфилд из центра, и знаете, что я услышал?

— Что?

— Что вы никогда не работали вместе с доктором Драм.

Я сглотнула. Перед глазами все поплыло. Этот человек, не получив от меня желаемого, уничтожит меня. Уничтожит, и глазом не моргнет. Такие как он, как Дерек — такие люди настолько эгоистичны по своей природе, что, не получив своего, жестоко мстят.

— Что вы хотите за свое молчание? — я сдалась. Колени начали дрожать. Я ухватила руку за перила эскалатора, чтобы не упасть.

— Сто миллионов долларов.

У меня сперло дыхание. Я перестала понимать, что происходит. Где взять эти деньги? Это же целое состояние? Мы, конечно, обеспечены, и даже богаты. Но все средства вложены в бизнес, такую сумму не так-то просто вывести из дела. Господи, откуда на мою голову свалился этот шантажист?

Словно сбежавший от погони преступник, я начала озираться по сторонам, в поиске хоть какой-то соломинки, способной вытянуть меня из болота, созданного доктором Киу. Мысли в голове творили шабаш. Потолок закружился надо мной, земля уплывала из-под ног. Биение сердца смешалось с гулом толпы. Я так явно слышала свое тело, что мне стало не по себе. И вновь чья-то рука легла мне на плечо.

— Линда, милая! — я застыла на месте, услышав голос мужа, — я везде тебя ищу. И телефон не отвечает! Что с тобой? Ты в порядке?

Я посмотрела на него влажными глазами и кивнула. Рэй приехал, и это самое главное. Он рядом. И именно тогда, когда я больше всего в нем нуждаюсь. Помолись обо мне, Мэнди. Помолись.

Часть II. Глава 22

Глава 22

Я провела рукой по гладковыбритой щеке Рэя, затем потянулась к его лицу губами и нежно поцеловала в висок. Он крепче прижал меня к себе. Его вторая рука, которую он закинул за голову, играла с моими рассыпавшимися на подушке волосами. Он перебирал локон за локоном, периодически задевая кончиками пальцев макушку, отчего по телу начинали бежать мурашки.

Я соскучилась по нему. Жутко соскучилась. Казалось, прошла целая вечность в разлуке. Мне пришлось заново открывать для себя своего мужа. Его запах, вкус, все ощущалось как в первый раз. Оказывается, я забыла ментоловый привкус его губ и цитрусовый аромат кожи. С наслаждением я впитывала в себя любимый запах, уткнувшись носом во впадинку между шеей и ключицей.

— Я готов тебя съесть, — он издал тихий смешок, наклонил голову и игриво ухватился губами за мочку уха.

— А я растворилась в тебе, — ответила я.

— Ммм... Что-то новенькое. Может, и мне попробовать раствориться? Повторим?

Он быстро перевернулся на бок и жадно впился в мой рот страстным поцелуем. Его рука крепко сжала мою ягодицу, пробираясь все глубже и глубже, пока его палец не оказался на клиторе. Я прижалась к нему, не в силах противостоять очередной волне желания.

Рэй аккуратно просунул колено мне между ног, заставляя меня раскрыться. Через секунду я почувствовала толчок. Он резко вошел в меня и повалил на спину. Мои руки оказались наверху, крепко сжимаемые его руками. Из груди вырвался стон. Он играл со мной, двигался то быстро и резко, то плавно и томительно, заставляя мои внутренности сгорать в этом пожаре страсти. Тело пульсировало в сладкой агонии, содрогалось от конвульсий. Я взмокла под ним, к влажной коже липла простынь. Я в кровь искусала губу, расцарапала свои же ладони, яростно сжимая кулаки.

Рей вдруг будто озверел. Он резко ускорил темп и начал неистово целовать меня, облизывать лицо, шею, впадинку между грудями, а затем с силой укусил за сосок, заставив меня закричать от приятной боли.

Я была на вершине неба, кружилась в вихре из пуха и лепестков роз, тонула в облаках. Горячие волны экстаза пронзали тело. Позабыв про стыд и тонкие стены перегородок в общежитии, я кричала, что было сил.

Рэй застыл, меж бедер потекло теплое семя. Я открыла глаза и посмотрела мужу в глаза. Он улыбался. Его взгляд лучился озорством и нежностью.

— Ты решил сегодня не вылезать из постели? — я ущипнула его за бедро, и он тут же соскочил с меня, а затем принялся щекотать.

Я заливалась безудержным смехом, брыкалась, пыталась ответить ему тем же, но он каждый раз ловко уворачивался, чем еще сильнее подзадоривал меня.

Из страстных влюбленных мы превратились в шкодливых детей. Перья из подушек летели в разные стороны, одеяло упало на пол, простыни сбились. Я больше не могла сдерживаться. Слезы смеха катились по щекам.

— Остановись, — прокричала я, не в силах больше терпеть эту пытку, — хватит! Дай

отдышаться.

Рэй театральным жестом поднял обе руки вверх, и уселся на край постели.

— Как скажешь босс, — он подмигнул мне.

— Спасибо тебе, — прошептала я и смущенно улыбнулась, пряча счастливое лицо в копне распущенных волос.

— Но за что, любимая? — Его рука коснулась моей щеки.

— За то, что вырвал меня из круга ежедневных проблем, пусть всего лишь на пару часов.

— Рассказывай. — Деловито заявил Рэй, а затем поднялся и натянул боксеры.

Я тоже подхватила с пола упавший пеньюар и оделась.

— Не хочу портить это прекрасное утро подобными разговорами.

— Но тебе придется. От наших проблем, к сожалению, нельзя сбежать.

— Ты прав.

Я быстро застелила кровать и накинула на плечи халат. Как бы мне не хотелось, но разговор предстоял серьезный.

От мысли о докторе Киу, этом проходимце, меня пронзила нервная дрожь. Даже думать о нем было омерзительно, а ведь мне предстояло произнести его имя вслух. Да еще и в таком контексте.

Рэй подошел к окну и раздвинул шторы. Солнечные лучи ворвались в комнату, заблестела парящая в воздухе пыль, заиграли краски на обоях.

Это было почти идеальное утро. Почти.

Я подкралась к нему сзади и дождалась, пока он не застегнет последнюю пуговицу на рубашке, а затем обняла его.

— Рэй...

— Да, детка, — он повернул голову вполоборота и коснулся губами моего лба.

— Нам нужно серьезно поговорить. Прости, что делаю это в наше первое утро за столько времени. У меня нет выбора.

— Если ты завела этот разговор, в то время, как наша постель еще не остыла, значит, дело и впрямь не терпит отлагательств. Говори. Я сюда не отдыхать приехал.

— У нас большие... — я зажмурилась, до того мне было неприятно произносить все это вслух, — очень большие проблемы.

— Что-то не так с Хилари? — Рэй взял меня за руку и потянул так, чтобы я встала перед ним. Его графитные глаза уставились на меня с немым вопросом.

— Нет-нет, не о ней речь. Ее все еще лихорадит и пока картина не ясна.

— Тогда о чем? Я чего-то не знаю о состоянии Вики? — в глазах промелькнул страх. Я поспешила успокоить его — отрицательно замотала головой, а затем поцеловала его руку.

— С ней, Слава Богу, все хорошо. Если только, ты ничего от меня не скрываешь.

— Нет ничего такого.

— Хорошо.

— Ли, детка. Что случилось?

Он аккуратно смахнул с моего лица слезинку.

— Меня шантажируют.

Я вытолкнула из себя эти слова, и мне стало легче. Как будто камень с души свалился. Рэй приподнял в удивлении брови и замер.

— Доктор Драм? Это она решила подзаработать на нас?

— Нет.

— Неужели Миранда или Игон? Кто посмел? — он выпустил мою руку и начал мерить комнату шагами.

— Нет, Рэй. Дай же сказать.

— Кто, Линда? Кто этот мерзавец? Неужели кто-то из своих?

— Это тот мужчина, который накануне вечером чересчур любезно настаивал на том, чтобы подбросить нас до кампуса.

Я скривила лицо в усмешке, вспомнив вчерашнюю картину. Завидев моего мужа этот нахал мгновенно надел маску подобострастия и вежливости, забил Рэю голову болтовней о местных достопримечательностях, кружил возле нас, точно падальщик в ожидании добычи. Я насилу отвязалась от его предложения подвезти нас. К моему счастью, на выходе из здания аэропорта мы столкнулись с проснувшимся Сэмом, который решил пойти и поискать нас.

— Доктор...как там его? Миу? Чиу? Он показался мне приятным и воспитанным человеком.

— Киу. Жаль, но тебе так действительно только показалось.

— И что у него есть на тебя?

— Все.

— Перестань говорить загадками! Что вас связывает?

Он резко остановился и плюхнулся на кровать, а затем испытывающим взглядом посмотрел на меня. Мне стало не по себе. Возможно, мне только показалось, но в тот момент я была готова поклясться, что мой муж заподозрил меня в измене. Столько желчи было в том взгляде, что я невольно сжалась, сморщилась, как застарелый стручок гороха. Голос начал дрожать. Впервые в жизни я оправдывалась, не совершив никакого преступления.

— Он домогался меня, — Рэй покачал головой и тяжело вздохнул, у меня же сердце упало в пятки. — Естественно я в жесткой форме дала ему понять, чтобы он отвалил. Но он не успокаивался, следил за мной, вынюхивал. Околачивался постоянно возле Сэма и Марго. В общем, он увидел мою медицинскую карту и прочел, что я работаю в Чикаго. Затем начал свое расследование, вышел на центр в Кливленде. Он все знает, Рэй!

— О Боже!

— Он пригрозил сдать меня в полицию...

— Если ты не сделаешь что? Что он хочет от тебя? Он принуждает тебя переспать с ним, так?

Эти подозрения ранили меня в самое сердце. Как мог он подумать, что я допускаю даже мысли об этом? Комок слез встал у меня поперек горла. Невидимые тиски сдавили легкие, я не могла сделать глубокий вдох и вбирала в себя воздух маленькими порциями, словно загнанный охотником зверь.

— Как ты можешь говорить все эти слова? Ты обезумел!

Мой муж встал с кровати и подбежал ко мне. Он прижал меня к себе и начал покрывать мою голову и лицо поцелуями.

— Прости, милая, прости. Я сам не знаю, что говорю. Проведя вдали от тебя столько времени, я вдруг вспомнил, что ты сексуальная красавица, и заново научился ревновать.

— Хорошо, — я всхлипнула и утерла рукавом нос.

— Так что ему нужно? Деньги? Это не проблема. Мы заставим его молчать.

— Мы заставим его молчать, Рэй. Но он оставит нас ни с чем. Если мы пойдем у него на поводу — у нас не останется ничего.

— Сколько?

— Сто миллионов баксов. Он хочет сто чертовых миллионов.

Муж отошел от меня на пару шагов и вновь пронзил меня удивленным взглядом. На этот раз в его взгляде читался только шок. Он нахмурил лоб и поднял вверх указательный палец, точно собрался пожурить меня за что-то, словно хотел что-то сказать, но передумал. Рэй несколько раз открыл рот, но слова застряли у него в горле.

— Я думаю, нужно срочно перевести меня из клиники Раш в Кливленд. Я уже думала о том, что нужно сделать и полагаю, это выход. Сьюзи не откажет мне. Она проведет меня через бухгалтерию и отдел кадров в свой научный центр.

— Линда, ты понимаешь, что это нельзя сделать задним числом? — наконец, заговорил Рэй.

— Понимаю, но мы что-нибудь придумаем.

— Если этот тип крепко взялся за тебя, он не отстанет. Он будет задавать вопросы. Это не выход. Ты угодишь за решетку за мошенничество и подлог документов. И доктор Драм с тобой, как соучастница. И Сэм, и Марго...

— Остановись.... Ты что, отдашь ему деньги?

— У меня нет такой суммы. Все, что я могу собрать наличными — миллионов двадцать, максимум тридцать. Для того, чтобы собрать всю сумму, нам придется продавать компанию и ее имущество. Это затянется.

— И что же нам делать?

Он пожал плечами и подошел к окну. В его позе чувствовалось напряжение, мысленная борьба, попытка найти выход из ситуации, в которой мы все оказались благодаря мне. Если бы не эта чертова папка, о которой уже известно всем в этой больнице. Если бы...

Я устало опустила в узкое кресло и вытянула ноги. День только начинался, а я уже почувствовала такую тяжесть во всем теле, такое опустошение в мыслях, что хотелось свернуться клубочком и заснуть. А потом проснуться дома, в Чикаго, рядом с Рэем, услышать в соседней комнате смех Вики и трепетное сюсюканье Кэтрин. И понять — все это сон. Всего лишь дурной сон.

— Твоя сумка? Она здесь?

— Что? — голос мужа вызвал меня из оцепенения, но я не расслышала, что он сказал.

— Твоя черная сумка цела?

— Дорожная?

— Да.

— Цела.

— Я знаю, что нам нужно сделать.

Он хитро прищурил бровь и загадочно улыбнулся. Очевидно, ему в голову пришла гениальная идея. Лучше бы это было так, Рэй. Иначе, мы пропали.

Часть II. Глава 23

Глава 23

Я не знаю, сколько раз я бросила пытливым взглядом на заднее сиденье арендованного «Greate Wall». Огромная, как скала, машина, на удивление плавно мчала нас за город по широкому проспекту. Гуанчжоу не спал. Переливался огнями, заливал небо разноцветными столпами света от прожекторов на крышах небоскребов сити.

Прямо на тротуарах сидела молодежь, потягивая пиво из бутылок. Возле ночных клубов стояли длинные ряды машин с включенными аварийными сигналами. Город жил,

пульсировал, дышал свежестью ночи, а я продолжала таращиться в зеркало заднего вида.

Там, на сиденье, лежала та самая черная сумка — набитая фальшивыми деньгами. Я посмотрела на мужа. Рэй уверенно вел автомобиль. Словно он каждый день ездит по этой дороге, словно ему знаком каждый светофор, каждый дорожный знак, каждый поворот.

Я вновь не смогла сфокусировать взгляд на его лице. Упрямая тревога заставляла меня снова и снова таращиться на чертову сумку. Сбоку, там, где начинается молния, я оставила небольшое окошко, в которое выглядывал объектив видеокамеры.

Я знала, что камера уже включена и снимает наше молчаливое путешествие. Также я знала, что если все пойдет так, как запланировал Рэй, доктор Киу окажется за решеткой, и мы избавимся от него. Но руки все равно дрожали. Пальцы нервно вибрировали в воздухе.

— Ты дрожишь, не надо. Все будет хорошо, детка, — голос мужа привел меня в чувство. Я с благодарностью посмотрела на него. — Этот поддонок очень скоро окажется там, где самое место сексуальным маньякам — за решеткой.

Я кивнула. Разговаривать было страшно. Я боялась ляпнуть чего-нибудь лишнего, понимая, что все наши разговоры будут на этой пленке. И эту же пленку нам нужно будет предоставить полиции.

— Послушай. Не переживай из-за того, что тебе придется увидеть его. Я обещаю, это будет в последний раз.

Я вновь кивнула, а затем перевела взгляд с сумки на заднее стекло. Отстав на несколько метров, за нами плелась невзрачная старенькая шкода грязно-серого цвета, который в это время казался черным. В этой машине было четверо мужчин. Я знала. Четверо китайских полицейских, которых отправили с нами из участка, в котором днем мы написали заявление о сексуальном домогательстве и шантаже со стороны моего преследователя.

Я достала из сумки мобильник и набрала смс: «Если он хотя бы заикнется про Кливленд и украденную папку — мы пропали. Я не актриса и выдам себя. Я не заканчивала театральных курсов и не проходила пробы на Бродвее. Рэй, мне кажется, мы провалим дело».

В кармане мужа завибрировал его телефон. Он прочитал сообщение и быстро набрал ответ. Я поспешила отключить звук мобильного.

«Даже если и заикнется — говори так, как договаривались. К тому же, не забывай, что Сьюзи прислала факсом официальное заявление от центра. Ты работаешь у них уже полгода. Никто не станет проверять этот факс».

Из моей груди вырвался облегченный выдох. Мы все продумали. Нужно перестать нервничать, вот и все. Охотник попадет в собственный капкан. Этот смазливый тип решил, что сможет перехитрить меня, свяжет меня по рукам и ногам, шантажом добьется своего. Но в итоге, он сам окажется жертвой. С удовольствием поменяюсь с ним ролями.

Мы выбрались из сити и петляли по улочкам окраин. Местная ночная картина разительно отличалась от центра города. Вместо небоскребов все чаще стали попадаться одно-двухэтажные постройки. Рядом с ухоженными домами соседствовали ветхие панельные здания без окон и дверей, которые местные бедняки использовали в качестве ночлежек. На тротуарах валялся мусор. Целые горы мусора. На смену неоновым огням ресторанных вывесок пришли одиноко светящиеся окошки редких уличных забегаловок, где предлагали купить еду в коробках. Из света во тьму. Такая мысль пришла мне в голову, когда мы выехали на автобан, ведущий в пригород Дунвань. Наш путь лежал на заброшенный пустырь посреди давно остановленной стройки. Именно это место указал доктор Киу в качестве площадки для переговоров. У меня кровь стыла в жилах от мыслей о том, что

задумал этот негодяй.

Успокаивало только то, что рядом со мной был мой муж и четыре крепких полицейских в машине сзади.

Вскоре асфальт сменился гравием, а затем и вовсе дорога превратилась в насыпь из строительного мусора и битых кирпичей. Рэй на несколько минут остановился и сверился с данными навигатора. Мы были почти у цели.

Через несколько метров показался тот самый пустырь. Машина полицейских свернула в темную подворотню из полуразрушенных зданий и притаилась там. Мы же продолжили движение.

Я просунула руку за подкладку пиджака и нащупала тревожное устройство и большую кнопку на нем. Сердце колотилось, кровь в висках пульсировала. Я физически ощущала страх. Он сковывал меня, сдавливал горло невидимыми лапами, сжимал в тугое кольцо мое существо, как удав кролика.

— Приехали. — Рэй выключил фары и, чертыхаясь, перебрался на заднее сиденье. — Давай, садись за руль. Я спрячусь внизу.

Я сглотнула и кивнула. Затем уселась на водительское место. Слава Богу, китайцы научились делать огромные машины. Рэй прекрасно поместился в пространстве между задним и передним сиденьями.

Впереди замигали фары внедорожника. Он ждал меня. Мой преследователь очень скоро попадет в собственные сети. Я завела машину и проехала чуть вперед. Между нашими автомобилями оставалось не более пары-тройки метров. Лицом к лицу. Как он и хотел.

Я глубоко подышала и вышла из машины. Рэй подал мне тяжелую сумку, набитую распечатанными на цветном принтере фальшивыми деньгами. Для маскировки нашего обмана мы положили наверх два слоя настоящих долларов — что-то около ста тысяч. Это все, что Рэй смог снять со своей кредитки. И даже для этого пришлось получить разрешение из банка.

— Давай, детка. Все будет хорошо! — он улыбнулся мне. Я моргнула ему в ответ, не в силах говорить.

За спиной послышался шорох гравия. Я резко обернулась. В свете фар стояла мощная фигура доктора Киу. Он скалился. Рассматривал меня, как хищник жертву.

— Вы одна? — он с недоверием уставился на мой огромный автомобиль. — В этой машине может целая рота спецназа разместиться!

— Подойдите и проверьте, — я пожала плечами и по очереди открыла все двери машины, в том числе и багажник.

Я блефовала. Блефовала и чувствовала, как дрожат мои колени. В животе заурчало. Стало тяжело дышать. Я точно проглотила целую пригоршню гвоздей.

— Что ж... — он опустил глаза и носком ботинка начал ковырять цементную пыль под ногами. — Вы привезли?

— Если я отдам вам эту сумку, вы прекратите свои сексуальные домогательства? — начала я заученную речь.

— О, и не только это, доктор Скайфилд. — Он вновь оскалился. До того мерзким выглядело в этот момент его лицо, что я невольно сглотнула тошнотворный комок, подкативший к горлу.

— Интересно, что еще вы придумаете, чтобы шантажировать меня? — задала я заготовленный вопрос, провоцируя его на нужный мне ответ.

Мой взгляд упал на сумку. В темноте было не разобрать, но я знала, что камера на месте.

— А разве нужно что-то придумывать? Мне кажется, вы забыли об истинной причине нашей с вами встречи.

— Неужели? — я пожала плечами, — Тогда, может напомнить вам о тех двух случаях, когда вы чуть не изнасиловали меня, да к тому же, еще и имели наглость угрожать мне заявлением о домогательствах?

— Не буду отрицать, — он ехидно улыбнулся и облизнул губы, вызвав у меня очередной приступ тошноты, — я тогда был совсем не прочь залезть вам под юбку. Наверняка у вас очень стройные ножки и горячая киска.

Меня замутило. Свободная рука сжалась в кулак. Мне хотелось наброситься на него и избить до полусмерти.

— И, получив отказ, вы решили прибегнуть к самому низкому способу добиться своего — к шантажу. Не так ли? Вы думали, что у меня не найдется такой суммы, и я сдамся вам. Но, вот незадача, у меня есть эти деньги, доктор Киу. И они в этой сумке. Прошу. Она ваша.

Я сделала несколько шагов вперед и поставила сумку на землю.

— Теперь вы оставите меня в покое?

— О, пока не истрочу эти денежки, — он подошел к сумке, уселся на корточки и слегка приоткрыл молнию. Достал одну пачку купюр и поднес ее к носу. У меня начали подкашиваться ноги. Я боялась, что он откроет сумку до конца и камера выпадет. — Но не забывайте о папке.

— О какой еще папке? Что еще вы придумали? — эмоционально воскликнула я.

— Вы издеваетесь, дорогуша? — он поднял на меня удивленный взгляд, — о той самой папке, которую вы украли у своих коллег из Кливленда.

— Да вы больны! — заявила я, — У вас, похоже, приступ шизофрении. Вы теперь будете сочинять небылицы? Эти деньги все, что вы получите от меня. Никакая ложь больше не заставит меня отдать вам деньги.

— Какого черта? — он вскочил с колен и гневно посмотрел на меня.

— Вы захотите получить с меня еще, я права?

— А вы как думали? Естественно.

— И теперь решили выдумать какую-то папку и какую-то кражу. Но вам никто не поверит!

Он лишь усмехнулся, рассматривая меня каким-то странным, блуждающим взглядом.

— Кого вы хотите обвести вокруг пальца, доктор Скайфилд? Мы оба прекрасно знаем, что вы лжете. Вы никогда не работали в Кливленде, вы украли секретные разработки научного центра, вы предоставили подложные документы в нашу клинику.

— Ого! Ничего себе у вас фантазия! Bravo!

— Что здесь происходит, черт возьми! — закричал он.

— По-моему, вы сходите с ума. Только сегодня утром я получила из Кливленда официальное подтверждение о том, что работаю там уже полгода. С удовольствием предоставлю этот факс полиции. А вот у вас, судя по всему, безудержная жажда поживиться за чужой счет. Как видите, это приводит только к умопомешательству.

Он выпучил на меня свои масляные глаза, и открыл от удивления рот. Я достаточно сказала и нажала тревожную кнопку.

— Вы попались, уважаемый, — сказала я ему напоследок, смерив его взглядом, полным

отвращения. — В полиции уже лежит заявление от меня о сексуальных домогательствах с вашей стороны и шантаже. Официальный факс из Кливленда у меня на руках. Вы проиграли.

Он проиграл. А мы выиграли. Удача вновь улыбнулась мне. Добро пожаловать, дорогая! Давно не виделись. Я соскучилась.

Часть II. Глава 24

Глава 24

Я чувствовала себя птицей. Ну, или парашютистом, на крайний случай. Ощущение полета захватило меня с головой. Я улыбалась, как ребенок, которого впервые привели покататься на карусели.

Скоростной лифт мчал нас на сотый этаж башни международного финансового центра. Рэй забронировал столик с лучшим видом на ночной город в одном из самых пафосных заведений города — ресторане “Catch”. Мне не терпелось поскорее выбраться из этой летучей металлической коробки и прилипнуть всем телом к панорамному окну ресторана.

Рэй откинулся на стену лифта, скрестил на груди руки и прикрыл глаза. Он напевал что-то себе под нос, покачивая в такт головой.

Мой муж был сегодня просто обворожителен. Днем мы пробежались по магазинам и скупили добрую четверть товаров во всех попавшихся по пути бутиках. На этот вечер он выбрал шутливый и беспечный образ юнца от Эди Слимана — простая серая футболка с резаной горловиной и короткими рукавами, незатейливые подтяжки с геометрическим орнаментом, узкие темно-синие брюки и такого же цвета кеды с высокой белой подошвой. Довершала этот комплект черная шляпа, из-под которой на его лицо спадала длинная челка.

Этот костюм сбросил ему сразу пять-шесть лет возраста, и я не могу сказать, чтобы мне это не нравилось. У меня словно появился шанс узнать другого Рэя — шалопая и весельчака, который прожигает жизнь в ночных клубах и стриптиз-барах.

Поддавшись его влиянию, я сама вырядилась, как девчонка, и теперь с удивлением рассматривала себя в зеркале. Оказывается, мне идут пышные юбки бирюзового цвета с Микки Маусами, облегающие черные топы и фиолетовые кеды.

Я решила зайти еще дальше и не стала вытягивать волосы утюжком, позволив им принять свою естественную форму пушистого шара из огненно-рыжих завитков.

Наш внешний вид веселил меня, заставлял радостно биться сердце. На душе было легко и спокойно. Впервые за долгое время где-то в глубине сознания росло предчувствие чего-то хорошего.

Я не удержалась и тронула Рэя за локоть. Он тут же открыл глаза и с нежностью посмотрел на меня.

— Чего желает моя дорогая Пеппи? — муж расплылся в широкой улыбке и поправил на голове шляпу, флиртуя и заигрывая со мной глазами.

— А ты как думаешь? — я дернула бровью.

Он довольно сощурил глаза и притянул меня к себе. В ту же секунды его губы накрыли мой рот поцелуем. Это был умопомрачительный, всепоглощающий поцелуй, от которого захватывает дух.

Даже стремительный взлет на сотый этаж небоскреба был не в состоянии соревноваться с этим поцелуем по остроте ощущений. На мгновение я потерялась во времени и пространстве. Единственное, что я четко осознавала — его теплые, мягкие губы.

Я легонько провела кончиками пальцев по его небритой щеке и быстро чмокнула в нос.

— Мы точно подростки, которые сбежали от родителей, чтобы напиться и покутить.

— Не говори ерунды. У нас самих уже дочь-подросток.

— Что?! — я слегка толкнула его и вытаращила глаза, — Вики подросток? А я, значит, без пяти минут бабуля? Так получается?

— Даже будучи бабулей, ты останешься самой сексуальной женщиной в моих глазах.

Он провел рукой по моей спине, заставляя шевелиться волоски на коже, а затем крепко сжал ладонью мою задницу. Почти болезненное ощущение возбуждения пронзило тело. Я невольно ахнула и прикусила губу.

В эту секунду в кабине тренькнул звоночек, и двери лифта распахнулись прямо напротив рецепции ресторана.

Я первой выскочила наружу и округлила от удивления глаза. Мы точно оказались в кладовой, набитой кристаллами «Swarovski». В глазах начало рябить от блеска и игры света. Улыбающаяся хостес по-английски поприветствовала нас.

Рэй назвал свое имя и фамилию и нас повели к нашему столику. Я, как любопытный ребенок, озиралась по сторонам, с трудом сдерживая вздохи восхищения.

Интерьер ресторана поражал воображение своей изысканностью и роскошью. Насыщенный сиреневый цвет ковровина, черный и серебряный металл в отделке стен и потолка, хрустальные люстры и светильники, велюровая обивка мебели в минималистском стиле — все это прекрасно гармонировало друг с другом, создавая впечатление состоятельности и комфорта.

В зале играла приятная ненавязчивая музыка. Мужской баритон напевал джазовую мелодию, мой слух улавливал тихие звуки разговоров за столиками, изредка звенели бокалы, где-то за спиной слышались мягкие кошачьи шаги официантов.

Пахло сиренью и смесью дорогих духов посетителей.

— Прошу, ваш столик, — девушка рукой указала на уютный столик для двоих возле панорамного окна.

Не успели мы расположиться, как перед нами возникла фигура вышколенного официанта в белоснежной униформе. Он улыбнулся и кивком головы поприветствовал нас, а затем подал каждому меню.

Я опустила глаза на неизвестные названия, а когда подняла их — официанта и след простыл.

— Соединенным Штатам следует бояться китайской армии, — прошептала я, бросая на Рэя заговорщицкие взгляды.

— Это еще почему? — он удивленно вскинул бровь.

— Представь себе их уровень подготовки, если даже официанты в этом ресторане могут двигаться столь стремительно и бесшумно.

Мы оба прыснули от смеха.

— Не знаю почему, но меня не покидает какое-то волнительное предчувствие, — сказала я, перелистывая страницу с салатами, — словно кто-то включил мою интуицию на полную мощность.

— И что же тебе говорит твоя интуиция?

— Что этой ночью произойдет нечто великолепное, — я отложила меню и улыбнулась мужу.

— Ну, это не секрет, — он хитро оскалился, — лично мне и так было известно, что нас ждет одна из самых великолепных и страстных ночей.

— Тише ты, — шикнула я на него, — я не об этом.

— Неужели? А я думал, после моего приезда ты думать больше ни о чем другом не можешь.

— Рэй, прекрати шутить. Я говорю вполне серьезно.

— И что же, по-твоему, произойдет?

— Хилари... — заявила я и закусила губу, опасаясь продолжить фразу.

Мне казалось, если я произнесу вслух свои предположения и догадки, все испортится. Разрушится хрупкая магия ожидания чего-то хорошего и на наши головы вновь упадут дурные новости.

Рэй, услышав имя сестры, сразу погрузился. С его лица исчезла легкомысленная игривая улыбка, а в глазах появилась печаль и тоска. Он снял шляпу и положил ее на край стола, затем рукой поправил сбившуюся челку.

— Мне кажется, нам не стоит больше надеяться. Она уже неделю в коме. Неделю ее лихорадит. Мы лишь зря мучаем себя напрасными надеждами.

— Но ведь, в отличие от других пациентов, ей не становится хуже. Если бы она не справлялась, то уже была бы при смерти. Рэй, я видела их! Видела людей, которые после пары-тройки дней лихорадки, находились между жизнью и смертью. Поверь, у них нет ничего общего с Хилари. Она борется целую неделю! У нее все еще работают органы, анализы находятся на уровне критических пределов, но, все же, не превышают их, нет признаков смерти мозга или отказа нервной системы.

— Ли, детка, — он протянул через стол руку и сжал мою ладонь, — давай сегодня не будем об этом? У нас есть этот вечер. Вечер, когда все живы, когда мы рядом. Вечер в таком прекрасном месте.

Я повернула голову к окну и замолчала, наслаждаясь видом. Невероятное по красоте зрелище предстало передо мной. Упирающиеся в ночное небо крыши небоскребов, переливающихся огнями, как новогодние елки, разноцветные иероглифы, танцующие на стенах зданий, оранжевые полосы автомобильных фар на проспекте в самом низу, огромный диск луны, пронзающий городской смог своими яркими лучами.

Окруженный фабриками и заводами, Гуанчжоу утопал в смоге. Но если днем это больше напоминало серую дымку тумана, то вечером, когда загорались вечерние огни, эта дымка превращалась в густую белесую пелену наподобие тех, что бывают в ночных клубах. Разноцветные лучи от прожекторов пронзали сумеречное небо, превращая серый туман в белые клубы дискотечного дыма.

— Ты прав, не будем портить вечер грустными разговорами и напрасными мечтами. Завтра будет новый день, и я с самого начала возобновлю поиски решения этой проблемы. А сегодня — у меня есть ты, а у тебя я. Важно только это.

— Итак, — мой муж откинулся на спинку кресла, — рекомендую заказать лобстера и белое вино. Думается мне, здесь прекрасно готовят морепродукты.

— Полностью доверяю твоему выбору, — я улыбнулась уголками рта и моргнула в знак согласия.

Рэй вскинул руку и через пару секунд возле нашего столика, сгорбившись, стоял все тот же официант. Я не смогла сдержаться и хихикнула, скрыв вырвавшийся изо рта смешок рукой. Никогда не встречала никого более дисциплинированного, нежели китайцы.

Муж тем временем сделал заказ и встал из-за стола, чтобы подойти к окну и лучше рассмотреть панораму города.

Я подошла к нему сзади, обняла его и положила голову ему на плечо.

— Самое обидное, — вырвалось у меня, — что эта чертова папка так и не понадобилась мне. Я даже ни разу не заглянула внутрь.

— Замолчи, — тихонько проговорил мой муж, оглаживая мои руки, сцепленные у него на животе. — Посмотри, как красиво. Напоминает Нью-Йорк, тебе не кажется?

— Напоминает любой город с небоскребами.

— Урбанизация уничтожает архитектуру? Хочешь поговорить об этом?

— Пфф... Только не об этом.

Рэй повернулся и прижал меня к себе. Я прикрыла от удовольствия глаза и мысленно перенеслась в Чикаго. Больше всего на свете в эту минуту мне хотелось оказаться дома, открыть глаза и увидеть высокие ели у нашего забора, и ровную линию розовеющего в закатных лучах горизонта.

Никакие небоскребы, рестораны и отели не способны заменить нам радость от ощущения домашнего тепла и уюта.

— О чем ты думаешь? — Горячее дыхание Рэя согрело мое ухо.

— О доме, Вики, Кэтрин...

— Не хандри. Принесли еду.

Мой нос и вправду уловил нежный запах морепродуктов.

— Тогда давай скорее уничтожим это произведение кулинарного искусства. У меня сейчас желудок в трубочку свернется от этого божественного аромата.

— Полностью солидарен с тобой в этом желании, — шутливо поддержал меня Рэй.

Он галантно отодвинул мой стул и усадил меня за стол, как настоящую принцессу. Но не успела я взять в руки вилку и нож, как в кармане его брюк зазвонил мобильник. Я уставилась на него напряженным взглядом.

— Это Сэм, — сказал Рэй, держа перед собой мобильник.

— Так ответь! — почти закричала я, в эту минуту вдруг с новой силой почувствовав приближение чего-то хорошего.

— Алло, — на лице Рэя появилась тревога. Он внимательно слушал, что говорит ему мой друг.

Я вцепилась руками в подол скатерти и выжидающе смотрела на мужа, чувствуя такое нетерпение, словно от этого разговора зависела судьба человечества.

Наконец, он положил трубку и расплылся в широкой улыбке. Острая, как игла, догадка пронзила мое сознание.

— Хилари? — мой голос дрогнул.

— Она пришла в себя, Ли. Ты слышишь? Эта чертова блондинка пришла в себя!

Часть II. Глава 25

Глава 25

Я не верила своим глазам. Моя золовка мирно посапывала на постели. Ее ресницы подрагивали, щеки залил здоровый румянец. Исчезла лихорадочная бледность и потливость кожи, ее мышцы были расслаблены, температура пришла в норму. Жаль, но мы с Рэем не успели увидеть ее до того, как ее ввели в медикаментозную кому.

Никто не отменял болевой синдром, так что Хилари предстояло пару недель хорошенько отдохнуть, а затем провести еще пару недель на карантине.

— Вы счастливая семейка, — улыбаясь, заявила доктор Си, — подумать только! Как вам это удастся?

— Не знаю, — я пожала плечами, — наверное, мы привыкли бороться. Это наша

национальная черта.

— Лишь бы не ошибиться с врагом, — с сарказмом поддела она меня.

— На этот раз, кажется, мы не ошиблись.

Я провела пальцами по широкому монитору на стене, увеличивая изображение с камер видеонаблюдения в боксе Хилари, и еще раз с улыбкой посмотрела на ее сияющее здоровьем лицо. Эта проходимка выкарабкается. Можно не сомневаться. А заодно, выкарабкаемся и все мы.

— Мистер Скайфилд, вы следующий. — Вдруг напомнила доктор Хуанг, коснувшись плеча моего мужа, застывшего у прозрачной стены.

Рэй вздрогнул и с тревогой посмотрел на нас.

— Ты боишься? — я взяла его за руку и крепко сжала ее.

— Нет, — он покачал головой, — просто меня переполняют эмоции. Еще никогда я не был так близок к избавлению от проклятых аденом. Мы никогда не были так близки к избавлению. Это ощущение заставляет мое сердце колотиться, как перед прыжком с парашютом.

— Понимаю, — я слегка улыбнулась, — но, это же радостное ощущение, не так ли?

— Надеюсь.

Я выключила экран и подошла к стеклу. За ним находился человек, который подарил нам надежду. Во мне вдруг возникло непреодолимое желание сделать для Хилари что-то хорошее.

— Ты что-то знаешь о ее жизни в Штатах? Где она живет, работает? Есть ли близкие?

— Не много. Мы виделись всего пару раз и обсуждали в основном ее претензии на наследство. У меня не было возможности подробно расспросить свою новоявленную сестренку об ее личной жизни.

— Ну, хоть что-то тебе известно?

— Известно, что она работает официанткой сразу в нескольких заведениях города, снимает квартиру на окраине. Семьи у нее нет.

— Мне кажется, мы должны что-то сделать для нее, — я с мольбой посмотрела в его глаза, — я знаю, ты зол на отца и заодно на нее, она никогда не была тебе сестрой и, наверное, никогда ей не станет, но мы ей обязаны в той же степени, что и она нам. Понимаешь?

— Ли, детка? О чем ты? — Рэй резко выдернул свою ладонь из моей руки. — Я оплатил ее лечение, помог попасть в этот эксперимент, по сути — мы спасли ей жизнь. Чего еще?

— Без нашей помощи она опуститься на самое дно, неужели тебе совсем не жаль ее? Разве она виновата, что стала дочерью распутного отца?

Доктор Хуанг, молча наблюдавшая за нашим спором, вдруг фыркнула, а затем развернулась и направилась к выходу. Мне стало не по себе. Мы позволили себе вести эти дебаты в присутствии посторонних. Стыдно. Кровь прилила к моим щекам, я поспешила обхватить лицо ладонями, чтобы скрыть румянец.

— Вот видишь, как некрасиво спорить об этом! — пожурил меня муж.

— Некрасиво оставлять без помощи человека, благодаря которому у нас появился шанс на полноценную жизнь.

Я скрестила руки на груди и обиженно надула губки. Я могла понять, почему Рэй не воспринимает ее, почему так сильно жаждет избавиться от нее, как от живого напоминания

грехов своего отца, как от ожившего источника стыда и боли. Но я никак не могла взять в толк, куда запропастилась его человечность?

— Хорошо. Я сделаю это из собственных сбережений, — после пары минут раздумий заявила я, — по крайней мере, я буду знать, что ничем ей не обязана. Не хочу, чтобы это чувство тяжелым грузом висело на моей шее.

— Что ты сделаешь?

— Куплю ей небольшой дом или квартиру. Этого будет достаточно. А дальше пусть сама решает, как поступить со своей спасенной жизнью. Захочет — станет человеком. Нет — превратит свой новый дом в притон. Ее право. На этом все. Не хочу из-за не спорить.

Рэй нахмурился и спрятал руки в карманы брюк. Он всегда так делал, когда хотел скрыть раздражение. Скулы на его лице подергивали. Не сомневаюсь, внутри него происходила борьба гордости и сострадания. Наконец, он тяжело выдохнул и повернулся ко мне. По его глазам я поняла, что он сдался. Я едва сдержалась, чтобы не улыбнуться во весь рот.

— Хорошо. Ты права. Но я делаю это только для того, чтобы не чувствовать себя должником. Не хочу быть обязанным человеку, которому нужны только деньги.

— Спасибо, — проговорила я губами и нежно улыбнулась ему. Рэй не выдержал и тоже улыбнулся. Все-таки, он хороший человек, бродяга Рэй Скайфилд. Мой муж — хороший человек.

Протяжное шипение в конце коридора заставило нас одновременно посмотреть в ту сторону. Тяжелая дверь плавно откатилась назад и в коридоре вновь появилась тонкая фигурка доктора Хуанг. На этот раз в ее руках была увесистая папка. Мы переглянулись. Уверена, подумали мы об одном и том же: пришла очередь Рэя.

— Прошу прощения, но вынуждена отвлечь вас от семейных проблем. — Она встала перед нами и вытянулась, как струна. — Сегодня утром пациент № 4117 из десятого бокса скончался. У нас появилось место, и первым делом я подумала о вас. В этой папке ваша медицинская карта и результаты тестов. Мы можем приступить немедленно. Но, если вы не готовы, стоит дождаться выхода из комы вашей сестры.

— Нет-нет. Мы должны немедленно приступить, — резко оборвал ее Рэй. — Я не хочу больше ждать ни одного дня.

— Рэй, — я дернула его за локоть, — давай хотя бы до утра подождем! Я... Мне...

Я посмотрела в его глаза и постаралась изо всех сил передать этим взглядом то, что не могла произнести вслух в присутствии доктора Хуанг. Я безумно хотела своего мужа. Я нуждалась в нем этой ночью. Я не могла позволить ему закончить этот вечер таким образом.

— Что такое, Ли? — он сдвинул брови и всматривался в мои глаза, пытаясь разобрать мои мысленные шифровки.

Я опустила глаза и взяла его за руку, затем нежно провела большим пальцем по ее тыльной стороне.

— Пожалуйста, — прошептала я, — оставь эту ночь мне.

Пересилив смущение, я подняла на него глаза. Он сощурил глаза и улыбнулся. Его хитрая ухмылка говорила сама за себя. Я закусил губу, не в силах сдержать томный вздох.

— Доктор Си, — Рэй посмотрел на китайку, — это может подождать еще..., - он бросил взгляд на свои наручные часы, — буквально пять часов?

— Конечно, — за спиной прозвучал ее голосок, — я все подготовлю. Встречаемся в моем кабинете утром. Пожалуйста, сегодня больше не принимайте пищу и не употребляйте

алкоголь.

— Вам не стоило мне об этом напоминать.

— Как скажете.

Я закрыла глаза в предвкушении очередной порции незабываемого секса, а когда открыла, то увидела ее удаляющуюся по коридору фигурку. Стук каблуков эхом разносился под потолок. Я вдруг резко схватила мужа за запястье и потащила к противоположному выходу. Его не нужно было просить дважды. Мы, точно нашкодившие подростки, схватившись за руки и с легкомысленными улыбками на лицах, ринулись навстречу своему искушению, преодолевая этаж за этажом, ступеньку за ступенькой, один больничный холл за другим. Мне в голову почему-то пришла мысль о мистере и миссис Смитт, которая заставила меня улыбнуться еще шире.

Через несколько минут, задыхаясь от этой ночной пробежки, мы опустились на пол возле двери моей комнаты в кампусе общежития и, не теряя ни секунды, начали целоваться — ожесточенно, нагло, временами больно.

Не отрываясь от мужа, я рукой открыла свой клатч и нащупала электронный ключ от комнаты. Затем подняла руку и несколько раз провела карточкой в том месте, где по моим внутренним ощущениям должно было находиться считывающее устройство. К счастью, это сработало. Дверь открылась, и мы буквально ввалились внутрь.

Рэй подхватил меня на руки и быстро отнес на кровать, ногой закрыв дверь. Он беспощадно расправился с лифом моего нового дизайнерского платья с микки маусами, пожирая глазами грудь. Я слегка приподнялась и схватилась пальцами с острыми ноготками за хлопковую ткань его футболки, а затем с силой потянула ее в разные стороны. Дорогая вещь затрещала по швам. Через мгновение моему взору предстал оголенный торс мужа.

Он рухнул на меня, придавил всем телом, а затем резким, порывистым движением задрал мою юбку. Я обхватила его бедра ногами, сгорая от желания.

Губы Рэя скользили по моей шее, спускались все ниже к ключице, затем обожгли грудь. В эту же секунду он пальцами отодвинул в сторону микроскопический треугольник ткани стрингов и вошел в меня. Тело сразу обдало жаром. Я еще сильнее придвинулась к нему, прижалась к его телу, руками впилась в его ягодицы. Он закричал, как раненый зверь, ускорив ритм. Я потеряла ощущение реальности. Остались только томительно-сладкие вибрации в моем чреве и наше горячее дыхание.

Я взмокла, как спортсменка во время усиленной тренировки. Мы прилипли друг к другу, срослись в одно целое. Мое тело превратилось в сладкую вату, парящую между небом и землей. Внутри взорвался целый грузовик с конфетти. Я не смогла совладать с собой и громко закричала, выгнувшись, как натянутая тетива.

Рэй поцеловал меня в висок и аккуратно отстранился. Его прерывистое дыхание нарушало звенящую тишину. Нам было хорошо. Очень хорошо.

— Ты словно амазонка — дикая и безудержная, — прохрипел он.

— А ты — настоящий викинг. Сильный и беспощадный.

Его рука нашла мою руку. Наши пальцы сцепились. Я не видела его лица, но знала, что мой муж улыбается. Он счастлив. Счастлив, не смотря ни на что. Счастлив, вопреки всему.

Теперь ты можешь отправляться хоть к черту на кулички, Рэй Скайфилд. Я подожду.

Часть II. Глава 26

Глава 26

Приятное нетерпение легким флером накрыло мое сознание. Больше не было страха и

тревоги. Я распрощалась с чувством безысходности, и, надеюсь, на этот раз навсегда. Сложно представить, но я впервые за долгое время чувствовала себя обычным человеком, с которым могут случиться обычные неприятности — поломка автомобиля, засор в раковине, ангина или перелом ноги после катания на коньках. Призрак больничных коек, лязг скальпелей и свет ультрафиолетовой операционной лампы больше не беспокоили меня.

Этой ночью мне снился обычный сон — старые школьные друзья, парк аттракционов, выпускной бал и моя первая любовь — Роберт Фридмен, капитан бейсбольной команды.

Этот огромный, непоколебимый, как утес, шатен с шапкой курчавых волос и безупречной улыбкой свел с ума ни одну мою подругу. За игрой нашей команды с замиранием сердца следила добрая половина девчонок из старших классов. Я улыбалась, когда проснулась. До сих пор не могу в это поверить.

— Уже одиннадцать. Почему его не вывозят? — голос Марго прозвучал, как трель дверного звонка, заставив меня вернуться в реальность из мира моих размышлений и воспоминаний.

— Сейчас уже должны, — я улыбнулась краешком губ и бросила быстрый взгляд на ее живот.

Знаю, это неприлично, но я ничего не смогла с собой поделать. Сэм просто ошаршил меня накануне вечером, заявив, что Марго беременна и решила оставить ребенка.

— Как ты это сделал? — спросила я у него, не веря своим ушам.

— Сказал, что в декрет пойду я. А она сможет продолжить работу и карьеру. — Ответил Сэм, опустив глаза.

— Ты действительно это сделаешь? Ты — мужчина, боец, хирург! Ты на самом деле будешь менять подгузники и наводить смесь?

— Буду, Ли! — Твердо ответил он. — Потому, что смысл жизни вовсе не в том, чтобы быть мужчиной, бойцом, или хирургом. Смысл жизни — оставить после себя человека, который станет мужчиной, бойцом или хирургом. По крайней мере, для меня это так. К тому же, это всего лишь на год. А потом мы отдадим ребенка в ясли, или найдем няню, и я смогу продолжить карьеру. Один год не такая уж большая цена за счастье быть отцом.

Он посмотрел на меня такими взволнованными глазами, что я сдалась. Пусть в душе я тысячу раз была не согласна с таким положением дел, пусть я мысленно клеймила Марго последними словами, упрекая ее в меркантильности и бессердечности, но, в конце концов, важно только то, что Сэм по-настоящему счастлив. И, к тому же, это не мое дело.

— Куда ты смотришь? — вновь подала голос Марго, заставив меня покраснеть.

— Прости.

— Сэм сказал тебе? — в ее взгляде мелькнуло раздражение.

— Да. Вчера.

— Ясно.

— Марго, — я коснулась ее плеча, заставив посмотреть мне в глаза, — поздравляю. Я очень рада за вас, правда!

Ее взгляд немного смягчился. Она поджала губы и натянуто улыбнулась.

— Спасибо. Надеюсь, мне не придется жалеть об этом, когда в один прекрасный день Сэм решит, что декрет не по его части.

— Мой друг так не поступит, — ответила я, в душе ощущая гордость за товарища, — я слишком хорошо знаю его. Сэм будет прекрасным отцом. Вот увидишь. Да и ты сама полюбишь этого ребенка всем сердцем. Вы будете очень счастливы.

— Дай то Бог.... — тихо прошептала она, давая понять, что дальнейший разговор на эту тему ей неприятен.

Я вновь посмотрела на выход из здания клиники. На этот раз мой взгляд зацепился за знакомый силуэт человека в инвалидной коляске за стеклом высокой двери-вертушки.

— Наконец-то! — вырвалось у меня.

Я сорвалась с места и бросилась навстречу любимому со всех ног. Спустя два долгих месяца Рэя выпустили из бокса, в котором он находился на карантине из-за того, что его организм отреагировал на эксперимент немного резче, чем у меня или Хилари. Рэй оказался настоящим раем для вируса Эпштейна-Барра. Множественные операции, донорская печень, длительная иммунодепрессивная терапия сделали свое дело. Мы чуть не потеряли его. Я чуть не потеряла его.

И, несмотря ни на что, и даже вопреки всему, сегодня его выписывают. У него все еще не восстановлена чувствительность нижних конечностей, его плохо слушаются руки и у него прибавилось морщин. Но все же — это мой Рэй. Рэй, у которого больше не появится ни одна проклятая аденома.

Я быстро подниму его на ноги дома, в Чикаго. Главное — добраться до самолета и улететь. Мне опостылел Гуанчжоу с его жуткими контрастами между современной цивилизацией и средневековой разрухой, мне опостылел чужой язык и необходимость лгать, и погода тоже достала своими тропическими фокусами и перепадами температур. Я хочу домой, к Вики, к Кэтрин, к Мэнди и Итону.

Слезы навернулись на глаза, когда его вывезли на крыльцо. Он смотрел на меня — с нежностью, с теплотой и спокойствием, которые присущи только его взгляду. Он столько всего перенес за это время, что любой другой на его месте сломался бы, впал в депрессию, озлобился бы на весь окружающий мир. Но только не он.

— Детка, — тихо сказал он, — вот и все.

Я поднесла руку ко рту, сдерживая рвущиеся наружу рыдания. И все же, не смогла удержаться.

— Рэй... — комок застрял у меня в горле.

Я опустилась на каменные ступеньки возле коляски и положила голову ему на колени. Его рука легла мне на макушку.

— Вставай. А то мы на самолет опоздаем.

— Угу.

— Давай. У тебя впереди еще есть одно важное дело, не время раскисать.

— Точно, — я поднялась на ноги и утерла рукой хлюпающий нос, — Вики.

— Я верю в тебя. Ничуть не сомневаюсь, что женился на будущем нобелевском лауреате.

— Ты думаешь, мы приняли верное решение?

— Уверен. Подобный эксперимент не для нашей малышки. Она не заслужила весь этот кошмар.

— А если я ошибаюсь, если мой план не сработает? — во мне вновь заговорили сомнение и неуверенность в своих силах.

Рэй рассмеялся. Громко, задорно, заразительно. Он прикрыл глаза и откинул голову назад. Его тело сотрясалось от смеха. Я невольно прыснула от смеха, поддавшись его влиянию.

— Боже мой! От кого я это слышу! Это ли мне говорит человек, который заключил со

мною фиктивный брак ради страховки, затем усадил за решетку маньяка-шантажиста, потом прооперировал меня прямо на борту самолета, далее вышел победителем из схватки с бандитами в Марокко, э-м-м-м... — тут он немного задумался и перестал загибать пальцы, — что там дальше то было?

— Дальше я привезла твоего потерявшегося брата домой, и родила тебе ребенка.

— Ага. А еще стыбрила папку из госпиталя в Кливленде и нашла ключ к тайне одного из важнейших медицинских экспериментов. Ведь это именно ты обнаружила прямую связь с показателями С-реактивного белка и результатом подсадки вируса.

— Ты невыносим, — я потрепала его по голове, с удовольствием пропуская сквозь пальцы шелк его волос.

— Линда, у тебя еще не было такого плана, который не сработал.

— Спасибо, — у меня вновь задрожали губы от подступивших эмоций.

— Все, теперь в путь. Посмотри, Марго недовольно посматривает на часы. Ей не терпится усадить нас на самолет и вернуться к своим морским свинкам. Мы задерживаем гения.

Я обернулась и посмотрела на нее — она действительно нервничала. Я кивнула санитару, и мы спустились к ожидающему нас такси.

— Добро пожаловать обратно, Рэй, — Марго наклонилась и быстро чмокнула его в висок.

— Спасибо.

— Я рада, что вы едете домой.

Пока санитар помогал Рэю расположиться на заднем сиденье такси, я бросила последний взгляд на клинику, в которой провела несколько последних месяцев. Несмотря на то, что все здесь мне было чуждо, я все же была благодарна этим стенам за шанс, который получила здесь наша семья.

Внезапно на меня нахлынула такая грусть, что в груди начало больно щемить. Я вдруг осознала, что оставляю здесь Сэма — своего друга, брата, боевого товарища, человека, который разделил со мной все горести и радости. От меня словно часть тела отрезали, причем без наркоза. И вновь я не смогла сдержать слез.

— Марго, пообещай мне..., - я схватила ее за запястье и замолчала, пытаюсь перебороть дрожь в голосе.

Оказалось, мне больше и не нужно было что-то говорить. Она все поняла по моему взгляду.

— Обещаю, Линда. Можешь быть спокойна. Сэм будет очень счастлив. Мы будем очень счастливы.

Я кивнула, зажмурив глаза и набрав полную грудь воздуха. Мы будем очень счастливы. Все мы. Иначе и быть не может.

Часть II. Глава 27

Глава 27

Старенький обшарпанный амбар, притаившийся у озера Парк-Лейк Карлтон в Вудридже, преобразился до неузнаваемости. Еще вчера утром я кривила рот в недовольной ухмылке, не понимая, почему Мэнди выбрала именно это место. Но теперь у меня не было слов, чтобы выразить свое восхищение.

Его высокие деревянные стены с потрескавшейся от времени и непогоды бурой краской теперь казались не рухлядью, а авангардным произведением искусства. Декоратор

прекрасно справилась со своей задачей — по всему периметру здания она развесила искусственные ветви плюща, которые от настоящих мог отличить разве что профессор ботаники. Поросшую сорняком тропинку она выложила крупным булыжником, над воротами амбара повесила слегка состаренную пожелтевшую тюль, перевязав ее края зелеными атласными лентами. Крышу здания венчал шпиль с фигуркой ангела, в руках у которого была скрипка.

Справа от амбара на сочном зеленом газоне, выстеленном накануне ночью, стояла огромная телега, стилизованная под фуршетный стол. Чуть левее под аркой, сплетенной из виноградной лозы, располагался оркестр.

— Шампанского? — прошептал мне на ухо Рэй.

Его черный фрак переливался на солнце, а темно-вишневая бабочка в тон моему платью притягивала взоры гостей.

— Не откажусь, — я кивком головы поприветствовала знакомых из радиологии, которые стояли у входа в амбар с бокалами в руках.

— Линда, рада тебя видеть! — не успела я принять из рук мужа шампанское, как на меня буквально налетела Аманда, появившаяся, как черт из табакерки, у меня за спиной.

Мы обнялись. Она так крепко прижала меня к себе, что мне даже стало немного больно.

— Тише, тише, — Рэй похлопал ее по плечу и громко рассмеялся, — ты ей ребра переломаешь. А мы очень хотим от души повеселиться сегодня. Больница не входит в наши планы на вечер.

— Больница больше вообще не входит в наши планы, — я подмигнула мужу. — Разве что, только в качестве места работы.

— Ты возвращаешься в кардио? — глаза подруги просияли.

— Можно и так сказать. А где Джордж?

— Он же шафер, — Аманда улыбнулась, — полагаю, что прямо сейчас отпаивает жениха валерьянкой.

— А что, Итон хочет сбежать из-под венца? — пошутил Рэй, заставив всех прыснуть от смеха.

— Я слышала о твоём успехе... — начала Аманда, но вдруг резко замолчала, устремив свой взор вдаль поверх моего плеча.

Мы посмотрели в сторону, туда, где начиналась тропинка, ведущая к амбару. Все гости оставили свои разговоры и дружно выстроились вдоль дорожки, приветствуя жениха и образуя живую изгородь. Это была задумка Мэнди.

Слезы навернулись мне на глаза, как только я увидела Итона, направляющегося к месту церемонии на инвалидной коляске. В белом, как снег, костюме, голубой бабочке и с букетом ирисов в руках он выглядел так трогательно и волнующе, что мое сердце сжалось в комок от восторга и боли одновременно. И хотя я знала, что мы очень скоро поставим его на ноги, меня все же не покидало чувство глубокого восхищения силой воли и характером этого человека. Миранде несказанно повезло. Мне, впрочем, тоже.

Я почему-то вспомнила тот день — предрассветный звонок Мэнди, визжащей в трубку, и холодные полы квартиры в Кливленде. Это случилось за неделю до их свадьбы. Той самой первой свадьбы, которую они планировали под рождество. Мы с Рэем и Викторией сразу после нашего возвращения из Гуанчжоу переехали в Кливленд. Мой проект, начатый еще в Китае, в центре доктора Драм должен был получить свое завершение. Несмотря на загруженность новым исследованием, я прекрасно помнила, что являюсь подружкой невесты

и мне вскоре предстоит хорошенькая пьянка.

Билеты на самолет лежали рядом, на прикроватной тумбе. Я слушала, как визжит Мэнди, и смотрела на эти билеты, ступнями ощущая холод от прикосновения к полу. Прошлая зима выдалась на редкость морозной и ветреной.

— Он умрет! — верещала моя подруга, захлебываясь слезами, икая и издавая множество других неприятных звуков, а я смотрела на чертовы билеты и никак не могла проснуться.

Машину Итона занесло на трассе в гололед, и он врезался в высоковольтный столб. Новенький BMW превратился в гармошку. Итона спасли подушки безопасности. Спасли его жизнь, но не его позвоночник.

И теперь он направляется к алтарю на инвалидной коляске — красивый и улыбчивый, с букетом нежных ирисов. Я смахнула слезинку и улыбнулась ему, поймав на себе его взгляд.

Рядом с ним вышагивал Джордж, который и на этот раз не стал изменять своим привычкам. Его залитые гелем волосы блестели в лучах света, как лаковая поверхность мужского ботинка. Я покосилась на Аманду, которая с восхищением смотрела на своего мужа. И эти двое нашли друг друга.

Итон поравнялся с нами и остановился.

— Как я выгляжу? — он поднял на меня свои карие с позолотой глаза и подмигнул.

— Не улыбайся так обворожительно, умоляю, иначе мы тебя потеряем еще до входа в амбар. Некоторые гости уже ненавидят Мэнди. Еще немного и они набросятся на тебя. Я бы тоже набросилась, не будь рядом Рэя.

Итон благодарно улыбнулся и продолжил движение. Как только он скрылся в тени амбарных дверей, на тропинке появилась невеста.

Миранда была похожа на ангела. В наряде из шифона и шелка, с распущенными волосами и венком из ирисов на голове, она не шла, она парила над землей. Моя подруга была похожа на принцессу из сказок, которые в детстве мне читала мама. Мне даже стало немного стыдно за то, что я приобщила ее к виски. Принцессы не пьют в барах виски и не снимают на ночь своих интернов. А-та-та, Линда!

Ее отец, немного сутулый, но все еще крепкий мужчина с шикарными бакенбардами и пронзительным взглядом, волновался гораздо больше дочери. Это было заметно по его краснеющим щекам, бегающим глазам, и по тому, как крепко он сжимал ладонь Миранды.

Они прошли мимо нас, и мне в лицо дохнуло ее ароматом — что-то яркое и веселое, с цветочными нотками и вишней.

После того, как и невеста оказалась в амбаре, мы поспешили занять свои места внутри.

— Я так и не поздравила тебя, — прошептала Аманда, усевшись рядом.

— Спасибо, — я улыбнулась, — но пока еще рано говорить о победе. Лицензии до сих пор нет.

Рэй слегка толкнул меня в бок и взглядом указал на алтарь — там началось действие. Строгий священник читал наставления молодоженам.

Я уже начала вслушиваться в слова клятвы, которую Итон давал Мэнди, как мое внимание отвлекли шикающие звуки за спиной. Я обернулась и увидела курьера с пакетом, который опасно пробирался вперед и спрашивал что-то у сидящих с края гостей.

— Этот еще что здесь забыл? — я вопросительно посмотрела на мужа. Рэй пожал плечами.

Курьер тем временем остановился возле Джесс, медсестры из радиологии, она рукой указала на меня. Посыльный кивнул ей в знак благодарности и уже увереннее продолжил

свой путь. Я поспешила встать.

Извиняясь вслух, и чертыхаясь про себя, я пробралась к проходу, подхватила курьера под руку и потащила на улицу. Спину мне буравили десятки осуждающих взглядов.

— Вы ищите Линду Скайфилд? — строго спросила я, оказавшись на улице.

— Да. Это вы?

— Я. Что у вас? Почему вы оказались здесь?

— Срочная доставка из Кливленда. Отправитель сделал пометку. — Юноша протянул мне пакет, на котором помимо адреса рукой Сьюзи было написано: «В случае отсутствия получателя по месту вручения, доставить в Вудридж. Район озера Парк-Лейк Карлтон. Амбар».

— Хорошо, спасибо, — пробурчала я, расписываясь в квитанции.

— Веселой свадьбы, мэм, — улыбнулся мне молодой человек и отправился к стоящему поодаль минивэну с логотипом службы доставки.

Я бросила виноватый взгляд на ворота амбара, а затем быстро открыла пакет. Внутри была записка от Сьюзи и еще один конверт.

«Я знаю, сейчас ты хочешь убить меня, но если бы я не нашла тебя сразу, после получения этого, вот тогда ты убила бы меня наверняка. Сьюзи».

Я вскрыла второй пакет и ахнула. Это было уведомление от Управления по санитарному надзору. Моя вакцина получила лицензию и официальный статус лекарственного средства. Я прикрыла рукой рот, не веря своим глазам.

Я смотрела на эту бумажку, как на манну небесную, второй рукой набирая номер Сьюзи.

— Ты все еще хочешь меня убить? Прости, я потревожила тебя в такой важный день! — В трубке раздался ее язвительный голос.

— Молчи! Немедленно поднимай свою задницу, садись в машину и отправляйся за Вики и Кэтрин.

— А если я скажу тебе, что пока пакет летел к тебе в Чикаго, я забрала их в центр и уже сделала инъекцию?

Голова пошла кругом. Захотелось подпрыгнуть до неба, и я подпрыгнула. Взрослая солидная женщина, кардиохирург, жена и мать — я подпрыгнула так высоко, как только смогла.

— О Боже! И как она? Реакция есть? — мое дыхание сбилось, словно я несколько минут плыла под водой.

— Есть. Вики хохочет, не переставая. Сегодня в онкогематологии волонтеры — клоуны, супергерои, прочая нечисть. Я отвела ее после укола туда. Кэтрин с ней.

— Уф-ф-ф... — вырвалось у меня. Я смахнула со лба капельку холодного пота. — Мы вылетаем первым же рейсом, Сьюзи!

— Угомонись. Лучше хорошенько оттянись там. Ни о чем не думай и не переживай. Я оставлю Вики на ночь в центре, на всякий случай. Но уверена, все будет хорошо. Увидишь ее завтра утром. Здоровой.

Завтра утром я увижу свою дочь здоровой. Эти слова набатом звонили у меня в голове. Я и верила и не верила им одновременно. Что-то внутри меня сопротивлялось счастливому концу. Возможно, это просто привычка. Привычка бежать куда-то, бороться, вздрагивать по ночам, плакать, скрежетать от бессилия зубами. Привычка жить на бомбе. От нее не так-то просто отказаться.

— Спасибо.... — выдохнула я и нажала отбой.

Мои колени согнулись, заставляя меня упасть на землю. И я упала. Прямо в дорожном дизайнерском платье. На ткани теперь останутся зеленые следы от газона. Но мне плевать. Мне жутко хотелось поплакать, с криком выпустить наружу все страхи, которые обитали в моей душе все это время. Но слез не было. У меня не осталось больше ни одной чертовой слезинки. Напротив, идиотская, широкая до безобразия улыбка осенила мое лицо.

Все кончено. Теперь точно все кончено.

Стокгольмская зима мне совсем не понравилась. Промозглая, с пронизывающими ледяными ветрами, дующими с озера Меларен, и с трескучими морозами она превзошла все ужасные зимы, пережитые мною в Штатах.

Вечером десятого декабря пошел снег. Он немного смягчил холод и добавил в происходящее немного волшебства. Я стояла возле присланного за нами лимузина — черного, натертого до блеска, с водителем в строгой униформе, и ловила ладонями снежинки.

Вики развлекалась с планшетом внутри машины. Моя девочка оказалась смышленной не по годам — в свои два с половиной (ну, почти с половиной) года она знала весь алфавит и умела считать до десяти. А еще она обожала собирать пазлы. Любовь к головоломкам — это у нас семейное.

Рэй задерживался. Его фрак из химчистки привезли с опозданием, и теперь я была вынуждена топтаться на морозе в тоненькой шубке (которая скорее носила декоративный характер и совсем не грела) и лаковых туфлях.

Разумнее, конечно, было бы ждать его в автомобиле, но я настолько нервничала, что не могла сидеть. Все мое тело было одной натянутой струной. Мои руки и ноги не слушались меня. Но больше всего я боялась, что в самый ответственный момент меня перестанет слушаться мой язык. А ведь мне предстоит произнести речь, ощущая строгие взгляды членов шведской королевской фамилии.

Подумать только — я и шведская королевская семья. Умереть от страха можно!

— Ли, детка! Какого черта ты тут стоишь? На улице ледник! — из отеля выбежал Рэй — в сером драповом пальто, отороченном черным мехом и с элегантной фетровой шляпой в руках.

Он почему-то показался мне похожим на Ретта Батлера в исполнении Кларка Гейбла образца 1939 года, и я улыбнулась, немного расслабившись.

— Не могу. Я жутко нервничаю.

— Быстро садись! — скомандовал он, открыв для меня дверь.

Я нырнула в теплый салон, и мне сразу захотелось спать. Мотор лимузина протяжно заурчал, и мы тронулись.

— Мама! Мама! — запищала от радости Вики, бросив планшет и забравшись мне на колени.

Я прижала ее к себе и поцеловала в макушку. Родной запах дочери на время принес мне успокоение и уверенность в себе. В конце концов, почему я должна переживать из-за встречи с членами династии Бернадотов? Пусть они волнуются. Ведь им предстоит увидеть человека, совершившего прорыв в современной медицине.

Лимузин плавно катился по улицам и набережным Стокгольма, слева показался королевский дворец, затем мы преодолели пару мостов, пока в итоге не оказались возле концертного зала.

Синее здание на Хётorget в самом сердце шведской столицы сегодня было местом сосредоточения прессы, мирового бомонда и цветов. На фасад сооружения в неоклассическом стиле были направлены столпы света от прожекторов, а королевские гвардейцы в огромных меховых шапках, стояли по обе стороны от красной ковровой

дорожки, словно стойкие оловянные солдатики.

Не помню, как мы попали внутрь. Сердце выпрыгивало из груди, в голове стоял туман. В памяти осталась только теплая рука Рэя и белые снежинки на красном ковре под моими ногами

Зал, в котором яблоку негде было упасть, напоминал огромную мастерскую флориста. Все благоухало цветами, которые по традиции были привезены из Сан-Ремо, где скончался Альфред Нобель.

Рэй и Вики заняли свои места и устремили взгляды на кафедру и два ряда кресел по обе стороны от нее.

Я же видела только бюст основателя премии и огромную букву «N» на синем ковре.

— Ли, милая. Иди. Занимай свое место среди лауреатов. — Рэй тронул меня за запястье.

— Да-да, — пробормотала я, и, глубоко вдохнув, уверенно направилась в центр зала.

Я опустилась на свое кресло и, чтобы не таращиться на королевскую семью напротив, начала рассматривать убранство зала.

В ушах звенели речи выступающих за кафедрой, благодарственные слова получивших свою награду лауреатов, плеск аплодисментов в зале. Мои ладони взмокли, и я уставилась на них, рассматривая пронзающие бледную кожу линии. Внезапно мое внимание привлек твердый мужской голос, назвавший мое имя.

Я вздрогнула и начала искать глазами Рэя и Вики в зале. А голос тем временем вещал:

— Решением нобелевского комитета и шведской королевской академии нобелевская премия в области медицины вручается Линде Скайфилд за открытие уникальных антител и разработку вакцины от множественных прогрессирующих аденом на основе интерферонов человека!

Мои глаза встретились, наконец, с глазами мужа. Он улыбался. В его графитных глазах плясали озорные огоньки — точно такие же, как и в тот день, когда мы впервые увиделись в его палате.

В памяти всплыли его слова «Вы, кстати, тоже подойдете. Мне срочно нужна жена». Я улыбнулась, мысленно послав ему самый нежный поцелуй, а затем встала, наслаждаясь музыкой оваций и вспышками фотокамер.

С этого дня я буду твоей женой Рэй. Не спасателем, не хирургом, не супер-героем, воюющим с мафией в Марокко, и не гением, открывшим антитела к аденомам. Я буду просто твоей женой, Рэй, и матерью твоего ребенка. Вопреки всему.